

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
Том XLI

Ю. В. Андреев

СПАРТАНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

ОБЩЕСТВО И АРМИЯ СПАРТЫ

Петербургское лингвистическое общество
Санкт-Петербург
2014

ББК 63.3(0)32-28

A65

Андреев, Ю. В.

A65 Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты / Под редакцией В. П. Никонорова; подготовка издания Л. В. Шадричевой. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. — 304 с., ил. — (Историческая библиотека; Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. XLI).

ISBN 978-5-4318-0022-1

Книга посвящена узловым вопросам истории Спарты — одного из самых загадочных и своеобразных государств античного мира. Ее автор, выдающийся российский антиковед Ю. В. Андреев (1937–1998), проанализировал факторы, приведшие к образованию столь специфического для древнегреческого мира полиса, и детально рассмотрел государственный строй архаической Спарты и его законодательную основу, а также особенности устройства гражданской общины и весь круг вопросов, связанных с организацией и функционированием армии — самой сильной в Элладе, являвшейся важнейшим инструментом реализации спартанским руководством целей в области не только внешней, но и внутренней политики. Особое внимание автор уделит критическому разбору дошедших до нас сведений о Спарте в античной письменной традиции и наиболее ярким и хорошо освещенным в источниках событиям ее политической истории.

ББК 63.3(0)32-28

Andreev, Yu. V.

The Spartan Experiment: Society and Army of Sparta / Edited by Valerii P. Nikonorov; prepared by Lyudmila V. Shadricheva. — St. Petersburg: Linguistic Society of St. Petersburg, 2014. — 304 p., ill. — (Historical Library; Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Vol. XLI).

The book is devoted to the main problems of the history of Sparta — one of the most enigmatic and unique states of the Classical world. The author, the outstanding Russian expert in Classical studies Yu. V. Andreev (1937–1998), analyzed the factors leading to the formation of this so specific Greek polis, and examined in detail the state system of archaic Sparta and its legislative foundation, as well as peculiarities of the civil community structure and all the range of issues related to the organization and functioning of the army — the strongest in Hellas, which was the most important implement allowing the Spartan authorities to realize their goals in both foreign and domestic policies. Special attention is paid by the author to a critical investigation of the information from the Classical written tradition concerning Sparta, which has survived until now, and to the most impressive events of its political history well reported in sources.

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой
программы «Культура России (2012–2018 годы)»*

ISBN 978-5-4318-0022-1

© Ю. В. Андреев (Л. В. Шадричева), 2014
© В. П. Никоноров, предисловие, 2014
© А. А. Синицын, предисловие, 2014
© Ю. А. Виноградов, предисловие, 2014
© Петербургское лингвистическое общество, 2014
© Институт истории материальной культуры РАН, 2014
© С. В. Лебединский, оформление, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед нами книга выдающегося отечественного антиковеда Юрия Викторовича Андреева (1937–1998), автора многих фундаментальных исследований по истории и археологии древней Греции¹. Она посвящена весьма актуальной для российского и мирового антиковедения теме — феномену спартанского полиса, одного из самых загадочных государственных образований древности. Судьба этой книги необычна. Она была задумана автором еще в 1980-е гг., о чем свидетельствует его заявление на имя директора издательства «Мысль», датированное 28 июля 1988 г., в котором он просит включить в издательский план научно-популярную книгу «Спартанский эксперимент». Юрий Викторович намеревался закончить рукопись до конца 1991 г., однако в силу разных (и вполне понятных в контексте серьезных политических и социально-экономических изменений в нашей стране в те годы) обстоятельств этим планам не суждено было сбыться². Введение и половина первой главы

¹ Ссылки на литературу о научных достижениях и личности Ю. В. Андреева приведены в кн.: *Андреев Ю. В.* Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004. С. 5–6, примеч. 2; с. 485–486 (разд. «Personalia»). См. также: *Марченко К. К., Виноградов Ю. А.* Вспоминая Юрия Викторовича Андреева // *Фидития: Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 2013. С. 7–11. Вот полный список книг Ю. В. Андреева, не считая настоящего издания: 1) Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976 (см. также № 6); 2) Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989; 3) Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990; 4) Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998; 1999; 5) От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002; 6) Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи. СПб., 2003; 7) Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н. э. СПб., 2004; 8) Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004; 9) Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008; 10) В ожидании «греческого чуда». Из записных книжек. СПб., 2010; 11) Поселения эпохи бронзы на территории Греции и островов Эгеиды. СПб., 2013; 12) [Andreyev Y. V.] From Eurasia to Europe: Crete and the Aegean World in the Bronze and Early Iron Ages (3rd — early 1st millennia BC) / Transl. by J. J. van Damme. Louvain, 2013 (Monographs on Antiquity. Vol. 6) — англ. пер. № 5.

² См.: *Шадричева Л. В.* К читателю // Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008. С. 3.

были написаны для задуманной книги, вся остальная первая часть — это спецкурс, который Юрий Викторович на протяжении многих лет читал на кафедре истории Древней Греции и Рима Исторического факультета ЛГУ. Из двух отрывков этого спецкурса он намеревался сделать статьи, о чем свидетельствуют его примечания к ним. Вторая часть монографии представляет собой научное исследование о происхождении, вооружении и тактике греческой фалангии и роли Спарты в появлении этой новой формы боевого построения. Эта часть была написана в начале 1990-х гг. Заключение к книге — это доклад, прочитанный автором в Москве на конференции «Античность и современность» (30.10–02.11 1989 г.).

Таким образом, перед нами единственный монографический труд Ю. В. Андреева, в котором автор предстает одновременно и как популяризатор науки (в этой связи можно вспомнить написанную им в научно-популярном стиле книгу «Поэзия мифа и проза истории», опубликованную в 1990 г., тираж которой мгновенно разошелся), и как педагог и лектор, и, наконец, как исследователь древнейшего периода в истории Спарты.

Избрав спартанскую проблематику одним из основных направлений своих исследований, Ю. В. Андреев в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию о мужских союзах в Спарте и на Крите³ и написал целый ряд статей по спартанской истории, вышедших из печати в 1960-х — 1990-х гг.⁴; в 2008 г. появилась его посмертная монография об искусстве архаической Спарты⁵, над рукописью которой он, по всей видимости, работал до конца 1980-х гг. Теперь же у нас есть возможность ознакомиться с его новой книгой, посвященной этому уникальному городу-государству, — «Спартанский эксперимент».

³ Андреев Ю. В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). Автореф. канд. дисс. Л., 1967. Полностью эта диссертация была опубликована в виде книги уже после смерти ученого, в 2004 г. (см. выше примеч. 1, № 8).

⁴ Выборочно укажем следующие работы: 1) Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 24–36; 2) Спарта как тип полиса // Вестник ЛГУ. 1973. № 8. С. 48–56; 3) [Andreev Ju.] Sparta als Typ einer Polis // Klio. 1975. Bd. 57. Ht. 1. S. 73–82; 4) К проблеме «Ликургова законодательства» // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 33–59; 5) Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 194–216; 6) Мужские союзы в структуре дорийского полиса // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 4–20; 7) Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4. С. 70–86; 8) Кто изобрел греческую фалангу? // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 7. С. 36–42; 9) Греческий полис без бюрократии и литературы (Письменность в жизни спартанского общества) // Hyperboreus. СПб., 1994. Vol. 1. Fasc. 1. С. 9–18; 10) Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44–62. См. также переиздание некоторых из этих работ в книге: Андреев Ю. В. В ожидании «греческого чуда». С. 417–504, 526–536.

⁵ См. выше примеч. 1, № 9.

Текст монографии отличает неизменное для ее автора высокое качество исследовательского труда, характерное для всех без исключения его работ, а именно глубина анализа письменных и археологических источников, превосходное знакомство с научной литературой, касающейся конкретной области изысканий, обоснованность, продуманность и оригинальность выводов, четкая и логичная структура подачи материала и ясная манера изложения. Под пером Юрия Викторовича феномен архаической Спарты предстает во всем своем неповторимом своеобразии. Его книга дает возможность не только увидеть целостную картину исторического развития Спартанского государства в архаический период, но и проникнуть в суть основных социально-политических процессов, определявших это развитие. Следуя за авторской мыслью, становится очевидным тот факт, что Спарта заметно выделялась на фоне всех других греческих полисов по причине своего беспрецедентного внутреннего устройства, включавшего в себя строгий надзор за работой всей государственной системы; суровость «Ликургова законодательства», отгородившего Спарту от остального эллинского мира «железным занавесом»; воинский дух и военную организацию граждан; спартанское (что в данном случае является синонимом слова «суровое») воспитание юношей и особое положение женщин.

Идеал воинской доблести, воспетый поэтом Тиртеем, укоренился в спартанской культуре. Дух воинственности и коллективного полисного служения определял спартанское «одиначество». Многие в характеристике «спартанской аномалии» превратилось в расхожие топосы, причем таковыми они стали уже в античности.

«Древние мыслители и ученые, такие как Фукидид, Ксенофонт, Платон, Аристотель и др., — пишет Юрий Викторович в аннотации к задуманной им монографии, — всегда проявляли живой интерес к внутреннему устройству “общины равных” (так официально именовалась гражданская община спартиатов), обращая особое внимание на характерный для нее ярко выраженный примат государства над отдельной личностью. Вся жизнь спартиатов с момента рождения и до гробовой доски была подчинена суровой казарменной дисциплине. Государство бесцеремонно вмешивалось в их личную жизнь, пыталось регулировать даже брачные отношения граждан и устанавливало правила деторождения. Молодое поколение спартиатов подвергалось жестокой муштре в так называемых “агелах” (знаменитое спартанское воспитание). Взрослые спартиаты были обязаны неукоснительно посещать совместные трапезы (“сисситии”), на которых царил дух грубой уравнительности (спартанский “коммунизм”). В этой атмосфере сформировались такие замечательные личности, вошедшие в список самых прославленных героев

древности, как царь Леонид, с небольшим отрядом преградивший путь через Фермопильское ущелье бесчисленным полчищам персидского владыки Ксеркса, как выдающиеся военачальники Брасид и Лисандр, благодаря искусству и находчивости которых Спарта сумела выиграть затяжную Пелопоннесскую войну и разгромить противостоявшую ей Афинскую морскую державу, как цари-реформаторы Агис и Клеомен, пытавшиеся возродить былое могущество Спарты в то время, когда ее упадок уже стал необратимым процессом, и др. В то же время эта атмосфера оказалась крайне неблагоприятной для развития литературы и искусства, философии и науки. В условиях сложившегося в Спарте военно-полицейского режима, в обстановке сознательной изоляции от всего внешнего мира постепенно захирела, а затем и совсем сошла на нет первоначально существовавшая здесь яркая и самобытная культура⁶. В сравнении с огромным военным потенциалом Спарты и общепризнанным в Греции международным авторитетом, ее общий вклад в развитие греческой культуры был ничтожно мал.

В оценке политической роли Спарты в жизни общегреческого полисного мира уже давно наметились две крайние позиции. Одна из них возникла еще в античную эпоху и представлена в сочинениях Ксенофонта, Исократа, Плутарха, а также в работах новейших поклонников спартанского режима, последователей К. О. Мюллера. Согласно этой точке зрения, Спарта вплоть до своего упадка в IV в. до н. э. оставалась своего рода гарантом относительной стабильности и равновесия сил в эллинском мире. Ее военное могущество было настолько велико, что позволяло ей вмешиваться в дела других греческих государств и добиваться умиротворения наиболее агрессивных среди них. Примерами могут служить антитиранические выступления спартанцев в VI в. до н. э., попытки сдерживания роста афинского империализма в V в. до н. э. Вместе с тем, в представлении этой группы историков, спартанцы были настолько благоразумны, что в течение долгого времени отказывались от попыток установления своей гегемонии в Греции, довольствуясь скорее высоким моральным авторитетом, который им принесли военные победы и выступления против «неправедных властителей».

Другие авторы, в целом враждебно относящиеся к Спарте, готовы оценивать ее как своего рода «общегреческого жандарма», главный

⁶ См. подробно: *Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта. В этой книге на широком материале нарративных и археологических источников автор обращается к проблеме «культурного переворота», «полисной революции» в Спарте, исследует феномен вырождения спартанской культуры, проявившийся в VI в. до н. э. в связи с самоизоляцией Спарты и упадком лаконского искусства. Также см.: *Андреев Ю. В.* В ожидании «греческого чуда». С. 453–470.

оплот политической реакции в этой части Древнего мира, государство, безусловно, милитаристское и империалистическое.

Поставленные перед необходимостью выбора между этими двумя крайними позициями, мы, пожалуй, попытались бы найти некую “золотую середину”, — продолжает Юрий Викторович, — которая может заключаться в том, что Спарта действительно была государством реакционным или, может быть, все-таки консервативным, не заинтересованным, как, впрочем, и всякое нормальное государство, в чрезмерном усилении соседних полисов и сообразно с этим строившее свою внешнюю политику. Хотя спартанское правительство едва ли всерьез помышляло о поддержании в Греции справедливого всеобщего мира (...), уже самим фактом своего существования государство такого типа должно было создавать своего рода стабилизирующий эффект в межполисных отношениях и тем самым поддерживать всю систему в состоянии относительного равновесия. В известном смысле Спарта, действительно, в течение достаточно долгого времени оставалась гарантом автономии малых полисов. Вероятно, сохранение такого порядка было выгодно спартанцам. С другой стороны, до конца Пелопоннесской войны Спарта просто не обладала достаточным военным потенциалом для того, чтобы подчинить своему протекторату всю или хотя бы большую часть Греции».

В ходе изучения феномена спартанского полиса Ю. В. Андреев ставил своей целью разгадать, насколько это возможно, загадку его исторического развития, производящего даже на серьезно подготовленных исследователей впечатление очень странного и труднообъяснимого парадокса. Действительно, «угрюмая казарменная Спарта»⁷, являясь самым мощным в военном отношении эллинским городом-государством, к тому же обладающим огромным политическим весом как во внутригреческих, так в и международных делах, находилась, тем не менее, в состоянии почти полной изоляции от внешнего мира и затяжной культурной и экономической стагнации. Объяснение этого «спартанского эксперимента» представляет собой чрезвычайно сложную научную задачу, однако автор книги успешно с ней справился. Он наглядно показал, почему и как в VI в. до н. э. происходят радикальные изменения в политическом и социально-экономическом развитии Спарты, когда путем целенаправленного вмешательства со стороны правящей верхушки полис превращается, по сути, в военизированный лагерь, наглухо закрытый от всего остального мира. Столь резкое внутреннее перерождение Спартанского государства стало следствием проведения в жизнь

⁷ Андреев Ю. В. Архаическая Спарта. С. 34.

широкой программы социальных и политических реформ, вошедших в историю под названием «Ликургова законодательства», в результате чего спартанское общество приобрело такие черты тоталитарного строя, как возведенная в ранг государственной политики ксенофобия; жесткое подавление личных интересов отдельных граждан во имя общественных, т. е. государственных; доведенный до абсурда культ псевдоравенства. Спарта явила собой наглядный образец одной из наиболее странных и, по сути, тупиковых форм государственного и общественного устройства в истории античной цивилизации.

В книге «Спартанский эксперимент» прослежены исторические судьбы этого во многих отношениях уникального, отклоняющегося от тогдашней общей «нормы» государственного организма⁸. В своей работе Ю. В. Андреев широко использовал посвященные Спарте сочинения античных писателей, а также современную научную литературу (главным образом, 1950-х — 1980-х гг.), освещающую основные проблемы социально-экономической и политической истории спартанского полиса⁹. Первая часть книги посвящена становлению спартанского государственного устройства и его «конституционной» основы¹⁰. Читатель найдет в ней массу интересных сведений о политической и социальной истории Спарты, начиная с позднемикенской эпохи и по классический период. Автором скрупулезно изучены вопросы, связанные

⁸ Спарта была особым вариантом полиса; об особенностях этого типа см. статьи Ю. В. Андреева, указанные выше, — примеч. 4, № 2, 3, 5.

⁹ Существует колоссальная литература о спартанском государственном устройстве. В основной круг исследователей, работы которых привлекает Ю. В. Андреев, входят такие признанные авторитеты мирового спартановедения, как В. Эренберг, П. Карплидж, П. Олива, А. Джонс, У. Форрест, Э. Тигерштедт, Г. Уэйд-Джери, Г. Хаксли и др. (см. ниже, разд. «Литература»). Дополнительно укажем новые монографии и сборники, посвященные социально-политической истории Спарты: *Stibbe C. M. Das andere Sparta. Mainz am Rhein, 1996*; *Baltrusch E. Sparta. München, 1998*; *Печатнова Л. Г. Формирование спартанского государства (VIII—VI вв. до н. э.). СПб., 1998*; *она же. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001*; *Cartledge P. Spartan Reflections. Berkeley, 2001*; *Schulz R. Athen und Sparta. 2., durchges. Aufl. Darmstadt, 2005*; *Курилов М. Э. Социально-политическое устройство, внешняя политика и дипломатия классической Спарты. Саратов, 2005*; *Das frühe Sparta / Hrsg. von A. Luther, M. Meier, L. Thommen. Stuttgart, 2006*; *Welwei K.-W. Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. 2., durchgeseh. Aufl. Stuttgart, 2007*; *Sparta. Comparative Approaches / Ed. by S. Hodkinson. Swansea, 2009*; *Sparta: The Body Politic / Ed. by A. Powell and S. Hodkinson. Swansea, 2010*; *Печатнова Л. Г. Спарта: миф и реальность. М., 2013*; *Зайков А. В. Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013*.

¹⁰ К проблематике темы спартанской конституции дополнительно см.: *Hermann-Otto E. Verfassung und Gesellschaft Spartas in Kritik des Aristoteles // Historia. 1998. Bd. 47. Ht. 1. S. 18—40*; *Luther A. Könige und Ephoren. Untersuchungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main, 2004*.

с образованием этого полиса, организацией гражданской общины и отношениями внутри нее. Особое внимание здесь уделено такому важнейшему моменту в истории Спарты, как «переворот VI в. до н. э.» или «реформы Ликурга», связанное с именем легендарного спартанского законодателя. Впервые в науке дан подробный и всесторонний анализ сведений о «Большой ретре» из плутархового «Жизнеописания Ликурга» (Plut. Лус. VI). Ю. В. Андреев так говорит о революционной роли «Ликургова законодательства» для истории полиса: «В античной исторической традиции возникновение основных институтов спартанского государства и оформление их в виде более или менее слаженно работающего административного механизма расценивалось как однозначный политический акт, разделивший всю историю Спарты на два резко различающихся между собой хронологических отрезка: период “беззакония” или “плохих законов” (какономии), и период “благозакония” (евномии). На “пограничной черте”, разделяющей эти два периода, древние единодушно помещали грандиозную фигуру великого законодателя Ликурга, сверхчеловеческой мудрости и изобретательности которого спартанцы были обязаны совершенством и из ряда вон выходящей стабильностью своей политической системы». В первой части монографии также рассматриваются важнейшие институты полисной власти (цари, эфоры), различные структуры спартанской общины (агелы, сисситии) и формы собственности, включает же ее глава о положении женщин в спартанском обществе. Кстати, заметим, что к теме гинекократии в Спарте (а, отнюдь, не к так называемому «женскому вопросу») Ю. В. Андреев обращался еще в первой половине 1990-х гг.¹¹; ныне же проблема спартанского женовластия является одной из самых интереснейших и дискуссионных в мировой науке об античности¹².

Во второй части книги «Спартанский эксперимент» исследуются история греческой фаланги и спартанская военная организация архаического и классического периодов. Следует подчеркнуть, что это первое в отечественной историографии детальное рассмотрение особенностей военного дела Спарты¹³. Главное место здесь отведено фаланге

¹¹ Ссылку на публикацию «Спартанской гинекократии» см. выше, в примеч. 4, № 10.

¹² Из новой литературы по этой теме назовем: *Thommen L. Spartanische Frauen* // *Museum Helveticum*. 1999. Bd. 56. S. 129–149; *Pomeroy S. Spartan Women*. Oxford, 2002; *Figueira Th. J. Gynecocracy: How Women Policed Masculine Behavior in Archaic and Classic Sparta* // *Sparta: The Body Politic* / Ed. by A. Powell and S. Hodkinson. Swansea, 2010. P. 265–296; *Kulesza R. The Women of Sparta* // *Anabasis: Studia Classica et Orientalia*. Rzeszów, 2014. Vol. 4. P. 5–34.

¹³ По военной истории Спарты в российской историографии можно упомянуть разве что труд обзорного характера В. В. Латышева, опубликованный еще в 1899 г.

тяжеловооруженных пехотинцев (гоплитов) — как общим вопросам ее появления и развития в эллинском мире вообще, так и ее зарождению именно в спартанской среде. Следует подчеркнуть, что проблематике, связанной с греческой фалангой, посвящено значительное число работ зарубежных и отечественных антиковедов¹⁴, а сам Ю. В. Андреев еще при жизни выступил со статьей о спартанском происхождении тактики с использованием сражавшихся в компактном строю гоплитов¹⁵. И в упомянутой статье, и в представляемой книге автор, основываясь на сведениях из письменных источников и на археологических данных, вполне убедительно показывает, что фаланга гоплитов и ее тактика впервые появляются в Спарте, причем, по-видимому, где-то в период между серединой VII и серединой VI вв. до н. э., и только потом эти военные новшества заимствуются другими греческими полисами. Основными предпосылками к этой важнейшей реформе стали такие социальные преобразования в Спартанском государстве, как земельная реформа (резко расширившая численность «класса» гоплитов), ужесточение системы воспитания юных спартиатов, беспрекословное подчинение граждан законам и властям полиса, а также освобождение гоплитов от необходимости самим обрабатывать свои земельные участки, на которых вместо них трудились илоты (зависимые от государства земледельцы). Так возникла передовая для своего времени армия, ставшая главным инструментом внешней и внутренней политики спартанского руководства.

В специальной главе рассматривается военная организация Спарты классического времени в свете сообщений Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других античных писателей. Автор приходит к интересному

и давно ставший классическим (переизд.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. I. Государственные и военные древности. СПб., 1997), да две популярные книги: *Волков А. М.* Спарта. Со щитом и на щите. М., 2005; *Шауб И., Андерсен В.* Спартанцы в бою. М., 2008. Из исследований по данной теме в зарубежном антиковедении укажем следующие монографии и сборники: *Anderson J. K.* Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles, 1970; *Wees H. van.* Greek Warfare: Myths and Realities. London, 2004; *Sekunda N.* The Spartan Army. Oxford, 1999 (русск. пер.: *Секунда Н.* Армия Спарты. М., 2004); *Sparta and War* / Ed. by S. Hodkinson, A. Powell. Swansea, 2006; *Lazenby J. F.* The Spartan Army. Warminster, 1985 (= Mechanicsburg, 2012); *Campbell D.* Spartan Warrior, 735–331 B. C. Oxford; Long Island City, 2012; *Iphicrates, Peltasts and Lechaem* / Ed. by N. V. Sekunda and B. Burgula. Gdańsk, 2014.

¹⁴ Основную библиографию и разбор мнений (хотя и в недостаточной мере полный и объективный) см.: *Нефедкин А. К.* Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 453–464; он же. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: военный аспект проблемы // ВДИ. 2002. № 1. С. 87–96.

¹⁵ См. выше, примеч. 4, № 8.

выводу о том, что первоначально спартанская армия состояла из пяти территориальных войсковых единиц (лохов), набиравшихся по пяти комам (обам), т. е. исключительно из спартиатов, тогда как после греко-персидских войн она включала в себя шесть мор, комплектовавшихся уже вне связи с какими-либо территориальными единицами, причем не только из числа самих спартиатов, но и периеков (лично свободных неграждан Спартанского государства), которые численно превосходили первых. Ю. В. Андреев допускает при этом, что на случай волнений периеков и илотов старая войсковая организация могла даже сохраниться в виде своего рода «национальной гвардии», сосуществуя с новой структурой спартанской армии.

Книгу завершает глава под названием «Спартанский эксперимент: “Община равных” или тоталитарное государство?», где автор приходит к заключению, что естественный ход истории Спартанского государства с присущими ему «родимыми пятнами» тоталитарной формы правления в виде «теневого» экономики и коррупции среди правящей элиты Спарты рано или поздно должен был «привести к тому, что одни члены “общины равных” оказались, по выражению Оруэлла, “более равными”, чем все остальные».

Вне всякого сомнения, монография «Спартанский эксперимент. Общество и армия Спарты» представляет собой важный вклад в изучение истории спартанского полиса и всей древнегреческой цивилизации. Мы убеждены, что данный исследовательский эксперимент Ю. В. Андреева даст новый импульс дискуссиям о лакедемонской конституции и легендарном законодателе Ликурге, о суровом воинском воспитании, о спартанской геронтократии и гинекократии, о рождении знаменитой фаланги гоплитов и о многих других вечных темах спартанской истории.

В. П. Никоноров,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

А. А. Сеницын,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и культурологии
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
Санкт-Петербург, 25 сентября 2014 года

О КНИГЕ

Ю. В. Андреева «Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты»

В современном антиковедении основное внимание исследователей обычно привлекают Афины. Специалисты выпускают одну за другой работы, посвященные становлению и функционированию афинской демократии, созданию архэ, роли Афин в развитии классической культуры Греции и т. д. Спарта же — второй влиятельнейший полис, на протяжении веков являвшийся соперником Афин, — таким научным вниманием похвастать не может. В этом отношении публикация монографии Ю. В. Андреева является важным шагом на пути к исправлению обозначенного не вполне нормального положения.

Автор монографии — один из крупнейших и авторитетнейших отечественных историков античности, перу которого принадлежит большое количество научных работ, трактующих фундаментальные проблемы истории Древней Греции, в том числе и истории Спарты. В ряду последних назову книгу «Архаическая Спарта. Искусство и политика» (СПб., 2008), которая привлекла внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой классической древности. Закономерным ее продолжением является новая работа Ю. В. Андреева, в которой всесторонне рассмотрены ключевые моменты в истории этого полиса.

Абсолютно логично, что монография начинается с главы, посвященной самой глубокой, легендарной древности, — временам царя Тиндарея, его дочери, прекрасной Елены, похищение которой стало причиной Троянской войны; уделено в ней внимание и так называемому возвращению Гераклидов. Последнее часто рассматривается в рамках концепции, объясняющей крушение микенской цивилизации (рубеж XIII—XII вв. до н. э.) дорийским вторжением в Грецию. Ю. В. Андреев сомневается в правомочности такой трактовки и считает, что ни-

какого дорийского завоевания не было, а имело место «переселение небольших разрозненных групп или ватаг дорийцев на новые земли».

Во второй главе первой части книги рассмотрена проблема возвышения Спарты, т. е. дан анализ тех факторов, которые в конечном итоге привели к формированию на базе «дорийских ватаг» одного из сильнейших государств Древней Греции. Это возвышение, по мысли автора, началось с конца IX в. до н. э., важнейшей предпосылкой чего стало объединение четырех дорийских общин в один полис — Спарту. Созданный таким образом полис начал постепенное расширение своих границ, со временем завоевав Лаконию и Мессению, в результате чего сформировалась так называемая Лакедемонская федерация.

Третья глава первой части посвящена рассмотрению вопросов государственного строя Спарты, который, как известно, был в высшей степени своеобразным. Автор закономерно уделил большое внимание происхождению диархии, т. е. двойной царской власти, чего мы не находим ни в одном из других греческих или варварских государств античной эпохи.

Еще одна фундаментальная проблема связана с пониманием спартанского свода законов — «Большой ретры» великого законодателя Ликурга. Ю. В. Андреев признает историчность этого документа, заложившего основы своеобразной спартанской государственности, и относит время его создания приблизительно к середине VIII в. до н. э.

В четвертой главе первой части всесторонне рассмотрено устройство гражданской общины Спарты. Здесь Ю. В. Андреев большое внимание уделил вопросу «спартанского равенства», которое, по его мнению, было лишь иллюзией, сознательно распространявшейся по всей Греции спартанской пропагандой. В воспитании граждан важнейшее значение имели «агелы», т. е. организованные группы юношей и подростков. Для поддержания тесных связей в обществе по законам Ликурга были созданы «сисситии» — товарищества взрослых мужчин-сотрапезников. Верховными блюстителями порядка при этом были эфоры, представлявшие в Спарте гражданскую власть. Особый и чрезвычайно интересный раздел главы посвящен положению женщин, семье и браку в спартанском обществе.

Монография Ю. В. Андреева, конечно, была бы не полной без ее второй части, озаглавленной «Спартанская фаланга: ее происхождение и роль в развитии спартанского общества». Тяжеловооруженная пехота Спарты, как убедительно продемонстрировал автор, по своим боевым качествам оказалась самой сильной не только в Греции, но и, так сказать, в мировом масштабе. Она в значительной степени обеспечила победу Греции в грандиозном военном конфликте с Персидской державой,

а затем и победу Спарты в Пелопоннесской войне против Афинского морского союза. Следует согласиться с Ю. В. Андреевым, что военный потенциал Спарты выражался в невиданном в Греции и никем не превзойденном вплоть до появления македонской фаланги развитии тяжелооруженной пехоты.

В заключение необходимо подчеркнуть, что данная монография Ю. В. Андреева является одним из лучших достижений мировой науки в области изучения «спартанского эксперимента». Факт ее публикации представляется чрезвычайно отрядным событием для всех занимающихся или просто интересующихся историей Древней Греции.

Ю. А. Виноградов,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории материальной культуры
Российской академии наук
Санкт-Петербург,
10 сентября 2014 г.

ВВЕДЕНИЕ

Древняя Спарта вошла в историю человечества как воплощение беззаветной воинской доблести, негибаемой стойкости в борьбе с врагами и вместе с тем как символ высокой государственной мудрости и справедливости, живым олицетворением которых считался в древности великий спартанский законодатель Ликург. Но наряду с этим явно идеализированным образом Спарты уже в античную эпоху существовал другой, резко отличающийся от первого ее образ. Государство-казарма, вся жизнь которого была подчинена суровой военной дисциплине, в котором безжалостно подавлялись все личные склонности граждан. Государство — военный лагерь, отгородившийся от внешнего мира глухой стеной вражды и недоверия, оплот политической реакции, враждебный всему лучшему и передовому, что дала миру греческая культура. В сочинениях античных авторов мы находим фактическую основу также и для такой по преимуществу негативной оценки общественного и государственного устройства Спарты. Эта странная двойственность уже давно привлекла к Спарте пристальное внимание многих поколений историков, философов и политиков, как древних, так и современных. Вопреки мрачным предчувствиям Фукидида она не померкла еще и по сие время. Каждый, кто внимательно изучал историю Древней Греции, хорошо представляет себе, в какой большой мере судьбы всего остального эллинского мира зависели от решений, принятых на берегах реки Еврота, где находился политический центр спартанского государства. Вспомним лишь о некоторых событиях, в которых эта зависимость проявилась особенно ярко и наглядно. Во время персидского нашествия на Элладу (в 480—479 гг. до н. э.) спартанцы возглавили союз греческих государств, созданный для отражения варваров, и покрыли себя бессмертной славой в битвах при Фермопилах и Платеях. Впоследствии (в 431—404 гг. до н. э.) они долго и упорно боролись за первенство в Греции с афинской морской державой и вышли из этой борьбы победителями, несмотря на то, что в начале, как ее обычно называют, «Пелопоннесской войны» не было недостатка в прямо противоположных прогнозах ее исхода. Несколько десятилетий, с 404 по 371 г. до н. э., Спарта удерживала в своих руках

гегемонию над основной частью греческого мира. Находясь на известном удалении от других греческих государств, спартанцы тем не менее постоянно напоминали им о своем присутствии, бесцеремонно вмешиваясь в их внутренние дела, грозными окриками и карательными экспедициями обуздывали непокорных, упорно отстаивали свое право на первенство в Элладе, сдерживая с помощью военной силы рост могущества наиболее опасных своих соперников.

Уже на закате античной эпохи автор знаменитой биографической серии Плутарх представил в своем «Жизнеописании Ликурга» время спартанского владычества в Греции в явно панегирических тонах как время всеобщего благоденствия и процветания. «Подобно тому как Геракл, — писал он, — в песнях поэтов обходит вселенную с одной лишь дубиной и шкурою на плечах, карая несправедливых и кровавых тиранов, так же точно Лакедемон с помощью палки-скиталы и простого плаща главенствовал в Греции, добровольно и охотно ему подчинявшейся, низвергал незаконную и тираническую власть, решал споры воюющих, успокаивал мятежников, часто даже щитом не шевельнув, но отправив одного-единственного посла, распоряжениям которого все немедленно повиновались, словно пчелы, при появлении матки дружно собирающиеся и занимающие каждая свое место. Таковы были процветающие в городе благозаконие и справедливость» (Плутарх. Ликург 30; пер. С. П. Маркиша). Этот отрывок, да и вся биография Ликурга, из которой он взят, красноречиво свидетельствуют об искреннем стремлении Плутарха создать достойную эпитафию Спарте и ее законодателю. Но как человек, досконально изучивший всю историю Греции и знавший массу подробностей, нам теперь недоступных, он не мог это сделать, не покрывив душой перед самим собой и перед своим читателем. Плутарх, конечно, не мог не знать, что другие греки не так уж «добровольно и охотно» повиновались распоряжениям спартанского правительства, что если они и шли на союз со Спартой, то лишь потому, что еще больше, чем спартанцев, боялись их всегдашних соперников афинян, еще более алчных и агрессивных, что как только в 404 г. до н. э. после долгой Пелопоннесской войны рухнула афинская империя и на ее руинах образовалась во многом повторявшая ее спартанская держава, греческие полисы¹, не исключая и недавних союзников Спарты, начали немедленно объединяться в антиспартанские коалиции, и вскоре «благодетельному государству Лакедемона» в Греции пришел конец.

¹ «Полис» в политическом лексиконе древних греков — наиболее употребительное обозначение государства нормального, т. е. греческого, типа.

Однако дальше всего Плутарх отступает от исторической истины, утверждая, будто греки повиновались спартамцам лишь потому, что их государство пользовалось особым моральным авторитетом благодаря царившим в Спарте «благозаконию и справедливости». В действительности другие греческие полисы подчинялись, конечно, как правило, грубому военному нажиму, зная, что, встретив сопротивление, спартанцы не остановятся перед кровавой расправой с непокорными, как они это продемонстрировали еще в первые годы Пелопоннесской войны, стерев с лица земли взятый ими после длительной осады беотийский городок Платеи и уничтожив всех его жителей, и много позже, уже на завершающем этапе той же войны, когда ими была учинена планомерная и беспощадная резня всех, кто подозревался в сочувствии демократии в городах, входивших в состав к тому времени окончательно распавшейся морской державы.

На протяжении ряда столетий (по крайней мере с VI по III в. до н. э.) Спарта оставалась важнейшей политической и военной силой, от которой во многом зависели судьбы всего остального греческого мира. Находясь на известном удалении от крупнейших очагов греческой цивилизации, таких, как Афины, Коринф, Сиракузы, Милет, Родос и др., спартанцы тем не менее постоянно напоминали другим грекам о своем присутствии, бесцеремонно вмешиваясь в их внутренние дела, грозными окриками и карательными экспедициями обуздывая непокорных. Тем не менее слухи о спартанском «благозаконии» широко циркулировали в Греции, распространяемые отчасти, вероятно, самими спартанцами, отчасти их друзьями-лаконофилами в других греческих государствах. В Афинах — крупнейшем политическом и культурном центре тогдашней Греции — лаконофильские кружки особенно активизировались в годы Пелопоннесской войны, в которой оба эти сильнейшие греческие государства выступали как главные антагонисты.

Вполне естественно, что особенно теплые чувства питали к Спарте люди из самых высших и наиболее зажиточных слоев греческого общества, поскольку именно в этом государстве они видели свою главную надежду и опору в борьбе с «презренной чернью», т. е. с широкими демократическими массами полисного населения. В годы Пелопоннесской войны, расколовшей всю Грецию на два враждующих лагеря: поборников демократии и ее заклятых врагов, в Афинах, возглавлявших первый из этих лагерей, заметно активизировались кружки так называемых лаконофилов, т. е. «друзей и почитателей Спарты». Насколько нам известно, они пополнялись в основном за счет «золотой молодежи» — сыновей богатых купцов и землевладельцев. Лаконофилов можно было сразу отличить от всех прочих в пестрой афинской толпе по их необычному внешнему виду.

Длинные распущенные волосы и такая же борода, грубый военный плащ-трибон, сандалии на толстой войлочной подошве, в руках увесистая дубина, распухший нос и уши — следы увлечения кулачным боем — так должен был, в понимании этих юнцов, выглядеть настоящий стопроцентный спартиат, и так старались выглядеть они сами. Их разговоры обычно вращались вокруг охоты, верховой езды и различных видов атлетики, т. е. сюжетов, которые опять-таки должны в первую очередь занимать настоящего спартиата. Однако среди афинских лаконофилов можно было встретить не только молодых бездельников, своей внешностью и своим поведением эпатировавших своих собственных родителей и вообще граждан старшего поколения, но и вполне зрелых мужей, не скрывавших своей ненависти к демократическому строю и тесно связанного с этим чувством преклонения перед спартанскими порядками. Один из таких друзей Спарты, автор анонимного политического памфлета «Афинская полития» (в научной литературе он известен под условным прозвищем «старого олигарха»), сетуя на распущенность рабов и метеков (оседлых чужеземцев) в Афинах, тут же бросает благосклонный взгляд в сторону Лакедемона: «В Спарте мой раб боится тебя».

Разумеется, немало было в те годы среди афинских граждан и людей, придерживавшихся прямо противоположных политических убеждений, у которых Спарта и спартиаты вызывали прямо-таки органическую неприязнь и даже ненависть. Мысли и чувства этой части афинского общества с большим напором и страстью выразил великий трагический поэт Еврипид, включив гневную филиппику против лакедемонян в уста главной героини своей трагедии «Андромаха» (стк. 445—454):

О ты, народ, для мира ненавистный,
И Спартою надменный... Ты коварств
Советчик, царь над ложью, хитрый швец
Из лоскутов порока, о, нечистый,
Увертливый, змееподобный ум!...
Не стоите удачи вы, спартанцы;
Рекою кровь вы льете, до прибытка
Лишь алчные, с речами между губ
Не теми, что в сердцах. О пусть бы вовсе
Вас не было на свете...

(пер. И. Ф. Анненского)

Но тут мы вправе задать себе вопрос: «А что, собственно, знали о Спарте и те, кто с такой яростью предавал ее хуле и поношению, и те, кто превозносил ее до небес как лучшее из всех греческих государств?» Отвечая на него, можно было бы, пожалуй, сказать, что другие греки

знали об этом удивительном государстве одновременно и очень много, и очень мало. При всей своей необыкновенной популярности оно всегда было окружено ореолом какой-то почти мистической загадочности. Определенную роль в создании этого ореола, несомненно, сыграла та политика сознательной самоизоляции, которую спартанское правительство, по-видимому, начало проводить еще до греко-персидских войн, отгородившись от всей остальной Греции, не исключая и своих ближайших соседей по Пелопоннесу, своего рода «железным занавесом». По сообщениям античных авторов, спартанцы и сами почти никогда не покидали пределов своего государства без особой надобности, и выходцев из других греческих полисов допускали на свою территорию очень неохотно. Если внутри государства скапливалось слишком много «подозрительных лиц» из числа чужеземцев, спартанские власти принимали специальные меры для их выдворения за пределы страны. Даже такой хорошо информированный историк, как Фукидид (V, 68, 2), сетует на чрезмерную (по греческим понятиям) засекреченность спартанского государственного устройства, из-за которой он, по его словам, так и не смог досконально разобраться в организации спартанской армии.

Неудивительно, что то немногое, что удавалось узнать о внутренней жизни этого загадочного государства случайным путешественникам или же чужеземным послам, тотчас же обрастало всевозможными полуфантастическими домыслами. Малоправдоподобные слухи и анекдоты о Спарте и спартанцах циркулировали среди жителей Афин и других греческих городов, всегда проявлявших к ним самый живой интерес, но все же не находивших достаточной пищи для своего любопытства. Таким образом постепенно формировалась фольклорная традиция о государстве Ликурга, которая в течение долгого времени практически заменяла его еще никем не написанную историю. В самой Спарте с ее казарменным режимом, враждебным всякой свободной мысли, настоящая историография так никогда и не сложилась. Лишь после окончания Пелопоннесской войны — на рубеже V—IV вв. до н. э. среди правящей элиты спартанского общества пробудился интерес к далекому прошлому своего собственного государства. Однако появившиеся в это время в Спарте знатоки древней истории были не столько историками в точном значении этого слова, сколько публицистами или памфлетистами, которые использовали известные им исторические факты прежде всего как оружие в политической борьбе, что вело, как водится, к тенденциозному их искажению. К тому же сами эти факты могли быть почерпнуты ими только из крайне сомнительных и ненадежных источников в основном опять-таки фольклорного характера, т. е. из всевозможных сказаний и легенд, передававшихся от поколения к поколению изустно. Следует иметь в виду,

что, хотя спартанцы и владели навыками алфавитного письма, усвоенного ими, как и прочими греками, еще в VIII—VII вв. до н. э., пользовались они этим средством передачи исторической информации весьма неохотно. Во всяком случае его применение в первые века спартанской истории ограничивалось лишь составлением списков высших должностных лиц — царей и эфоров, которым, возможно, сопутствовали кое-какие заметки исторического характера, например, упоминания о войнах, происходивших в правление того или иного царя. Писаного законодательства в Спарте не существовало. По преданию, запись законов была запрещена самим Ликургом, основателем государства (Plut. Лус. XIII). До нас дошло лишь несколько так называемых ретр, буквально «изречений», приписываемых тому же Ликургу. Все они представляют собой очень короткие и сжатые тексты, явно рассчитанные на устное заучивание.

Систематическое изучение истории Спарты и в частности истории ее государственных учреждений началось лишь в конце IV в. до н. э. в созданной великим Аристотелем школе перипатетиков. Самим Аристотелем было написано сочинение, посвященное специально государственному устройству Спарты, — так называемая Лакедемонская полития, от которой, к сожалению, уцелели лишь отдельные фрагменты. Однако к тому времени, когда Аристотель и его ученики принялись за свою работу, греческой читающей публике, вне всякого сомнения, уже была хорошо известна другая, легендарная история Спарты, вероятно, уже тогда существовавшая, по крайней мере в нескольких или даже во многих вариантах. Кто, когда и где впервые записал эту легенду о Спарте, собрав разрозненные и противоречивые показания фольклорной традиции, мы так, вероятно, никогда и не узнаем. Не подлежит сомнению лишь одно: сюжетным стержнем легенды с самого начала должно было стать вымышленное жизнеописание великого законодателя Ликурга, ибо, согласно общему убеждению, именно он был первым человеком, приведшим в движение государственный механизм Спарты. Ему приписывалось создание важнейших спартанских государственных учреждений, за исключением двойной царской власти, которая существовала еще до Ликурга, и, может быть, также эфората. Он считался автором подавляющего большинства спартанских законов, составлявших в своей совокупности так называемый космос, т. е. свод правил и предписаний, которым обязаны были неукоснительно повиноваться все граждане Спарты от мала до велика. Сверхчеловеческой одаренностью Ликурга объяснялось и исключительное своеобразие государственного устройства Спарты, и его удивительная стабильность. Считалось, что именно своему законодателю, хотя сам он и не был гениальным военачальником, спартанцы обязаны своей непобедимостью, а в конце концов также и тем, что им

удалось подчинить своей гегемонии всю остальную Элладу. И, наоборот, отступив от первоначальной строгости, даже суровости законов Ликурга, Спарта, по мнению ряда греческих историков, не смогла избежать военной катастрофы и лишилась не только своего владычества над Элладой, но и значительной части своих владений на Пелопоннесе, впервые увидев врага, можно сказать, «у порога своего собственного дома».

Для современного историка спартанская легенда представляет особый интерес как едва ли не первый в истории человечества образчик целенаправленного политического мифотворчества. Через ее посредство в греческом обществе, в особенности же среди его аристократической, враждебной демократии верхушки укоренилось представление о Спарте как об идеальном государстве, граждане которого сумели наилучшим образом решить все свои внутренние проблемы и благодаря этому навсегда избавились от каких бы то ни было смут и неурядиц. Дань этой иллюзии отдали многие греческие писатели V—IV вв. до н. э. Уже у великих греческих историков V в. — Геродота и Фукидида — можно обнаружить намеки на то, что легенда о Спарте была им известна, хотя не совсем ясно, в какой форме: письменной или устной. Так, согласно Фукидиду (Thuc. I, 13, 1. Пер. Г. А. Стратановского), Спарта «уже издревле ...управлялась хорошими законами и никогда не была под властью тиранов». Фукидид называет даже точную цифру, которой, по его данным, определялась продолжительность этого спартанского благозакония: «Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны (видимо, до 404 г., когда окончилась Пелопоннесская война. — Ю. А.), с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство». Мысль историка совершенно ясна: конституция Спарты потому и продержалась так долго, что она была с самого начала хорошо продумана. Плохие законы не отличаются устойчивостью. В родном городе Фукидида — Афинах они менялись неоднократно.

С конца V и на протяжении всего последующего IV столетия спартанская тема занимает одно из важных мест в греческой литературе политического, публицистического и философского характера. Этому, конечно, в немалой степени способствовал успех спартанцев в Пелопоннесской войне, который сделал Спарту гегемоном всей Греции, а также начавшийся уже в последние годы войны и продолжавшийся после ее завершения затяжной кризис афинского государства, обнаруживший всю внутреннюю непрочность этого главного оплота греческой демократии. На фоне бесконечной междупартийной борьбы, государственных переворотов и смены одних демагогов другими, столь характерных для политической жизни Афин этого времени, Спарта действительно производила впечатление какого-то эталона стабильности

и порядка, хотя люди, наблюдавшие ее с более близкого расстояния, знали, что симптомы социального и политического упадка появились также и здесь уже вскоре после победоносного окончания Пелопоннесской войны. Интерес к Спарте в эти годы неуклонно растет, о чем свидетельствует появление целой серии специальных сочинений, посвященных разбору ее государственного устройства, или так называемых Лакедемонских политий. Автором самой первой из них был знаменитый афинский олигарх (член правительства «тридцати»), поэт и философ Критий, но от его трактата сохранились лишь небольшие отрывки, по которым трудно судить о характере всего этого сочинения. Интерес к своему собственному прошлому пробудился в это время и среди самих спартиатов, естественно, прежде всего среди людей, стоявших особенно близко к государственным делам и в них так или иначе участвовавших. По свидетельству Эфора, историка IV в. до н. э. (Strab. VIII, 5, 5, С 366), спартанский царь Павсаний, изгнанный за пределы государства по обвинению в причастности к гибели знаменитого полководца Лисандра, которому Спарта в немалой степени была обязана своей победой над Афинами, написал, находясь в изгнании, «нечто о Ликурге» — сочинение явно полемического характера, в котором царь-изгнанник, видимо, пытался на исторических примерах доказать свою правоту и посрамить враждебную группировку приверженцев Лисандра. Ответом на этот памфлет было сочинение, написанное на ту же тему, но, конечно, с прямо противоположных позиций ближайшим сподвижником Лисандра навархом (спартанский военный титул, обозначающий командующего флотом) Фиброном. Как мы видим на этом примере, в начале IV в. до н. э. имя Ликурга в Спарте уже успело стать знаменем борьбы между враждующими политическими группировками так же, как это было в Афинах с именами Драконта, Солона и других древних законодателей.

Из всей обширной литературы о Спарте, созданной в течение V—IV вв. до н. э., до нас дошло, если не считать нескольких коротких глав в «Политике» Аристотеля, всего одно сочинение под названием «Лакедемонская полития», принадлежащее перу известного афинского кондотьера и популярного писателя Ксенофонта. С первых же строк трактата становится ясно, что Ксенофонт ставил своей основной целью пропаганду спартанского образа жизни, спартанских законов и обычаев среди других греков с тем, чтобы поддержать таким образом претензии Спарты на владычество в Греции, а заодно и ее, очевидно, уже порядком подмоченный к тому времени («Лакедемонская полития» писалась где-то в 70-х гг. IV в. до н. э.) моральный авторитет. Все это сочинение выдержано в подчеркнуто хвалебном панегирическом тоне. Используя доступные ему средства, Ксенофонт тщится доказать превосходство Спарты над всеми

другими греческими государствами. Так, на все лады расхваливается пресловутая спартанская система воспитания, введенные Ликургом брачные обычаи и порядок деторождения. Ксенофонт не забывает упомянуть также и о знаменитом спартанском равенстве, благодаря которому в этом государстве не играют абсолютно никакой роли различия между богатством и бедностью, и о необыкновенной дисциплинированности спартанцев, свойственном им послушании властям и законам и, наконец, о их из ряда вон выходящей воинской доблести. Некоторые чересчур уж экзотические обычаи спартанцев, вроде обычая обмена женами, шокировавшие других греков, Ксенофонт с завидной ловкостью ухитряется обращать им же на пользу. При этом он сознательно ввязывается в яростную, хотя и слегка замаскированную, полемику с недоброжелателями спартанцев, высмеивавшими и порицавшими их образ жизни. Интересно, однако, что о некоторых наиболее мрачных и отталкивающих сторонах спартанской действительности, например об обращении спартанцев со своими рабами — илотами, он предпочитает вообще умалчивать, ибо дать разумное объяснение этому старому недугу спартанского общества, найти для него место в задуманной им картине явно рекламного характера он, видимо, был не в состоянии.

Популярность Спарты в Греции резко упала после понесенных ею тяжелых поражений в войне с Беотийским союзом и другими греческими государствами (в 70—60-х гг. IV в. до н. э.). После этих событий Спарта утратила свою власть не только над Грецией, но и над большей частью Пелопоннеса, где она всегда чувствовала себя полноправной хозяйкой. Сами эти неудачи были свидетельством глубокого внутреннего кризиса, переживаемого спартанским государством. Этого не могли не понимать даже самые горячие приверженцы самой Спарты и спартанских порядков. Даже Ксенофонт счел нужным добавить к своей «Лакедемонской политике» еще одну XIV главу (в дошедших до нас рукописях трактата она почему-то вставляется между XIII и XV главами, хотя по самому своему содержанию должна была бы быть последней), в которой он пытается доказать, что спартанцев покарали боги за то, что они отступили от заветов своего великого законодателя.

Резко критически отзываются о современной им Спарте и спартанцах два величайших греческих мыслителя IV в. до н. э. — Платон и Аристотель. Последний даже склонен возложить всю ответственность за теперешнее довольно жалкое положение спартанского государства на самого Ликурга, который допустил в своих законах массу просчетов и ошибок и тем обрек созданную им политическую систему на постепенную деградацию и разложение (Arist. Pol. II, 6, 1271b). Здесь, как мы видим, Аристотель вступает в прямую полемику с лаконофилами вроде того же

Ксенофонта, которые считали законодательство Ликурга идеальным и не видели в нем никаких изъянов.

Любопытно, однако, что, сурово порицая спартанцев, их государственные установления, их образ жизни, и Платон, и Аристотель очень многое заимствуют из этого источника для своих собственных утопических проектов идеального полиса. Так, воображаемое государство Платона, или «аристократия», как он сам ее называет, несет на себе ярко выраженные черты фамильного сходства со Спартой, насколько мы ее себе представляем по описаниям Ксенофонта и Плутарха. Из всех греческих государств только Спарта и, может быть, также типологически близкие к ней города дорийского Крита могли снабдить описание идеального полиса у Платона такими выразительными деталями, как полное освобождение двух правящих сословий государства — философов и стражей — не только от физического труда, целиком взваленного на плечи низших сословий, но и вообще от всякого рода хрематистики, как греки презрительно называли добывание денег, как обобществление имущества членов высших сословий и их совместные трапезы — сисситии, как эмансипация женщин, простирающаяся вплоть до разрешения участвовать в занятиях атлетикой наравне с мужчинами, как строгая регламентация государством семейных отношений, контроль над деторождением, государственное воспитание детей, начиная с грудного возраста, и многое, многое другое. Использование спартанского опыта, спартанских вариантов решения сложных социальных проблем легко угадывается и в другом утопическом трактате Платона — «Законах», хотя описываемое здесь «наилучшее государство» уже во многом утратило возвышенную идеальность первого платоновского проекта и явно приближено к суровой прозе жизни.

Примерно так же можно оценить и проект идеального полиса, разработанный Аристотелем и включенный им в VII книгу «Политики». И здесь также заимствования из Ликургова космоса видны, так сказать, «невооруженным глазом».

Как мы видим, «спартанский мираж» (выражение Фр. Олье) продолжал владеть воображением греческих философов даже и после того, как величие и могущество реальной Спарты заметно пошли на убыль. Несмотря на весьма суровую подчас критику спартанских порядков, и Платон, и Аристотель, и вместе с ними, вероятно, и многие другие греческие мыслители, сочинения которых до нас не дошли, сохранили удивительную приверженность к совершенно определенному типу государства — примитивному аграрному полису спартанского или, может быть, спартано-критского образца. Вероятно, именно здесь в Спарте и на Крите утописты IV в. до н. э. нашли, как им казалось, идеально сбалансированную при всей ее простоте систему взаимоотношений полиса и хоры,

т. е. рабов и рабовладельцев, систему, базирующуюся всецело на земледелии и потому удивительно стабильную, гарантирующую гражданам устойчивый доход и в то же время защищающую их от всякой нравственной порчи, которая является неизбежным следствием занятий торговлей и вообще погони за наживой. Большой соблазн заключал в себе для таких мыслителей реакционно-романтического толка, как Платон и Аристотель, также и принцип равенства, положенный Ликургом в основу его законодательства. В нем они видели настоящую панацею от всех внутренних недугов греческого полиса, верный залог восстановления гражданского единомыслия, прекращения распрей и смут, спасения города-государства от грозящей ему гибели.

Итак, легенда о Спарта продолжала жить своей собственной жизнью, в значительной мере уже не зависимой от исторических судеб самого спартанского государства. Как политический миф, впрочем, претендующий, как и всякий миф, на абсолютную историческую достоверность, она переходила из рук в руки, от одного автора к другому, постепенно меняя свое содержание, а также, по-видимому, общий смысл и направленность. Однако даже и очень далеко оторвавшись от породившей ее почвы реального Лакедемона, легенда по-прежнему продолжала использоваться как аргумент и оружие в борьбе враждующих политических партий или философских школ. В самой Спарте споры о Ликурге и его законах с новой силой вспыхнули еще раз в период так называемой революции Агиса и Клеомена (40—20-е гг. III в. до н. э.). Оба царя-реформатора открыто провозгласили лозунг реставрации Ликургова строя, проповедуя возврат к былой простоте нравов, отказу от роскоши и имущественному равенству всех граждан. Сподвижниками Агиса и Клеомена были два философа-стоика — Сфер Борисфенит и Филарх, в сочинениях которых, если бы они дошли до нас, мы наверняка обнаружили бы еще один вариант предания о Ликурге, приспособленный к новой исторической ситуации, сложившейся в Спарте в эпоху эллинизма и уже в силу этого отличающийся от всех предыдущих. После того как социальное движение, возглавляемое Агисом и Клеоменом, потерпело поражение под натиском превосходящих сил Македонского царства и олигархических государств самой Греции, биография спартанского законодателя и тесно связанный с нею образ совершенного в самой своей суровой простоте государства, казалось бы, навсегда должны были покинуть сферу реальной политики, перестать служить лозунгами в сиюминутной политической борьбе и прочно осесть на полках библиотек, став подлинным достижением истории.

Характерно, что, чем дальше уходили в прошлое бурные события реальной спартанской истории, а сама Спарта, почти без сопротивления

покорившаяся в 40-х гг. II в. до н. э. новым теперь уже надолго утвердившимся здесь завоевателям Греции — римлянам, все более превращалась в своеобразный музей под открытым небом, привлекавший туристов со всех концов позднеантичного мира не только своими достопримечательностями, но и своими диковинными обычаями, которые любой чужеземец мог теперь увидеть воочию, тем ярче становился тот нимб политической безупречности (чуть ли не святости), которым окружили государство Ликурга уже его самые первые почитатели. Даже такой в общем вполне здравомыслящий и не склонный к чрезмерной эмоциональности историк, как Полибий (II в. до н. э.), и тот в своей «Всеобщей истории» включает давно уже растерявшую остатки своего бывшего могущества Спарту в число наиболее прославленных государств античной ойкумены, сравнивая ее конституцию с конституциями таких великих держав древности, как недавно сошедший с исторической арены Карфаген и подчинивший себе уже почти все Средиземноморье Рим (Polyb. VI, 48, 2—5; 50; 51, 1—4).

Но настоящим гимном Спарте и ее законодателю стало «Жизнеописание Ликурга», написанное (уже во II в. н. э.) Плутархом и включенное в его прославленную серию «Сравнительных жизнеописаний». Можно с уверенностью утверждать, что именно это сочинение, в какой-то степени повторяющее «Лакедемонскую политику» Ксенофонта, но далеко превосходящее ее своими литературными достоинствами, навсегда запечатлело в европейской литературе тот хрестоматийный образ Спарты, к которому обращались все новые и новые поколения читателей, находя в нем сообразно со своим умонастроением и взглядами на жизнь то непреодолимо влекущий к себе образец для подражания, то, наоборот, мрачный и отталкивающий портрет государства-казармы. Сам Плутарх, несомненно, стремился сделать Спарту именно своеобразным идеалом или эталоном государства, хотя ему, конечно же, было известно, что мнения эллинов об этом полисе были весьма разноречивы. Ведь в его распоряжении еще находилась вся та огромная, впоследствии почти бесследно исчезнувшая литература, которая была написана в древности об этом своеобразном, постоянно привлекавшем к себе внимание мыслящих людей государстве. Приступая к своему рассказу о Ликурге, писатель на мгновение останавливается в некоторой растерянности, окидывая взглядом всю ту обширную, но невероятно противоречивую информацию, которую ему удалось извлечь из запыленных свитков, написанных его предшественниками. «О законодателе Ликурге, — замечает он в самом начале своей биографии, — невозможно сообщить ничего строго достоверного: и о его происхождении, и о путешествиях, и о кончине, а равно и о его законах, и об устройстве, которое он дал государству, существуют самые разноречивые рассказы» (Плутарх. Ликург 1;

пер. С. П. Маркиша). Сразу же выясняется, что даже о времени жизни Ликурга все судят по-разному. И все же, несмотря на столь неутешительное, как мы сказали бы теперь, состояние источников, Плутарх, преодолев минутные колебания, бодро приступает к своему рассказу, обещая, что будет далее «следовать сочинениям наименее противоречивым или же опирающимся на самых прославленных свидетелей», — заверение для современно историка малоутешительное и скорее способное скомпрометировать в его глазах великого мастера биографического жанра. Впрочем, Плутарх и сам склонен был считать и даже прямо писал об этом (Plut. Alex. I), что такие скучные занятия, как детальный анализ источников, сопоставление их показаний, устранение противоречий, вовсе не входят в его обязанности, «ибо мы пишем не историю, а биографию». Действительно, в тексте «Жизнеописания Ликурга» мы не найдем никаких следов авторской работы с источниками. Чаще всего Плутарх, видимо, выбирает из нескольких версий рассказа об одном и том же событии или об одном и том же спартанском обычае ту, которая импонирует ему больше других тем, что она лучше вписывается в общую идеализирующую концепцию его сочинения. При таком обращении с материалом источников, естественно, была утрачена масса фактов, представляющих собой огромную ценность для современного историка и теперь, увы, невозвратимых, хотя Плутарху они еще были известны и он мог бы спасти их для исторической науки. Зато ему удалось создать действительно впечатляющую и с литературной точки зрения мастерски сделанную картину осуществленной утопии, во многом напоминающую как более ранние, так и более поздние проекты идеального государства от Платона до Фурье, но выгодно отличающуюся от всех этих проектов уже одним тем, что Спарта была реально существующим греческим полисом, а населяющие ее спартиаты живыми людьми из плоти и крови, отнюдь не фантастическими, существовавшими лишь на бумаге обитателями всевозможных «Магнезий» (так назывался утопический город, придуманный Платоном в «Законах») и «Городов солнца».

Вероятно, именно это ощущение исторической достоверности, которое Плутарх сумел внушить читателям, мысль о воплотившейся в жизнь мечте о совершенном общественном устройстве и привлекали к Спарте самое пристальное внимание многих поколений европейской читающей публики уже много веков спустя после того, как она перестала существовать как реальное греческое государство, далеко за пределами античной эпохи. Следует особо подчеркнуть, что и в эпоху Возрождения, и в Новое время «государство Ликурга» в отличие от большинства других древних государств так до конца и не стало объектом спокойного и беспристрастного или, как говорится, академического изучения. Очень

часто представители самых различных, иногда прямо противоположных друг другу течений общественной мысли или просто политических группировок обращались к Спарте как к важному историческому прецеденту, подтверждающему правильность их программ и теорий. С примерами такого использования спартанского опыта мы сталкиваемся в пропагандистской литературе испанских иезуитов и французских кальвинистов, английских пуритан и французских революционеров-якобинцев, немецких романтиков и в гораздо более позднее время германских нацистов. Совершенно очевидно, что каждая из этих политических или литературно-художественных группировок воспринимала Спарту по-своему, выдвигая на первый план те ее черты и особенности, которые ей более всего импонировали в этом государстве, стараясь не замечать всего остального. Так, в годы Великой французской революции Спарта стала для многих живым воплощением знаменитого лозунга «свобода, равенство и братство». Бюсты Ликурга (сделанные, разумеется, по воображению, так как никаких достоверных изображений великого законодателя не сохранилось) стояли на площадях и в общественных зданиях революционного Парижа рядом с бюстами последнего республиканца Катона и двух Брутов: основателя Римской республики и знаменитого тираноубийцы. При этом столь высоко ценившие Спарту деятели революции помнили лишь о том, что государство это никогда не знало власти тиранов и что все спартиаты были равны между собой, начисто забыв о том, что эта спартанская свобода и равенство были неотделимы от жесточайшего угнетения илотов, полицейской слежки за каждой «подозрительной личностью», свирепой военной муштры, ставшей основным принципом в воспитании подрастающего поколения граждан, и многих других черт, способных внушить лишь антипатию каждому свободомыслящему человеку. И, наоборот, много позже идеологи германского фашизма в своих сочинениях превозносили Спарту именно за то, что она никогда не знала ни настоящей свободы, ни равенства, ни братства, что в ней царили железная дисциплина, порядок и законопослушание. В Спарте они видели прямой прототип своего собственного «тысячелетнего рейха», государство, в котором немногочисленное сообщество представителей «высшей расы» силой оружия заставляло повиноваться огромные толпы «недочеловеков» (Сталинград и Фермопилы в обращении Геринга к солдатам армии Паулюса — запись на полях страницы рукописи. — *Л. Ш.*).

Можно сказать с полной уверенностью, что в течение довольно длительного времени непреходящая политическая актуальность спартанской темы препятствовала ее серьезному и объективному освоению исторической наукой. В особенности это относится к немецкой историографии, так как именно в ней восхваление Спарты стало чуть ли не общеобя-

зательной нормой, назойливым лейтмотивом, повторяющимся почти во всех общих курсах греческой истории, а также и во многих специальных работах. Уже в 20-х гг. XIX века К. О. Мюллер противопоставил спартанцев и вообще дорийцев как живое воплощение лучших качеств греческой народности и носителей «подлинно эллинского духа» «упадочным, вырождающимся» ионийцам. Своей кульминации этот апофеоз Спарты достиг, как мы уже видели, много позже в «трудах» фашистских историков III Рейха, пытавшихся с помощью ссылок на авторитет «государства Ликурга» оправдать всю преступность и бесчеловечность нацистской политической системы.

Разумеется, далеко не все европейские ученые разделяли и поддерживали этот безудержный восторг перед наиболее реакционным из всех политических режимов Древней Греции. Среди определенной их части эта тенденция с самого начала вызвала резко отрицательную реакцию. Так, крупнейший английский историк XIX века Дж. Грот во II томе своей фундаментальной «Истории Греции» обрушился с резкой критикой на Мюллера и его германских единомышленников, доказывая, что Спарта никогда не была «эталонem чистого эллинизма», что, напротив, это государство резко отличается от всех других греческих полисов, поскольку его становление протекало в совершенно особых исторических условиях. Ожесточенная борьба с соседями и постоянная угроза восстания илотов внутри государства уже очень рано превратили Спарту в своеобразный военный лагерь, вся жизнь которого была подчинена суровой казарменной дисциплине. В отличие от Мюллера Грот отнюдь не склонен был идеализировать Спарту. В той же античной традиции, которая представила Спарту наиболее совершенным из всех греческих государств, которое именно в силу своего совершенства пользовалось необыкновенно высоким авторитетом в эллинском мире, Грот нашел целый ряд фактов, прямо противоречивших этой красивой легенде. Объединив эти факты, он сумел показать, что реальная Спарта представляла собой военно-полицейское государство с типично олигархическим режимом, основанным на слепом повиновении большинства меньшинству и на жесточайшем угнетении поработанного илотского населения замкнутой кастой полноправных спартиатов. Не оспаривая исторической реальности великого законодателя Ликурга, Грот тем не менее признал вымышленными многие из его законов. Особенно сильные сомнения вызвали у него рассказы древних о будто бы существовавшем в Спарте имущественном равенстве всех граждан. На самом деле, как считал Грот, в Спарте, как и повсюду в Греции, были и бедные, и богатые. Спартакское равенство было скорее проформой вроде чисто внешнего равенства всех солдат, живущих в одной казарме.

Грот был первым европейским историком, который попытался трезво и беспристрастно разобраться «в существе спартанского феномена» и, не впадая в панегирический тон, перевести там, где это было возможно, язык легенды на язык исторической науки.

Много позднее немецкий историк Р. фон Пёльман, автор весьма популярной в свое время «Истории античного социализма и коммунизма», развивая и вместе с тем несколько модифицируя основную мысль Грота, квалифицировал Спарту как особый «военный тип общества» (*Kriegerische Gesellschaftstypus*), «необходимым коррелятом которого является государственный социализм». В книге Пёльмана Спарта, а заодно с ней и во многом близкие ей дорийские полисы Крита подверглись сильнейшей модернизации в духе государственно-монополистического капитализма конца XIX — начала XX в. и вместе с тем были как бы выхвачены из общего потока греческой истории, превращены в некое совершенно изолированное явление, ничего общего с этим потоком не имеющее.

В последующее время к этой же теме не раз обращались и многие другие историки, в том числе такие крупные ученые, как Г. Бузольт, Эд. Мейер, Г. Глоц, В. Эренберг, М. Нильсон, А. Тойнби, С. Я. Лурье и ряд других. ореол загадочности, окружавший в древности «государство Ликурга», как будто начал постепенно рассеиваться. Тем не менее, несмотря на всю проделанную исследовательскую работу, многие важные вопросы, в особенности относящиеся к древнейшему прошлому Спарты, практически так до сих пор и остаются нерешенными или же решаются на уровне более или менее правдоподобных гипотез и догадок, нередко довольно сильно между собой различающихся. Так, в частности, обстоит дело с вопросами о происхождении важнейших спартанских политических и социальных институтов, в том числе двойной царской власти, так называемого эфората, специфической спартанской формы рабства — илотии, знаменитой системы воспитания и т. д.

По существу не решен современной наукой и центральный вопрос всей истории Спарты, столь занимавший древних мыслителей, — вопрос о причинах поразительного своеобразия этого государства и столь же поразительного, можно даже сказать, из ряда вон выходящего его могущества. Как мы уже знаем, древние решали эту проблему в общем довольно просто, выводя Спарту со всеми ее экзотическими обычаями и с ее огромным военным потенциалом из головы великого законодателя Ликурга подобно тому, как некогда, согласно греческому мифу, богиня-воительница Афина в полном вооружении вышла из головы отца своего Зевса. Современных историков столь простое и незамысловатое решение этого важного вопроса уже не может удовлетворить. Они всячески стре-

мятся освободить раннюю историю Спарты от привнесенных в нее античной традицией элементов наивного антропоцентризма. Поэтому даже те из них, кто не оспаривает прямо исторической реальности Ликурга и его законодательства, пытаются найти какие-то скрытые объективные причины, которые чуть ли не с самого начала спартанской истории, т. е. с IX или VIII в. до н. э., направили развитие Спарты по совсем необычному, по крайней мере для греческого государства, пути. Одни ученые, как, например, упоминавшийся уже Грот, придают особое значение обстановке хронической военной опасности, которая в их понимании и превратила Спарту в образцовое милитаристское государство. Многие авторы, писавшие о Спарте, пытались объяснить необычность этого государства его будто бы исконной экономической и культурной отсталостью, изолированностью от других греческих государств и вообще от всего внешнего мира. Одно здесь, несомненно, тесно связано с другим. Но вот что из чего вытекает: своеобразие из отсталости или наоборот, что первично и что вторично, пока остается неясным, ибо в принципе допустимы оба эти решения вопроса.

По мнению некоторых историков, спартанцы добровольно обрекли себя на глухую изоляцию и культурный застой для того, чтобы сохранить в неприкосновенности свои древние обычаи, унаследованные от далеких дорийских предков, и тем самым уберечь самих себя от разлагающего влияния чуждых порочных нравов, обычно проникающих в государство вместе с предметами роскоши, бродячими философами и вообще, праздношатающимися иноземцами, в особенности же вместе со звонкой монетой, открывающей путь к обогащению одних и обнищанию других, а, следовательно, к гражданским смутам и неурядицам и в конце концов к упадку государства. Всю эту взаимосвязь причин и следствий очень хорошо понимали уже древние. Поэтому в число первых мероприятий, проведенных Ликургом, когда спартанцы наделили его правами законодателя, они обычно включали запрет на использование какой-либо другой монеты, кроме старинных железных обол, давно уже потерявших всякую ценность за пределами Спарты, и тщательный контроль властей за въездом в государство всяких «посторонних элементов», а также и за выездом из него самих спартиатов. «Возить железные деньги в другие греческие города было бессмысленно, — писал Плутарх об этих распоряжениях Ликурга (Плутарх. Ликург 9), — они не имели там ни малейшей ценности, и над ними только потешались, — так что спартанцы не могли купить ничего из чужеземных пустяков, да и вообще купеческие грузы перестали приходить в их гавани. В пределах Лакедемона теперь не появлялись ни искусный оратор, ни бродячий шарлатан-предсказатель, ни сводник, ни золотых или серебряных дел мастер — ведь там

не было больше монеты! Но в силу этого роскошь, понемногу лишившаяся всего, что ее поддерживало и питало, сама собой увяла и исчезла». Комментируя это свидетельство Плутарха, можно вспомнить, что спартанцы были далеко не единственным народом, сознательно отгородившимся от всего внешнего мира во имя приверженности к «святой старине» и проникшимся глухой враждой и даже презрением и ненавистью ко всему чужеземному. Рядом с ними можно поставить в этом отношении средневековые Китай и Японию, Московскую Русь, многие дикие племена Африки, Америки и т. д. как в древности, так и в сравнительно недавние времена.

Кое-кто из числа более поздних поклонников Спарты, например уже известный нам К. О. Мюллер, попытался увидеть в столь пылкой привязанности спартанцев к их древнему житейскому укладу нечто в высшей степени трогательное и возвышенное. Ведь сам этот уклад был, в понимании Мюллера, живым наследием древнейшего прошлого всех эллинских племен. Спартанцы, таким образом, оказывались, следуя рассуждениям немецкого историка, хранителями не только самого чистого «доризма» (Dorenthum), но и совершенно чистого беспримесного эллинизма (Hellenthum), т. е. подлинно греческого духа и греческих идеалов. Отсюда проистекало, как полагал Мюллер, ярко выраженное тяготение других греков к Спарте и спартанцам. Надо сказать, что мысль эта особенно импонировала людям, причислявшим себя к так называемой нордической расе в Германии и некоторых других странах Западной Европы, которые всегда не прочь были побаловать себя мечтами о своем близком родстве по крови и духу с древними греками и в особенности со спартанцами, которых они склонны были считать самыми лучшими из всех греков.

А между тем наука продолжала развиваться, и вскоре, к ужасу distinguished немецких бюргеров, горделиво сравнивавших себя то со спартанцами, то с римлянами, обнаружилось, что курьезные спартанские обычаи, о которых сообщают Ксенофонт и Плутарх, вроде обмена женами, практиковавшегося среди спартиатов, узаконенного воровства, к которому приучали мальчиков, воспитывавшихся в агелах, знаменитой порки эфебов у алтаря святилища Артемиды Орфии и т. п. имеют самое близкое, можно сказать, фамильное сходство с обычаями таких, в то время еще считавшихся дикими народов, как африканские чернокожие, американские индейцы, аборигены Австралии, Новой Гвинеи, обитатели Меланезии и многие другие. Признаков сходства оказалось так много, что известный немецкий этнограф Г. Шурц даже назвал Спарту «настоящим музеем древних, повсеместно уже исчезнувших из культуры обычаев». Едва ли есть надобность доказывать, что это открытие нанесло

весьма чувствительный удар по лженаучным конструкциям историков-расистов, пытавшихся объяснить своеобразие спартанского общества принадлежностью самих спартиатов к какой-то «высшей расе».

В первые десятилетия XX в. представление о Спарте как о варианте реликтового искусственно приостановленного в своем развитии общества широко распространилось в европейской историографии. Крупнейший немецкий историк рубежа столетий Эдуард Мейер прямо признал в своей монументальной «Истории Древности», что в Спарте первоначальная племенная община завоевателей-дорийцев (*Wehrgemeinde*) благополучно миновала в своем развитии стадию «господства знати», которую прошли почти все остальные греки еще в течение так называемого гомеровского периода, и перешла непосредственно на стадию города-государства, или полиса.

Другой немецкий ученый В. Эренберг, посвятивший Спарте целый ряд специальных исследований, сделал еще более решительный шаг в том же направлении, категорически утверждая, что видит в Спарте «государство, которое никогда не имело ничего общего с подлинной сущностью полиса», ибо по своей сути всегда оставалось лишь несколько видоизмененной первобытной общиной.

Вполне возможно, что это звучащее чересчур безапелляционно суждение Эренберга было лишь ответом на высказанное несколько ранее мнение известного историка и философа-социолога М. Вебера, который расценивал Спарту как «доведенное до своих крайних последствий дальнейшее самое крайнее развитие древнего города-государства». Эта оценка, которая на первый взгляд может показаться сильно преувеличенной, в действительности же не столь далека от истины и во всяком случае вполне согласуется с теми суждениями, которые высказывались о Спарте в древности, логически вытекает из общей веберовской концепции античного полиса, согласно которой любой полис основан на военном профессионализме узкой касты полноправных граждан — гоплитов, силой оружия осуществляющих свое господство над массой поработленного и неполноправного населения.

В этой связи нам хотелось бы заметить, что переоценивать спартанский примитивизм в духе Эд. Мейера или Эренберга было бы опасно, впрочем, так же, как и совсем не видеть его. Совершенно очевидно, что первобытное племенное сообщество, с точки зрения исторической типологии почти ничем не отличающееся от примерно таких же сообществ, существовавших среди североамериканских индейцев, обитателей Восточной и Южной Африки, некоторых районов Юго-Восточной Азии и т. д., едва ли могло бы выдержать длительное военное соперничество с крупнейшим из государственных образований тогдашнего греческого

мира — Афинской морской державой и после этого на несколько десятилетий утвердить свою гегемонию в Греции. Кроме того, этнографические параллели, как бы много ни давали они для объяснения происхождения отдельных спартанских институтов, неспособны объяснить самую примечательную черту спартанского общества — его парадоксально соединенную с примитивизмом ярко выраженную нетрадиционность. Отдельные спартанские обычаи, социальные и государственные учреждения могли иметь весьма почтенный возраст, восходящий к тем временам, когда основавшие Спарту дорийцы еще обитали в краях, весьма удаленных от долины Еврота. Однако, взятые в своей совокупности, они составляли систему, сильно отклоняющуюся от привычных стандартов так называемых примитивных обществ. Напомним еще раз о таких ее особенностях, как суровая и бескомпромиссная военная дисциплина, государственный контроль над повседневной жизнью граждан, ограничение их хозяйственной и всякой иной самостоятельности, далеко превышающее обычные греческие нормы развитие полицейского репрессивного аппарата, очевидно, сознательно принятая установка на изоляцию всего государства от внешнего мира, вероятно, также продуманная и планомерная политика «замораживания» экономического и культурного развития общества.

Все это вместе взятое достаточно ясно показывает, что перед нами отнюдь не примитивная племенная организация, но государство, и к тому же весьма необычное, которое едва ли могло возникнуть естественным путем в процессе постепенного разложения первобытных социальных структур, нарастания частнособственнических тенденций, образования классов рабов и рабовладельцев и т. п.

Понять основные особенности механизма становления спартанского государства, определить, в чем заключалось его историческое своеобразие и что обусловило его весьма необычную историческую судьбу — таковы главные цели, которые ставит перед собой и перед читателями автор этой книги.

Часть I

СТАНОВЛЕНИЕ
СПАРТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1

ДРЕВНЕЙШАЯ СПАРТА. ОТ ПОХИЩЕНИЯ ЕЛЕНА ПРЕКРАСНОЙ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГЕРАКЛИДОВ

Спарта — общепринятое в современной исторической науке обозначение греческого государства, о котором идет речь в этой книге. Между тем в древности это государство называлось совсем по-другому. Его официальным наименованием, засвидетельствованным в многочисленных источниках, как литературных, так и эпиграфических, было Лакедемон. В соответствии с этим его граждане и в официальных документах, и в обиходной речи именовались «лакедемонянами», а спартанские воины — гоплиты изображали на своих круглых щитах большую букву «Л» или, как называли ее греки, лямбду. Имя «Спарта» носила только столица лакедемонского государства, расположенная в юго-восточной части полуострова Пелопоннес на территории области, которая называлась в древности Лаконией¹. Но Спарта была не просто столицей Лакедемона. Она представляла собой как бы государство в государстве постольку, поскольку населявшие ее спартиаты составляли особое, господствующее сословие, твердо державшее в своих руках бразды государственного правления. Все прочие лакедемоняне, жившие в небольших городках, разбросанных по территории Лаконии и соседней с нею области Мессении (юго-западная часть Пелопоннеса), принадлежали

¹ Первоначально территория Лакедемона, по-видимому, ограничивалась пределами собственно Лаконии, так что оба эти понятия могли совпадать. Прилагательное «лаконский» в греческой литературе практически используется как синоним сравнительно поздно вошедшего в употребление слова «спартанский». Были широко известны, например, своеобразные лаконские обычаи, лаконский покрой одежды, лаконские прически, и, наконец, ставшая нарицательной лаконская (лакони́чная) манера выражать свои мысли — кратко и остроумно.

Ил. 1. Еврот близ Спарты

к сословию неполноправных периеков (буквально «живущих вокруг») и никакого реального участия в управлении делами государства не принимали. Такая структура лакедемонского государства, в целом не характерная для греческого мира, была результатом его длительного исторического развития, о котором будет сказано несколько позже.

Колыбелью и главным жизненным центром спартанского государства была долина реки Еврот (*ил. 1*), ограниченная с двух сторон вытянутыми почти параллельно друг другу горными хребтами Тайгета (на западе) и Парнона (на востоке). На севере долина Еврота постепенно переходит

Ил. 2. Мыс Тенар

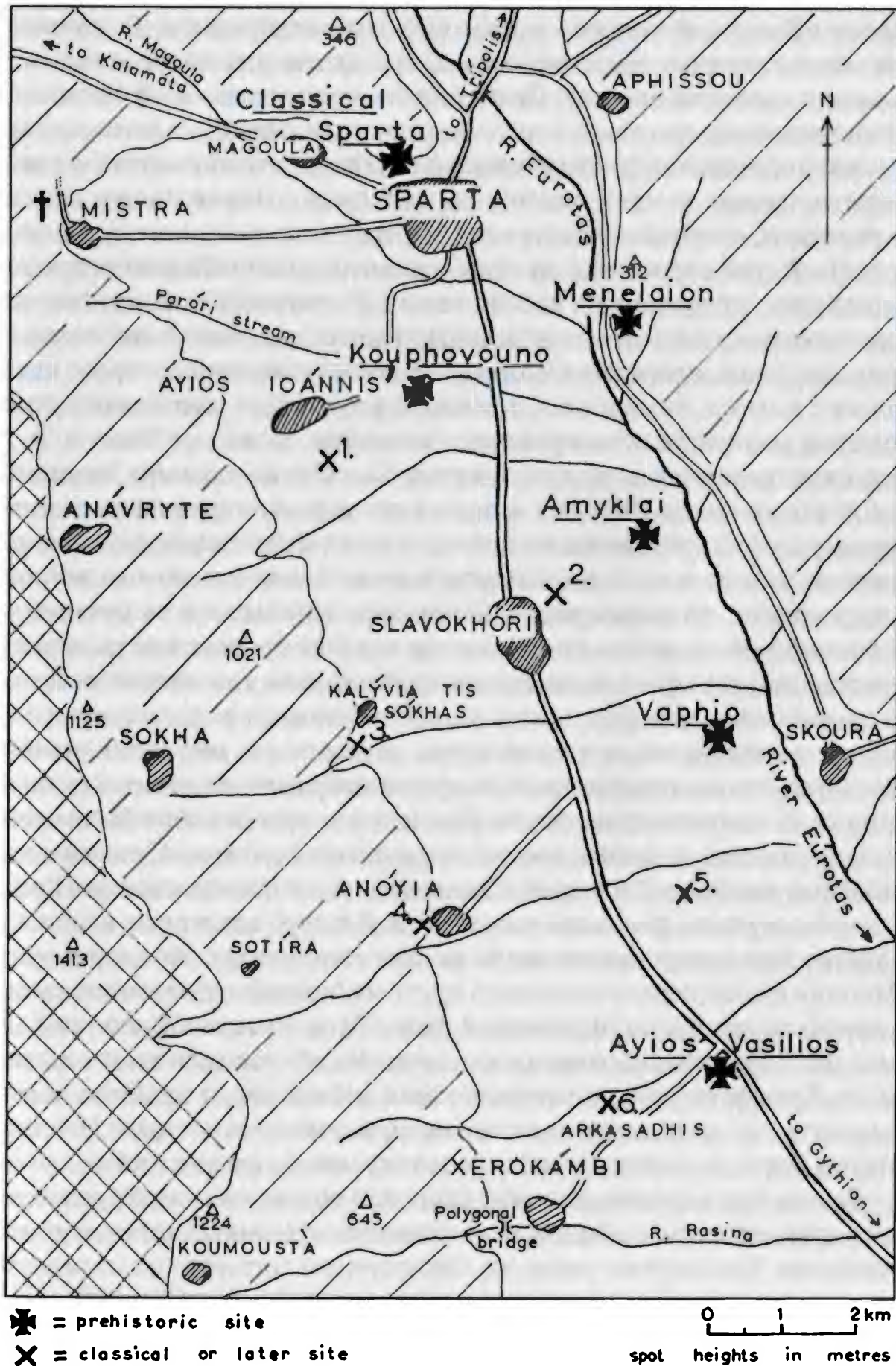
в Аркадское нагорье, занимающее центральную часть Пелопоннеса. Отсюда с южных границ Аркадии берет свое начало Еврот. На юге, постепенно все более расширяясь (ее ширина достигает здесь около 25 км, на севере она составляет всего 6 км), долина Еврота выходит к Средиземному морю или, точнее, к глубоко вдающемуся в сушу Лаконскому заливу, в который и впадает Еврот. От соседнего с ним Мессенского залива Лаконский залив отделяет на западе скалистый мыс Тенар (ил. 2). От Эгейского моря (в южной его части) Лаконский залив отделен вторым таким же мысом Малей, естественным продолжением которого может считаться большой остров Кифера (Цитера). Места эти в древности считались особо опасными для мореплавателей из-за обилия подводных мелей и рифов, а также часто дующих здесь неблагоприятных ветров. Поэтому древнегреческие мореходы, плывшие с востока на запад — из Эгейского моря в Ионическое и в противоположном направлении, нередко предпочитали тащить свои корабли волоком через Коринфский перешеек, или, как называли его древние, Истм, чтобы тем самым избежать необходимости вести их в обход грозных мысов Малей и Тенар.

Как мы видим, сама природа позаботилась о том, чтобы надежно изолировать Лаконию и Спарту от внешнего мира, не исключая и ее ближайших соседей по Пелопоннесу. Как сухопутные, так и морские пути, ведущие в этот своеобразный уголок Южной Греции, всегда были крайне неудобны и труднопроходимы. Со временем эта естественная обособленность Спарты была еще более усилена той глухой стеной

Карта 1. Окрестности Спарты

политической изоляции, которую сами спартанцы сознательно воздвигли, чтобы оградить свое государство от «вредоносных» чужеземных влияний. Следует заметить, что спартанцы были, может быть, единственными из греков, которые могли позволить себе такую роскошь, как жизнь в гордом одиночестве при полном прекращении торговых и всяких иных сношений с другими греческими и варварскими государствами. Дело в том, что природа Лаконии в избытке снабжала их всем необходимым.

Карта 2. Спартанская долина

Долина Еврота отличалась чрезвычайным плодородием. Ее тучные, хорошо орошенные земли регулярно, за исключением засушливых лет, давали по два урожая в год. Другие греки, не исключая и афинян, теснившиеся на каменистых, плохо поддающихся обработке землях, с завистью поглядывали на спартанцев, снимавших со своих полей и садов богатые урожаи ячменя, пшеницы, винограда, оливок. Еще и сейчас окрестности современного города Спарты, расположенного, как и его античный предшественник, примерно в центре долины Еврота на правом берегу реки, представляют собой сплошной цветущий сад, засаженный цитрусовыми, масличными и шелковичными деревьями. Вечнозеленые тенистые сады, прорезанные оросительными каналами и перемежающиеся с полями, засеянными пшеницей и кукурузой, составляют разительный контраст с обрывистыми скалистыми склонами Тайгета, господствующими над всей этой местностью. Самые высокие вершины Тайгета превышают 2000 м и в холодное время года покрываются снегом. Горные хребты, окружающие долину Еврота почти сплошной стеной с запада, севера и востока, защищают ее от холодных зимних ветров, а в древности, по-видимому, служили защитой также и от вражеских вторжений. В античную эпоху склоны гор еще были покрыты лесами и зарослями кустарника, позднее вырубленными или истребленными лесными пожарами. Эти леса в достатке снабжали спартанцев строительным материалом и в то же время служили для них охотничьими угодьями, позволявшими несколько разнообразить довольно скудный рацион их коллективных обедов. Кроме того, горы Лаконии были чрезвычайно богаты ценными породами строительного камня, такими как лабрадор-порфирит, который в древности так и назывался «*lapis Laedæmonius*» (лакедемонский камень)², и мрамор (некоторые вершины Тайгета были целиком сложены из этого минерала). На территории Лаконии существовало несколько крупных (конечно, по греческим понятиям) месторождений железной руды. Одно из самых значительных находилось на южной оконечности мыса Малей неподалеку от городка Бойи. Благодаря этому спартанцы были избавлены от необходимости вывозить это ценное стратегическое сырье из других стран: Италии, Малой Азии, Закавказья — как это делали многие другие греки.

Такова была созданная самой природой сцена, на которой разыгрались драматические события, открывающие историю спартанского государства. Приходится сразу же предостеречь читателя от излишней

² Необработанные блоки этого камня были найдены на Крите во время раскопок знаменитого Кносского дворца, из чего следует, что лаконский лабрадор добывался и вывозился за пределы страны еще в эпоху бронзы.

доверчивости, напомнив ему о том немаловажном обстоятельстве, что события эти скрыты от нас в почти непроницаемой мгле минувших тысячелетий. Никаких современных этим событиям исторических свидетельств не сохранилось, если не считать весьма скудных археологических находок, о которых будет сказано особо. Древнейшее прошлое Спарты известно нам лишь в той мере, в которой оно освещено в дошедших до нас греческих преданиях и легендах, степень исторической достоверности которых, как и всякой фольклорной, т. е. передаваемой изустно, традиции, может оказаться совсем ничтожной. Тем не менее совершенно пренебречь этими практически единственными имеющимися в нашем распоряжении источниками исторической информации было бы, конечно, неблагоприятно.

Согласно преданию, одним из самых древних царей Спарты был Тиндарей, правивший еще до Троянской войны, самого прославленного из всех событий в истории так называемого героического века. Жена Тиндарея, прекрасная Леда, произвела на свет шестерых детей, среди которых мы видим несколько популярнейших персонажей греческой мифологии и в том числе Елену, считавшуюся прекраснейшей из женщин Эллады, красота которой была столь велика, что вызвала унесшую множество человеческих жизней войну между греками и троянцами, ее сестру Клитемнестру, запятнавшую себя страшным злодейством — убийством собственного мужа царя Агамемнона, могущественнейшего из ахейских³ владык, и за это впоследствии убитую собственным сыном Орестом, и, наконец, двух божественных близнецов братьев Диоскуров: Кастора и Полидевка (Поллукса, в латинском варианте). Если верить мифу, двое из этих четверых детей Леды, а именно Полидевк и Елена были рождены ею не от ее земного супруга Тиндарея, а от самого громовержца Зевса, который овладел красавицей, приняв облик лебедя, когда она купалась в прохладных водах Еврота⁴.

Кастор и Полидевк еще в ранней юности прославились как могучие и доблестные воители. Они совершили много славных подвигов, участвовали вместе с другими героями в таких великих предприятиях, как поход аргонавтов за золотым руном и охота на калидонского вепря. Но братьям не суждено было унаследовать царский престол в Лакедемонии. В одной из схваток погиб Кастор, смертный сын смертного отца Тиндарея. Полидевк, наделенный, как и подобает сыну Зевса, даром

³ Ахейцы — обычное в эпосе и в мифах обозначение всего грекоязычного населения Балканского полуострова до прихода дорийцев.

⁴ Впрочем, само прозвище близнецов — Диоскуры (буквально «сыновья Зевса») — наводит на мысль о том, что первоначально они оба, а не один только Полидевк считались отпрысками верховного олимпийца.

вечного бессмертия, не пожелал пережить своего горячо любимого брата и хотел отправиться вслед за ним в мрачный Аид (царство мертвых). Но боги рассудили иначе. Они сделали так, что братья никогда уже больше не разлучались и один день проводили вместе в Аиде, на следующий же день тоже вместе возносились на Олимп⁵. Существует и еще одна версия мифа, согласно которой Диоскуры после смерти Кастора были превращены в созвездие Близнецов. Так или иначе оба брата почитались в Греции и особенно в Спарте как благодетельные божества, защитники государства, покровители мореплавателей и воинов⁶. Оставшись после исчезновения Кастора и Полидевка без мужского потомства, Тиндарей решил выдать замуж свою младшую дочь Елену Прекрасную. Привлеченные слухами о ее необыкновенной красоте в Спарту съехались со всей Греции самые могучие и доблестные герои в надежде добиться руки дочери Тиндарея. Но прежде чем Елена назвала своего избранника, ее отец потребовал от собравшихся в его дворце женихов, чтобы все они поклялись, что будут верными друзьями и союзниками тому из них, кому суждено стать супругом прекраснейшей из женщин. Выбор Елены пал на одного из прибывших из Микен — тогдашней столицы Аргολиды — братьев Атридов — Менелая (его старший брат Агамемнон к тому времени уже был женат на сестре Елены Клитемнестре). Перед смертью Тиндарей передал свой престол Менелая, который таким образом стал не только супругом Елены, но и царем Лакедемона.

Лакония была одним из важнейших районов микенского мира. Судя по данным раскопок, это была богатая, густо населенная страна. По числу известных в настоящее время поселений микенской эпохи Лакония лишь ненамного уступает Аргολиде — главному очагу микенской цивилизации на Пелопоннесе. Среди находок, сделанных на ее территории, имеются памятники первоклассного значения, как, например, купольная гробница в Вафио (центральная Лакония), при раскопках которой были найдены два великолепных золотых кубка минойской работы (см. цветн. вклейку).

В так называемом Каталоге кораблей гомеровской «Илиады» перечисляются 10 лаконских городов, существовавших (так, очевидно, думал сам поэт) во время Троянской войны и входивших в состав царства Менелая. Первое место среди них занимает город Лакедемон, названный в тексте *χοίλη* и *κητώεσσα*, т. е. «лежащий во впадине» («окруженный

⁵ По другой версии того же мифа, в то время как один из близнецов находился на Олимпе, другой занимал его место в Аиде, после чего они менялись местами.

⁶ Древние называли «огнями Диоскуров» электрические разряды, появлявшиеся на мачтах кораблей во время шторма. Считалось, что этими огоньками божественные близнецы освещают путь попавшим в беду морякам.

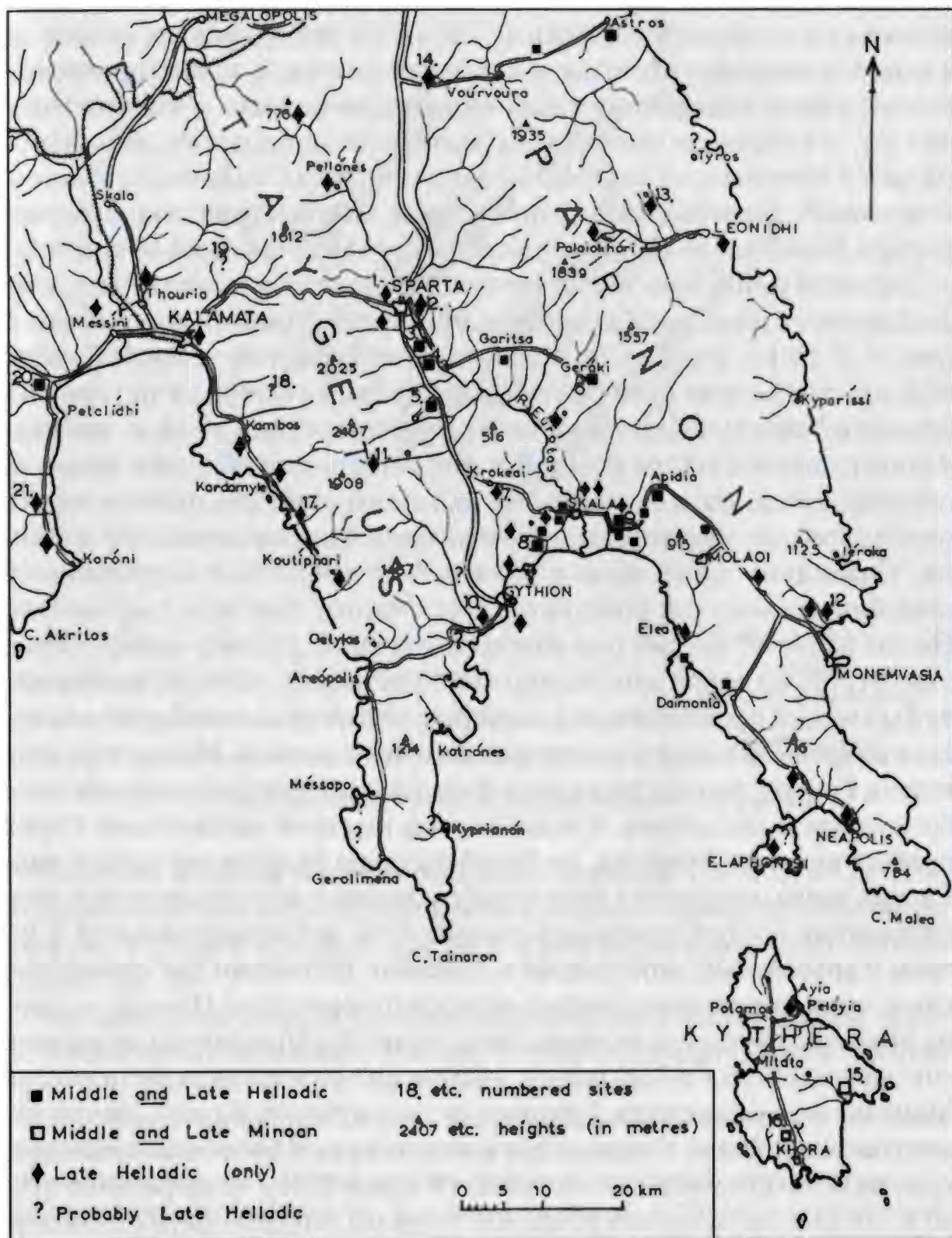
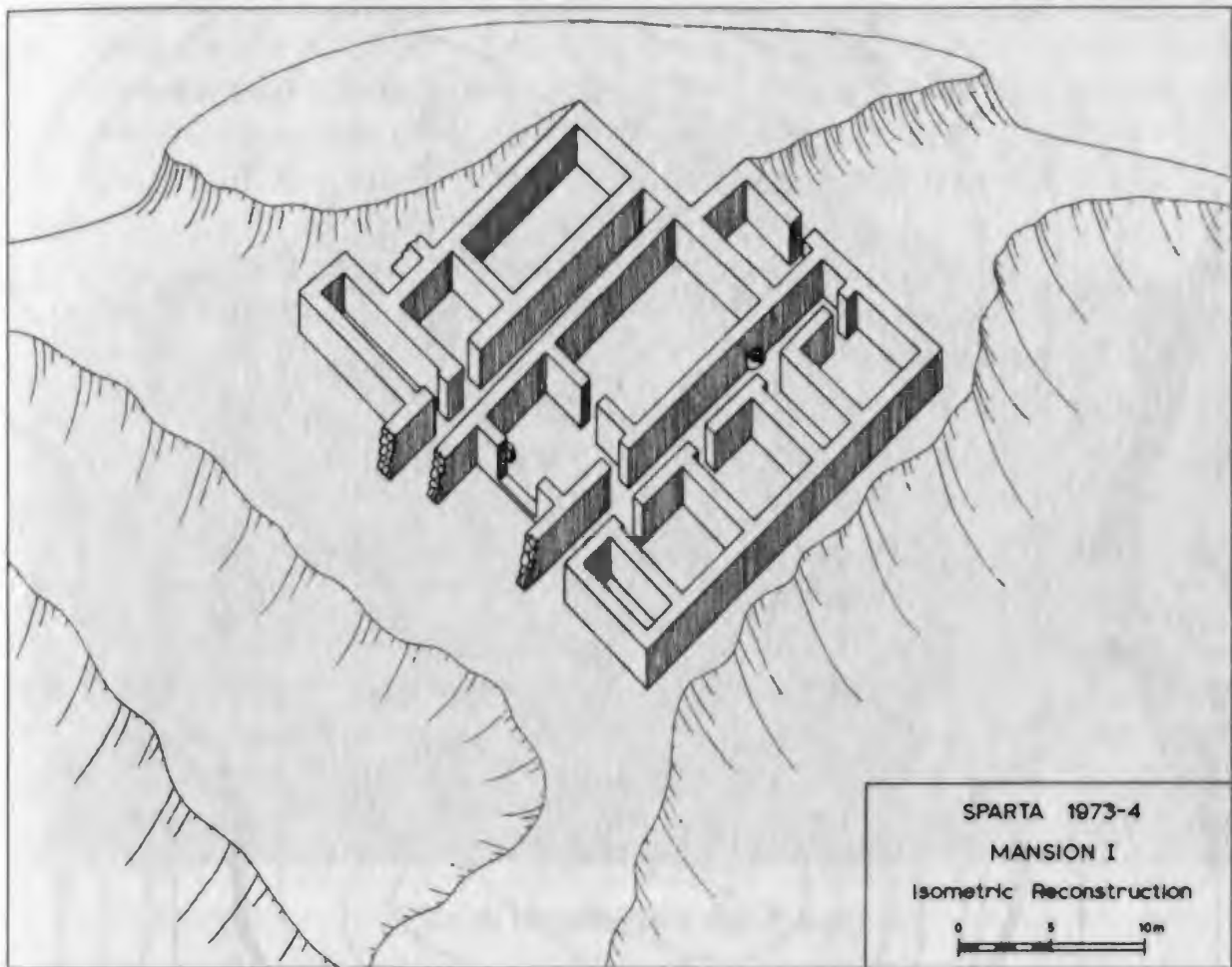

FIG. 25. 1, CLASSICAL SPARTA. 2, MENELAION. 3, AMYKLAION. 4, VAPHIO. 5, AYIOS VASILIOS. 6, GERAKI. 7, KROKEAI. 8, AYIOS STEPHANOS. 9, ASTERI. 10, MAVROVOUNI. 11, ARKINES. 12, EPIDAUROS LIMERA. 13, VASKINA. 14, AYIOS ANALIPIS. 15, PALAIOPOLIS. 16, LIONI. 17, LEUKTRO. 18, KOKKINOSCHOMATA (PEGADIA). 19, VOLIMOS (ATREMEIA). 20, NICHORIA (KARPOPHORA). 21, KAPHIRIO (LONGA)

горами») и «изрытый ущельями». Эпитеты эти относятся скорее не к самой резиденции Менелая, а к ее окрестностям, т. к. в исторический период города Лакедемона в Лаконии вообще не было — как уже говорилось, это название носило все спартанское государство, «лакедемонянами» именовалось все его население, включая и самих спартиатов, и периеков. Поэтому установить точное местонахождение столицы царства Менелая пока еще не удалось. Эпитеты: «лежащий во впадине» и «изрытый ущельями» очень хорошо передают наиболее характерные особенности ландшафта центральной части Лаконии (напомним о них. — *Л. Ш.*) — плодородной долины вдоль среднего течения Еврота, образованной двумя параллельными, идущими с севера на юг горными кряжами Тайгета и Парнона и поперечными грядами холмов, замыкающими долину с севера и юга. В совокупности они образуют какое-то подобие двора, со всех сторон обнесенного стенами, причем отроги горных хребтов действительно изрыты здесь многочисленными ущельями. Очевидно, где-то здесь и должен был находиться «царственный град Лакедемон», как Гомер называет столицу Лаконии в «Одиссее». Но где именно? До сих пор еще археологам не удалось обнаружить в этих местах ни одной монументальной постройки, которая напоминала бы своими пропорциями и внешним видом прославленные микенские дворцы-цитадели в других районах Пелопоннеса. Между тем, если верить Гомеру, дворец Менелая в Лакедемоне отличался невероятным богатством и роскошью. Когда Телемах из своей захолустной Итаки прибыл ко двору Менелая, он был буквально ошеломлен увиденным. Скорее всего, отсутствие надежных сведений о местоположении этой резиденции следует приписать случайности, неблагосклонности фортуны и археологам, работавшим в Лаконии. Вспомним для сравнения, как долго и мучительно тянулись поиски гомеровского Пилоса — дворца Нестора. Пока что за неимением лучшей кандидатуры археологи считают наиболее подходящим местом для размещения резиденции Менелая возвышенность Терапны на левом берегу Еврота, почти напротив позднейшей Спарты. Здесь, как показали раскопки, существовало микенское поселение, погибшее в конце XIII в. Центральное место в поселении занимала усадьба или вилла внушительных размеров (*ил. 3*), воздвигнутая на обширной подпорной террасе (так называемый Дом Даукинса). При раскопках виллы не удалось обнаружить ничего особенно интересного, кроме склада запечатанных амфор, вероятно винных, и нескольких фибул. Сооружение это мало похоже на уже известные микенские дворцы. Ничего похожего на мегароны Тиринфа и Пилоса здесь не найдено, нет архива, нет фресок, водопровода и других атрибутов дворцовой жизни.

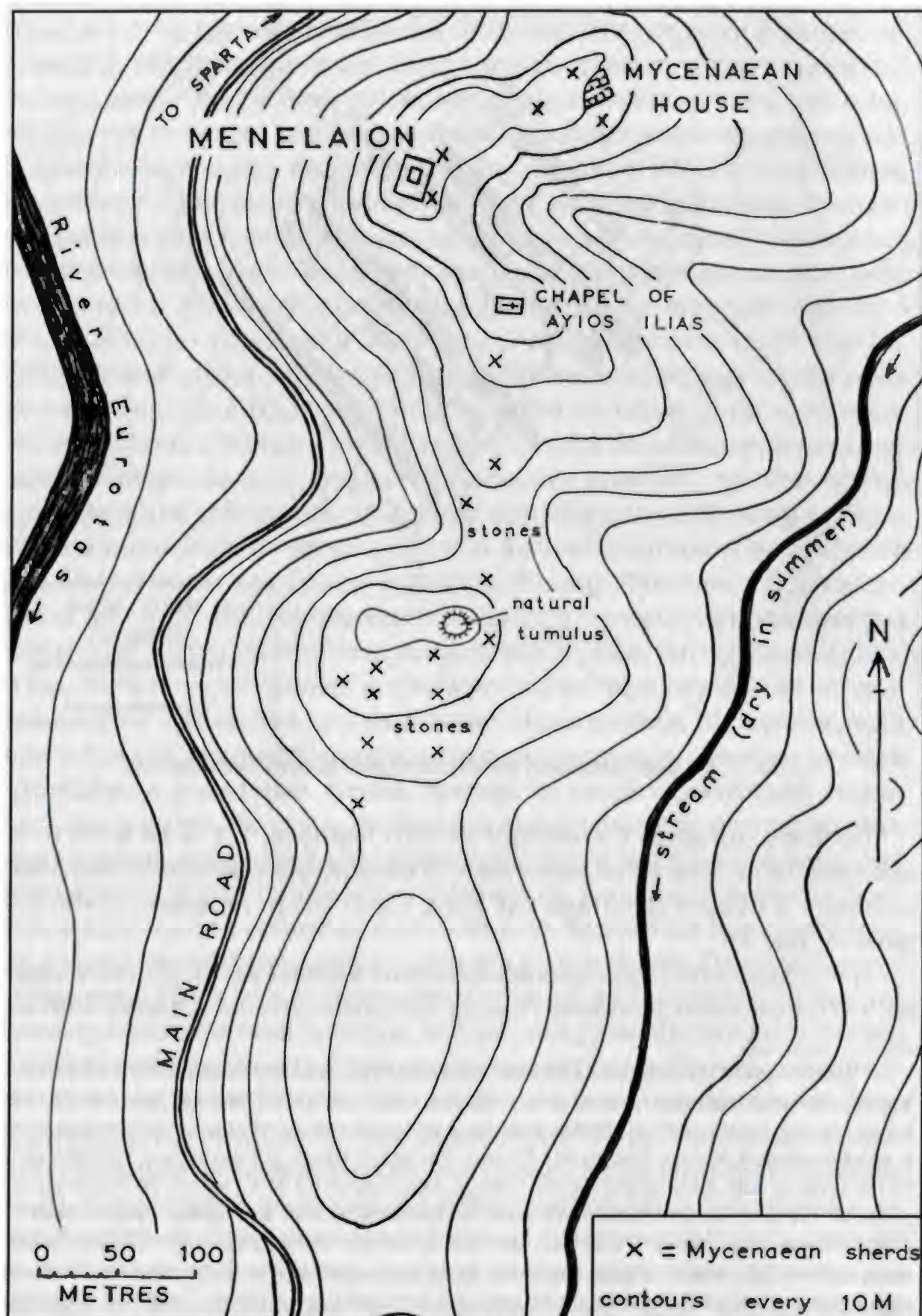

Ил. 3. Изометрическая реконструкция микенской виллы

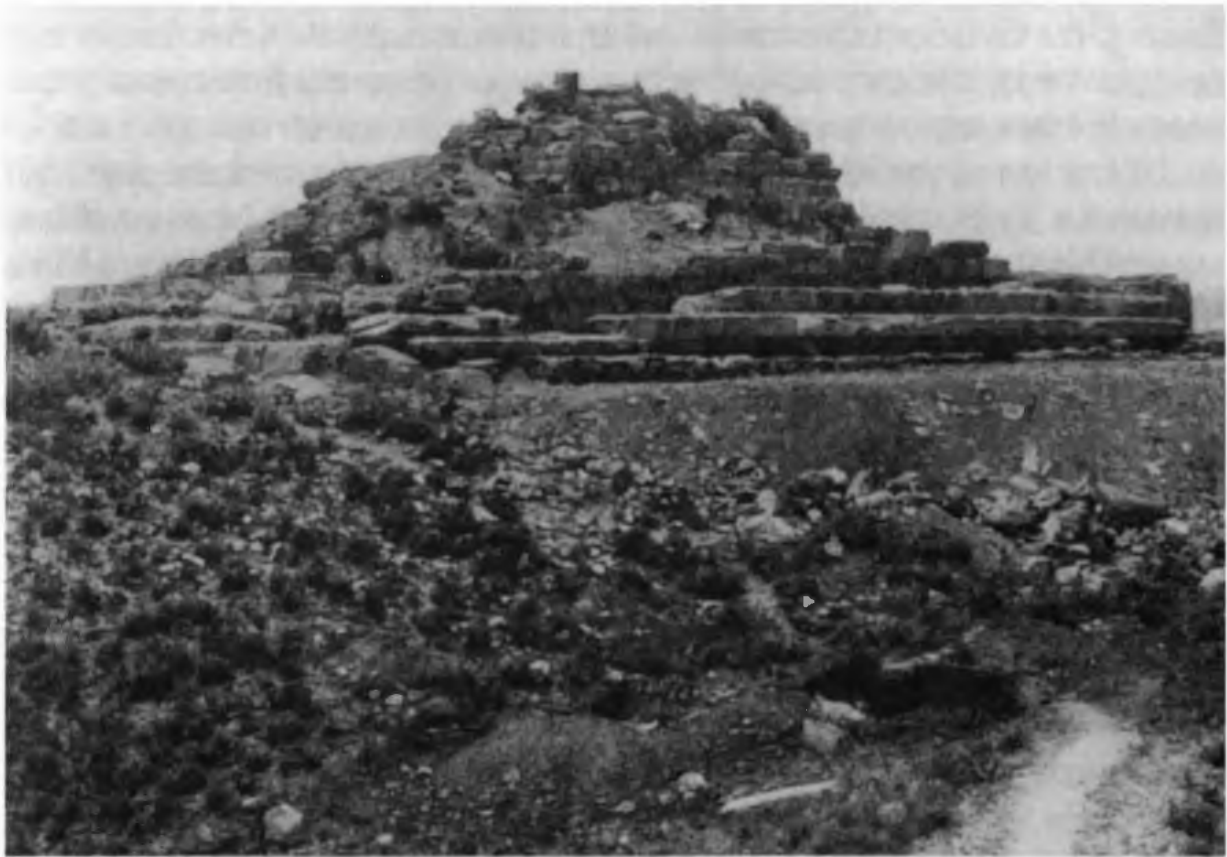
Позднее, начиная с геометрического периода, т. е. с IX в. до н. э., поблизости на этой же возвышенности находилось святилище Менелая, которого в Спарте почитали как бога. Само место называлось «Менелайон»⁷ (ил. 4).

Несколько лет супруги прожили мирно в своем великолепном дворце. Но потом, по выражению Гомера, начала «совершаться воля Зевеса»,

⁷ Что касается собственно Спарты, то в перечне лаконских городов в «Каталоге кораблей» она занимает всего лишь третье место, из чего можно заключить, что в микенское время это поселение еще не играло сколько-нибудь значительной роли в политической жизни Лаконии. До сих пор не удалось установить с достаточной точностью, было ли вообще какое-нибудь поселение на этом месте до прихода дорийцев. Несколько десятков черепков позднемикенской керамики, найденных на спартанском акрополе, — вот все, чем располагают пока археологи. Скорее всего, если кто-нибудь и жил в этих местах в те времена, это могла быть лишь небольшая деревушка, во всяком случае не дворец, не цитадель и не город. Заметим попутно, что само название «Спарта», согласно наиболее вероятному объяснению, означает «засеянное поле» (от гл. *σπερω*), из чего можно заключить, что в микенскую эпоху эта местность была занята сельскохозяйственными угодьями и, следовательно, не могла иметь большого населения.

Карта 4. Менелайон и его окрестности

Ил. 4. Менелайон. Вид с юга

который вместе с другими богами подталкивал греков к кровопролитной войне с их соседями, обитавшими на другом берегу Эгейского моря троянцами.

В отсутствие Менелая, в его дворце появляется юный красавец, троянский царевич Парис, которого направила сюда сама богиня любви Афродита, обещавшая своему любимцу, что в благодарность за его решение в знаменитом третейском суде она сделает его обладателем самой прекрасной женщины в мире. Действительно, с помощью своей божественной покровительницы Парис сумел быстро завоевать сердце Елены и склонил ее к бегству из супружеского дома. Обманутый Менелай вынужден был напомнить другим ахейским героям о клятве, которую они некогда дали отцу Елены Тиндарею, и при активной поддержке своего брата Агамемнона, самого могущественного из царей тогдашней Эллады, собрал огромное войско, с которым братья Атриды выступили в поход на Трою. Основные перипетии этого знаменитого похода достаточно хорошо известны читателю, и мы не будем специально на них задерживаться. Напомним лишь о том, что после долгой десятилетней войны, в которой погибло много славных героев как с той, так и с другой стороны, Троя наконец пала, и Менелай, получивший обратно жену и похищенные Парисом сокровища, смог наконец вернуться в Спарту.

Последние годы его царствования прошли вполне безмятежно, и по смерти он удостоился особой чести: в числе немногих героев был перенесен богами на «острова блаженных», или в Элизий.

После кончины Менелая власть над Лаконией перешла согласно преданию к его племяннику, сыну Агамемнона Оресту (в позднейшее время Орест считался национальным спартанским героем. Уже в VI в., во время войны с аркадским городом Тегеей, спартанцы приложили немало усилий для того, чтобы разыскать в Аркадии останки Ореста и перевезти их к себе в Спарту: им было предсказано Дельфийским оракулом, что, только сделав это, они смогут одержать победу над тегеатами). Последним из Пелопидов, правившим не только Лакедемоном, но и всем Пелопоннесом, был сын Ореста Тисамен. При нем-то и разыгрались, если верить традиции, знаменательные события, в результате которых власть над большей частью Пелопоннеса перешла в руки потомков Геракла, основавших наиболее значительные из дорийских государств: Аргос, Спарту и Мессению.

В самом кратком изложении события эти развивались следующим образом (о них рассказывают позднейшие греческие историки Геродот, Эфор, Диодор, Аполлодор, Павсаний и др.). После смерти Геракла его сыновья были изгнаны из Аргоса (или из Микен) злым и трусливым царем Еврисфеем. Поселившись где-то на севере Греции не то в Фессалии, не то в Македонии, они стали лелеять планы мести врагам и возвращения отцовских владений. Несколько раз Гераклиды предпринимали безуспешные попытки вторжения в Пелопоннес. Первое вторжение, предпринятое еще Гиллом, сыном Геракла, было прекращено из-за чумы. Оракул Аполлона предсказал Гераклидам, что они смогут добиться успеха, если дождутся «третьего урожая». Неправильно истолковав ответ оракула, Гилл спустя три года после первой попытки возобновил вторжение и погиб в поединке с аркадским предводителем на Истме. Согласно традиционной хронологии, это событие произошло за 10 лет до Троянской войны. После смерти Гилла Гераклиды поклялись ждать еще 100 лет. Внук Гилла Аристомах возобновил попытку завоевания Пелопоннеса, но потерпел поражение и тоже был убит. Сыновья Аристомаха, т. е. третье поколение Гераклидов (это и был «третий урожай», который имело в виду божество), Темен, Кресфонт и Аристодем вступили в союз с племенем дорийцев, живших в Дориде — области Средней Греции, носивших это имя и в более поздние времена, и вместе с ними снова вторглись в Пелопоннес; но и на этот раз они были разбиты, а один из них, Аристодем, погиб. Обратившись снова за советом к Дельфийскому оракулу, Гераклиды узнают, что успех их предприятия может быть обеспечен только в том случае, если во главе войска

будет поставлен человек с тремя глазами. Такого удалось найти. Им оказался этолиец Оксил, у которого вообще-то был один глаз, но так как он ехал верхом на лошади, то получилось существо с тремя глазами. Под предводительством Оксила Гераклиды одержали победу над Тисаменом, после чего он покинул Пелопоннес, а Гераклиды поделили завоеванную ими страну на три части: Арголида досталась старшему из них Темену, Кресфонт получил Мессению, а Спарта со всей остальной Лаконией досталась сыновьям погибшего Аристодема — братьям-близнецам Проклу и Еврисфену. Трехглазый Оксил в благодарность за помощь получил от Гераклидов Элиду. Предание о возвращении Гераклидов было известно в Спарте и, очевидно, также в других дорийских государствах Пелопоннеса, начиная по крайней мере с VII в. до н. э. Спартанский поэт Тиртей, живший во времена II Мессенской войны, вспоминает в одном из своих стихотворений о том, как Зевс даровал Гераклидам город Спарту после того, как они покинули «овеваемый ветром Эриней» (горный кряж в Дориде) и прибыли на «широко-равнинный остров Пелопса» (т. е. Пелопоннес).

На этой красивой легенде строили свои реконструкции древнейшего периода истории Спарты почти все европейские ученые Нового времени. Поэтому в их воображении дорийское вторжение в Пелопоннес выглядело как большое и хорошо организованное военное предприятие, в котором участвовали многочисленные армии, экипированные всем необходимым снаряжением. Стройными колоннами, сжимая в руках копья с железными наконечниками (долгое время считалось, что именно железо обеспечило дорийцам победу над ахейцами, имевшими лишь бронзовое вооружение), дорийцы вступали в горные долины Пелопоннеса и под их ударами одна за другой рушились микенские цитадели. Дойдя до Спарты и очистив ее территорию от ахейцев, дорийцы создали здесь свой военный лагерь, из которого стали управлять всей Лаконией, превратив одну часть местного населения в периеков, а другую в илотов. Согласно этой романтической концепции, которая пользовалась особой популярностью в немецкой историографии XIX — первой половины XX в., спартанское государство возникло почти мгновенно, подобно Афине, вышедшей из головы Зевса в полном вооружении. Почти сразу сложилась классовая структура спартанского общества с характерным для него тройственным членением населения на три резко обособленных друг от друга сословия: полноправных спартиатов, бесправных, но лично свободных периеков и порабощенных илотов. Почти сразу сложилась и политическая организация Спарты, состоявшая опять-таки из трех элементов: двойной царской власти, герусии и народного собрания. Конструкция эта была, конечно, очень удобна, т. к. одним ударом решала

вопрос о происхождении почти всех основных институтов спартанского государства и давала весьма эффектный драматический зачин для его последующей истории. Однако, как и все подобные конструкции, она грешила сильным схематизмом и упрощенчеством и к тому же игнорировала многочисленные неувязки и противоречия в самом античном предании о возникновении Спарты. Главный же недостаток этой основанной целиком и полностью на материале традиции версии ранней истории Спарты заключается в том, что она очень плохо вписывается в общую картину периода, составленную в последнее время на основании археологических данных.

Для того, чтобы как следует разобраться в этом сложном вопросе, обратимся теперь к единственному первоисточнику, которым мы располагаем для эпохи дорийского завоевания, а именно к материалу раскопок. Не ограничиваясь одной только Спартой, попытаемся представить себе, что происходило на Пелопоннесе в то бурное и драматичное время, которое считается концом микенской эпохи и началом становления новой эллинской цивилизации. Раскопки показали, что в конце XIII в. до н. э. (ПЭ III В период) на богатые и процветающие ахейские государства Пелопоннеса и Средней Греции обрушилось страшное бедствие. По всей стране прокатилась волна пожаров и разрушений. Погиб в огне великолепный дворец Нестора в Пилосе. Место, на котором он стоял, было покинуто людьми и предано забвению. Серьезно пострадали крупнейшие микенские цитадели в Арголиде — Микены и Тиринф, хотя жизнь в них, по-видимому, продолжалась и после этого. Была разрушена цитадель Гла в Беотии. Погибли многие мелкие поселения в Беотии, Аттике, Северном Пелопоннесе, наконец, в Лаконии и Мессении (в это время, кстати, сгорело и микенское поселение в Терапнах, где, как мы уже говорили, возможно, находилась резиденция Менелая). О масштабах катастрофы можно судить по следующим цифрам: общее число поселений на территории Аргολиды сократилось после этих событий более чем вдвое — с 44 до 19 наименований, на территории Мессении с 41 до 8 наименований, в Лаконии с 30 до 7 и в Беотии с 28 до 5. Контраст — разительный! Некоторые области, как видно из этих данных, лишились большей части своего населения и почти совершенно обезлюдели. Но интересно, что в это же самое время наблюдается приток населения, очевидно, за счет беженцев в других районах, не затронутых катастрофой, например на востоке Аттики, в Элиде, Ахайе, на островах Ионического моря.

Но что, собственно, произошло? Первое, что приходит в голову, это, конечно, вторжение. Следует иметь в виду, что XIII в. до н. э. был временем крайне беспокойным и тревожным для всех микенских государств.

Обитатели дворцов и цитаделей жили в атмосфере страха и ожидания какого-то бедствия. Об этом совершенно недвусмысленно говорят такие факты, как реставрация старых и возведение новых укреплений в Микенах, Тиринфе, Афинах и других местах; постройка циклопической стены на Истме, явно рассчитанной на то, чтобы оградить Пелопоннес от нападения с севера, документы пилосского архива (так называемая Ока-серия), свидетельствующие о военных приготовлениях, отправке отрядов и кораблей опять-таки на север, наконец, любопытные фрески, украшающие один из залов Пилосского дворца, с изображением кровавой схватки между ахейскими воинами и какими-то дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Логично было бы предположить, что пожары и разрушения, охватившие в конце XIII в. важнейшие районы ахейской Греции, были делом рук северных варваров, к нашествию которых давно уже готовились жители Пилоса, Тиринфа, Микен и других дворцов и крепостей. Но кто были эти варвары? Откуда они пришли в Грецию? Где находилась их первоначальная родина? К сожалению, мы не можем пока еще ответить на эти вопросы. Основная трудность заключается в том, что пришельцы, разрушившие микенские твердыни, не оставили нам своих «визитных карточек», т. е. каких-либо предметов или памятников, по которым мы могли бы судить о их культуре. В сущности, мы ничего не знаем ни о их происхождении, ни о маршруте, по которому они пришли в Грецию, ни о том, наконец, куда они исчезли после того, как ограбили и опустошили страну. «Нет ни одного наконечника стрелы, ни одного ножа или детали вооружения, — пишет американская исследовательница Э. Вермел, — среди вещей, найденных в развалинах, которые не были бы предметами сугубо микенского происхождения». Скорее всего этот загадочный народ, если считать его виновником катастрофы, по какой-то причине не захотел остаться в опустошенной им стране и спустя короткое время ушел в неизвестном направлении, оставив после себя только руины и пожарища. Естественно, однако, было бы поставить перед собой вопрос: а не могли ли это быть дорийцы? Ведь в предании о возвращении Гераклидов рассказывается о нескольких неудачных попытках вторжения на Пелопоннес, которые предшествовали его окончательному завоеванию. Нельзя ли связать катастрофу конца XIII в. с одной из этих попыток? Определенная доля вероятности в таком предположении, конечно, есть. Но вместе с тем оно вызывает и некоторые серьезные возражения. Сторонники традиционной концепции ссылаются нередко на то, что в чисто техническом отношении по своему вооружению дорийцы нисколько не уступали ахейцам, а, может быть, даже и превосходили их. Старая гипотеза, согласно которой именно дорийцы принесли в Грецию железо, теперь отвергнута большинством

археологов (скорей всего, железо пришло в Грецию с востока). Однако у дорийцев, несомненно, было бронзовое оружие, которое не отличалось существенно от микенского. Об этом свидетельствуют многочисленные находки бронзовых мечей на территории Эпира и других областей, образующих северную периферию ахейской Греции. Но вопрос о причинах победы дорийцев, если допустить все же, что это они разрушили микенские цитадели, — это не только вопрос оружия, но прежде всего вопрос сравнительной численности победителей и побежденных. В принципе, даже если бы у дорийцев было железное оружие, как думали еще недавно, все равно было бы трудно понять, как смогли они взять и разрушить почти неприступный Тиринф или Микены. В любом случае: были эти твердыни взяты штурмом или же путем долговременной осады, на стороне атакующих должно было быть огромное численное превосходство. Но в отношении дорийцев именно это и вызывает наиболее сильные сомнения. Мы уже видели, что результатом вторжения было резкое сокращение численности населения на большей части территории Греции, и это сокращение продолжалось и в дальнейшем вплоть до того времени, когда на Пелопоннесе начали возникать первые дорийские государства.

Итак, дорийцы, по-видимому, не были тем народом, который на рубеже XIII—XII вв. до н. э. нанес смертельный удар микенской цивилизации, удар, после которого она уже не смогла больше оправиться и вскоре погибла. Таким образом, в истории этого периода остается вакантное место, пока еще никем не занятое. Хотя в претендентах на то, чтобы его занять, нет недостатка. В последнее время вопрос о виновниках гибели микенской культуры оживленно дискутируется в научной литературе. Большинство ученых-историков и археологов сходится на том, что район, из которого двинулась на юг, в сторону Пелопоннеса, варварская орда, должен был находиться где-то в северной или северо-западной части Балканского п-ова, например на территории Эпира или Македонии. Высказывалось предположение, что в нашествии принимали активное участие отдаленные предки позднейших иллирийцев или, другой вариант, фракийцев. Другие исследователи воздвигают еще более грандиозную историческую конструкцию, предполагая, что опустошение Греции было делом рук огромной коалиции племен и народов, образовавшейся на просторах Придунайской равнины (зона так называемых полей погребений). Сторонники этой гипотезы ставят гибель микенских дворцов и цитаделей в связь с близкими по времени событиями на Востоке: падение Хеттского царства в Малой Азии, опустошение Сирии и Северного Египта так называемыми народами моря. Предполагается, что «народы моря» и были той ордой, которая сначала как смерч про-

неслась по всей Греции, не оставив там камня на камне, а затем покинула ее и переместилась в страны Переднего Востока. Возможно, какая-то доля истины есть во всех этих догадках, но пока что они остаются именно догадками, не имеющими под собой достаточно надежной и прочной фактической основы. В нашем распоряжении нет пока ни документов, ни археологических памятников, из которых со всей очевидностью вытекало бы, что один и тот же народ (или народы) разорил микенские области Греции, поверг в прах Хеттское царство и спустя короткое время угрожал Египту.

Ввиду полной неясности ситуации некоторые авторы вообще отказываются от самой идеи вторжения и пытаются доказать, что катастрофа могла быть вызвана и чисто внутренними причинами без какого-либо вмешательства извне. Высказывалась, например, мысль о том, что причиной разрушений могли быть междоусобные распри и смуты внутри самих микенских государств (в связи с этим вспоминают обычно хорошо известную из Гомера и Эсхила историю возвращения Агамемнона из Троянского похода и аналогичные сюжеты в других мифах, но, согласитесь, что между убийством Агамемнона в ванне и разрушением Микенской цитадели лежит порядочная дистанция, которую нам нечем заполнить). Поговаривают даже о социальной революции, взорвавшей изнутри микенские бюрократические монархии (это мнение было высказано греческим археологом М. Андроникосом). На домыслы такого рода хорошо возразил в одной беседе старейшина американских археологов К. Блеген: «Я мог бы поверить в одну социальную революцию, в Микенах, например, или даже в две социальные революции в Микенах и Тиринфе, расположенных так близко друг от друга. Но мне кажется немыслимым, что все царства Бронзового века, за исключением Афин, могли быть разрушены революциями, которые разразились почти одновременно от одного конца Греции до другого» (ср. «метеорологическую теорию» Керпентера. Разновременность разрушений).

Итак, ни одна из бытующих в настоящее время в науке гипотез не дает достаточно удовлетворительного ответа на стоящий перед нами вопрос: что же произошло в Греции на рубеже XIII–XII вв.? Чем было вызвано тотальное разрушение микенских поселений и последовавший за ним массовый отток населения из наиболее плодородных и богатых областей Средней Греции и Пелопоннеса, резкий упадок жизненного уровня и культуры оставшегося населения, почти полный разрыв связей со странами Востока и, как следствие всего этого, окончательная гибель микенской цивилизации в конце XII в.?

Из всех возможных догадок наиболее вероятной остается пока «гипотеза вторжения», согласно которой главной причиной катастрофы

было грандиозное передвижение варварских племен по территории Балканского п-ова типа позднейшего «великого переселения народов». Какие именно племена принимали участие в этом нашествии и откуда они пришли, остается пока неясным. Вполне возможно, что коалиция эта включала в себя различные племена и народности северобалканского и придунайского регионов, говоривших на разных языках (среди них могли быть архаические наречия, из которых выросли позднейшие фракийские и иллирийские языки). Разграбив и опустошив микенские государства, орда, по всей вероятности, вернулась обратно на север, так как разоренная страна была не в состоянии прокормить такую массу людей. Осваивать и заселять захваченные ими земли варвары не стали. Не исключено, что в этом вторжении принимали участие и дорийцы, сдвинутые со своих насиженных мест в глухих горных долинах Средней и Северной Греции общим потоком нашествия. Однако никаких следов их пребывания на Пелопоннесе в этот период не сохранилось. Скорее всего, они ушли так же, как и пришли, вслед за общей массой северных варваров. Может быть, только незначительные их группы осели кое-где в освободившихся промежутках между микенскими поселениями.

В целом никаких существенных изменений в материальной культуре Греции в период, следующий непосредственно за катастрофой, не наблюдается. Она сохраняет свою прежнюю микенскую окраску, хотя общий ее уровень заметно снижается. Так, керамика XII в. и особенно XI в. — это в большинстве своем ухудшенные, деградировавшие формы все той же микенской керамики предшествующего периода. То же самое можно сказать и о качестве терракотовых статуэток, ювелирных изделий, оружия. Красивые, ценные вещи в погребениях этой эпохи встречаются крайне редко, что говорит о массовом бегстве квалифицированных мастеров-ремесленников из опустошенной войной страны. Важнейшим результатом страшных потрясений, пережитых Грецией на рубеже XIII—XII вв. до н. э., был распад микенских дворцовых государств. На это указывает прежде всего запустение крупнейших дворцов и цитаделей. Их агония продолжалась еще около ста лет. Последние следы обитания на акрополях Микен, Тиринфа, Афин относятся примерно к концу XII в. Показательно, что даже Афинская цитадель, не пострадавшая во время вторжения, была покинута своими обитателями, и находившийся здесь царский дворец потом долгое время лежал в запустении (зато довольно большое поселение возникло в это время у подножия акрополя на месте будущей агоры). Факт этот говорит о том, что сам дворцовый уклад жизни, столь характерный для микенской эпохи, уже не соответствовал новым историческим условиям, сложившимся в это время в Греции. Место централизованного бюрократического государства занимает

теперь обособленная сельская община — демос, вся территория которой ограничивалась обычно одной-единственной деревушкой. Не случайно в это время было начисто забыто и, очевидно, совершенно вышло из употребления линейное слоговое письмо (ни одной таблички, которую можно было бы датировать временем позднее, чем конец XIII в., до сих пор не удалось найти). Письмо было необходимо до тех пор, пока существовало и развивалось централизованное дворцовое хозяйство. Как только оно распалось, отпала надобность и в письме.

Последние следы микенской культуры на территории балканской Греции и островов Эгеиды исчезают в конце XII — первой половине XI в. (так называемый субмикенский период). Это было время страшного упадка и запустения всей страны. Еще больше сокращается численность населения, падает его жизненный и культурный уровень. Во всей Арголиде удалось найти только семь мест, в которых, судя по находкам керамики, в это время еще существовали хоть какие-то поселения. В Мессении было обнаружено шесть таких пунктов, в Аттике четыре, в Беотии два и в Лаконии только одно — Амиклы в средней части долины Еврота южнее будущей Спарты. Эти данные говорят о почти полном обезлюдении Пелопоннеса и Средней Греции. Высказывалось даже предположение, что основная масса населения этих районов в то время перешла к кочевому или полукочевому образу жизни, почти нигде не оставляя следов своего пребывания. По всей вероятности, именно субмикенский период и был тем временем, когда дорийцы впервые проникли в Южную Грецию и начали постепенно осваивать ее территорию. Это следует хотя бы из того, что к следующему (протогеометрическому) периоду (конец XI — X в. до н. э.) относятся первые следы постоянных поселений на месте таких дорийских полисов, как Аргос, Коринф, Спарта. Значит, дорийцы должны были появиться в этих местах где-то в XI или, может быть, в конце XII в. до н. э. Однако проверить эту догадку очень нелегко. Две основные трудности стоят перед нами. Во-первых, в это время в Греции не наблюдается каких-либо катастроф крупного масштаба, подобных той, которая разразилась в конце XIII в. до н. э., и, стало быть, нет никаких признаков, указывающих на завоевание в собственном смысле слова. Последний из микенских дворцов, переживших вторжение конца XIII в., — дворец в Иолке сгорел в конце XII в. до н. э. Еще более ранним временем датируются последние следы разрушений в микенской цитадели (погибла в огне так называемая житница). Но эти и другие подобные им события носят случайный, эпизодический характер, они — не синхронны, отделены друг от друга большими временными перерывами. В течение же XI в. до н. э. мы даже и таких локальных катастроф нигде не наблюдаем. Во-вторых, очень

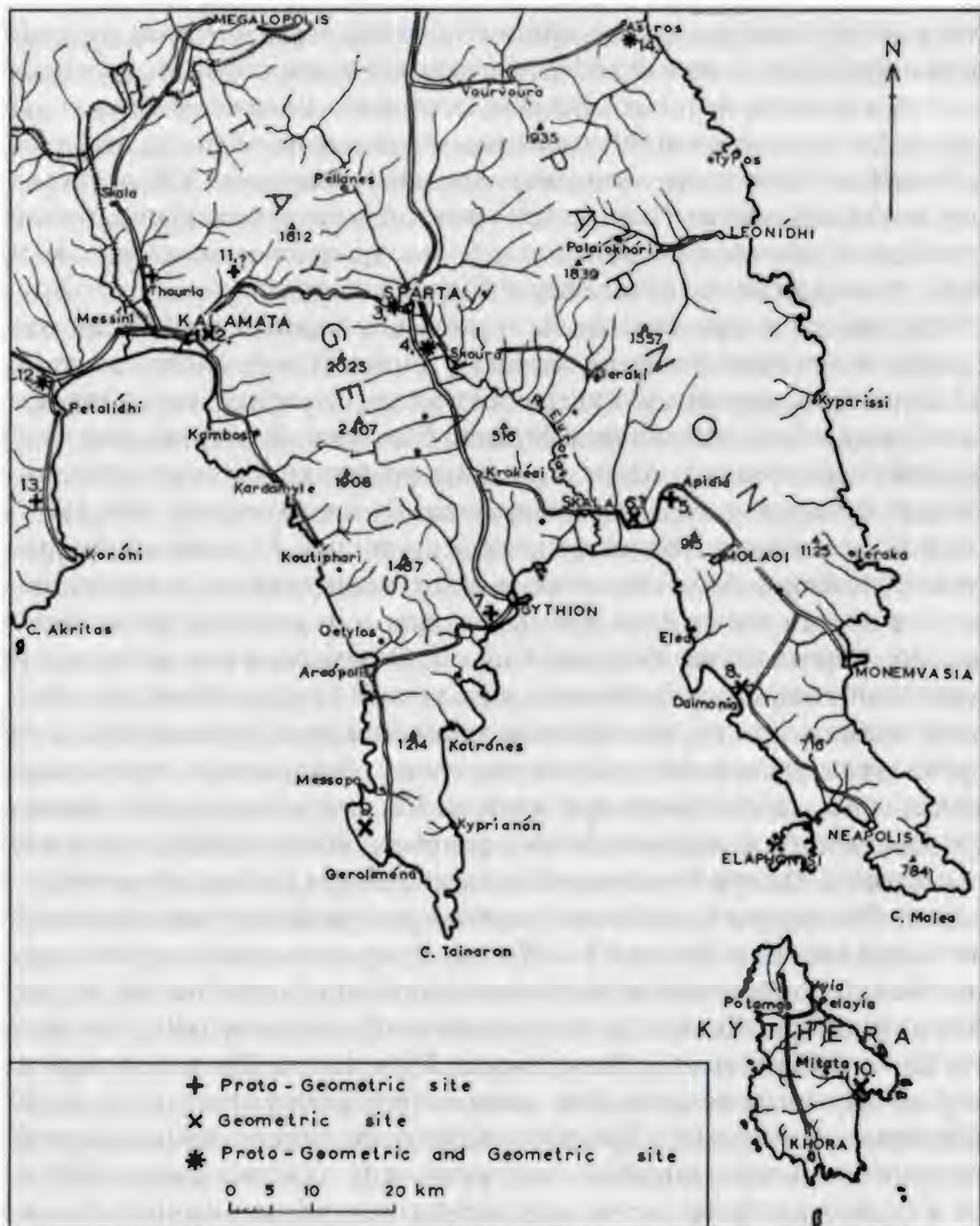

FIG. 26. 1, THOURIA. 2, KALAMATA. 3, CLASSICAL SPARTA. 4, АМУКЛАЮН. 5, АРДИД. 6, АСТЕР. 7, МАВРОВΟΥΝΙ. 8, ΔΑΙΜΟΝΙΑ. 9, ΚΙΡΟΥΛΑ. 10, ΠΑΛΑΙΟΠΟΛΙΣ. 11, ΒΟΛΙΜΟΣ (ΑΡΤΕΜΙΔΑ). 12, ΝΙΣΙΟΡΙΑ (ΚΑΡΡΟΦΟΡΑ). 13, ΚΑΡΦΙΡΙΟ (ΛΟΝΓΑ). 14, ΑΣΤΡΟΣ

Карта 5. Лакония протогеометрического и геометрического периодов

трудно выделить среди находок, относящихся к субмикенскому и начальной стадии протогеометрического периода какие-то предметы или тем более целые памятники, которые можно было бы с уверенностью

связать с дорийцами и их культурой. Одно время, как отмечалось выше, принято было считать, что дорийцы принесли с собой в Грецию железо. Но теперь археологи отказались от этой гипотезы: она не выдержала проверки временем. Наибольшее количество железных изделий (в основном оружия) субмикенского — протогеометрического периодов было найдено в афинских некрополях. Между тем здесь дорийцев не было и не могло быть. Долгое время отличительным признаком дорийской культуры считалась протогеометрическая керамика, но потом оказалось, что главным центром ее распространений опять-таки были Афины и что только оттуда она проникла в дорийские области Пелопоннеса, а не наоборот. Не имели успеха также и попытки связать с приходом дорийцев новый погребальный обычай, широко распространившийся в Греции в конце СМ периода, — обычай трупосожжения.

Более обоснованы догадки, согласно которым дорийцы принесли с собой на Пелопоннес, во-первых, новый тип погребения — так называемые ящичные могилы, во-вторых, новую разновидность фибулы в виде лука, длинную гвоздеобразную булавку, и, в-третьих, некоторые не встречавшиеся ранее в Греции виды грубой лепной керамики, изготовленной от руки, без применения гончарного круга. Находки этого рода встречаются на очень большом пространстве от Македонии и Эпира до крайнего юга Пелопоннеса, и по ним можно хотя бы приблизительно определить маршрут, пройденный дорийцами, прежде чем они окончательно обосновались в Арголиде или Лаконии. Следует, однако, отметить, что все эти вещи, на которых основывается наше представление о материальной культуре дорийцев, встречаются достаточно редко и нигде не образуют больших археологических комплексов, какой-то сплошной зоны. Обычно они теряются в массе местного субмикенского материала. Как остроумно выразился английский историк П. К. Картлидж, автор одной из новейших монографий по истории Спарты: «Лишенные своих патентов на геометрическую керамику, кремацию, обработку железа и самый неприятный укол для их самолюбия: у них отнята даже скромная прямая булавка — несчастные дорийцы стоят нагими перед своим создателем или, как сказали бы некоторые, изобретателем». Опираясь на эти данные, можно сделать следующий вывод. Дорийцы пришли в Южную Грецию отнюдь не как завоеватели и триумфаторы, в упорной борьбе сломившие микенские твердыни Пелопоннеса. Скорее мы должны представить их мародерами, обирающими тела убитых после битвы, когда развязка уже наступила. Перед ними лежала опустошенная и обезлюдевшая страна. Ее важнейшие культурные и политические центры были разрушены. Все способное к сопротивлению население либо погибло, либо бежало в горы и за море.

Новым пришельцам не оставалось ничего другого, кроме как занять пустующие, практически давно уже ставшие ничьими земли и начать их осваивать. Точно так же в гораздо более поздние времена примитивные пастушеские племена албанцев или валахов, спускаясь с гор, занимали обширные местности, опустошенные крестоносцами, венецианцами, турками или какими-нибудь другими завоевателями. Продвижение дорийцев по территории Греции было достаточно длительным и носило характер постепенного просачивания небольших групп пришельцев в образовавшиеся среди местного населения пустоты. Это не был, конечно, организованный и продуманный заранее поход армии-завоевательницы. Культура дорийцев, несмотря на то, что они, по-видимому, уже были знакомы с техникой выплавки и обработки бронзы, была очень низкой, не выходящей за пределы самого грубого и убогого пастушеского быта. Именно поэтому археологи все еще затрудняются дать точное определение ее основных признаков, а некоторые даже считают дорийцев каким-то призраком, прошедшим через всю Грецию, не оставляя никаких следов. Можно предположить, что по мере своего продвижения все дальше на юг дорийская культура постепенно утрачивала свое первоначальное своеобразие и ассимилировалась с субмикенской культурой местного ахейского населения, которая сама при этом все более варваризировалась.

Так обстоит дело с широкой проблемой дорийского завоевания. Из сказанного выше достаточно ясно, что никакого завоевания в собственном смысле слова не было, а было лишь переселение небольших разрозненных групп или ватаг дорийцев на новые земли. Рассмотрим теперь уже более конкретно ту ситуацию, которая сложилась в Спарте и в Лаконии после дорийского переселения.

Бесполезно ставить перед собой вопрос о том, какими путями дорийцы проникли в Лаконию: шли они из Арголиды через Кинурию и горы Парнона или же через Аркадию и Скиритиду. Никакой достоверной информации на этот счет мы не располагаем. Более важен другой вопрос, и на него мы теперь попытаемся ответить.

Как происходило заселение Лаконии дорийцами? Какую часть этой страны занимали они первоначально? Где возникли наиболее значительные из их поселений? Обратимся к источникам. Важнейшим из них является Эфор, рассказ которого о завоевании дорийцами Лаконии приводит Страбон в своей «Географии» (Strab. VIII, 5, С 365). Эфор, судя по всему, был хорошо знаком с преданием о возвращении Гераклидов и исходил из того, как тогда считалось, твердо установленного факта, что, отвоевав Пелопоннес у Тисамена и ахейцев, Гераклиды сразу же поделили его на три части, или три «жребия». Как известно,

Лакония досталась братьям-близнецам Еврисфену и Проклу, причем досталась вся целиком от северных отрогов Тайгета, составлявших ее естественную границу с Аркадией, вплоть до мысов Тенар и Малея на юге. Попутно Эфор сообщает, что Лаконию выдал Гераклидам некий ахеец Филоном (кем он был, остается неясным — может быть, наместник Тисамена). В благодарность за его предательство Гераклиды отдали Филоному один из главных городов Лаконии — Амиклы. Сами Гераклиды — Еврисфен и Прокл — сделали своей резиденцией Спарту и оттуда управляли всей остальной Лаконией через царей, которых они посылали в отдельные города, причем вся страна была разделена на шесть округов. Далее Эфор сообщает, что жители этих окрестных, зависимых от Спарты городов уже тогда именовались периеками, хотя положение их первоначально мало отличалось от положения самих спартиатов (они, по словам историка, могли принимать участие в делах государства и занимать должности). Однако в дальнейшем положение изменилось. Агис, сын Еврисфена, отнял у периеков их права и обязал платить Спарте дань. Все будто бы подчинились. Одни лишь жители приморского города Гелоса (недалеко от устья Еврота) подняли восстание, были побеждены спартанцами и превращены в рабов (гелотов). Такова реконструкция древнейшей истории Спарты, которую нам предлагает Эфор (Paus. III, 20, 6) — историк весьма почтенный, к тому же по времени древнейший из наших источников после Геродота и Фукидида.

Тем не менее версия Эфора кажется заведомо фантастической, если учесть все то, о чем мы говорили прежде: состояние крайнего экономического и культурного упадка, в котором находилась Лакония, как и весь остальной Пелопоннес, к моменту прихода дорийцев; малочисленность и культурная отсталость самих дорийцев — все это уже а priori делает совершенно невероятным предположение Эфора о создании большого централизованного государства, охватывающего всю Лаконию и разбитого к тому же на округа, управляемые наместниками спартанских царей. Невероятным кажется и столь раннее образование классов периеков и илотов. При Агисе, который правил, если принять на веру традиционную спартанскую хронологию, где-то во второй половине XI в. до н. э., силы спартанцев были еще слишком ограничены, чтобы предположить, что они могли навязать свое господство всему населению Лаконии от границ с Аркадией до южной оконечности мысов Тенар и Малея.

Самое большее, на что были способны дорийцы вскоре после своего прибытия в Лаконию, это — захватить несколько пунктов, удобных с точки зрения как экономической, так и стратегической, и основать в этих пунктах свои поселения. Целое «гнездо» таких поселений возникло

на правом берегу Еврота на месте будущей Спарты. Это были четыре расположенные в близком соседстве деревни: Питана, Месоа, Лимны и Киносур (есть основания думать, что первые две возникли несколько раньше, чем две последние). Не исключено, что одновременно доорийские поселения возникли и в других местах на территории Лаконии, как к северу от Спарты, так и к югу от нее, хотя прямых указаний на это в источниках нет. Можно, однако, с уверенностью сказать, что эти поселения не занимали сплошной территории и не составляли еще в те времена единого государства. Во многих местах между ними вклинивалось как бы островками местное додорийское население, которое хотя и сократилось очень сильно в числе за два столетия культурного упадка и политического разброда (XII–XI вв. до н. э.), но не могло, конечно, полностью исчезнуть.

Вероятно, многие ахейцы бежали со своей земли вскоре после катастрофических потрясений в конце XIII в. до н. э. Оставшиеся продолжали эмигрировать и в последующее время, так как жизнь становилась все труднее и труднее. Поселения лаконских эмигрантов возникают в это смутное время в Северном Пелопоннесе (Патры в Ахайе), также на Кипре, который становится главным прибежищем носителей микенской культуры (по преданию, кипрские города Лапаф и Керинея были основаны выходцами из лаконских Терапн; на Кипре было даже местечко, называвшееся Лакедемон). Однако некоторые из беглецов с течением времени, когда ситуация на Пелопоннесе несколько стабилизировалась, могли вернуться в родные места и снова их заселить. Кое-где ахейцы сумели продержаться на протяжении всего смутного времени, никуда не уходя. Так было, например, в Амиклах. Здесь, как это показали раскопки, не было никакого перерыва в культурном развитии: субмикенская керамика без всяких пауз переходит в протогеометрическую. Возможно, будущие раскопки выявят на территории Лаконии и другие пункты, где ахейское население сумело выжить и, следовательно, могли сохраниться культурные традиции микенской эпохи. Уже сейчас на такую возможность прямо указывают, во-первых, данные языка, во-вторых, пережитки микенских культов, встречающиеся в разных местах на территории Лаконии. Надписи показывают, что еще в VI в. до н. э. Посейдон в некоторых местах в южной части Лаконии, например в святилище этого божества на мысе Тенар, именовался на ахейский лад «Похойдан». В самой Спарте вплоть до римского завоевания сохранялось немало додорийских и даже догреческих культов. Среди них культы Менелая и Елены, Агамемнона и Клитемнестры, Ореста, Диоскуров, очень древний, по всей вероятности, догреческий культ Гиакинфа, который спартанцы заимствовали в соседних Амиклах.

Итак, есть все основания полагать, что вслед за переселением дорийцев в Лаконию образовался довольно пестрый по своему этническому составу конгломерат племен. Основными элементами, входившими в него, были дорийцы и лаконские ахейцы. Однако наряду с ними здесь могли обитать в это время и другие народности, не связанные непосредственно ни с теми, ни с другими. Геродот, например, упоминает в одном месте о народе миниев, выходцев из Орхомена в Беотии (Hdt. I, 146). Изгнанные пеласгами с острова Лемнос, они переселились в Лаконию и некоторое время обитали в отрогах Тайгета. Впоследствии минии были приняты спартанцами в их общину, но потом вследствие возникших неурядиц часть из них вынуждена была переселиться на о-в Феру, другие же перебрались в Мессению, где следы их затерялись. Отношения между всеми этими разнородными и разноязыкими племенами, населявшими Лаконию, носили, по-видимому, двойственный характер. Периоды мира перемежались с периодами войны. В некоторых местах соседние дорийские и ахейские общины постепенно переходили от противоборства к сотрудничеству. Кое-где они сливались, образуя новые общины со смешанным ахейско-дорийским населением.

Глава 2

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЛАКОНИИ И МЕССЕНИИ ПОД ВЛАСТЬЮ СПАРТЫ

Первоначально ни одна из разбросанных по Лаконии территориально-родовых общин не выделялась сколько-нибудь заметно ни своими размерами, ни численностью населения, ни военным могуществом. Ни у одной из них не было достаточно силы для того, чтобы подчинить себе соседние общины и объединить под своей властью более или менее значительную часть Лаконии. Около двух веков, X—IX вв. до н. э., в этом районе Пелопоннеса сохранялось состояние относительного равновесия сил. Лишь в конце IX в. начинается постепенное возвышение Спарты и распространение ее политического господства на всю остальную Лаконию. Сейчас трудно сказать, каковы были те факторы, которые благоприятствовали усилению Спарты, выделив ее одну из множества мелких дорийско-ахейских поселений, занимавших в то время долину Еврота. Вероятно, какую-то роль сыграло ее географическое положение на большом удалении от моря, которое в те времена было постоянным источником военной угрозы из-за свирепствовавших на нем пиратов, в относительно безопасной, замкнутой со всех сторон горами и в то же время чрезвычайно плодородной долине, способной прокормить довольно большое население. Правда, теми же преимуществами обладали и расположенные в непосредственном соседстве со Спартой ахейские городки Амиклы и Фарис, впоследствии завоеванные спартанцами. Очевидно, были и какие-то особые причины (социально-политического порядка), обусловившие победу Спарты над ее ближайшими соседями.

Важнейшей предпосылкой возвышения Спарты было объединение четырех дорийских общин, первоначально располагавшихся на ее территории, в одно государство — полис. Я уже называл эти общины: Питана, Месоа, Лимны и Киносура. Позднейшие источники (например,

Фукидид) называют их «деревнями» (комами), хотя первоначально они могли именоваться «полисами» (в гомеровский период понятия полиса и комы еще не различались между собой). Впервые лишь в конце IV в. до н. э. эти четыре деревни были обнесены общей стеной и образовали город Спарту. До этого Спарта городом в собственном смысле слова не считалась. Уже Фукидид назвал Спарту «несинойкизированным полисом», заметив, что спартанцы живут по древнему эллинскому обычаю деревнями (Thuc. I, 10, 2). Современные историки иногда говорят о спартанском синойкизме, как и об афинском, но это — неправильно, так как совместное поселение жителей нескольких поселков в одном новом городе — т. е. то, что греки понимали под синойкизмом, в Спарте не было осуществлено. В данном случае правильнее было бы определить характер объединения позднейшим термином «симполития», т. к. здесь имело место объединение жителей четырех первоначально самостоятельных поселков в единый гражданский коллектив с общими органами управления. Сам этот факт — то, что спартанцы избрали именно такой путь политического объединения, а не какой-нибудь другой — весьма примечателен и заслуживает особого обсуждения.

Утвердившись таким образом на своей собственной территории, спартанцы начинают постепенно расширять границы своих владений за счет ближайших соседей. Порядок и последовательность спартанских завоеваний в Лаконии мы можем восстановить, конечно, лишь весьма приблизительно. Основным источником, на показаниях которого строятся почти все современные реконструкции этого периода истории Спарты, является III книга «Описание Эллады» Павсания. Автор этот довольно поздний (II в. до н. э.), однако, как признают крупнейшие современные авторитеты, в общем заслуживающий доверия. Судя по всему, рассказ Павсания основан на каких-то местных спартанских хрониках, составлявших приложение к спискам царей из двух династий: Агиадов и Еврипонтидов. Отдельные события в этом рассказе датируются в зависимости от того, с каким царем той или иной династии связывает их Павсаний, причем время правления большинства царей удастся определить лишь в очень большом приближении. Конечно, это отнюдь не самый лучший способ датировки, но другого у нас, к сожалению, нет.

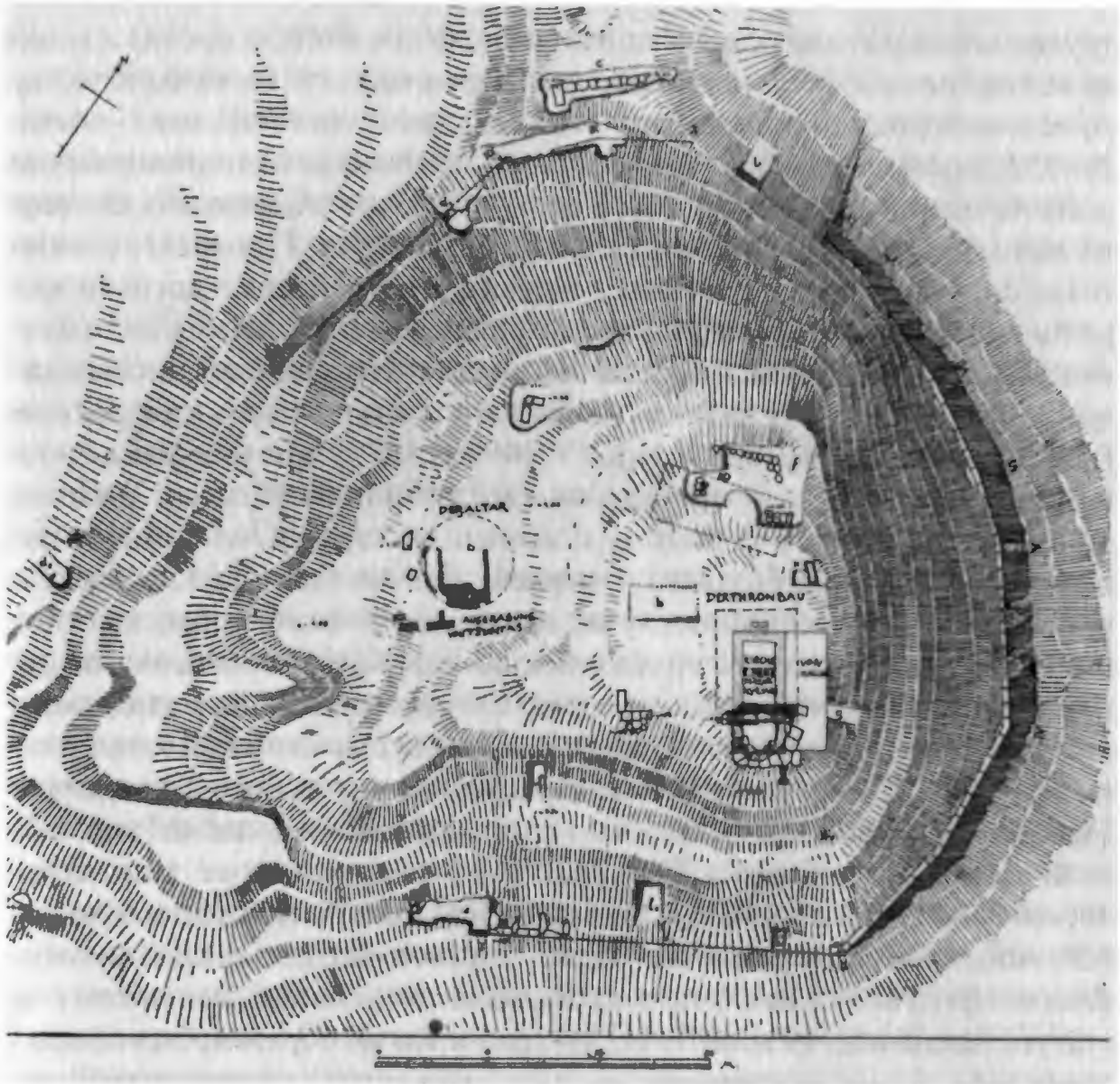
Как показывает Павсаний, первоначально военная экспансия Спарты была направлена главным образом на север и северо-восток в гористые области, пограничные с Аркадией и Арголидой: Эгитиду, Скиритиду и Кинурию. Разрозненное и малочисленное население этих областей ахейского или, может быть, смешанного дорийско-ахейского происхождения не могло оказать спартанцам серьезного сопротивления. Однако

Ил. 5. Подпорная стена амиклейского холма, раскопанная в 1925 г.

их проникновение в Кинурию вызвало серьезное беспокойство Аргоса — сильнейшего дорийского государства в северной части Пелопоннеса. Вмешательство аргосцев на первых порах вынудило спартанцев отказаться от их захватнических планов в этом районе. Зато более успешными были их походы на север в сторону Аркадии к верховьям Еврота. При царях Архелае и Харилае (или Харилле) — рубеж IX—VIII вв. до н. э. — к Спарте была присоединена область Эгитида. Ее главный город Эгис был, по-видимому, разрушен, а его жители обращены в рабство. Несколько позднее, хотя неизвестно, когда именно, была подчинена Скиритида, лежащая дальше к северу, по границе с Аркадией. Об обстоятельствах, при которых произошло присоединение этой области, мы ничего не знаем, но кажется вероятным, что оно произошло мирным путем, т. к. впоследствии скириты — жители Скиритиды составляли особое подразделение (один из лохов) спартанской армии и занимали в ее боевом порядке почетный левый фланг (об этом упоминает Фукидид). В классический период весь район к северу от Спарты (в обе стороны от верхней части долины Еврота) был занят периекскими полисами. Среди них Карист, Пеллена, Селласия, Эон и др.

Решающий шаг к объединению всей Лаконии под властью Спарты был сделан при преемнике Архелая — Телекле (7-й царь из династии

Ил. 6. План холма Амикл (Амиклейона) со строительными остатками — круглым алтарем и «Троном» Аполлона

Агиадов, примерно середина VIII в. до н. э.) Павсаний приписывает ему завоевание трех важных пунктов в центральной части Лаконии (к югу от Спарты): Амикл, Фариса и Геронтр.

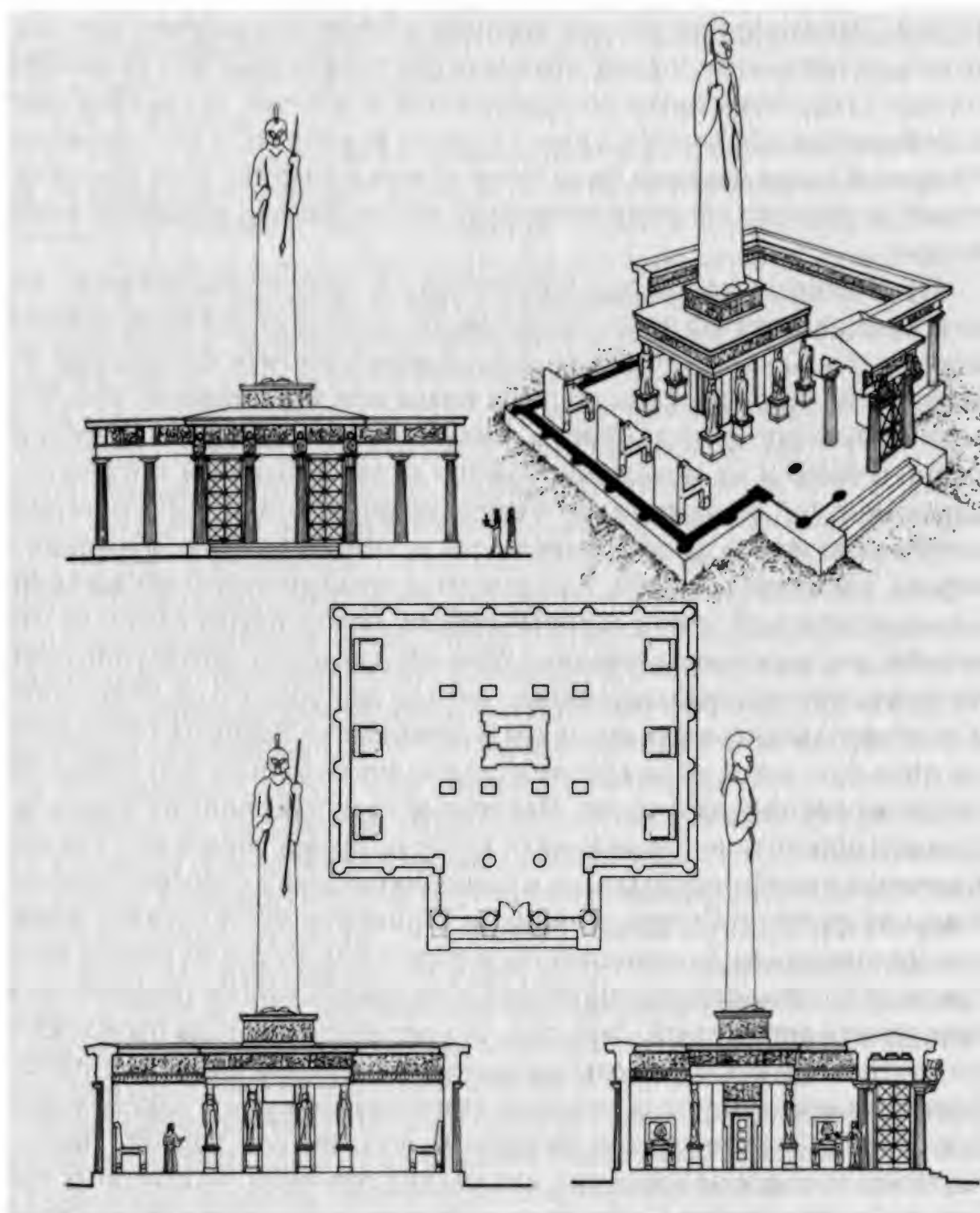
Два последних городка были захвачены спартанцами без большого труда. Их жители бежали, напуганные численным превосходством спартанской армии. Фарис впоследствии так и остался незаселенным, а в Геронтры спартанцы вывели свою колонию, которая впоследствии имела периекский статус. Только Амиклы (ил. 5, б) оказали спартанским агрессорам упорное сопротивление. Борьба длилась, по всей видимости, несколько лет, а может быть, даже и десятилетий. К сожалению, не сохранилось ни одного подробного рассказа об этом важном событии, а только отрывочные упоминания об отдельных эпизодах борьбы, по которым

трудно воссоздать ее общую картину. В связи с войной против Амикл на сцене снова появляется загадочный народ миниев. По свидетельству Аристотеля (в одном из отрывков его «Лакедемонской политики» — Arist. Fr. 532. Rose), в борьбе с амиклейцами принимала активное участие одна из минийских фратрий или фил — Эгеиды (Аристотель считает их выходцами из Фив в Беотии). Один из Эгеидов, Тимомах, встал во главе спартанской армии. Впоследствии его бронзовые доспехи как реликвию демонстрировали во время справлявшегося в Амиклах праздника Гиакинфий. Эгеиды вообще занимали очень видное место в позднейшей Спарте, стоя чуть ли не вровень с двумя царскими родами (на это указывает Геродот — Hdt. IV, 145 sqq.). Уже в начале V в. до н. э. на родство с Эгеидами претендовал великий поэт Пиндар. В конце концов спартанцы, по-видимому, одержали победу над Амиклами (в память о ней был даже воздвигнут трофей), однако сам город им едва ли удалось взять. В противном случае нам трудно было бы объяснить тот примечательный факт, что в последующие годы Амиклы считались одной из пяти спартанских об, или ком, наряду с четырьмя комами, расположенными на территории самой Спарты, а местный амиклейский культ Гиакинфа стал общегосударственным спартанским культом: в празднике Гиакинфий, с большой пышностью справлявшемся в Амиклах, участвовали все граждане Спарты. Сам Гиакинф — очень древнее, еще догреческое божество, со временем превратился в возлюбленного дорийского бога Аполлона (Павсаний утверждает, что своими глазами видел в Амиклах могилу Гиакинфа в форме жертвенника, находившуюся прямо под статуей Аполлона — Paus. III, 19, 3 — *ил.* 7). Таким образом, был оформлен религиозно-политический союз двух до тех пор враждовавших общин: дорийской и ахейской. Спартанцы вынуждены были принять амиклейцев в свои ряды, т. к. просто изгнать их или поработить, как они делали это с другими лаконскими общинами, они были не в состоянии.

Присоединение Амикл открыло перед Спартой дорогу на юг в нижнюю часть долины Еврота и к морскому побережью. Последний пункт на территории Лаконии, захваченный спартанцами еще до конца VIII в. до н. э., — это Гелос, приморский город (уже Гомер называет его ἑφάλος) на берегу Лаконского залива к востоку от устья Еврота. Павсаний сообщает (Paus. III, 2, 7), что при Алкамене, сыне Телекла, спартанцы взяли и разрушили Гелос, несмотря на то, что жителям его помогали аргосцы, вероятно, владевшие в то время Кинурией и Малеей. Точная дата этого события вряд ли может быть установлена, хотя кажется вероятным, что оно произошло еще до начала I Мессенской войны, т. е. до 734 г. до н. э. (эта война происходила уже при сыне Алкамена Полидоре). Павсаний ничего не говорит об участии жителей

Гелоса. Однако другие авторы, например Эфор, утверждают, что они-то и были первыми илотами, связывая сам термин ἰλῶτες с названием города Ἐλός. Этимология эта кажется сомнительной, однако сам факт порабощения обитателей Гелоса вполне возможен: в последующие времена Южная Лакония была главной зоной спартанского землевладения и здесь же сосредоточивалась, по-видимому, основная масса илотов.

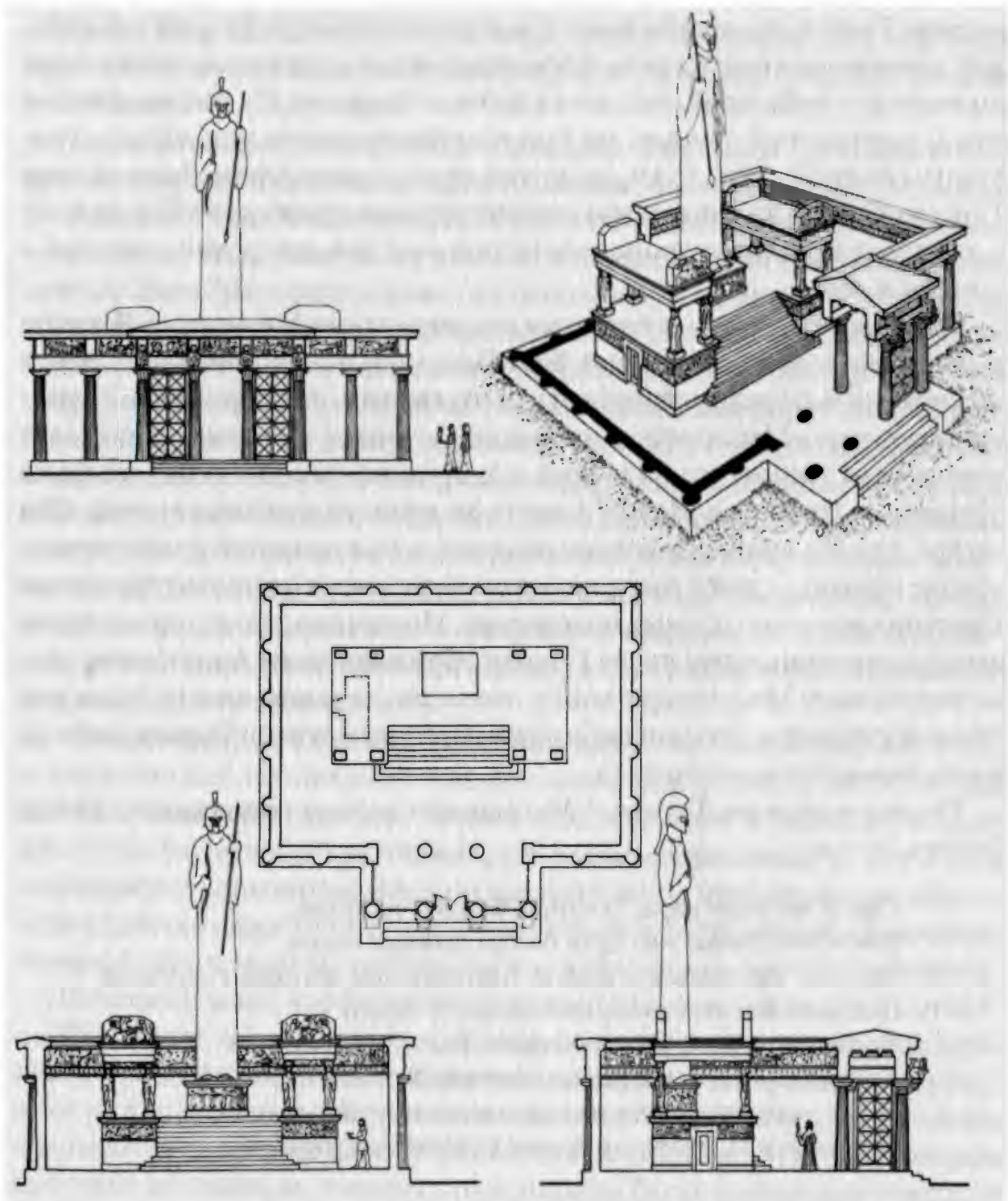
Приведенных фактов уже достаточно для того, чтобы показать, что спартанская политика в период завоевания Лаконии была очень далекой от стандарта. Она постоянно менялась в зависимости от конкретных исторических условий, сложившихся в том или ином районе. Неоднородным было отношение Спарты к побежденным ею общинам, неоднородным было и их положение внутри складывавшейся постепенно лакедемонской федерации. Во многом спартанцы предвосхитили знаменитый римский принцип «разделяй и властвуй», действовавший в период завоевания Италии. Как известно, римляне старались варьировать юридический статус союзных общин, предоставляя одним из них полные или несколько урезанные гражданские права, другим они давали только внутреннюю автономию, третьих же лишали и ее, зачисляя их в категорию бесправных данников (сдавшиеся — *dediticii*). Спартанцы почти за пять веков до них разработали и опробовали на деле примерно такую же систему господства. Некоторые из признавших их власть лаконских общин они присоединили к себе на правах сограждан. Так они поступали с наиболее сильными и расположенными в непосредственной близости от самой Спарты общинами. Примером могут служить Амиклы. Другие города Лаконии вошли в состав федерации на правах зависимых от Спарты периекских общин, наделенных хотя бы ограниченной внутренней автономией. Заметим, что периекские города продолжали на протяжении всего последующего периода истории Спарты считаться полисами и все вместе составляли широкую категорию лакедемонян, т. е. членов Лакедемонской федерации во главе со Спартой. Первые периекские общины возникли, как мы уже говорили, на северных границах Спарты (район Скиритиды и Эгитиды). Позднее города периеков появляются также в Средней Лаконии (Геронтры), на южном побережье (городки, расположенные на мысах Тенар и Малей), в Кинурии после того, как спартанцы отняли ее у Аргоса, и в Мессении. Наконец, в ряде случаев, очевидно, там, где они встречали особенно упорное сопротивление, спартанцы прибегали к крайним мерам, либо изгоняя жителей того или иного полиса за пределы Лаконии, если они сами не покинули еще раньше свои жилища, или обращая их в рабов. Так они поступили уже на раннем этапе своей экспансии с обитателями Эгиса,

Ил. 7. «Трон Аполлона» в Амиклах. Аксонометрическая

а впоследствии с населением Гелоса, хотя этими двумя примерами, вероятно, не исчерпываются все случаи такого рода.

Завоевание Мессении было закономерным продолжением и развитием спартанской экспансии в Лаконии. Утвердив к середине VIII в. свое господство на всем пространстве между отрогами Парнона и Тайгета, спартанцы, естественно, начали бросать заинтересованные взгляды и на тер-

реконструкция по Р. Мартину: гипотеза I и II

ритории, лежащие за Тайгетом на плодородной равнине Памиса. Захват мессенских земель очень усилил Спарту и вывел ее в разряд наиболее значительных греческих государств. Следующим за завоеванием Мессении шагом было установление спартанской гегемонии над всем Пелопоннесом.

Важнейший источник по истории мессенских войн — стихи знаменитого спартанского поэта VII в. до н. э. Тиртея. Если верить традиции,

именно Тиртею спартанцы были в значительной мере обязаны той победой, которую они одержали во II Мессенской войне (распевая сочиненные им марши — эмбатерии, они шли в бой и побеждали). Согласно одной не очень достоверной легенде, он был ионийского происхождения — уроженцем то ли Милета, то ли, по другой версии, даже Афин. Время жизни Тиртея может быть датировано приблизительно серединой VII в. до н. э., и это дает важнейшую хронологическую веху для датировки самих мессенских войн.

Наиболее подробно освещается ход завоевания Мессении в IV книге «Описание Эллады» Павсания. Сам Павсаний использовал, насколько можно судить по встречающимся у него ссылкам, два источника: 1) эпическую поэму «Мессениака», написанную неким Рианом из критского города Бене (вероятно, III в. до н. э.); 2) какое-то сочинение историка Мирона из Приены в Малой Азии (примерно то же самое время). Оба автора, как мы видим, довольно поздние, и уже по одной этой причине обилие подробностей в рассказе основывающегося на их свидетельствах Павсания внушает сильные подозрения. Интересно, что историки более раннего времени, в том числе Геродот, Фукидид, даже Аристотель, знали только одну Мессенскую войну, тогда как на самом деле их было две. Это говорит о том, что они либо совсем не знали стихов Тиртея, либо не очень внимательно их читали.

По свидетельству Тиртея, I Мессенская война продолжалась 20 лет. Вот его слова:

Силой великой царя, любимца богов Феопомпа,
Взяли Мессению мы, край беспредельных полей,
Здесь — благодать для хлебов, благодать для плодовых деревьев.
Двадцать без малого лет бились за эту страну
Храбро, отважно, не ведая страха, в могучих десницах
Копья сжимая, отцы наших почтенных отцов.
Но на двадцатый лишь год, покинувши тучные пашни,
Враг побежал, побросав башни в Ифонских горах.

Павсаний также определяет продолжительность I войны в 20 лет, помещая ее между 743 и 724 г. до н. э. С этой датировкой согласуются данные списка победителей на Олимпийских играх, из которого следует, что до 11 Олимпиады (736 г.) победу на играх одержали всего семь мессенцев, после же этой даты и до первой половины IV в. до н. э., когда Мессения была освобождена от спартанского ига, всего лишь один олимпионик был мессенцем.

В I войне между Мессенией и Спартой приняли участие и некоторые другие пелопоннесские государства. На стороне мессенцев выступили,

согласно Павсанию, аркадяне, а также Аргос и Сикион (все эти государства, очевидно, были обеспокоены усилением спартанцев). Союзником Спарты был Коринф.

Главной целью, которую преследовали спартанцы, начиная войну против своих ближайших соседей на западе, было расширение земельного фонда государства, ресурсы которого в самой Спарте к тому времени были, по-видимому, исчерпаны. Предание, сохраненное Плутархом, приписывает Полидору, одному из двух царей, возглавивших вторжение в Мессению, любопытное высказывание. Когда какой-то человек упрекнул его в том, что он готовится начать братоубийственную войну с соседями (мессенцы, как и спартанцы, считались людьми дорийской крови), Полидор будто бы ответил, что цель его состоит в том, чтобы занять еще неподеленные земли (ἐπὶ ἀκλήρωτων τῆς χώρας βαδίζειν). Можно предположить, что в Спарте в это время сложилась обстановка, напоминающая то, что происходило в других районах Греции перед началом колонизации, т. е. ситуация острого аграрного кризиса. Спартанцы, однако, нашли выход из создавшегося положения не в выведении новых колоний, как другие греки, а в захвате ближайшей к ним территории, населенной близко родственным народом.

О положении дел в самой Мессении перед началом войны наши источники ничего не сообщают. Мы не знаем даже, существовало ли там единое государство, как это, несомненно, уже было в Лаконии, или же мессенцы были лишь коалицией ряда племен, связанных между собой союзными отношениями. Можно предположить, что именно политическое единство спартанского государства было тем решающим фактором, который обеспечил ему победу над его разрозненными противниками.

Не совсем ясно, что было результатом I Мессенской войны. Согласно Павсанию, спартанцы, одержав победу, заставили мессенцев принести им клятву верности с обещанием никогда и ни при каких условиях от них не отлагаться. Кроме того, мессенцы обязывались выплачивать спартанцам половину всех сельскохозяйственных продуктов, которые принесет их земля, и, наконец, они должны были принимать участие в оплакивании умерших спартанских царей и других важных персон. Павсаний (Paus. IV, 14, 5) ссылается здесь на стихи Тиртея, который описывает положение побежденных мессенцев:

Точно ослы, что влекут груз непосильный с трудом,
И отдавали владыкам под гнетом тяжелой неволи
Впредь половину того, что приносили поля.
Если постигнет царей неизбежная смертная участь,
Плач о владыках поднять жены и сами должны.

Смуты в Спарте после I Мессенской войны (конец VIII — первая пол. VII в.): требования передела земли (Аристотель со ссылкой на Тиртея), убийство царя Полидора, заговор Парфениев и вывод колонии в Тарент (около 700 г.).

Восстание мессенцев и II Мессенская война в правление царя Анаксандра (за 6 поколений до вторжения Ксеркса, т. е. около 660 г. до н. э., что примерно соответствует *λογαί* Тиртея — между 2-й и 3-й четвертями VII в., по разным источникам). Участие в войне других греческих государств (Коринф и Самос на стороне Спарты, Аргос, Элида, Аркадия на стороне мессенцев). Точная продолжительность этой войны неизвестна, может быть (с перерывами), она тянулась до конца VII в. (Эпаминонд, по Плутарху, приписывал себе честь нового основания города Мессены через 230 лет, после того как он был разрушен, что дает 600 г. до н. э.) Мессенцы теперь в своем большинстве стали илотами, такими же, как лаконские, хотя некоторые общины получили статус периекских полисов. Многие эмигрировали в Аркадию, Италию и Сицилию.

Широкое наделение земель нуждающихся спартиатов за счет приобретений в Мессении окончательно оформило спартанскую систему землепользования.

В этом кратком обзоре спартанского завоевания Лаконии и Мессении уже заключен, конечно, лишь в самой общей форме ответ на чрезвычайно важный для нас вопрос о происхождении классов периеков и илотов. Многие важные детали, однако, еще нуждаются в уточнении, и поэтому я хотел бы поговорить о каждом из этих двух классов в отдельности.

Периеки. Большинство историков склоняется теперь к тому мнению, что и по своему происхождению, и по своему составу эта социальная категория не была вполне однородной. Определенный, хотя, по-видимому, и не очень большой процент среди периекских полисов составляли спартанские колонии. Это были дорийские поселения, основанные на месте разрушенных и покинутых своими обитателями ахейских городков. Примерами могут служить Геронтры в самой Лаконии, также некоторые мессенские поселения, захваченные спартанцами в более позднее время, например Феры, или Фары. Возможно, первоначально населявшие эти полисы спартанские колонисты сохраняли свои гражданские права в метрополии, но с течением времени, так как ввиду удаленности от Спарты не имели возможности применять эти права на практике, они их лишились и были низведены на тот же уровень зависимых и неполноправных, на котором находились все остальные периекские общины. Некоторые античные авторы склонны были считать всех периеков вообще потомками спартанских колонистов. Примерно так рассуждал, по-видимому, Эфор, утверждавший, что сначала периеки

пользовались теми же гражданскими правами, что и сами спартиаты. Еще более определенно и категорично эту же мысль выразил Исократ в своей панафинейской речи (Isocr. Panath. 178). В его понимании, периеки ведут свое происхождение от спартанского демоса, который был изгнан из Спарты олигархами, лишен политических прав и расселился по пограничным городкам на плохих и скудных землях окраин Лаконии. Все домыслы такого рода исходят из того, что Спарта с самого начала, т. е. с момента «вторжения» дорийцев, объединила под своей властью всю Лаконию, а это, как мы уже говорили, маловероятно.

Еще одну группу периекских полисов составляли колонии, основанные переселенцами из других областей Пелопоннеса, добровольно отдавшимися под власть и покровительство спартанцев. Известно всего три поселения такого типа, хотя, возможно, были и другие. Это — Азина, основанная выходцами из одноименного города на территории Арголиды (после того, как он был разрушен аргосцами, его жители бежали в Спарту), Мефона, заселенная опять-таки эмигрантами из города Навплии на территории Арголиды, и Фирея, в которой спартанцы поселили уроженцев Эгины, изгнанных афинянами с их родного острова. Азина и Мефона были основаны на территории Мессении вскоре после окончания I Мессенской войны (около 700 г. до н. э.), когда эти земли только еще отошли под власть Спарты. Фирея возникла на территории, отторгнутой спартанцами у Аргоса после нескольких столетий упорной борьбы. Во всех трех случаях, несомненно, имел место сознательный расчет: спартанцы нарочно поселяли прибывших к ним издалека отчаявшихся людей в стратегически наиболее опасных пунктах подвластной им территории, чтобы держать их там как свои постоянные гарнизоны.

В большинстве своем периеки были, по-видимому, потомками ахейского или, может быть, смешанного дорийско-ахейского населения Лаконии и Мессении, которое в разное время и при различных обстоятельствах иногда добровольно, а иногда подчиняясь военному нажиму, переходило под власть Спарты. Можно предполагать, что с каждой из периекских общин спартанцы заключали при ее вступлении в состав Лакедемонского союза особый договор. В этом договоре определялся политический статус данного города. Как правило, он сохранял свою внутреннюю автономию. Он продолжал считаться полисом, т. е. городом-государством, хотя и признавал свою политическую зависимость от Спарты. Можно полагать, что каждый периекский полис имел свою систему администрации наподобие господствующей спартанской общины.

В позднейших надписях (уже римского времени), происходящих из отдельных лаконских городов, упоминаются, например, эфоры и

другие магистраты. Население периекских городов было неоднородно по своему социальному составу. Ксенофонт в своей «Греческой истории» говорит, что среди периеков были *χαλοὶ καὶ αἰθοὶ*, из числа которых, вероятно, и выбирались городские магистраты и простой народ.

В самой Спарте периеки никаких гражданских прав не имели и, судя по всему, считались там чужеземцами (*ξένοι*), как, впрочем, вероятно, и сами спартанцы в периекских полисах. Формально периеки не входили в состав спартанского государства. Они считались союзниками Спарты. Как мы уже говорили, Спарта и периекские полисы образовывали в совокупности федерацию или скорее симмахию под общим названием Лакедемон.

По существу позднейший Пелопоннесский союз представлял собой лишь расширение этой симмахии, хотя периеки занимали в ней особое положение. Они были гораздо теснее, чем другие союзники, связаны со своим полисом-гегемоном, в гораздо большей степени зависели от него. Тем не менее стоит отметить, что кое-какие следы их былой самостоятельности сохранялись еще в достаточно позднее время. Известен, например, случай, когда периек Никокл, происходивший из лаконского города Акрии, одержал пять побед на двух Олимпийских играх, на которых он выступал как акриат — представитель своего родного города, а не как лакедемонянин. Другой лаконский город Прасии входил в состав так называемой Калаврийской амфикифии, центром которой был остров Калаврия у берегов Аргολиды (одним из членов этого союза была также Спарта).

Но в более серьезных делах, во всем, что касалось внешней политики, периекские общины отступали на задний план, и переговоры с другими государствами вела одна только Спарта (в этом плане положение периеков заметно отличалось от положения других пелопоннесских союзников Спарты).

Впрочем, и внутренняя автономия периекских полисов не была вполне безусловной. В случае необходимости спартанцы вмешивались в их дела со свойственной им бесцеремонностью. Не спрашивая согласия периеков, они проводили через их территорию свои войска, размещали в их городах свои гарнизоны и военные базы. Так, Гифей — один из периекских полисов в Южной Лаконии в период Пелопоннесской войны и после нее использовался спартанцами как их главная военно-морская база. В позднейшие времена спартанцы нередко посылали в периекские города своих военных комендантов — гармостов, которые, по всей вероятности, не особенно считались с местными властями. Исократ утверждает даже, что спартанские эфоры могли предавать периеков смертной казни без суда и следствия, но это — явное преувеличение.

Особого рода отношения связывали с периекскими полисами спартанских царей. По свидетельству Ксенофонта, в их собственность каждый из периекских городов выделял на своей территории особые земельные участки (темены) для каждого из двух царей. Не совсем ясные указания в других источниках (Платон, Эфор) позволяют предполагать, что периеки платили спартамцам особый налог. Судя по названию — βασιλικός φόρος, — он также поступал в пользу царей. Мы не знаем, из чего он состоял и в каком количестве выплачивался. Гесихий называет его почему-то χαλαμῇ («солома», «тростник»), но спартанцы вообще любили говорить о серьезных вещах в шутливом тоне. Вероятно, именно цари, по крайней мере первоначально, представляли спартанское государство в его сношениях с периекскими общинами. Они могли это делать и как племенные вожди, и как военачальники.

Служба в спартанской армии была главной повинностью периеков, которую они исполняли вплоть до утраты Спартой ее государственной самостоятельности. Первоначально воинские контингенты периеков стояли в бою отдельно от спартанской фаланги. Впоследствии, когда численность самих спартиатов резко сократилась, периеками стали заполнять поредевшие ряды гражданского ополчения (скорее всего, это началось уже в годы Пелопоннесской войны).

В целом положение периеков было довольно сносным, если сравнивать его с положением илотов. За всю историю Спарты среди них не было ни одного крупного восстания.

Правда, в источниках встречаются упоминания о недовольстве периеков спартанским господством. Так, известно из Ксенофонта, что некоторые из них готовы были принять участие в заговоре Кинадона в начале IV в. до н. э. Некоторые периекские города вступили в переговоры с Эпаминондом, когда он вторгся в Лакедемон.

Однако в основном периеки вели себя достаточно лояльно по отношению к спартанскому правительству, да и сами спартанцы старались, по-видимому, не доводить их до отчаяния и поэтому избегали слишком грубых репрессивных мер и угнетения в своей политике по отношению к периекам. Очевидно, они хорошо понимали, что периекские общины выполняют в одно и то же время две важные функции, образуя, во-первых, защитный пояс, оберегающий Спарту от враждебного внешнего мира, во-вторых же, составляя неплохой внутренний противовес поработенной и доведенной до полного озверения массе илотов.

Разделение всего негражданского населения Спарты на две резко различающиеся между собой социальные категории — илотов и периеков было одним из краеугольных камней спартанского господства над Лаконией и Мессенией, обеспечивавшим его прочность и устойчивость.

Итак, вопрос о происхождении класса периеков можно считать более или менее ясным. *Гораздо хуже обстоит дело с вопросом о происхождении илотов.* Здесь уже в древности существовал удивительный разноречивый мнений. Современная наука вместо того, чтобы внести необходимую ясность, пожалуй, еще более усугубила эту неразбериху, добавив к сомнительным и непроверенным домыслам древних ученых ряд хотя и более свежих, но столь же сомнительных догадок. В античных источниках мы обнаруживаем следующие три версии ответа на стоящий перед нами вопрос.

Первая принадлежит Феопомпу (Theopomp. Hist. 14), историку IV в. до н. э. Вот его слова: «Лакедемоняне и фессалийцы, как кажется, сделали рабами эллинов, населявших в прежние времена ту землю, которой они теперь владеют, а именно: лакедемоняне поработили ахейцев, фессалийцы же перрэбов и магнетов и называли поработенных одни “илотами”, а другие “пенестами”». В отрывке нет никаких указаний на время и обстоятельства, при которых произошло это важное событие. Феопомп, по-видимому, имел в виду, что спартанцы поработили все ахейское население Лаконии сразу или вскоре после своего прихода в эту страну, т. е. связывал возникновение илотии непосредственно с «дорийским завоеванием».

Другого мнения придерживался Эфор, связывавший, как мы уже знаем, происхождение термина «илоты» («гелоты») с названием города Гелос в Южной Лаконии. Это мнение разделял, судя по всему, и Павсаний (Paus. III, 2, 7) или вернее тот источник, из которого он черпал свои сведения. Эта версия, как думают современные ученые, восходит к знаменитому логографу V в. Гелланику Лесбосскому (Hellanic. 188 Jacoby). Наиболее оригинальная версия была выдвинута Антиохом Сиракузским, греческим историком V в. (Antioch. Hist., p. 181. Müller). По его словам, спартанцы сделали илотами тех граждан, которые отказались участвовать в войне с мессенцами (неясно, какую войну он имеет в виду — первую или вторую). Почти каждый из античных авторов, так или иначе касавшихся этого вопроса, имел свои представления о том времени, когда илоты были поработены спартанцами. По мнению Феопомпа, это произошло сразу вслед за возвращением Гераклидов. Эфор связывает это событие с правлением Агиса I, основателя династии Агиадов. Плутарх относит его ко времени Соса, сына Прокла и отца Еврипонта, основателя династии Еврипонтидов. Павсаний, как было уже сказано, датирует разрушение Гелоса временем Алкамена, седьмого царя из рода Агиадов, наконец, Антиох относит начало илотии ко времени не то I, не то II Мессенской войны (Antioch. Hist. FHG I, p. 181).

Очень похоже, что ни один из этих авторов не располагал никакой достоверной информацией о происхождении илотии и строил свои догадки, основываясь лишь на том, что ему было известно о положении илотов в его собственное время.

Аналогичным образом рассуждают и современные ученые, занимающиеся проблемой илотии. Чаще всего они берут какой-нибудь один признак, отличающий илотию от других форм рабства, и, опираясь на него, пытаются воссоздать сам процесс формирования класса илотов.

Хорошо известно, что в классической Спарте илоты были распределены между семьями граждан и должны были обрабатывать принадлежащую им землю — так называемые клеры. Однако, права спартанца по отношению к илотам, сидящим на его участке, были ограничены, и собственником-рабовладельцем в обычном понимании этого слова он, вероятно, не считался. По свидетельству Страбона, спартиат не имел права ни освободить илота, ни продать его за пределы государства (Strab. VIII, 5, С 365) (кстати, мы не знаем ни одного случая, когда илоты становились бы предметом купли-продажи и внутри самой Спарты). По всей вероятности, они вообще не подлежали отчуждению, как и земля, к которой они были прикреплены. Судя по всему, спартиат не мог потребовать от своих илотов больше того, что они обязаны были отдавать ему по закону. По свидетельству Плутарха (Plut. Лус. VIII), оброк (ἀλοφόρα), который илоты платили владельцам клера, составлял 82 медимна ячменя (из расчета 70 мед. на мужчину-спартиата и 12 мед. на его жену) и соразмерное количество жидких продуктов. Тот же Плутарх сообщает (в Inst. Lac., Fr. 41), что спартанец, превысивший эту норму, подлежал религиозному проклятию.

Вместе с тем само спартанское государство систематически совершало такие акции, которые в любом другом греческом полисе, вероятно, не могли бы быть расценены иначе как незаконное вторжение в права собственности рабовладельца. Как известно, илоты подлежали призыву на военную службу и вместе со свободнорожденными спартиатами участвовали в походах. Некоторых из них, особо отличившихся во время войны, правительство Спарты затем отпускало на свободу, очевидно, не спрашивая согласия у их хозяев. Известно, что такие вольноотпущенники из числа илотов зачислялись в особую социальную категорию неодамонов и жили в специально отведенных для них местах. Мы не знаем, насколько часто прибегало правительство Спарты к такого рода массовым отпускам илотов на свободу, но по крайней мере для периода Пелопоннесской войны зафиксировано несколько таких случаев. Так, илоты, сражавшиеся вместе с Брасидом, после заключения Никиева мира получили свободу и были поселены в Лепрее на территории Элиды.

Одновременно 6 тыс. илотов было отпущено на свободу в 370 г. до н. э. во время вторжения Эпаминонда. К аналогичной мере прибег в 223 г. до н. э. Клеомен III, причем Плутарх сообщает, что освобожденные им илоты должны были уплатить по 5 аттических мин каждый, но не своим хозяевам, а в государственную казну.

С другой стороны, массовый террор, с помощью которого спартанцы держали илотов в страхе и повиновении, осуществлялся именно государством, а не частными лицами. Общегосударственным мероприятием была знаменитая криптия. Аналогичный характер носили и экстраординарные избиения илотов, к которым время от времени прибегали спартанцы, чтобы разрядить внутри страны напряженную обстановку — как, например, уничтожение двух тысяч илотов, о котором упоминает Фукидид (Thuc. IV, 80, 3–4).

Все эти факты можно объяснить лишь одним способом, если признать, что илоты принадлежали не отдельным гражданам, к участкам которых они были прикреплены законом, а всему спартанскому государству. Этот вывод был сделан уже в древности. Так, Страбон (Strab. VIII, 5, С 365) говорит, что илоты были «некоторым образом государственными рабами» (τῶλον τινα δημόσιοι δοῦλοι). Точно так же определяет их статус и Павсаний (Paus. III, 20, 6), называя илотов «рабами общины лакедемонян» (Λακεδαιμονίων δοῦλοι τοῦ κοινοῦ).

Это определение илотов повторяется и в работах целого ряда современных историков, отмечающих, что в Спарте существовала особая форма рабства — «государственное, или коллективное рабство». Так думают, например, В. Эренберг, Д. Лётце и др. Что могло быть источником такой формы рабства? Очевидно, только завоевание и массовое порабощение целого племени или племен, по отношению к которым община-завоевательница становится своего рода коллективным собственником. Как мы уже видели, в античной традиции, если оставить в стороне малоправдоподобную версию Антиоха Сиракузского, преобладало именно такое представление о происхождении илотии, хотя между отдельными авторами не было согласия относительно времени и обстоятельств, при которых произошло это событие. Помимо устного предания, в котором могла сохраняться память о том, что предки позднейших илотов были когда-то приведены в это состояние силой оружия, в эту же сторону могли указывать и некоторые любопытные обычаи, бытовавшие в Спарте вплоть до очень позднего времени. Так, например, Аристотель, которого цитирует в биографии Ликурга Плутарх (Plut. Лус. XXVIII), сообщает, что эфоры, вступая в должность, ежегодно объявляли войну всем илотам от лица спартанского государства. Вслед за этим оповещением, очевидно, и начинались карательные экспедиции против илотских поселков, обыч-

но именуемые криптиями. В классический период этот обычай имел, скорее всего, чисто сакральное (религиозное) значение. Провозглашая илотов врагами спартанского государства, эфоры тем самым снимали с участников криптий грех человекоубийства (личность илота, не защищенная никакими законами, находилась тем не менее под верховной опекой богов). Однако можно видеть в этой ежегодной процедуре и отголосок тех времен, когда спартиаты и илоты действительно противостояли друг другу, как два враждебных народа, и война между ними велась с соблюдением всех норм тогдашнего международного права. В этой связи следует обратить внимание и на сам термин «илот», «илоты». Древние, как мы уже знаем, выводили его из названия города Гелос в Южной Лаконии. Однако современные ученые в большинстве своем эту этимологию отвергают из чисто филологических соображений. Этникон, соответствующий названию Ἐλος, был бы, скорее всего, Ἐλεῖται или, может быть, Ἐλεῖοι, но никак не Εἰλώτης. Гораздо более вероятно другое происхождение этого слова — от глагола ἐλεῖν — ἀλίσσασθαι. Ἐίλωс можно понимать как Part. Perf. Pass. от этого глагола со значением «пленник».

Опираясь на эти данные, историки почти единодушно признают илотию своеобразной формой рабства, возникшей на почве завоевания. Против этой общей тенденции пытался в свое время бороться немецкий ученый У. Карштедт. Отрицая сам факт дорийского завоевания, он утверждал в то же время, что первоначально спартиаты и илоты были единым народом. Никаких этнических или языковых различий между ними не существовало. Выдвигая столь решительное утверждение, Карштедт основывался по существу на одной-единственной, к тому же брошенной вскользь фразе из Фукидида, по словам которого илоты и спартиаты говорили на одном и том же языке. Само по себе это беглое замечание ничего еще, конечно, не означает. Фукидид мог подразумевать, что илоты, как и спартанцы, говорили по-гречески, хотя бы и на разных диалектах, а не каком-нибудь варварском наречии. Кроме того, за три-четыре столетия, отделяющие завоевание Лаконии спартанцами от времени Пелопоннесской войны, илоты вполне могли усвоить дорийскую речь своих хозяев, как, например, покоренное индейское население Латинской Америки усвоило язык испанских и португальских конкистадоров. Между тем Карштедт на этом единственном факте воздвигает целую теорию. В илотах он видит отнюдь не поработанное спартанцами коренное население Лаконии, а таких же дорийцев, как и они сами, но обедневших и попавших в долговую кабалу наподобие афинских гектеморов. В понимании Карштедта, Спарта остановилась в своем развитии на той точке, которую Афины благополучно миновали благодаря солоновской сисахфии. Закабаленное спартанское крестьянство

так и не дождалось освобождения и окончательно превратилось в рабов после завоевания Мессении (термин «илот», первоначально обозначавший мессенских пленников, был в дальнейшем, по мысли Каршtedта, перенесен и на спартанских рабов-должников). Органический дефект теории Каршtedта заключается, во-первых, в том, что он игнорирует данные античной традиции, ясно указывающей на неэкономическое происхождение илотии, во-вторых, в том, что она не дает возможность объяснить надлежащим образом некоторые особенности в положении илотов и прежде всего тот парадоксальный факт, что право собственности на рабов принадлежало в Спарте не отдельным гражданам, а всему государству (Каршtedт попросту отрицает этот факт, считая илотов частной собственностью спартиатов). За немногими исключениями (например, С. Я. Лурье), взгляды Каршtedта не встретили поддержки среди ученых, занимающихся проблемой илотии. Преобладающее большинство историков остается и теперь на позиции традиционной концепции завоевания. В принципе этот основной вопрос можно считать решенным: илотия возникла не в результате «естественного» экономического развития спартанского общества, а в результате межплеменной борьбы и территориальных захватов.

Однако некоторые важные детали в процессе формирования класса илотов все еще остаются неясными. Данные источников пока что не позволяют с полной определенностью ответить на такой существенный вопрос, как вопрос о времени возникновения илотии. Когда именно появились первые илоты? Как много их было? Образовалась вся масса илотов сразу — в результате одной военной кампании или постепенно после целого ряда походов против разных племен, проживавших на территории Лаконии? Многие историки придерживаются в этом вопросе наиболее простой и удобной точки зрения, относя возникновение илотии чуть ли не к первым годам после прихода дорийцев в Лаконию. Правда, здесь есть один важный нюанс. В то время как одни авторы, начиная уже с К. О. Мюллера (у нас К. М. Колобова и С. Я. Лурье), считают, что дорийцы подчинили себе уже поработенное их предшественниками-ахейцами догреческое население Лаконии (таким образом произошла лишь смена хозяев), другие вслед за Феопомпом и другими греческими писателями склоняются больше к той мысли, что илотами стали как раз ахейцы, побежденные завоевателями дорийцами. Как тот, так и другой вариант этой гипотезы не кажутся достаточно убедительными. В особенности невероятен первый вариант, основанный на том допущении, что придя, в долину Еврота, дорийцы застали здесь уже сложившуюся и исправно функционирующую систему эксплуатации поработенного местного населения и просто переняли ее у своих предшественников, ничего в ней не меняя.

Как мы уже видели, завоевание спартанцами долины Еврота заняло не несколько лет и даже не несколько десятилетий, и завершилось оно лишь во второй половине VIII в. до н. э., т. е. спустя почти 300 лет после первого появления дорийцев в этих местах. В соответствии с этим и образование класса илотов мы должны представить себе как длительный и постепенный процесс. Можно предположить, что те лаконские полисы, которые отказались добровольно примкнуть к Спарте и войти в состав Лакедемонского союза, подвергались примерному наказанию. Сам город разрушали, а его обитателей расселяли по деревням. Эта операция называлась «диойкизмом» (в противовес синойкизму) и широко применялась спартанцами в позднейшее время при усмирении непокорных членов Пелопоннесского союза. Такова была, например, судьба Мантинеи, которую спартанцы диойкизировали в 378 г. до н. э. В VIII в. до н. э. этой же процедуре мог подвергнуться Гелос и некоторые другие лаконские города, о которых умалчивают наши источники. Вполне возможно, что решающую роль в формировании класса илотов сыграло завоевание именно южной части долины Еврота (район Гелоса, где в позднейшее время сосредоточивалась, по всей видимости, основная масса илотского населения Лаконии, это, вероятно, и натолкнуло античных эрудитов на мысль о том, что название всей этой социальной категории образовано от названия города Гелос). Однако илоты жили и дальше к северу в центральной части долины Еврота, и в непосредственной близости от самой Спарты. Поэтому, когда в 464 г. до н. э. спартанцев постигло страшное несчастье — весь их город был разрушен землетрясением и многие граждане погибли под развалинами, илоты почти мгновенно появились в ближайших окрестностях Спарты, и только оперативность царя Архидама, собравшего под ружье уцелевших спартиатов, спасла государство от гибели. По этой же причине спартанцы жили в постоянном страхе перед илотами и на ночь как можно более тщательно запирали свои дома.

Что можно сказать о положении илотов в древнейший период? Едва ли оно было совершенно таким же, как и в позднейшие времена, лучше известные нам по источникам. Большинство исследователей, занимавшихся этим вопросом, уверено в том, что каждая новая территория, присоединенная спартанцами к своим владениям, немедленно делилась ими на клеры, к которым прикреплялось жившее на этих землях местное население, превращенное теперь в илотов. Но, если вдуматься, такой путь развития совсем не обязателен и уж во всяком случае не является единственно возможным. Не следует забывать о том, что в период борьбы за овладение Лаконией спартанцы были еще слишком отсталым и примитивным народом. У них не было еще ни классов, ни государства в собственном значении этого слова. Они не знали денежного обращения.

Частная собственность, по-видимому, только еще начинала зарождаться. В этих условиях столь быстрый переход к крупному рабовладельческому хозяйству едва ли был возможен. Ведь для этого нужно было наладить систематический контроль за многочисленными семьями илотов, рассеянными на большой территории. Примитивная община-завоевательница едва ли могла справиться с такой сложной задачей. Гораздо проще было предоставить илотов самим себе и лишь требовать от них время от времени установленную часть урожая и приплода скота. Очевидно, так спартанцы и поступали на первых порах. Часть земли, отнятой у покоренных ими обитателей Лаконии, они сразу же делили на клеры, но обрабатывали их своими собственными силами с помощью покупных рабов, батраков, клиентов и т. д. Однако значительная часть земли оставалась и после этого в распоряжении ее первоначальных владельцев, которые сами теперь считались данниками спартанского государства и в соответствии с этим должны были уступить ему часть своих доходов. С течением времени илоты из данников превратились в государственных рабов. Произошло это незаметно, так как четкой грани между тем и другим понятием в те времена, по-видимому, не существовало. В городах дорийского Крита, общественное устройство которых во многих отношениях напоминает общественное устройство Спарты, еще в эллинистический период существовала широкая прослойка так называемых мноитов — рабов общины. Их зависимость от господствующего сословия выражалась в уплате в казну полиса денежного налога, который использовался затем для устройства коллективных обедов граждан — так называемый андрий. Наряду с государственными рабами на Крите существовали и рабы, принадлежавшие отдельным семьям граждан и прикрепленные к их наделам — клерам. Они и назывались соответственно «кларотами» или «афамиотами». В действительности и те и другие рабы, как и земля, на которой они сидели, считались собственностью государства. Только использовались они по-разному: одни в частных хозяйствах, другие в общегосударственных. Первоначально, как показывают наши источники, понятие «мноиты» («мнойя») распространялось на все зависимое население Крита. Современные ученые по созвучию связывают это слово с наименованием народа минойцев, населявшего Крит в III—II тыс. до н. э. Рассуждая логически, мы должны признать, что после того как дорийцы завоевали Крит, коренное население острова — мноиты, или мнойя, было низведено на положение данников или, что то же самое, общинных рабов, хотя в течение еще долгого времени после этого основная его часть продолжала вести свой обычный образ жизни, обрабатывая ту землю, которую ей оставили завоеватели. Лишь по прошествии ряда столетий (вероятно, не ранее V в.

до н. э.) некоторая часть мноитов была распределена между представителями господствующего сословия, посажена на клеры и таким образом превратилась в кларотов. Вполне возможно, что аналогичный путь развития прошла и спартанская илотия с тем, однако, различием, что здесь вся масса порабощенного населения была поделена между завоевателями, так что в исторический период государственных рабов в узком значении этого слова в Спарте уже не было.

Судя по некоторым признакам, первоначальное положение илотов не было столь тяжелым и безнадежно унижительным, каким изображают его позднейшие авторы: Платон, Аристотель, Плутарх и др. В спартанских легендах сохранились неясные отголоски первоначальной свободы илотов. В одном из преданий мы узнаем, например, что в древности илоты могли сходиться со свободными спартанскими женщинами и иметь от них детей. Такие дети (Феопомп, цитата у Афиней — Athen. 602d, называет их «парфениями», т. е. «сыновьями девственниц») считались незаконнорожденными и поэтому не обладали всей полнотой гражданских прав, но в то же время они не были и рабами. На Крите еще в V в. до н. э., во времена, когда были составлены так называемые Гортинские законы, подобные связи между рабами и свободными женщинами были вполне обычным явлением. В Спарте V—IV вв. до н. э. такой союз рассматривался бы уже, вероятно, как связь белой женщины с негром где-нибудь в Алабаме. Скорее всего, положение илотов резко изменилось в худшую сторону уже после завоевания Мессении, когда общая численность рабов в Спарте намного увеличилась и спартанцам пришлось срочно изыскивать меры для удержания в повиновении всей этой огромной армии работавших на них невольников.

Глава 3

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙШЕЙ СПАРТЫ

Греческие историки делили все государственные учреждения Спарты на три категории: 1) доликурговы (царская власть); 2) ликурговы (герусия и народное собрание); 3) послеликурговы (эфорат). Деление это весьма условно, т. к. имеет своей точкой отсчета полумифическую, если не совершенно мифическую личность Ликурга, время жизни и деятельность которого не поддается точному определению. Кроме того, оно, вероятно, и неверно по существу. Трудно себе представить, чтобы уже в древнейший период в Спарте не было таких институтов, как совет старейшин или народное собрание (повсеместно эти учреждения существовали с незапамятных времен). Тем не менее схема эта удобна уже тем, что позволяет каким-то образом организовать имеющийся у нас в наличии материал, и поэтому мы за ней последуем.

1. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ СПАРТАНСКОЙ ДИАРХИИ

Двойная царская власть, существовавшая в Спарте с древнейших времен, как думали древние, с самого момента возникновения спартанского государства, всегда вызывала удивление у других греков. Мало того, что она продолжала существовать в то время, когда повсеместно в других греческих государствах сам институт царской власти давно уже сошел со сцены. Наиболее странным казалось само раздвоение верховной власти между двумя царскими династиями, пользовавшимися совершенно одинаковыми правами и привилегиями. Ничего похожего не было ни в одном ни в греческом, ни в варварском государстве. Нам теперь

известны аналогичные институты: два консула у римлян, два суффета у карфагенян, но в древности о них мало кто знал и в спартанской диархии видели уникальное явление.

Пытаясь как-то объяснить происхождение этого парадоксального учреждения, греческие историки выдвинули гипотезу о двух братьях-близнецах, якобы являющихся родоначальниками двух царских домов. Гипотеза эта, вне всякого сомнения, уходит своими корнями в местное спартанское предание. Наиболее обстоятельно излагает это предание Геродот, прямо ссылаясь на лакедемонские источники, — см. Hrt. VI, 52. Современных историков, конечно, не могла удовлетворить эта наивная побасенка, и они начали искать другие более научные объяснения парадокса. За последние сто или полтораста лет накопилось, наверное, уже с два десятка гипотез, так или иначе объясняющих происхождение двойной царской власти. Мы остановимся лишь на тех из них, которые пользуются наибольшей популярностью в науке.

Чаще всего высказывается предположение, что диархия была обязана своим происхождением политическому объединению двух первоначально самостоятельных, хотя и существовавших в близком соседстве общин: ахейской и дорийской. Эта догадка основана на одном-единственном эпизоде из книги все того же Геродота. В V книге (72) его «Истории» упоминается такой любопытный факт. Когда знаменитый спартанский военачальник Клеомен I занял со своим войском Афины (в 509 или 507 г. до н. э.), он поднялся на акрополь и вошел в святилище Афины. Жрица богини, находившаяся в храме, увидев спартанского царя, встала со своего места и сказала: «Назад, чужеземец из Лакедемона! Не вступай в святилище! Ведь сюда не дозволено входить дорийцам». На что Клеомен возразил: «Женщина! Я — не дориец, а ахеец». Известно, что Клеомен принадлежал к роду Агиадов. Отсюда многие современные историки (первым был Вахсмут, выступивший с этой гипотезой еще в 60-х годах XIX века) заключают, что Агиады были ахейской династией, а их партнеры и соперники Еврипontiды — дорийской. Это предположение, хотя на первый взгляд в нем нет ничего невероятного, сопряжено с рядом серьезных затруднений, которые делают невозможным его принятие. Прежде всего возникает вопрос о том, когда произошло это предполагаемое слияние двух общин и почему о нем ни словом не упоминают наши источники. Событие это невозможно отнести к тому времени, когда дорийцы только еще появились в Лаконии. Как мы уже говорили, в ближайших окрестностях Спарты не сохранилось никаких следов ахейских поселений, которые можно было бы датировать XI—X вв. до н. э., за исключением только Амикл. Но Амиклы были присоединены к Спарте лишь в середине VIII в. до н. э., когда диархия, если

верить традиции, уже насчитывала свыше двух столетий своего существования. Как же в этом случае объяснить слова Клеомена, обращенные к жрице Афины? Ответить на это можно очень просто: по преданию, обе царские династии в Спарте вели свое происхождение от Геракла. Геракл же был, по всем признакам, чистокровным ахейцем. Если у афинской жрицы возникли какие-то сомнения на этот счет, то это говорит лишь о ее историческом невежестве, в котором Геродот ее немедленно и уличал устами своего героя. Можно, конечно, предположить, что Клеомен претендовал и на какое-то более широкое родство с древними ахейскими династиями Пелопоннеса. В нашем распоряжении имеется целый ряд любопытных фактов, почерпнутых частью из того же Геродота, частью из других источников и свидетельствующих о том, что в VI—V вв. до н. э. спартанское правительство весьма энергично и бесцеремонно присваивало почти всех наиболее известных микенских царей и героев, в том числе Агамемнона и его сына, Ореста, очевидно, рассчитывая, что таким способом ему удастся обосновать свои претензии на гегемонию над всем Пелопоннесом. Внешнеполитические интересы Спарты, таким образом, требовали того, чтобы обе царские династии, а не одни только Агиады могли доказать перед всем миром свое ахейское происхождение, из чего следует, что гордые слова Клеомена вполне мог повторить и кто-нибудь из Еврипонтидов.

Некоторые историки, в том числе итальянцы Л. Парети и Дж. Джаприццо, англичанка К. Краймс, склонны считать, что первоначально в Спарте было не два царя, а целых три в соответствии с числом дорийских фил. Как известно, в Афинах еще и в послеклисфеновский период существовало четверо филобасилеев, стоявших во главе четырех древних родовых фил. Если предположить, что аналогичная племенная организация существовала некогда и в Спарте, то следует ожидать появления здесь в древнейший период не двух, а трех царских династий. Действительно, ничто как будто не мешает нам допустить, что первоначально Агиады были царями филы Гиллеев, Еврипонтиды царями филы Диманов. Но кто же тогда возглавлял третью филу Памфилов? Пытаясь ответить на этот вопрос, историки снова обращаются к загадочной фратрии или роду Эгеидов, принимавшей столь деятельное участие в древнейших войнах Спарты с ее соседями. Сохранилось интересное предание (у уже известного нам Павсания — Paus. IV, 7, 8), согласно которому в большом сражении между спартанцами и мессенянами, открывающем собой I Мессенскую войну, центром спартанской армии предводительствовал эгеид Еврилеонт, тогда как левым крылом командовал Полидор — царь из династии Агиадов, а правым — Феопомп — царь из династии Еврипонтидов. В те времена спартанское войско, как это видно из одного фрагмента Тиртея (Tyr.

fr. 1, 50 sq., Diehl³), строилось по трем дорийским филам. Следовательно, можно предположить, что каждый из трех военачальников возглавлял одну из фил, считался ее царем. Геродот указывает, что минии, с которыми он связывает и эгеидов, стремились к тому, чтобы добиться полного равноправия с другими спартанцами, и претендовали в частности на царскую власть (Hdt. IV, 145 sqq.). Может быть, в какой-то неизвестный нам момент им удалось добиться удовлетворения своих требований и их представители эгеиды возглавили одну из трех фил — Памфилов, в состав которой минии теперь вошли наравне с другими ее членами. Эта гипотеза, однако, наталкивается на следующие затруднения, которые не позволяют ее принять, равно как и предыдущую. Во-первых, вся античная традиция единодушно стоит на том, что в Спарте всегда было именно два царя — не больше и не меньше, и с этим нельзя не считаться. Во-вторых, если допустить, что когда-то было не две, а три царские династии, то сразу же возникает вопрос: а куда же делась третья? Почему царский род исчез, а фила, которую он возглавлял, осталась? На эти вопросы сторонники «троецарствия» не могут дать удовлетворительного ответа, и тем самым вся их конструкция оказывается под большим сомнением.

Ближе к истине стоит другая группа историков (среди них англичане Хаксли и Тойнби), которая связывает институт двоевластия с первоначальным делением территории Спарты на две пары деревень: западную, расположенную вблизи спартанского акрополя (Питана и Месоя), и восточную, занимавшую прибрежную полосу вдоль Еврота (Лимны и Киносур). Как указывает Павсаний, могилы царей из династии Агиадов находились на территории Питаны, могилы же Еврипонтидов на другом конце города, примерно в том месте, где в древности располагалась деревня Лимны. Объяснить этот любопытный факт можно следующим образом. Первоначально власть каждой из двух царских династий была ограничена лишь двумя из четырех деревень, составлявших позднейшую Спарту. Агиады царствовали над Месоей и Питаной, Еврипонтиды над Лимнами и Киносурой. Впоследствии, хотя когда именно, мы не знаем (вероятно, до начала VIII в. до н. э.), произошел так называемый синой-кизм и четыре деревни образовали одну общину. Так как объединение произошло мирным путем и ни одна из заключивших союз общин не имела никаких преимуществ перед другой, их вожди были признаны равноправными правителями вновь основанного полиса и в дальнейшем продолжали царствовать сообща, хотя память о том, что первоначально каждый из царских домов имел на территории Спарты свой особый удел, сохранялась еще долгое время после этого.

В связи с этим высказывалось предположение (Хаксли) о том, что первопоселенцами Спарты были Агиады, занявшие наиболее удобное

место на возвышенности и основавшие здесь первые две деревни. Еврипонтиды же пришли позднее и поселились ближе к реке. Поэтому впоследствии именно Агиады считались (на это указывает Геродот) старшей из двух династий. Сохранились крайне неясные предания о каких-то распрях между Агиадами и Еврипонтидами еще до образования спартанского государства (Polyaen I, 10. Προκλής καὶ Τήμενος Ἠρακλεῖδαι Εὐρυποντεῖς ἵδαις κατεχουσι τὴν Σπάρτην ἐπολέμουν). Павсаний рассказывает, что жители четырех спартанских деревень перессорились между собой в то время, когда они приносили жертвы в святилище Артемиды Орфии. Дело дошло даже до убийств. Павсаний видит в этом признак безумия, которое богиня наслала на спартанцев. Обратившись к оракулу, они узнали, что Артемиду можно умиловать только человеческой кровью (статуя богини, по мнению того же Павсания — Paus. III, 16, 7—11, была привезена в Спарту из Тавриды, где приносили человеческие жертвы, Орестом и Ифигенией). После этого спартанцы начали по жребию выбирать человека, обреченного в жертву, и лишь Ликург заменил этот варварский обычай другим, более гуманным, предложив устраивать перед алтарем Орфии регулярные избиения юношей — эфебов.

Павсаний упоминает и еще об одном любопытном спартанском обычае, в котором опять-таки участвовали эфебы. По его словам (Paus. III, 14, 8—10), в местности, называвшейся «Платановая роща» (Платанистой), было устроено нечто вроде острова, окруженного со всех сторон водой. На остров вели с разных сторон два моста. На одном из них стояла статуя Геракла, на другом — Ликурга. Большая группа эфебов, разделившись на две партии, входила на остров одновременно с двух сторон. Здесь между ними завязывалась драка. Как говорит Павсаний, устраивались и одиночные поединки, и массовые побоища, в которых принимали участие одновременно все юноши. Сражение велось с крайней жестокостью. Дрались кулаками и ногами. Можно было кусаться и даже выдавливать противнику глаза. Каждая из партий стремилась сбросить своих врагов в ров, наполненный водой, вокруг острова. Кажется вполне вероятным, хотя Павсаний прямо об это и не говорит, что каждый из участвовавших в сражении отрядов представлял один из районов тогдашней Спарты, т. е. одну из двух пар деревень: либо Питану и Месою, либо Лимны и Киносуру.

Во всех этих странных обычаях и преданиях можно видеть отголоски каких-то давних распрей между двумя этническими или территориальными группами, первоначально жившими обособленно, хотя и в близком соседстве друг с другом, а затем слившимися в одну общину. Возможно, однако, и другое объяснение. Двойная царская власть, с одной стороны, и своеобразное соперничество между жителями двух основных районов Спарты — с другой, могут быть пережитками так называемой дуальной

организации. Дуальная организация — одна из древнейших форм социальной организации человеческого общества, возможно, даже предшествующая установлению родового строя и тесно связанная с обычаем экзогамии. Разнообразные формы дуальной организации встречаются у самых различных народов Земного шара и поэтому хорошо известны этнографам. Их следы обнаруживаются почти повсеместно от Сибири до Меланезии в Восточном полушарии и на всем пространстве обеих Америк в Западном. Наиболее характерный, повторяющийся в бесконечных вариациях признак дуальной организации — разделение общины на две тесно связанные между собой и в то же время противостоящие друг другу половины, или фратрии. Между половинами существуют обычно весьма своеобразные и непонятные для постороннего наблюдателя отношения, в которых вражда и соперничество переплетаются с сотрудничеством и взаимопомощью. Половины соперничают друг с другом в играх и спортивных состязаниях, на охоте и рыбной ловле. Они постоянно обмениваются колкостями, подшучивают друг над другом. Нередко между людьми из разных фратрий устраиваются ритуальные драки, в которых наиболее активное участие принимает, конечно, молодежь (ср. драки спартанских эфебов). Почти у всех народов с ясно выраженными следами дуальной организации наблюдается резкое обособление фратрий буквально во всем. Каждая из них имеет свой «квартал» в деревне (от этого зависит планировка поселения), свои культы и мифы, строго засекреченные от всех посторонних, свое кладбище, свои святилища и хранилища священных предметов (например, чуринга у австралийцев), свой рисунок татуировки, свой боевой клич, даже свое загробное царство или по крайней мере ведущую туда дорогу, наконец, совершенно обязательно своего вождя или хотя бы шамана. Обособленность фратрий особенно наглядно проявляется во время разного рода священных обрядов и церемоний, во время которых люди каждой из половин выступают в своих особых костюмах и украшениях, со своими священными символами (тотемами), со своими песнями и танцами. Вместе с тем между фратриями происходит постоянный обмен взаимными услугами. Мужчины одной фратрии непременно берут себе жен из противоположной половины. Люди одной половины исполняют похоронный обряд над людьми из другой. Такая же взаимность наблюдается и во время обряда инициаций. В совокупности обе фратрии образуют как бы диалектическое единство противоположностей, которые не могут существовать одна без другой. Так, все основные ритуальные функции, выполняемые на важнейших празднествах племени, четко распределены пополам. Так, у многих индейских племен Северной Америки одна из фратрий берет на себя выполнение всех обрядов, падающих на летний сезон и соответственно

именуется «людьми Лета». Другая выдвигается на первый план во время зимних церемоний и именуется «людьми Зимы». В других местах мы наблюдаем аналогичное деление на «людей Войны» и «людей Мира», «людей Неба» и «людей Земли», «людей Запада» и «людей Востока». Связанные с этой социальной системой дуальные представления распространяются на всю окружающую природу. Половины делят между собой животных и растения, горы и реки и т. д. В социальном и политическом плане обе фратрии считаются равными друг другу, хотя в то же время у многих народов существует представление о том, что люди, принадлежащие к разным половинам, различаются между собой физически и психически (одни — высокие, другие — коренастые, одни — светлокожие, другие — темнокожие, одни — задиры и драчуны, другие — спокойные и миролюбивые). Иногда одна половина признается превосходящей другую в каком-нибудь отношении и поэтому пользуется большим почетом. Дуальная организация по-своему преломилась и в первобытной мифологии, послужив внешним поводом для создания целой серии мифов о братьях-близнецах, встречающихся во множестве вариантов у самых различных народов Земного шара. Близнецы, похожие друг на друга, но в то же время во многом различающиеся между собой (один умный — другой глупый, один добрый — другой злой), считаются родоначальниками двух фратрий, от которых принадлежащие к ним члены племени унаследовали свои основные признаки и отличительные особенности. Идея дуализма — добра и зла, света и тьмы, пронизывающая многие религии мира, восходит в конечном счете именно к близнецному мифу, а через него к истокам родового строя и дуальной организации.

В Спарте дуальная организация существовала с очень давних времен. Не подлежит сомнению, что она сложилась здесь задолго до прихода дорийцев среди местного ахейского населения, а, может быть, даже уходила своими корнями еще в догреческую эпоху. Одним из главных культов спартанского государства был культ божественных близнецов Диоскуров — Кастора и Полидевка. Именно отсюда, из Спарты этот культ широко распространился по всей Греции, а в дальнейшем проник также в Италию и в Рим. В исторический период Диоскуры считались небесными покровителями царей. Отправляясь в поход, цари брали с собой древнее деревянное изображение божественных близнецов, причем, если на войну отправлялся только один царь, ему сопутствовал и кто-нибудь один из Диоскуров — второй оставался дома. Есть все основания считать, что и сам культ близнецов, и, по-видимому, тесно связанный с ним институт двойной царской власти, были хорошо известны в Лаконии уже в микенскую эпоху. Отголоски микенского двоевластия сохранились в мифологии. В некоторых вариантах предания братья Атриды — Агамемнон и Мене-

лай — выступают как совместные правители Лакедемона. Едва ли случайно, что жены обоих братьев, Елена и Клитемнестра, были дочерьми древнего царя Спарты Тиндарея и родными сестрами Диоскуров. Своеобразный вариант двоевластия зафиксирован в документах микенского слогового письма. Как следует из этих документов, во главе, например, Пилосского царства стояли два человека: ванакт — вероятно, царь-жрец, ведавший главным образом делами культа, и военный вождь — лавагет (точно так же многие индейские племена до недавнего времени имели двух вождей: одного на время мира и другого на время войны). Дорийцы, пришедшие в Лаконию, в самом конце II тыс. скорее всего заимствовали институт двоецарствия у местного ахейского населения вместе с некоторыми другими элементами дуальной организации, лишь несколько его видоизменив (изменение заключалось прежде всего в равномерном распределении как военных, так и религиозных функций между двумя царями). Вообще цари в Спарте занимали очень высокое положение, несравнимое с той скромной ролью, которую играли так называемые бацилеи в ионийских полисах, судя хотя бы по данным гомеровских поэм. Правда, реальная их власть была сильно ограничена эфоратом и народным собранием. Однако окружавший их внешний почет был очень большим. Особенно велики были посмертные почести, оказываемые царям. По свидетельству Геродота, в оплакивании умершего царя и погребальных обрядах принимали участие тысячные толпы периеков, илотов и свободных спартанцев. Согласно некоторым другим источникам, тело царя подвергали бальзамированию, погружая его в мед. Не исключено, что вся эта помпа, сопровождавшая царей при жизни и в особенности после смерти, была унаследована спартанцами опять-таки от микенской цивилизации.

2. «КОНСТИТУЦИЯ» АРХАИЧЕСКОЙ СПАРТЫ (Интерпретация «Большой ретры» в Plut. Lyc. VI)*

В античной исторической традиции возникновение основных институтов спартанского государства и оформление их в виде целостного, более или менее слаженно работающего административного механизма расценивалось как однозначный политический акт, разделивший всю историю Спарты на два резко различающихся между собой хронологических отрезка: период «беззакония», или «плохих законов» (какономии), и период «благозакония» (евномии). На «пограничной черте», разделяющей эти

* Этот раздел спецкурса Ю. В. Андреев переделал в доклад и в последние годы намеревался превратить его в статью, оставшуюся, к сожалению, незавершенной.

два периода, древние единодушно помещали грандиозную фигуру великого законодателя Ликурга, сверхчеловеческой мудрости и изобретательности которого спартанцы были обязаны совершенством и из ряда вон выходящей стабильностью своей политической системы. Эта концепция была хорошо известна уже основоположникам классической греческой историографии — Геродоту и Фукидиду. Как сообщает первый из этих двух авторов (Hdt. I, 65), первоначально лакедемоняне «пользовались едва ли не самыми скверными законами среди всех (прочих) эллинов, так как жили сами по себе и не смешивались с чужеземцами (τὸ δὲ ἔτι πρότερον τούτων καὶ κακονομώτατοι ἦσαν σχεδὸν πάντων Ἑλλήνων κατὰ τε σφέας αὐτοὺς καὶ ξείνοισι ἀπρόσμιχτοι). К благозаконию же они перешли следующим образом». Далее излагаются две основные версии происхождения законов Ликурга — дельфийская и критская — и отмечается, что, приняв эти законы, спартанцы быстро достигли процветания. В сущности ту же самую схему ранней истории Спарты находим мы и в «Археологии» Фукидида (Thuc. I, 18, 1). По его словам, «после заселения дорийцами Спарта в течение долгого времени страдала от междоусобиц, но уже в глубокой древности вступила на путь благозакония (εὐνομίῃ) и (благодаря этому) никогда не знала тирании. Прошло уже около четырехсот с небольшим лет вплоть до окончания этой войны, с тех пор как лакедемоняне пользуются одним и тем же государственным устройством, и, достигнув таким образом (большого) могущества, они установили порядок также и в других полисах (τὰ ἐν ταῖς ἄλλαις πόλεσι καθίστασαν)». В более поздних источниках встречаются, правда, отдельные отступления от этой схемы. Некоторые авторы, начиная, по крайней мере, с Платона (Plato. Leg. IX, 712d; см. также: Arist. Pol. II, 1270b, 8 sqq.), относят эфорат к числу «послеликурговых учреждений», хотя Геродот (Hdt. I, 65) приписывает его вместе с герусией именно Ликургу. Аристотель в «Политике» со ссылкой на Тиртея (Arist. Pol. V, 1307a) упоминает о каких-то смутах, происходивших в Спарте во время Мессенской войны (неясно, первой или второй), т. е., если следовать традиционной хронологии, уже в период «благозакония», наступивший после реформ Ликурга. Плутарх (Plut. Lyc. XXVIII) выражает сомнение в том, что Ликург

На отдельных листах к каждой странице доклада сохранились многочисленные выписки из английской, немецкой и французской научной литературы по данному вопросу, которые внесены мною в соответствующие примечания. Нелегкий труд их перевода на русский язык взяли на себя В. П. Никоноров и Е. В. Сорокина — с английского, Е. П. Чебучева — с французского и А. А. Синицын — двух предложений с немецкого (примеч. 17 и 19). По поводу последних я консультировалась с А. К. Гавриловым.

От всего сердца благодарю всех перечисленных коллег за их бескорыстный труд и время, затраченное на него (Л. Ш.).

несет ответственность за введение криптий и некоторых других репрессивных мер, направленных против илотов, хотя на этом настаивали такие крупные авторитеты, как Платон и Аристотель.

Тем не менее, несмотря на все разногласия такого рода, Ликург продолжал считаться подлинным основателем спартанского государственного устройства и автором подавляющего большинства действовавших в Спарте законов также и в IV в. до н. э., и в еще более позднее эллинистическо-римское время, о чем мы можем судить по сочинениям Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Полибия, Плутарха и некоторых других авторов. Не вдаваясь в детальный разбор самой легенды о Ликурге (к ней нам еще предстоит вернуться несколько позже), остановимся на том уникальном документе, в котором древние склонны были видеть если не единственный, то, по крайней мере, наиболее важный из всех уцелевших подлинных фрагментов Ликургова законодательства. Имеется в виду так называемая «Большая Ретра», текст которой, хотя и в довольно сильно испорченном состоянии, дошел до нас в VI главе «Биографии Ликурга», включенной в знаменитую серию «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.

Историческая значимость Ретры очевидна для каждого, кто имел возможность хотя бы бегло ознакомиться с этим чрезвычайно интересным и вместе с тем в высшей степени загадочным документом. Традиционные датировки Ретры, находящиеся в прямой зависимости от очень сильно различающихся между собой датировок жизни и деятельности ее автора, в целом все же не выходят за рамки VIII в. до н. э., что позволяет считать ее, конечно, только в той мере, в которой эти датировки вообще могут быть приняты на веру, самым древним из всех известных в истории Греции политических актов (напомним для сравнения, что древнейшие из дошедших до нас критских декретов из города Дрероса датируются уже VII в. до н. э.). Впрочем, все попытки извлечь из текста Ретры, несомненно, заключающуюся в нем ценную историческую информацию сталкиваются с почти непреодолимыми препятствиями.

Едва ли не каждое слово в этом тексте допускает множество различных толкований и в силу этого неизбежно становится предметом ожесточенных дебатов между исследователями, по-разному оценивающими общий смысл Ретры и в соответствии с этим решающими проблему ее происхождения, авторства, датировки и т. д. Более или менее точной интерпретации основного содержания Ретры препятствует прежде всего ее сугубо обособленное положение в ряду других источников по ранней истории Спарты, имеющих в нашем распоряжении. По существу она представляет собой единичный документ, выхваченный из своего первоначального исторического «контекста» (сам этот «контекст» приходится восстанавливать теперь, опираясь преимущественно на те скудные данные,

которыми снабжает нас Ретра), и уже одно это превращает ее в некую «вещь в себе», почти не доступную для понимания современного исследователя. Эта трудность еще более усугубляется тем обстоятельством, что завершающая и, судя по всему, наиболее важная клаузула Ретры дошла до нас в тексте Плутарховой «Биографии Ликурга» в почти безнадежно испорченном состоянии и теперь может быть лишь весьма приблизительно реконструирована с помощью так называемой «поправки Полидора и Феопомпа» (в том же сочинении Плутарха) и стихотворного переложения Ретры в «Евномии» Тиртея (см. с. 122). И все же ни один историк, стремящийся по-настоящему разобраться в сложной и запутанной проблеме становления спартанского государства, не вправе обойти стороной это «уравнение со многими неизвестными» и должен попытаться найти свой вариант его решения или, по крайней мере, по зрелом размышлении принять один из уже существующих вариантов. Любой из этих подходов к загадке Ретры, разумеется, невозможен без самого тщательного анализа ее текста, который логично было бы начать с самого ее названия.

Единственное, в чем единодушны все истолкователи, так или иначе касавшиеся этого предмета, это признание слова Ῥήτρα производным от глагола εἶρω («говорю»), которое может быть буквально переведено как «сказанное», «речение», «приговор», «договор» и т. п. Однако вслед за этим начинается сплошной разнобой мнений. Одни авторы (первым уже в XIX веке был Гильберт) признают наиболее удачным перевод «договор» или «соглашение», вкладывая в него особый смысл. В их понимании, Ретра представляет собой соглашение между несколькими первоначально самостоятельными общинами лаконских дорийцев, из объединения которых в результате так называемого синойкизма возникло спартанское государство. Сторонники этой гипотезы ссылаются в подтверждение своей точки зрения на известные по надписям олимпийские ретры, или договоры, которые в разное время заключали между собой некоторые пелопоннесские государства. Другие, как Виламовиц-Мёллендорф, признают, что это договор, но не между разными общинами, а между противоборствующими политическими партиями: партией царей и партией знати. Другой вариант концепции «договора» — компромисс между знатью в лице царей и герусии и демосом после периода смут (см. Jones, 1966, pp. 165–175; 1967, p. 28; Toynbee, 1969, p. 234). Третьи, как Нойман и Бузольт, вообще отвергают это толкование, предлагая вслед за Плутархом считать Ретру оракулом, неправильно названным ретрой. Четвертые, как Уэйд-Джери, выворачивают это суждение наизнанку, объявляя Ретру решением народного собрания, неправильно названным оракулом. Примерно так же решается вопрос и о значении чуть ли не каждого слова в самом тексте Ретры.

Для того чтобы привести в систему всю эту разноголосицу мнений, укажем на два основных направления в решении вопроса о характере и происхождении Ретры. Сторонники одного из них (к их числу можно отнести Гильберта, Тойнби, Леншау, Бузольта, Глотца, Берве, Хэммонда и др.) видят в Ретре учредительный, конституционный акт спартанского полиса, заложивший основы его государственного строя в связи с синойкизмом или, по другому варианту, в связи с инкорпорацией Амикл в качестве одного из территориально-административных округов. Сторонники другого направления (среди них Виламовиц-Мёллендорф, Дикинс, Эренберг, Уэйд-Джери, Бенгтсон и др.) оценивают Ретру как документ, зафиксировавший перестройку уже существующих государственных учреждений в связи с победой, одержанной демосом над царями и знатью или знатью над царями (здесь опять-таки нет полного единства мнений).

Уже *a priori* мне представляется более убедительной первая из этих двух точек зрения, согласно которой все институты, о которых идет речь в Ретре, учреждаются впервые и заново, а не реорганизуются после очередной смуты. Однако мнение это может быть принято лишь с одной важной оговоркой, а именно, если мы признаем, что перед нами не подлинный учредительный акт, а фальсификация, подделка, составленная с определенной политической целью.

Прежде чем перейти к обоснованию этого несколько парадоксально звучащего утверждения, я хотел бы остановиться на отдельных формулах в тексте Ретры, не вдаваясь, однако, в их детальный разбор, т. к. цель моего доклада иная.

Как известно, синтаксически этот текст, за исключением последних слов, о которых нужно говорить особо, представляет собой инфинитивную конструкцию, в которой отсутствует подлежащее. Имеется только определение к нему в форме причастного оборота, состоящего из четырех причастий аориста в мужском роде и единственном числе. Первая часть этого оборота: **Διὸς Συλλανίου καὶ Ἀθανᾶς Συλλανίας ἱερὸν ἰδρυσάμενον**. Смысл этой формулы как будто ясен: речь идет об учреждении единого святилища в честь двух божеств. Но что это за божества: Зевс Силланий и Афина Силлания? (см.: Nuxley, 1962, p. 46 о критском происхождении этих двух эпитетов). Какое отношение имеют они к тем мероприятиям, о которых говорится далее? Об этом мы, к сожалению, ничего не знаем, как не знал, по-видимому, и Плутарх, который не дает никаких комментариев к этой части Ретры. Тем не менее эта вводная фраза уже настраивает нас на определенный лад. Ясно, что учреждается какое-то новое, ранее не существовавшее святилище. Следовательно, и дальше речь тоже пойдет, скорее, о каких-то нововведениях, чем о простой реорганизации искони заведенного порядка.

Именно так можно понять смысл следующей формулы: **φυλὰς φυλάξαντα καὶ ὠβὰς ὠβάξαντα**. Плутарх в своих комментариях к Ретре так поясняет значение этих слов: «Это значит разделить народ на части, одни из которых он (т. е. Ликург) назвал филами, другие же обаи». Плутарх или, скорее, Аристотель, у которого он, по всей вероятности, заимствовал и сам текст Ретры, и пояснения к нему, явно имеет в виду, что Ликург был первым, кто учредил филы и обы в Спарте¹. Раньше их вообще не было. Это толкование хорошо согласуется с общим тоном документа, который, как мы уже говорили, весь целиком воспринимается как программа политических нововведений. Но что такое филы и обы? Что касается фил, то сейчас можно сказать с уверенностью, что автор Ретры имел в виду три дорийские филы — Гиллеев, Диманов и Памфилов. Это стало ясно после того, как в 1918 г. Виламовиц-Мёллендорф опубликовал папирусный фрагмент Тиртея, в котором упоминались дорийские филы в связи с событиями II Мессенской войны. А так как Ретра обычно датируется более ранним временем, то нет оснований полагать, что ее **φυλὰς φυλάξαντα** относится не к дорийским филам, а к каким-то иным. В отношении об большинство исследователей, занимавшихся проблемой Ретры, сходится на том, что под этим термином следует понимать пять округов или деревень, на которые делилась территория спартанского полиса уже в древнейший период. Правда, сам термин «оба» или «ова»² появляется впервые в лаконских надписях после огромного

¹ Ср.: Levy, 1977, p. 91: «На самом деле **φυλάζω** — и то же самое относится к **ὠβάζω** — можно истолковать иначе. Это каузативный глагол со значением “сделать так, чтобы фила(ы) существовала(и)”», но под этим может подразумеваться как введение нового института, так и его формирование по образцу, т. е. объединение части народа в филу. Точно так же глагол **ἐκκλησιάζω** (или **ἀπελλάζω** в нашем тексте) не всегда означает именно учреждение народного собрания. Поэтому вполне возможно, что в данном отрывке речь идет о перераспределении спартиатов по уже существовавшему принципу».

² Levy, 1977, p. 93: Леви видит в обах гентильные объединения (ссылка на парафраз Ретры у Элия Аристида — Panath. 192: **αὐτὸς οὗτος θεὸς τὰς τε φυλὰς φαίνεται διελὼν τῇ πόλει καὶ τὰ γένη**): «Поскольку в римскую эпоху стали распространенными территориальные деления, вполне вероятно, что в территориальное деление было преобразовано древнее этническое деление, но все это почти не объяснимо. С другой стороны, даже если в эту эпоху Афины шли с большим опозданием по сравнению со Спартой, то все равно невероятно, что Ретра уже предписывает территориальную организацию, которая появится в Афинах только в 508/7 г.». По аналогии с Ном. II, 362 можно предположить, что обы Ретры соответствовали фратриям или группам фратрий. Ibid. p. 94: «... понимание обы как гентильного объединения не исключает ее локализации: естественно, что род или определенная родовая группа имеет конкретное место жительства».

Сили (Sealey, 1976, p. 82) предполагает, что под филами в Ретре подразумеваются пять территориальных округов. Обы же были их подразделениями. Вся эта система

возникла уже после II Мессенской войны (до этого спартанская армия делилась на 3 дорийские филы), но до войны с Тегеей (в связи с этим событием Геродот упоминает о 5 агатургах).

Forrest, 1969, p. 42 ff.: о числе об: «Первоначальное число об не может быть восстановлено. Их было не меньше пяти (центральные четыре с Амиклами), вероятнее не меньше шести (с добавлением Аркалов), а, возможно, даже больше». Пять об в среднем по 2000 человек в каждой (учитывая также примерно число женщин, детей, рабов и пр. на каждую семью, что дает около 10 000 чел. на обу) едва ли могли разместиться в пределах «города» Спарты. Филы и обы не могут расцениваться как две существующие, независимые друг от друга системы гражданской организации полиса. Ibid., p. 44: «...Эта двойная классификация не имеет себе равных где-либо еще в Греции, и “нечто большее”, которое они бы из себя представляли, является своего рода вызовом (умозрительным построением)». С другой стороны, обы едва ли могли быть подразделениями фил. Такими подразделениями были, скорее всего, “фратрии”, рассеянные по деревням — обам. Каждый спартиат, таким образом, «принадлежал к группе, которая имела как племенные, так и местные связи. Некоторая перегруппировка, несомненно, допустима, но в принципе в каждой обе, возможно, были три племенные единицы» (ссылка на комментарии к Алкману, где упоминается патра Диманов, *ibid.*, p. 45). Ср.: описание Карней у Деметрия Скепсийского (fr. 1 Gaede у Athen., IV, 141e—f), в котором 9 основных подразделений, возможно, соответствуют 9 обам. Девятиричная схема Карней у Деметрия имеет своей основой какие-то единицы родоплеменного деления, которые он сам называет фратриями. Эти 27 фратрий были, по всей вероятности, подразделениями трех дорийских фил, на которых еще во второй половине VII в. до н. э. (во время II Мессенской войны) базировалась спартанская армия. Так, очевидно, следует понимать стихи Тиртея (fr. I, 50 sq. Diehl³): «сомкнув выпуклые щиты, отдельно Памфилы с Гиллеями, а также Диманы». Между тем, Деметрий подчеркивает военный характер праздника, из чего можно заключить, что система Карней в позднее время воспроизводила в миниатюре древнейшую форму спартанской военной организации. Ibid., p. 45: «Моя гипотеза тогда заключается в следующем — девять местных об состояли из двадцати семи племенных фратрий таким образом, что спартанец на своем собрании мог стоять (как Ретра, видимо, и подразумевает, что он стоял) как со своими соплеменниками, так и с членами своей обы, слева и справа от него стояли другие Гиллеи, впереди и позади — другие Амиклейцы». Девяти обам соответствуют 9 тысяч наделов, распределенных Ликургом.

Также Джеффри (Jeffery, 1976, p. 119) признает, что 9 об «является весьма удачным предположением, так как именно столько подразделений образовывали спартиаты, собираясь на праздник Карней, представлявшим собой подражание реальным военным сборам». Автор связывает переход от армии, разделенной по филам, к армии, разделенной по обам, с введением гоплитской фаланги.

См. также Nuxley, 1962, p. 47 f.: «поскольку во время реорганизации Карней в 676 г. до н. э. было три трибы, а также двадцать семь фратрий, из чего следует, что было девять об. Каждая оба составляла одну девятую от численности граждан и каждая фратрия (или лох) одну треть от обы. Спартанец мог указать свою фратрию, назвав свои трибу и обу: например, он мог быть памфилийцем из Питаны».

Тойнби (Toynbee, 1969, p. 260) подчеркивает, что обы были подразделениями именно города Спарты, а не всего спартанского государства. Так, по крайней мере, охарактеризованы Месоа и Лимны у Страбона (Strabo, VIII, C. 364). Павсаний (III, 16, 6) говорит о давнем соперничестве между двумя парами об: между лимнатами и киносуриями, с одной стороны, и месоатами и питанатами, с другой. Пятой обой

стали, по всей видимости, Амиклы, вероятно, незадолго до середины VIII в. (Pareti, 1920, Т. I, p. 179–181, Michell, 1952, p. 99; Ehrenberg, 1924, S. 28 f.; Dickins, 1912, p. 7; Niese, 1906, S. 129. Ср.: Wade-Gery, 1958, p. 76, n. 3; Busolt, Swoboda, 1926, S. 645, Anm. 3). В надписях эпохи принципата наряду с лимнатами, киносурями и питанатами упоминаются также неополиты (каждая из этих четырех об представляет на состязания свою команду так называемых «сфереев» — Ehrenberg, 1924, S. 29; 1937, Spl. 1696). В этих состязаниях, однако, не участвуют месоаты и амиклейцы; хотя из надписей видно, что в период, начинающийся в 146 г. до н. э., Амиклы «все еще сохраняли корпоративную индивидуальность (е. г. IG, V, 1 № 2627, 515; CIG, 1338; Dittenberger, Sylloge, 2 ed., vol. II, No. 451)». Поскольку название Месоа в надписях этого времени не упоминается (Chrimes, p. 163, n. 4), можно заключить, что эта оба была поглощена неополитами.

Тоунбее, 1969, p. 262: «Так, число местных подразделений скорее всего было четыре до включения Амикл, пять с этого момента и до 227 г. до н. э. и шесть с 227 г. до н. э. до исключения Месоа». Эту концепцию пытался оспаривать Битти (Beattie, 1951, p. 46 ff.), основываясь на найденной в Амиклах надписи (IG, V, 1, No 722), в которой читаются слова $\lambda\epsilon\delta'\delta\tau\alpha\varsigma \text{ } \text{A}\rho\kappa\acute{\alpha}\lambda\omicron\nu$. Отсюда им был сделан вывод, что число об превосходило пять, достигая, возможно, тридцати, а сами они были подразделениями фил, если расценивать эту надпись как аутентичный документ V-го или даже конца VI в. Словосочетание $\delta\tau\alpha \text{ } \text{A}\rho\kappa\acute{\alpha}\lambda\omicron\nu$ может быть объяснено как альтернативное наименование обы амиклейцев, так как, согласно местному лаконскому преданию, Аркал (или Аргал) был сыном Амиклы, эпонима Амикл (Paus. III, 1, 3). Выводы Битти оспаривает Джонс (Jones, 1967, p. 172). Ср.: Forrest, 1969, p. 42 f.

Тойнби (Тоунбее, 1969, p. 263) обращает внимание на то, что территориальные подразделения Спарты именуются иногда «демами» (Hdt. III, 55 о Питане), иногда «комаи» (Paus. III, 19, 6 об Амиклах), хотя сами спартанцы скорее всего пользовались другими терминами. «В надписях эпохи Принципата четыре состязающиеся друг с другом местные общины называют себя «филами» (см. также: Hesych.: $\text{P}\iota\tau\acute{\alpha}\nu\eta \text{ } \text{f}\iota\lambda\acute{\eta}$; $\text{K}\upsilon\nu\acute{o}\sigma\omicron\upsilon\rho\alpha$, $\text{f}\iota\lambda\acute{\eta} \text{ } \text{L}\alpha\chi\omega\nu\iota\chi\acute{\eta}$; Steph. Byz.: $\text{M}\epsilon\sigma\acute{o}\alpha$, $\text{f}\iota\lambda\acute{\eta} \text{ } \text{L}\alpha\chi\omega\nu\iota\chi\acute{\eta}$), но при описании своих побед они называли побежденных соперников «обаи». Таким образом, в этом контексте и в данную эпоху филы и обы были синонимами для четырех местных подразделений, которые принимали участие в состязании «игроков в мяч» (*sphaireis*), причем «оба», очевидно, было местным названием, а «фила» общегреческим (Hesych., s. v. $\acute{\omega}\beta\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \text{ } \acute{\omega}\beta\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \text{ } \tau\omicron\upsilon\varsigma \text{ } \text{f}\iota\lambda\acute{\epsilon}\tau\alpha\varsigma \text{ } \acute{\omega}\beta\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \text{ } \acute{\omega}\beta\alpha\iota \text{ } (\acute{\omega}\beta\omicron\iota) \text{ } \tau\omicron\lambda\omicron\iota \text{ } \mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\omicron\mu\epsilon\rho\epsilon\iota\varsigma \text{ } \acute{\omega}\beta\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \text{ } \acute{\omega}\delta\alpha\varsigma \text{ } \tau\alpha\varsigma \text{ } \kappa\acute{\omega}\mu\alpha\varsigma \text{ } \acute{\omega}\beta\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \text{ } \acute{\omega}\gamma\eta \text{ } \kappa\acute{\omega}\mu\eta \text{ } \acute{\omega}\beta\acute{\alpha}\tau\alpha\varsigma \text{ } \omicron\upsilon\alpha\iota \text{ } \text{f}\iota\lambda\alpha\iota, \text{ } \kappa\upsilon\lambda\tau\iota\omicron\iota$; см. также: Ehrenberg, 1924, S. 26; 1937, Spl. 1663; Den Boer, 1954, p. 172). «Более того, местная община в Амиклах, которая, начиная с 146 г. до н. э., вероятно, все еще находилась на равных с местными общинами в городе Спарте, использует термин «оба» применительно к самой себе (Den Boer, 1954, p. 173)».

Очевидно, как территориальные подразделения полиса, не тождественные филам, обы упомянуты и в Большой Ретре (Pareti, 1920, p. 173; Wade-Gery, 1958, p. 71; Berve, 1937, S. 22; Hammond, 1950, p. 59; Huxley, 1962, p. 116, n. 239; Roussel, 1960, p. 30; Treu, 1941, S. 39). Под филами в этом же тексте подразумеваются три дорийские филы (см.: Pareti, 1910, p. 464 sq.; Chrimes, 1952, p. 165; Wade-Gery, 1958, p. 71; Jones, 1967, p. 31; Michell, 1952, p. 101. Эренберг (Ehrenberg) отвергает эту точку зрения в 1924, S. 31, Anm. 1 и в 1925, S. 34, но принимает ее в 1927, S. 20.

Согласно концепции самого Тойнби (Тоунбее, 1969, p. 264), дорийские филы в Спарте, как и вообще на Пелопоннесе, не могли появиться ранее конца VIII в. Автор Ретры, очевидно, хотел сохранить три дорийские филы наряду с пятью мест-

перерыва почти в 10 веков, уже в римское время. Там же мы обнаруживаем и названия пяти округов: Питана, Лимны, Месоа, Киносур и Амиклы. Конечно, допуская, что за 10 веков, отделяющих Ретру от поздне-лаконских надписей, обы несколько не изменили своего первоначального характера, мы прибегаем к весьма рискованной гипотезе, и тем не менее догадка эта кажется мне наиболее правдоподобной среди всех других. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на ту особую роль, которую играли в политической и религиозной жизни Спарты цифры, кратные 3 и 5. Мы находим их в спартанском государственном аппарате: 30 геронтов и 5 эфоров, 300 всадников и 5 агатургов; также в религиозных празднествах и обрядах: во время праздника Карней его участники располагались в 9 так называемых «скиадах», в каждой из которых размещалось по 3 фратрии и стояли палатки на 9 человек каждая. В то же время главные участники празднества, так называемые «карнеаты» (их избирали как должностных лиц каждые 4 года), составляли группу из пяти человек. Эти примеры убеждают нас в том, что в Спарте с древнейших времен существовали бок о бок и, очевидно, в тесной связи друг с другом две

ными обоими. «Это, должно быть, являлось частью политики, заключавшейся в “ликурговом” намерении удовлетворить простой народ и при этом не настроить враждебно аристократию, так как три дорийские филы были основной частью структуры аристократического режима в Спарте, которую реформы Ликурга теперь вытесняли». Значение фил подверглось, однако, известной девальвации, т. к. они перестали быть структурной основой спартанской военной организации, уступив свое место пяти обам. Сопоставление Ретры с опубликованным в 1918 г. фрагментом Тиртея (fr. 1 Diehl³), где они еще фигурируют в качестве основных войсковых подразделений, позволяет отнести Ретру к периоду после II Мессенской войны (против этого истолкования отрывка выступает Хэммонд (Hammond, 1950, p. 50) и вслед за ним Форрест (Forrest, 1969, p. 56 f.). Первый датирует Ретру IX в. до н. э., полагая, что филы и обы тогда были учреждены впервые. Ближе к истине стоит Кихле (Kiechle, 1963, S. 149 f.), считающий, что Ретра лишь закрепила уже существующий порядок вещей. Ср. Тоунбее, 1969, p. 266: «Важной чертой реформ Ликурга было стирание прежних резких различий во власти и богатстве между разными классами спартанского общества. К примеру, двойная царская власть в части своих гражданских полномочий теперь была объединена с герусией... Одновременно аристократия объединилась с демосом для военных целей» (имеется в виду включение представителей знати в фалангу. — Ю. А.). Ibid., p. 269: «Чисто теоретически мы можем заключить, что конституция Ликурга отменила аристократические привилегии во всех областях; что в военной области вовлечение (нем. *Gleichschaltung*) аристократов в новый класс *homoioi* было реальностью; но что в герусии аристократия сохранила на самом деле свою доликургову монополию *де факто*, хотя с течением времени критерием годности для членства в герусии становилось скорее богатство, чем происхождение.

По конституции Ликурга Спартой управляли эфоры с согласия геронтов. Если эфоры представляли большинство класса бедных *homoioi*, а геронты — меньшинство богатых, правление должно было осуществляться на основе компромисса между богатством и арифметическим большинством...».

системы политико-религиозной организации граждан: родоплеменная, базирующаяся на трех дорийских филах, и территориальная, основанная на пяти обая. Большая Ретра, таким образом, может считаться первым документом, зафиксировавшим обе эти системы в их взаимодействии. Но, признав это, мы тотчас же сталкиваемся с еще одной нелегкой проблемой. Ведь, если обы вполне могли быть учреждены в какой-то момент в своем основном качестве территориально-административных округов (это могло произойти в связи с синойкизмом четырех или пяти первоначально самостоятельных общин или в связи с присоединением Амикл, ставших пятой обой к уже существующему спартанскому полису), то о трех филах этого никак нельзя сказать: они были широко распространенным общедорийским институтом и, очевидно, существовали еще задолго до возникновения спартанского государства, т. е. применительно к истории Спарты никогда и никем не учреждались. Между тем автор Ретры явно исходит из того, что обе эти системы возникли одновременно. Пытаясь найти выход из создавшегося затруднения, Леншау в свое время предложил считать форму $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\xi\alpha\nu\tau\alpha$, образованной не от теоретически выведенного глагола $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\xi\omega$, а от гораздо лучше известного $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\omega$. Тогда вся формула совершенно меняет свой смысл. Получается, что автор Ретры рекомендует спартанцам не учреждение новых фил, а, наоборот, сохранение старых параллельно с учреждением ранее не существовавших об. Поправка эта при всем ее остроумии едва ли может быть принята. Леншау в данном случае явно изменило чувство языка, которое должно было бы ему подсказать, что в обеих частях предложения $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\varsigma \phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\xi\alpha\nu\tau\alpha$ καὶ ὥρᾱς ὥρᾱξᾱντα речь, конечно же, должна идти о вполне аналогичных действиях. Иначе была бы нарушена смысловая, да и стилистическая симметрия этой формулы³. Следовательно, старый перевод этого места: «разделить на филы и обы» остается пока в силе, несмотря на заключенное в нем противоречие исторического порядка. О том, как можно избавиться от этого противоречия, я скажу далее.

Перейдем к следующей формуле: $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\omicron\nu\tau\alpha \gamma\epsilon\rho\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu \sigma\acute{\upsilon}\nu \acute{\alpha}\rho\chi\alpha\gamma\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota\varsigma \kappa\alpha\tau\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\alpha$. Плутарх или опять-таки стоящий за его спиной Аристотель понимают это место в том смысле, что герусия была впервые учреждена Ликургом как своеобразный буфер, установленный между царями и народным собранием, с помощью которого законодатель рассчитывал удерживать в равновесии все государство. Современные историки рассуждают

³ См.: Levy, 1977, p. 91. Tigerstedt, 1965, p. 360, n. 408: «Эта формулировка указывает на то, что упомянутое в ней является единым мероприятием (ссылка на: Ehrenberg, 1927, S. 21 f.), но мне кажется бесполезным строить догадки о том, что именно это могло означать (см. скептицизм Эренберга: Ehrenberg, L. c.; 1937, Spl. 1700 ff.; Bengtson, 1969, S. 113; Den Boer, 1956, p. 170 ff.)».

иначе. Ряд авторов исходит в своем толковании этого места из того, что герусия в том или ином виде должна была существовать в Спарте задолго до того, как была составлена Ретра, к какому бы времени мы ее ни относили. Акцент, по мнению этих авторов, должен быть поставлен не на *γερουσίαν*, а на *τριάχοντα*, т. к. Ретра лишь ограничивает число геронтов, которое прежде не было точно установлено и могло быть неопределенно большим. Тем самым была, как думают одни авторы, ограничена власть самой герусии, ибо избрание ее членов было теперь поставлено в зависимость от воли народа. Другие усматривают в этом акте ущемление царских прерогатив, поскольку раньше цари могли назначать геронтов в каком угодно количестве, а теперь это право перешло к народному собранию и было ограничено определенной нормой⁴. К тому же цари и сами, как это вытекает из формулировки Ретры, оказались включенными в состав герусии и из неограниченных монархов, какими они были раньше, превратились в *primi inter pares*. Все эти догадки представляются мне беспочвенными ввиду того, что мы практически ничего не знаем о той политической ситуации, которая предшествовала составлению Ретры.

Обращает на себя внимание необычный титул *ἀρχαῦται*, которым автор Ретры обозначает в этом месте двух царей. В более поздних источниках (уже у Тиртея!) спартанские цари именуются всегда просто *βασιλῆες*, но никогда *ἀρχαῦται*. Вообще говоря, два этих термина далеко не однозначны. *Ἀρχαῦτης* обычно означает родоначальника, основателя города, предводителя, возглавившего какой-то поход или экспедицию. *Βασιλεύς* же — просто царь. Так в Киренской надписи, известной как «Стела основателей», Батт, основавший город, отмечен одновременно двумя титулами и назван «*ἀρχαῦτης καὶ βασιλεύς*»⁵. Если автор Ретры выбрал первый

⁴ Forrest, 1969, p. 46: «Основы герусии не подвергаются сомнению. В Спарте наверняка всегда был некий Царский Совет; самое большее, он должен был быть реорганизован и, во всяком случае, число его членов должно подчиняться правилу — тридцать, включая двух царей».

Tigerstedt, 1965, p. 55: упор на количество (со ссылкой на: Ehrenberg, 1925, S. 26; Treu, 1941, S. 30; Hammond, 1950, p. 43; Den Boer, 1956, p. 164). «Должно быть, его намерением было лишить царей права выбирать геронтов по своему желанию (также Berve, 1937, S. 21)... Цари оказались, так сказать, включенными в состав герусии и являлись «первыми среди равных» (Dickins, 1912, p. 9)».

⁵ Huxley, 1962, p. 45 f.: «Точное значение слова *ἀρχαῦτης* — «основатель культа» (ссылка на надпись с острова Феры, в которой упоминается *Ρεχοάνωρ Ἀρχλαῦτας*, и ее интерпретации в статьях: Guarducci M. // *Annuario. N. S. I—II. 1939—1940*, p. 41—45; Jeffery L. H. // *Historia. Bd. 10. 1961*, p. 144). Это же значение, несмотря на то, что Плутарх передает слово *ἀρχαῦται* как «царями», очевидно, присутствует и в данном контексте, ибо Пифия повелевает народу воздвигнуть святилище Зевсу Силланию и Афине Силлании». Далее (Ibid., p. 49) высказывается предположение, что архагетов было трое: два царя + один из Эгеидов, т. е. по одному архагету на филу.

из этих двух титулов, то побудить его к этому должны были какие-то особые соображения. Какие? К этому вопросу я вернусь позже.

Основная часть Ретры начинается словами ὥρας ἕξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας τε καὶ Κνακιδῶνος. Смысл этой формулы видят обычно в том, что она будто бы устанавливает точное время и место народного собрания, тогда как раньше его созыв зависел от произвола царей и поэтому собрание могло вообще не созываться в течение долгого времени (Tigerstedt, 1965, p. 55, со ссылкой на Ehrenberg, 1925, S. 26; Bengtson, 1969, S. 113). Но если чего не достает этому параграфу Ретры, так это именно точности. Выражение ὥρας ἕξ ὥρας можно понимать как угодно: и «из года в год», и «от месяца к месяцу», и «изо дня в день». Поэтому обычно его передают при переводе ничего не значащим сочетанием: «время от времени». Едва ли автор Ретры был более точен, указывая место собрания. Поясняя выражение «между Бабиной и Кнакионом», Плутарх ссылается на Аристотеля, который считал Кнакион рекой, а Бабику мостом. О местонахождении как того, так и другого ничего определенного сказать нельзя. Выражение это встречается у Плутарха еще раз в биографии Пелопида (гл. 17), и там оно метафорически обозначает всю Спарту (по крайней мере, территорию, занятую самим городом): «не только Эврот и место меж Бабиной и Кнакионом рождает доблестных и воинственных мужей». Итак, слова эти можно понять как самую общую рекомендацию созывать собрание через какие-то точно не определенные промежутки времени и в каком-то месте, видимо, не обязательно точно установленном, но в пределах городской территории Спарты.

Далее (в словах οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι) описывается, по-видимому, процедура прений в народном собрании, хотя смысл ее опять-таки не вполне ясен. Если первый из стоящих здесь двух глаголов — εἰσφέρειν имеет более или менее определенное значение «вносить» (очевидно, «вносить предложение на рассмотрение собрания»), то в отношении второго ἀφίστασθαι возможны различные толкования. Одни переводят его «удаляться» (имея в виду, что цари и геронты после того, как они вносили очередное предложение, покидали собрание), другие — «распускать», предполагая, что после принятия решения председатель собрания (один из царей или геронтов) распускал его, третьи — «отклонять», т. к. участники собрания могли одобрить внесенное предложение, а могли и отклонить его. Наиболее вероятной представляется мне последняя интерпретация этого слова, предложенная Уэйд-Джери⁶. Смысл всей процедуры при таком истолковании, очевидно,

⁶ Huxley, 1962, p. 46 f.: «Значение глагола ἀφίστασθαι “отказаться принять к рассмотрению” (?) обнаруживается в спартанском документе 423 г. до н. э., процитированном Фукидидом (Thuc. IV, 118, 9. Wade-Gery, 1958, p. 48). Глагол ἀφίστασθαι

заключается в том, что в то время как одни цари или геронты вносили предложение, выступая перед народом, другие их тут же отклоняли. Последнее слово в этой дискуссии и, следовательно, право решения принадлежало народу, который до поры до времени не вмешивался в происходивший на его глазах спор, оставаясь пассивным наблюдателем, как это обычно происходит в сценах народного собрания у Гомера.

Право народа принимать решение, судя по всему, оговаривается в заключительной строке Ретры, почти безнадежно испорченной кем-то из переписчиков текста Плутарха. От первой части строки сохранилась лишь маловразумительная абракадабра: $\gamma\alpha\mu\beta\alpha\nu\gamma\omicron\rho\iota\alpha\nu\eta\mu\eta\nu$, за которой следуют еще два ясно читающихся слова — $\kappa\alpha\iota\ \kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$. Общий смысл этой формулы можно восстановить, опираясь на данные других источников, которые в какой-то мере дополняют и поясняют темные места в тексте Ретры. Один из этих источников — позднейшая поправка к Ретре, приписываемая царям Полидору и Феопомпу. Ее цитирует Плутарх в той же VI главе биографии Ликурга. Вот как она звучит: $\text{Αἱ δὲ σχολιάων ὁ δᾶμος ἔροιτο, τοὺς πρεσβυγενέας καὶ ἀρχαγέτας ἀποστατήρας ἡμῶν}$. Если считать форму ἔροιτο производным от εἶρω , что кажется наиболее вероятным, то отсюда следует, что народ в собрании должен был нечто изрекать, очевидно, в ответ на запрос со стороны царей и старцев (ответ мог быть или утвердительным или отрицательным). Если ответ давался не в прямой форме, а с какими-то оговорками или дополнениями, это называлось σχολία — «неправильным», «ложным», «уклончивым». В этом случае, как говорит Плутарх, цари и геронты имели право отказаться от выполнения решения народного собрания, само решение отклонить, а народ распустить⁷ (так поясняются заключительные, не совсем понятные, очевидно,

в основном варианте Ретры имеет то же значение, но здесь именно демос может отказаться одобрить те предложения, в которых не было бы необходимости внесения поправки, защищающей их от неправильного решения демоса. В первоначальной Ретре старейшины могли вносить предложения... и народ тоже так поступал, поскольку это право не было четко ограничено как прерогатива только старейшин; народ мог отказаться одобрить предложения. Окончательное решение (κράτος) принадлежало ему, равно как и право ответить (ἀνταγορίαν) на предложение старейшин. Первоначальная Ретра, таким образом, работала в пользу демоса против старейшин. Поправка против этой тенденции была добавлена позже».

Forrest, 1969, p. 49: «Законодательный процесс, который завершается клаузулой V, очень возможно, был изменен в последующей практике, но больше никаких законов не зафиксировано. Поведение какого-либо более позднего собрания и любое другое свидетельство того, что на нем могло бы произойти, должны истолковываться с точки зрения правил Ретры».

⁷ Levy, 1977, p. 100 sq. считает, что «неправильные решения (или мнения) могли вноситься эфорами». Ibid. p. 102: «Дать герусии право вето — это значит допустить, что у нее больше нет монополии на инициативу, и тем самым признать полномочия эфоров. Недвусмысленно реакционная “поправка”, как признал сам Плутарх, была бы, таким образом, единственным видимым элементом компромисса в ситуации,

уже и для современников Плутарха слова ἀλοοτατῆρας ἦμεν. Первое из них, скорее всего, связано с уже известным нам глаголом ἀφίστασθαι).

Кроме поправки Полидора и Феопомпа, Плутарх сохранил для нас и еще один любопытный документ, по-видимому, непосредственно связанный с Ретрой, — стихотворный фрагмент, принадлежащий Тиртею и первоначально входивший, как думают современные ученые, в большое стихотворение или поэму, известную в древности под названием «Евномия» («Благозаконие»). Вот приблизительный прозаический перевод этих строк: «Слышавшие Феба принесли на родину из Пифо прорицания бога и вещие (его) слова: “Должно начинать совет чтимым богами царям, которым доверена забота о Спарте, желанном городе, а также старцам-геронтам, а вслед за ними мужам из народа (δηότας ἄνδρας), которые должны отвечать прямыми речами” (или “на прямые речи” — εὐθείαις ῥήτρας, — очевидно, на обращенный к ним вопрос)».

Уже давно было высказано предположение, что создавая это стихотворение, Тиртей имел перед глазами Большую Ретру, а, может быть,

в остальном благоприятствующей народу». Характерно, что Полидор, которому приписывается эта поправка, представлен в традиции (Arist. Pol. V, 1313a 26–33; Plut. Lys. 7, 13; Paus. III, 3, 3) как сторонник народа, ограничивший царскую власть посредством введения эфората. Поправка может быть отнесена к рубежу VIII–VII вв. и связана со смутами, последовавшими за I Мессенской войной. «Однако “поправка” могла быть приписана Полидору и Феопомпу сравнительно поздно, и поскольку ее “автор” не появляется в тексте Тиртея, нам пришлось бы взять за нижнюю границу ее датировки середину VII века».

Форрест (Forrest, 1969, p. 48) предлагает следующее истолкование этого места: «Вопрос [скорее, чем предложение] вводится герусией, и после обсуждения герусия удаляется, чтобы рассмотреть данный вопрос в свете состоявшегося обсуждения и затем, если она посчитает нужным, представляет законопроект вновь созванному собранию для ратификации..., но если речи на собрании идут в разрез с ее представлениями, герусия отменяет его и сама принимает решения. Таким образом, весь законодательный процесс проходил четыре стадии: внесение вопроса, обсуждение, формулирование, решение».

Тойнби (Toynbee, 1969, p. 272 f.), следуя за Уэйд-Джери (Wade-Gery, 1958, p. 69 f.), воспринимает Ретру и поправку к ней как единый документ. Ibid., p. 274: «Этот акт, если он подлинный, был реакционным, тогда как все другие акты, приписываемые Полидору и Феопомпу, являются либеральными». Ряд царских имен представителей династии Еврипонтидов, потомков Феопомпа, образованы либо от δάμος, либо от λάος (λέος), из чего можно заключить, что цари из этой династии были сторонниками демоса. «Эти факты указывают на невероятность того, что Феопомп и Полидор одобрили бы реакционную часть законодательства, даже если в то время было бы возможно что-либо добавлять в “Ликургову” Ретру».

К заключительной клаузуле Ретры см.: Arist. Pol. II, 1273a и комментарии Тойнби (1969, p. 236). По мнению Джонса (Jones, 1966, p. 271; 1967, p. 25), «в этой поправке по умолчанию допускается возможность законодательной инициативы со стороны какой-то другой власти, кроме совета (эфорами?)».

просто знал ее на память, если предположить, что текст ее в то время (οὕτως) еще не был записан. В то же время, совершенно очевидно, что поэт не пересказывает здесь все содержание Ретры, а передает, да и то неточно, на свой лад лишь те ее положения, которые представляются ему наиболее важными. Он совершенно опускает всю вводную преамбулу Ретры, касающуюся святилища Зевса и Афины Силланиев, фил и об, учреждения герусии и т. д., и оставляет лишь заключительные строки, перефразируя их в свободной поэтической манере. Так, слова ἀρχεῖν μὲν βουλής и следующие, скорее всего, воспроизводят в несколько развернутой форме формулу Ретры οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι, в которой, как мы уже говорили, подразумеваются прения в собрании с участием царей и геронтов⁸. Если это действительно так, следующие далее слова ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας и т. д. могут восприниматься как вольный пересказ последней (испорченной) строки Ретры. Впрочем, Тиртею была известна, судя по всему, не только сама Ретра, но и поправка к ней, причем оба документа явно сливаются в его сознании в одно целое. Это следует уже из того, что εὐθείαις ῥήτρας в последней строке отрывка, цитируемого Плутархом, явно перекликаются со σκολίων ὁ δῆμος ἔροτο в тексте поправки. И это впечатление еще более усиливается, если к уже известным нам строкам «Евномии» добавить еще несколько строк из того же произведения, сохраненных Диодором (в отрывке из седьмой книги «Исторической библиотеки»). В переводе они звучат следующим образом: «им (т. е. мужам из народа) следует говорить только лучшее и делать все по справедливости и ничего не советовать городу неверного (или ложного). Победа же и сила пусть будут на стороне большинства народа. Ибо именно так возвестил об этом Феб». Этот фрагмент, несомненно, непосредственно связан с предыдущим. Вместе они составляют одно стихотворение. В противном случае последнее предложение в отрывке, цитируемом Плутархом, осталось бы без сказуемого, которым могут быть только глаголы μυθεῖσθαι καὶ ἔρδειν в первой строке фрагмента Диодора⁹.

⁸ Брингман (Bringmann, 1975, S. 520) считает, что эти и все следующие слова относятся только к царям, и поэтому предлагает убрать две строки, в которых говорится о геронтах и «мужах из народа», как вставку.

⁹ Ср. Levy, 1977, p. 100: «Если подлежащим по отношению к μυθεῖσθαι, ἔρδειν и βουλευεῖν является δημότας ἄνδρας, то непонятно, зачем говорить, что у народа было полное право решать: его обязывали принимать верные решения — говорить, делать и советовать только правильные вещи. Плюс такого определения подлежащего и сказуемого состоит в том, что оно не противоречит синтаксису: истолковывать δημότας ἄνδρας как подлежащее к ἀρχεῖν нелепо, а других вариантов сказуемого нет. Разве что приписать это выражение Аристотелю, который не мог не знать текста Тиртея. А если βουλευεῖν относится к народу, тогда непонятно, что делать с геронтами. Исходя из этого, примем следующую схематическую интерпретацию текста Тиртея (Диодора):

Предыдущие строки во фрагменте, цитируемом Диодором, совпадают с текстом, который приводит Плутарх за исключением первых двух строк. Теперь, когда все стихотворение восстановлено в его первоначальном виде, становится совершенно очевидно, что Тиртей соединил в нем основной текст Ретры с поправкой Полидора и Феопомпа и при этом попытался по возможности смягчить явное противоречие, существующее между этими двумя документами. Ультимативный тон поправки сведен у него (в первых двух строках диодоровского фрагмента) к мягкому увещанию: ἄνδρες δημόται должны избегать неправильных решений, идущих во вред государству. Ничего не сказано, однако, о тех мерах, которые могут быть приняты царями и старцами, если народ выйдет из повиновения. Заключительная формула Ретры угадывается в предпоследней строке этого же фрагмента (совпадает, по крайней мере, одно слово — *κράτος* в Ретре и *κάρτος* у Тиртея), хотя начало ее, по-видимому, вынесено в предшествующие строки, цитируемые Плутархом.

Большинство исследователей, занимавшихся проблемой Ретры, сходится на том, что первое слово в последней испорченной фразе было *δῆμος* или какое-то производное от него вроде *δημότας*, употребленного Тиртеем, тогда как последние четыре буквы перед *καί* — это дорийская форма инфинитива от *εἰμί* — *ἦμεν*, употребленная также в поправке Полидора и Феопомпа. В истолковании остающихся восьми или шести букв — *ανυορίαν* или просто *υορίαν* — существуют значительные разногласия. Не задерживаясь на анализе и сравнении многочисленных вариантов реконструкции этой строки, скажу лишь, что мне представляется наиболее убедительным вариант, предложенный М. Троем и принятый с незначительной поправкой Уэйд-Джери. В их чтении строка звучит так: *δάμψ(ω) δ' ἀνταυορίαν ἦμεν καὶ κράτος*, т. е. «народу же пусть принадлежит право ответа и окончательного решения». Это восстановление, во-первых, ближе других к тексту рукописи, во-вторых, же логически хорошо увязывается как с поправкой Полидора и Феопомпа, так и с переложением Ретры в «Евномии» Тиртея¹⁰.

I. Цари и геронты.

1) Пользуются правом инициативы в совете. Попутно уточняется, что народ отвечает справедливой ретре. Соответствующий глагол предварен словом *ἐλεῖται*, он одновременно параллелен и противоположен *ἄρχειν*. 2) Должны говорить, действовать и давать советы во благо.

II. Народ.

Народные массы (или большинство?) главенствуют и одерживают верх. С этой точки зрения текст Тиртея обнаруживает тот же политический смысл, что и текст Плутарха: народ принимает окончательное решение, но не обладает правом инициативы.

¹⁰ Этот вариант поправки принимает и Хаксли (Huxley, 1962, p. 44), следуя Уэйд-Джери (Wade-Gery, 1958, p. 41 f.).

Теперь, когда мы проделали самую трудную и кропотливую часть работы и в бóльшей или меньшей степени уяснили себе смысл основных положений Ретры, попытаемся дать общую оценку этому уникальному документу. Что бы ни говорили современные ученые о значении слова «ῥήτρα», мы не должны забывать о том, что почти все античные авторы, непосредственно знакомые с этим текстом, считали его оракулом. Такого мнения придерживался уже Тиртей, а много веков спустя, Аристотель¹¹ и, вероятно, следующий за ним Плутарх. Также и те авторы, которые прямо не ссылаются на Ретру, как Платон, Ксенофонт, Эфор, по-видимому, знали о ее дельфийском происхождении, так как все они сходятся на том, что источником ликургова законодательства был оракул Аполлона. Среди современных исследователей многие разделяют эту убежденность античной традиции и считают Ретру оракулом подлинным или подложным. Могу сослаться на соответствующие высказывания в работах Парка и Уормела, Нильсона, Берве, Хэммонда и др. В 1961 г. известная английская эпиграфистка Л. Джеффри выдвинула ряд веских

Это восстановление оспаривает, однако, Леви (Levy, 1977, p. 97 sq.), указывая, что 1) «в изложении Плутарха никак не упомянуто право на возражение: отрывок, который должен соответствовать этой фразе, напротив, подчеркивает тот факт, что ни один участник народного собрания не имел права вносить предложения, но только геронты и цари. 2) В параллельном тексте Тиртея ничто не соответствует ἀνταγορία в понимании Уэйд-Джери: ἀνταγορεύμενους указывает не на оппозицию, а на соблюдение очередности при ответе. 3) Наконец, право на возражение отрицает Аристотель в той части «Политики», где речь идет о Спарте и Крите (II, 10, 1272a10–12)».

Вместо этого Леви (Levy, 1977, p. 98 sq.) предлагает следующее восстановление, опираясь на заключительные строки «Евномии» Тиртея: δάμω δ' ἄγορᾳ νόμον καὶ κράτος. Такое же восстановление было предложено в статье: Gianotti, 1971, p. 430 sg.

Ср. Forrest, 1969, p. 49, где это место переводится следующим образом: «Окончательное решение предоставляется народному собранию, т. е. после отозвания герусия должна объявить предложение собранию и принять к сведению. На этом втором заседании дискуссий уже быть не должно».

¹¹ О значении термина «ретра» см. Тоунбее, 1969, p. 271: «В Спарте слово “ретра”, конечно же, имело точное официальное значение “законопроекта”, представленного герусией демосу, по собственной инициативе самой герусии или же по инициативе эфоров. Это слово также означало “закон”, в который законопроект превращался, если и когда собрание его принимало. Это слово обычно означает “законопроект” или “закон” по всему тексту плутарховой биографии Агиса, и имеется также документальное свидетельство для такого употребления (IG. Vol. V, fasc., 1, No. 20, l. 2–3 и No. 1498). “Ретра” также используется для обозначения официального договора или соглашения». Аристотель интерпретирует Ретру как оракул, скорее всего, имея в виду ее стихотворное переложение у Тиртея. Сам Тиртей, однако, называет перелагаемый им текст μαντείας τε θεοῦ καὶ τελέεντ' ἔλεα. «Он действительно употребляет слово “rhetrai” в последней шестой строке, используя его в официальном спартанском значении “законопроектов” или “законодательных актов”». В подтверждение своей мысли Тойнби ссылается далее на прозаическую форму текста Ретры.

доводов в пользу того, что составитель Ретры ориентировался именно на оракулярный жанр, а не на какой-нибудь другой¹². Анализируя стилистическую манеру автора Ретры, Джеффри обнаружила у него известную склонность к расплывчатым неконкретным формулам, более уместным в поэтическом языке, чем во фразеологии политического документа, вроде уже обсуждавшегося ὦρας ἔξ ὦρας, а также склонность к игре словами (примером может служить знаменитое φυλάς φυλάξαντα καὶ ὦράς ὠράξαντα). Кроме этого, Джеффри обращает внимание на то, что значительная часть конструкции Ретры представляет собой следующие друг за другом почти без союзов — в асиндетоне причастные обороты, что совершенно не свойственно стилистике официальных документов архаической эпохи, известных по надписям. Наконец, начало Ретры — предписание основать святилище Зевса и Афины сближает ее с некоторыми из известных нам образцов оракулярной традиции, для которых типично именно такое вступление. Правда, язык Ретры гораздо суше, сдержанней, чем язык большинства дошедших до нас оракулов, в нем совершенно отсутствуют поэтические образы, сравнения. Но это можно объяснить, во-первых, прозаической, а не стихотворной формой Ретры, во-вторых же, тем, что, несмотря на формально стилистическую близость к оракулам, она по своему внутреннему содержанию все же была преимущественно политическим документом, автор (или авторы) которого стремились по возможности ясно выразить свои мысли, не прибегая к излишне усложненным метафорам и другим поэтическим оборотам.

Главное, что позволяет считать Ретру оракулом, это наличие в ней некоего не названного прямо, но явно подразумеваемого субъекта, к которому божество и обращается со своими наставлениями, как к будуще-

¹² На существование оракулов в прозе указывают Страбон (XVII, 1, 43) и Плутарх («О том, почему Пифия больше не дает стихотворных оракулов», 19 и особенно 23); ср. Parke-Wormell, 1956, II, p. XXII.

Черты оракулярной стилистики отмечает также Levy, 1977, p. 88 sq.: «Мы можем рассматривать переданный Плутархом текст как конституционное (или, если угодно, конститутивное) правило, которое представлено, справедливо это или нет, в качестве оракула и получило название “ретра”».

Tigerstedt, 1965, p. 60: «Тиртей... считал Ретру и дополнение к ней Дельфийским оракулом. Его мнение мы не обязаны принимать, но, с другой стороны, нет веских причин выдвинуть и что-то иное. Действительно, кажется весьма вероятным, что в этот поворотный момент в истории Спарты к оракулу в Дельфах обратились за советом, и что память о его вмешательстве все еще сохранялась в то время, когда сами спартанцы по причинам, о которых речь пойдет ниже, отрицали это».

Forrest, 1969, p. 41 о характере Ретры: «Итак, мы предполагаем, что это закон, принятый по совету оракула, или, что предпочтительней, оракул, на который было оказано влияние; так или иначе, это существенная часть Ликургова законодательства и безоговорочно наиболее авторитетное свидетельство для него».

му их исполнителю. В литературе уже неоднократно ставился вопрос о том, кого следует считать главным субъектом синтаксической конструкции Ретры. Кто должен был, воздвигнув святилище Зевса и Афины Силланиев, разделив народ на филы и обы и учредив герусию из тридцати человек вместе с архагетами, время от времени созывать собрание между Бабиной и Кнакионом? Едва ли это мог быть один из царей¹³ или сам спартанский демос (такие мнения иногда высказываются в исследованиях, посвященных Ретре). И цари, и народ фигурируют в Ретре скорее в качестве объекта чьих-то действий и распоряжений, чем в качестве самостоятельных субъектов: так, народ распределяется по филам и обам, цари включаются в состав герусии.

Для античных историков этот вопрос был ясен с самого начала. Они прекрасно знали, к кому обращалась Пифия со своими наставлениями. Этим человеком мог быть только Ликург — великий спартанский законодатель¹⁴. Правда, Тиртей начинает свою «Евномию» в варианте Плутарха

¹³ Ср. Bringmann, 1975, S. 517 ff. Брингман полагает, что первоначальный текст Ретры заключал в себе инфинитивный оборот с дуальной формой аккузатива, что должно было указывать на двух царей (Ibid. S. 521).

Уэйд-Джери (Wade-Gery, 1958, p. 59), которого цитирует, солидаризируясь с ним, Тойнби (Toynbee, 1969, p. 270, n. 6), считал, что «Ретра была актом спартанского народного собрания; она была введена в ходе кризиса, который последовал за Мессенским восстанием». В соответствии с этой точкой зрения, Уэйд-Джери, а вслед за ним и Тойнби (p. 272), считают, что именно демос является субъектом синтаксической конструкции Ретры.

Forrest, 1969, p. 41 о синтаксической конструкции Ретры: «В греческом языке глаголы (причастия в главной части сложного предложения, инфинитивы во всех других местах) могут стоять в активной форме при отсутствии подлежащего. По-английски эту особенность стиля ранних греческих документов лучше всего передавать пассивными конструкциями, так чтобы к каждому глаголу можно было бы отнести субъект действия (даже значительно от него отдаленный) исходя из контекста, и спартанцам, в отличие от нас, эта связь была очевидна.

Ср. Jeffery, 1976, p. 118: «Ретра могла быть плодом труда исторического Ликурга, спартанского третейского судьи уровня Солона, или комитета, или двух царей, или даже одного царя — поскольку Полидор получил от более позднего авторитетного источника прозвище “Филодем”».

Ср. Nuxley, 1962, p. 45: «Но если спартанский демос был субъектом ἀπελλάζειν, кто приказал демосу сформировать апеллу? Конечно же, не сам демос, так как тогда мы ожидали бы вводную формулу, подобную критской *πολὶ ἔφαδε* или более позднюю *ἔδωξε τῷ δάμῳ*... Неназванный источник должен быть или Аполлон Пифийский, или его представитель Ликург. Поскольку Тиртей, написавший свою “Эвномию” через несколько лет после принятия Ретры, утверждал, что законодательство пришло из Дельф, то это весьма убедительное свидетельство того, что спартанцы сами верили в то, что конституция им была дана богом. Именно Ликург принес божественное наставление из Дельф в Спарту, где их и претворил в жизнь демос».

¹⁴ Tigerstedt, 1965, p. 60 f.: «Из Ретры нельзя вывести, к кому был обращен ответ оракула... Введение новых законов естественно предполагало того, кто их инициировал,

с неопределенного множественного числа: **Φοίβου ἀκούσαντες Πυθωνόθεν οἴκαδ' ἔνεικον μαντείας τε θεοῦ καὶ τέλεοντ' ἔπεα**. Но, может быть, в том варианте легенды о Ликурге, который был в ходу в Спарте во времена Тиртея, законодатель отправился в Дельфы не один, а с какими-то спутниками. Кстати, именно таким образом изображает обстоятельства дела Ксенофонт в «Лакедемонской политике». Итак, в принципе ничто не мешает нам признать главным действующим лицом Ретры Ликурга. Но, встав на такую позицию, мы оказываемся перед дилеммой. Ведь если признать Ликурга вслед за античной традицией личностью исторической, логически рассуждая, мы должны будем прийти к тому, что он-то и был тем человеком, который сочинил Ретру и выдал ее за изречение божества, чтобы тем самым санкционировать свыше свою программу политических преобразований. Но если исходить из того, что исторический Ликург никогда не существовал, что законодателю Ликургу предшествовал Ликург-бог или мифический герой, как думают многие современные историки, тогда весь этот документ приобретает совершенно иной смысл и уже едва ли может расцениваться как подлинный конституционный акт, заложивший основы спартанского государства.

Таким образом, мы вплотную подошли к очень важному вопросу о подлинности Ретры. Вопрос этот ставился в науке неоднократно. Одним из первых попытался подойти к Ретре с этой стороны Эд. Мейер. В своей работе о Ликурге, написанной еще в 1886 г., Мейер выступил против общепринятой в те годы трактовки Ретры как древнейшей спартанской конституции, разработанной Ликургом. Для того, чтобы считаться такого рода государственно-правовым актом, Ретре, по мнению Мейера, недостает точности и ясности. В ней содержатся лишь некоторые общие и весьма расплывчатые положения, касающиеся деятельности отдельных государственных учреждений, но нет никакой точной информации об их устройстве и взаимных отношениях, не хватает многих важных деталей, без которых невозможно представить себе сам механизм

и мы не можем отказать кому-либо в праве назвать неизвестного автора Большой Ретры «Ликургом» (см. Dickins, 1912, p. 10 ff.; Hammond, 1950, p. 57; Den Boer, 1956, p. 167). Но тот, кто так делает, должен также понимать и то, что этот «Ликург» не является создателем специфических аспектов спартанского государства и общественной жизни, которые последующие поколения связывали главным образом с его именем. Вероятно, конечно, как мы только что указали, что Ретра имела военные причины и последствия (введение фаланги). И самые древние свидетели Ликурга, известные нам, — Геродот, Гиппий, Ксенофонт, Фиброн, — подчеркивают военные аспекты этого труда. Но ничто не дает нам право видеть в этом что-либо большее, чем просто выражение распространенной точки зрения, что Ликург был основателем спартанских институтов — с особым упором на военные аспекты».

спартанского государства. «Мы можем с таким же успехом воздвигнуть государство на основе ликурговой Ретры, — замечает Мейер, — как и на базе лафайетовской “декларации прав человека”». В понимании Мейера, Ретра представляет собой лишь самый общий набросок (эскиз), изображающий спартанское государство таким, каким оно было в классический период (в V—IV вв. до н. э.). Этому наброску была искусственно придана форма оракула. Аристотель принял подделку за подлинный древний документ, хотя она была сфабрикована едва ли более, чем за столетие до того, как была написана его «Лакедемонская полития». Как полагает Мейер, эта подделка могла выйти из-под пера спартанского царя-изгнанника Павсания, известного своей ненавистью к Лисандру. По словам Эфора, находясь в изгнании, он написал какое-то сочинение о Ликурге, в которое, возможно, была вставлена Ретра, тогда же и сфабрикованная¹⁵.

Несмотря на то, что у концепции Мейера нашлись сторонники (среди них были Нойман, Кеслер, Белох, а позднее, уже в 30-е годы, Де Санктис), большинство ученых все же отнеслось к ней отрицательно. Еще в конце XIX в. ее подвергли резкой критике Виламовиц-Мёллендорф и Тёпфер. Последний обратил внимание на ряд обстоятельств, как будто не вяжущихся с предположением о подложном характере Ретры. 1) Наличие в ее тексте некоторых, бесспорно, очень древних и поэтому плохо понятных уже историкам IV в. (тому же Аристотелю) слов и выражений, вроде Зевса и Афины Силланиев; глаголов типа φυλάζω, ὠβάζω, ἀτελλάζω; загадочных географических названий (Бабика и Кнакион).

¹⁵ К гипотезе Мейера практически вернулся Сили (Sealey, 1976, p. 74 ff.). Прямо оспаривая выводы Джеффри, он пишет: «Но возможен совершенно иной подход к проблеме. Двухэтапная процедура законодательства, когда совет выносит предложения и передает их в верховное собрание, засвидетельствована и в других обществах (здесь даны ссылки на процедуру обсуждения у германцев, в республиканском Риме, у Гомера. — Ю. А.)... И если это так, то шесть строк Тиртея могут описывать обычную процедуру, хотя они описывают ее с монархической предвзятостью; они более не гарантируют прежнее существование Ретры или введение в силу закона, основанного на ней. Трудности в тексте Ретры ведут к предположению, что она была подделкой. Это подозрение усиливается тем фактом, отмеченным выше (p. 72), что в самых лучших сообщениях о спартанской процедуре — Фукидида и Ксенофонта — совет не превалирует над собранием; тем не менее, Плутарх цитирует Ретру, чтобы показать важность, которую Ликург придавал совету, и что поправка дает совету право наложения вето на решения, принятые на собрании. Если Ретра была подделкой, то она была создана достаточно рано, чтобы быть подsunутой Аристотелю, но тогда это позволяет датировать ее началом IV в. до н. э. ... Возможно, она была составлена во время конфликта, когда случилось так, что одна из сторон контролировала эфорат; тогда другая сторона выработала документ, имевший своей целью показать, что эфорам не было места в наследственной процедуре».

Едва ли все эти редкостные словечки могли быть выдуманы фальсификатором, сочинившим Ретру, как говорится, *ad hoc*. 2) Ретра, вне всякого сомнения, была уже известна во времена Тиртея, т. е. во второй половине VII в. до н. э. Об этом свидетельствуют фрагменты из «Евномии», на которых мы уже останавливались прежде.

Впрочем, даже если мы признаем Ретру достаточно древним документом, во всяком случае относящимся ко времени более раннему, чем V или IV вв. до н. э., сомнения в ее подлинности еще не отпадают.

В связи с этим заслуживают внимания соображения, высказанные Л. Джеффри в ее уже ранее упоминавшейся статье. К сожалению, свои выводы, касающиеся Ретры, английская исследовательница излагает лишь суммарно и в связи со совсем другим сюжетом. Поэтому некоторые важные вопросы, составляющие проблематику нашей темы, остаются в ее работе без ответа. Тем не менее, основная идея, высказанная Джеффри, представляется мне весьма интересной и плодотворной. По ее мнению, автор Ретры был некий спартанский реформатор архаической эпохи, живший не ранее VII в. до н. э. Стремясь предотвратить надвигающийся политический кризис, он выступил с программой радикальных преобразований государственного строя, но при этом облек свой проект в форму старинного давно забытого оракула, который некогда был получен в Дельфах самим основателем или основателями государства и в то время нуждался в возобновлении. В своей фальсификации автор Ретры ориентировался, как думает Джеффри, на очень отдаленные времена, скорее всего, это было время так называемого «возвращения Гераклидов» и возникновения дорийской Спарты. На это указывает употребление в тексте Ретры термина ἀρχαῦετας, означающего, как мы уже говорили, не царей вообще, а именно первых царей — основателей государства (конкретно это могли быть либо братья-близнецы Еврисфен и Прокл, либо жившие несколько позднее эпонимы двух царских династий: Агис и Еврипонт).

Такой подход к Ретре, как мне кажется, удобен уже тем, что он избавляет нас от весьма хлопотной обязанности подыскивать специальное историческое объяснение для каждого отдельного пункта в ее тексте, чем собственно и занимаются по преимуществу все современные толкователи, а затем все эти пункты увязывать и согласовывать между собой. Теперь же мы можем вполне удовлетвориться тем, что, подобно Эд. Мейеру, признаем Ретру в значительной ее части просто перечислением важнейших элементов спартанской конституции, запечатленной на одном из этапов ее длительной истории. Ведь если мы вместе с Джеффри примем за истину, что автор Ретры пытался выдать ее за памятник седой старины, отдаленный многими поколениями от его собственного вре-

мени, тогда становится понятной и ясно выраженная в ее тексте тенденция к тому, чтобы представить все государственное устройство Спарты как бы в момент его возникновения. Впервые учреждаются филы и обы, хотя, как мы уже говорили, возникнуть в одно и то же время они никак не могли (тем самым удачно снимается внутреннее противоречие, заключенное в этом месте нашего документа); впервые организуется совет старейшин из тридцати человек; наконец, впервые созывается народное собрание в каком-то месте между Бабиной и Кнакионом¹⁶. В те времена,

¹⁶ Ср: Levy, 1977, p. 95: Если признать, что архаеты в тексте Ретры — это основатели двух царских династий и всего государства, сам этот текст может быть понят как «хартия об основании Спартанского государства. Отсюда воздвижение храма, возвращение фил и об, уже существовавших ранее (по крайней мере, это верно для фил), предположительно — учреждение герусии. Именно поэтому некоторые античные источники относят деятельность Ликурга к эпохе Гераклидов, к вероятному времени образования спартанского государства. Конечно, нельзя и помыслить, что к тому же периоду относится Ретра, но для верного ее истолкования важно учитывать, что, во всяком случае в первой части, она намеренно представлена как основополагающий устав, восходящий к той эпохе».

Levy, 1977, p. 103 (вывод): «1) Ретра не похожа на позднюю подделку. Во-первых, тогда пришлось бы признать подделкой и поэму Тиртея. А главное, в этом случае создание Ретры представляло бы выгоду для какой-то из партий, и тогда текст был бы яснее. И если в ней не упоминаются эфоры, то она и не исключает их существования, поскольку не называет имен правителей, обладающих правом инициативы, как и не называет специально царей. 2) Между тем Ретра представляет собой многослойный в хронологическом отношении текст, что не удивительно для такого консервативного государства, как Спарта. Плутарх различал два слоя: собственно Ретру и «поправку». Мы предлагаем различать три слоя. Первый предположительно составляет хартию об основании Лакедемонского государства, которая, судя по всему, датируется задним числом: маловероятно, чтобы подобный текст относился к эпохе возвращения Гераклидов и с тех пор испытывал на себе влияние Дельфийского оракула. Но, если здесь можно говорить о подделке, то она древняя и составлена официально, с учетом имевшихся на тот момент государственных институтов. Причиной для ее создания могло быть желание города иметь хартию об основании, связанное, например, с тем, что происходило в колониях. Второй слой и третий («поправка») описывают отношения между правителями и народом. Поскольку второй слой известен нам в парафразе Тиртея, мы датируем его самое позднее серединой VII века, а «поправка», по нашему мнению, создана после Тиртея.

Тот факт, что приписываемая Ликургу Ретра датируется самым ранним VIII веком, однако умышленно возводится к моменту образования Спартанского государства, объясняет, почему древние по-разному определяли период деятельности законодателя, колеблясь между возвращением Гераклидов и VIII веком.

С другой стороны, датировка третьей части позволяет интерпретировать спартанскую конституцию иначе, чем это делалось до сих пор. Общепринятая реконструкция поврежденного отрывка заставляла видеть в самой Ретре демократический по духу текст, а в «поправке» — отражение олигархической реакции. Мы же, напротив, попытались показать, что Ретра менее демократична, и «поправка», несмотря

когда составлялась Ретра, все эти учреждения имели уже достаточно

на ее внешний олигархический вид, соответствовала периоду демократического прогресса. Таким образом, эволюция Спарты получает большее сходство с эволюцией других греческих городов».

Ср. Тоунбее, 1969, р. 272: «... эта Ретра не есть введение в силу всей “Ликурговой” конституции в целом. Это законодательный акт, предусматривающий одну особую статью конституции, а именно “процесса законодательства” (ссылка на Wade-Gery, 1958, р. 69 f.). ... действия, о которых идет речь в причастных оборотах, предшествующих инфинитиву ἀπελλάζειν, являются подлежащими, логически связанными с более ранними законодательными актами демоса, которые эти обороты обобщают (Wade-Gery, 1958, р. 69 f.); и это краткое повторение не является только резюме; оно также еще и неполное» (отсутствуют упоминания о создании «общины равных» на базе земельного передела, а также о передаче народу права избрания эфоров. — Ю. А.). «По-видимому, эти две меры, и обе весьма важные, вводились в законную силу в отдельных ретрах» (Тоунбее, 1969, р. 272).

Ср. Forrest, 1969, р. 50: «В Спарте всегда было собрание, очень похожее на сбор греческой армии перед походом на Трою, как описал его Гомер в “Илиаде”, созываемое, чтобы услышать иной раз что-то отличное от совместных взглядов ее вождей — то, что, вероятно, посредством реакции войска было способно повлиять на этих вождей. Собрание, задуманное теми же людьми, которые заложили основу Ретры, будет практически почти того же самого типа, но с двумя существенными отличиями. Его заседания должны были быть регулярными и обязательно после того, как герусия приходила к решению в свете “прений”. Это решение должно было быть объявлено собранию и одобрено им же».

Ср. Jeffery, 1976, р. 118 (смысл основной части Ретры): «Только герусия имела право вносить предложение перед демосом или отклонить, т. е. аннулировать это предложение. Так как старейшинам не требовалось единогласия... предположительно, достаточно было и большинства. Демос выслушивал внесенное предложение. Он имел право решать, но не обсуждать. Если состав герусии был таким, как предполагалось выше (р. 116), то тогда дело по этому предложению заходило в тупик (50—50), и народ имел реальный “решающий голос”. В такой ситуации каждая сторона в герусии, вероятно, выставляла на собрании свой собственный проект: возможно, даже после того как незначительное большинство вносило предложение, то противостоявшее ему недовольное меньшинство также могло представить свой проект. Сам демос не мог вести обсуждение: он характеризуется (выше) как “произносящий решающий вердикт”. Таким образом, “нечестная речь” в (4) попросту означала критику и доводы (в отличие от “прямых высказываний” — выражение, употребленное в поэме Тиртея); и тогда герусия смыкала свои ряды и наотрез отказывалась продолжать собрание и распускала его (тем самым давая — можно надеяться! — всем время поостыть и хорошенько подумать).

Таким образом, Ретра четко определяла предварительные полномочия герусии и в последней клаузуле (пусть даже она и была более поздней вставкой) ее решающую роль в тех случаях, когда демос переходил границы имеющейся у него власти. Власть демоса тоже была полной: его решение должно было быть окончательным относительно представленных ему предложений. Безопасность Спарты покоилась на демосе, составлявшем армию, и эта уступка смогла оградить Спарту от тех революционных ветров, которые привели к возникновению тиранических режимов на Пелопоннесе как тогда, так и несколько позже».

почтенный возраст и считались непреложными элементами давно сложившегося привычного политического уклада. Время и обстоятельства их возникновения были, по всей вероятности, начисто забыты. Поэтому автор Ретры отделяется от всех этих институтов скороговоркой в серии причастных и инфинитивных оборотов, давая понять тем самым, что не это — тот главный предмет, который его больше всего интересует.

Итак, значительная часть текста Ретры представляет собой лишь псевдоисторический камуфляж, прикрывающий собой актуальный политический лозунг, который автор документа сознательно поместил в самый конец, несколько обособив его от остального текста. Я имею в виду последнюю (испорченную) фразу: «Народу же пусть принадлежит право ответа и окончательного решения». Именно в ней, как мне кажется, и заключено то важное политическое новшество, ради которого была предпринята вся эта затея с псевдооракулом, якобы извлеченным на свет божий после длительного забвения. Смысл заключительной формулы Ретры становится по-настоящему понятен, если учесть, что первоначально права народного собрания в Спарте, как, впрочем, и в любом другом греческом полисе были весьма ограниченными (об этом мы можем судить хотя бы по данным гомеровского эпоса). Народ обычно созывался лишь для того, чтобы присутствовать при обмене мнениями по тому или иному вопросу, происходившему в узком кругу царей и старцев. Все, что он мог — это выражать нечленораздельным ревом свое одобрение или неодобрение речам очередного оратора. В принципе согласие народа в те времена, очевидно, еще не считалось обязательным условием при принятии решения. Цари и старцы могли обойтись и без него. После принятия Ретры, если предположить, что в какой-то момент она приобрела силу закона, вся эта процедура должна была подвергнуться коренному изменению. Цари и геронты вынуждены были теперь обращаться с запросами непосредственно к народу, делая его как бы посредником в своих спорах. Санкция народного собрания стала совершенно обязательным условием, без которого принятие решения было невозможно¹⁷. Эта важная реформа по справедливости может считаться одним из первых больших завоеваний греческой демократии¹⁸. Спартанская знать, напуганная пробуждением демоса к активной политической жизни, попыталась спустя некоторое время урезать права, предоставленные ему

¹⁷ Ср. Bringmann, 1975, S. 521 f.: «Согласно Большой Ретре, царская власть не была ограничена своим “партнером” — народным собранием, хотя бы в такой степени, чтобы “конституция” определяла те области применения властных мер, в которых исполнительная власть обязательно нуждалась бы в согласии сообщества граждан» (пер. А. К. Гаврилова).

¹⁸ Ср.: Toynbee, 1969, p. 253 f.; Andrewes, 1954, p. 3 ff.

Ретрой. И это было сделано с помощью так называемой поправки Полидора и Феопомпа¹⁹, которая была присоединена к основному тексту Ретры и, очевидно, выдана за его интегральную часть, которую лица, впервые опубликовавшие Ретру, злонамеренно утаили от граждан. Тиртей в своей «Евномии», как мы уже видели, пытается связать оба эти документа, несмотря на их явную несовместимость, в единое целое.

Таково, как мне кажется, наиболее рациональное решение вопроса о характере и происхождении Большой Ретры. Что касается ее датировки, то единственное, что можно сказать с уверенностью, это то, что она возникла еще до II Мессенской войны, т. е. до середины VII в., так как примерно к этому времени относится «Евномия» Тиртея. Если признать историческим фактом также поправку Полидора и Феопомпа, тогда Ретра может быть отнесена примерно к середине VIII в., едва ли к более раннему времени²⁰.

¹⁹ Ср. Bringmann, 1975, S. 522: Поправка предоставляет герусии контрольную функцию по отношению к царям. «... предписания конституции Большой Ретры следует рассматривать на фоне ожидания того, что во многих случаях инициатива одного царя натолкнется на сопротивление другого» (Ibid. S. 524).

²⁰ Levy, 1977, p. 88: «...если Ретра — действительно дельфийское пророчество, она не могла появиться ранее VIII или даже VII века» (Дельфийский оракул не упоминается в «Илиаде» и только один раз в «Одиссее» — VIII, 79–80; ср. Amandry, 1950, p. 212; Roux, 1976, p. 35 sqq.); далее у Леви (Ibid.): «... поскольку она известна нам в парафразе Тиртея, чье поэтическое творчество восходит к середине VII века, она должна быть датирована соответственно».

Nuxley, 1962, p. 47: «Аполлон Дельфийский дал Спарте форму правления, построенную по критской модели, которая была более либеральной, чем любая другая в материковой Греции до времени Солона. Верховная власть возлагается на народ, поскольку демос имеет последнее слово в дебатах, а архagetы вместе со старейшинами не имеют средств отвергнуть не выгодные им предложения. Народ может также вносить предложения и вносить изменения в предложения старейшин. Ретра без внесенных в нее поправок давала гоплитам гражданство, формировала в их военных подразделениях по племенам и обам главную политическую власть в государстве. Разделение по племенам на политических народных собраниях мы также находим в законе города Дрероса на Крите, не столь отдаленном по времени от Большой Ретры (πόλι ἑταβε πύλασι)». Далее (p. 49) высказывается предположение, что Ретра была введена одновременно с учреждениями Карней около 676 г. и что союзником и помощником Ликурга в его реформаторской деятельности был Терпандр.

Forrest, 1969, p. 55: невозможно датировать Ретру и вообще законы Ликурга столь ранним временем, как 776 г. (дата так называемого «олимпийского диска» и приблизительное время правления Харилла). «Не было ни спартанского девятитысячного демоса, который требовал бы признания, не было и достаточного количества земель, чтобы удовлетворить его до завоевания Лаконии и, возможно, также Мессении. Конечно же, если Ретра была письменным документом, то она не предшествовала бы повторному появлению письменности в Греции около 750 г. Конечно же, если Дельфийский оракул имел какое-либо отношение к установлению нового порядка,

Ῥήτρα

- I Διὸς Συλλανίου καὶ Ἀθανᾶς Συλλανίας ἱερὸν ἰδρυσάμενον,
 II φυλὰς φυλάξαντα καὶ ὠβὰς ὠβάξαντα,
 III τριάκοντα γερούσιαν σὺν ἀρχαγέταις καταστήσαντα,
 IV ὥρας ἕξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξύ Βαβύκας τε καὶ Κναχιῶνος
 V οὕτως εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι
 VI γαμωδανγοριανημην (восстановление Троя и Уэйд-Джери: δάμφ[ω]
 δ' ἀνταγορίαν ἤμεν) καὶ κράτος.

нового порядка не было бы, пока оракул не начал серьезно функционировать около 750 г., вероятно, не раньше, чем он получил международное признание около 725 г. ... Затем... (р. 56) последовали политические распри, власть стала переходить от царей к аристократии, и напряженность в высших кругах общества много поспособствовала возникновению спартанского кризиса... Демос также оказался вовлеченным в этот процесс, демос, который еще не до такой степени недоволен, чтобы выдвигать требования, но достаточно силен, чтобы просить и получить признание. Однако факт существования такого демоса до 700 г. до н. э. не доказуем, и, я думаю, вообще маловероятен.

К сожалению, но от связи Ликурга с Хариллом следует отказаться, и 700 г. до н. э. становится, таким образом, верхней хронологической границей. Нижняя же дана во фрагменте Тиртея, который, по-видимому, пересказывает ликургову Ретру». Вполне возможно, что Аристотель искусственно разделил текст Ретры на две части: собственно Ретру и поправку Феопомпа, ориентируясь на «Евномию» Тиртея, в подлинном тексте которой имена Феопомпа и Полидора стояли на первом месте. «“Прямая ретра” здесь вторит “кривой ретре” с поправкой, и это убедило Аристотеля в том, что цари просто повторно подтвердили Ретру при добавлении в нее новой клаузулы. Но Тиртей фактически приписал им введение самой Ретры, а также поправки к ней, и таким образом дает нам, по крайней мере, *terminus ante quem*, а в лучшем случае точный период для них обеих. Периоды царствования Феопомпа и Полидора могли только частично совпадать между 700 и 670 гг. ... Если Тиртей назвал царей, то этим он датировал революцию; если нет, то она все еще могла произойти в тот же самый период, но, честно говоря, все, что мы можем сделать, так это позволить ей “сдвигаться” в пределах полувека или где-то около 650 г. У нас нет других зацепок».

По мнению Тойнби (Тоунбее, 1969, р. 270), «единственным заслуживающим доверия свидетельством для датировки Ретры является доказательство, лежащее в самом документе, и ... оно указывает на дату после середины VII в. до н. э., поскольку, согласно Ретре, демос, состоящий из гоплитов фаланги, уже имеет максимально верховную власть в Спартанском государстве».

Cartledge, 1979, р. 134 f. относит Ретру ко времени II Мессенской войны, объединяя ее вместе с «поправкой» в единый документ. «В момент наивысшего кризиса в стране и за ее пределами это была мера, предлагавшая в политическом смысле хотя бы что-то всем соперничающим группам... такая реформа вполне могла характеризоваться как введение “эвномии”».

Также Jeffery, 1976, р. 117: «Совместное действие, предпринятое старым Феопомпом и молодым Полидором во второй четверти VII в., хронологически возможно... Поправка вполне могла иметь целью преодоление политического кризиса».

Поправка Полидора и Феопомпа

Αἱ δὲ σκολιὰν ὁ δᾶμος ἔροιτο, τοὺς πρεσβυγενέας καὶ ἀρχαγέτας
ἀποστατῆρας ἦμεν.

Тиртей «Евномия»

I. Вариант Плутарха

Φοίβου ἀκούσαντες Πυθωνόθεν οἴκαδ' ἔνεικαν
μαντείας τε θεοῦ καὶ τελέεντ' ἔπεα·
ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας,
οἷσι μέλει Σπάρτης ἱμερόεσσα πόλις,
πρεσβύτας τε γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας,
εὐθείαις ῥητραις ἀνταπομειβομένους'.

II. Добавочные строки у Диодора

᾿μυθεῖσθαι <τ>ε τὰ καλὰ καὶ ἔρδειν πάντα δίκαια
μηδέ τι βουλεύειν τῇδε πόλει <σκολιόν>·
δήμου τε πλήθει νίκην καὶ κάρτος ἔπεσθαι.
Φοῖβος γὰρ περὶ τῶν ᾧδ' ἀνέφηνε πόλει.

3. ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ДРЕВНЕЙШЕЙ СПАРТЫ. ВСАДНИКИ И ЭФОРАТ

Автор «Большой ретры», судя по всему, не ставил своей целью дать исчерпывающее представление о государственном аппарате древнейшей Спарты, ограничившись беглым перечислением лишь некоторых, наиболее важных, с его точки зрения, учреждений. В действительности спартанская политическая система уже в то время имела более сложную внутреннюю структуру и включала в свой состав наряду с царской властью, герусией и народным собранием также и некоторые другие институты очень древнего происхождения. Таковыми можно считать, во-первых, так называемый корпус всадников и, во-вторых, эфорат. Первое из этих двух учреждений сравнительно редко упоминается в источниках. Поэтому и современные историки чаще всего обходят его вниманием. В общих очерках, посвященных государственному устройству Спарты, например у Бузольта, «всадники» фигурируют обычно в разделе о военной организации отборного отряда гоплитов, составлявшего личную охрану спартанских царей во время сражения. Дей-

ствительно, в сражении при Мантинее в 418 г. до н. э. царя Агиса II, командовавшего спартанской армией, окружали, по свидетельству Фукидида, 300 так называемых всадников. О «всадниках» упоминает и Геродот. Рассказывая в VIII книге «Истории» о визите Фемистокла в Спарту, он особо отмечает, что на обратном пути героя Саламина сопровождал до самой границы эскорт из 300 отборных воинов, «именуемых всадниками». Возможно, 300 спартанцев при Фермопилах. В нашем распоряжении имеются, однако, данные, позволяющие утверждать, что круг полномочий всадников отнюдь не исчерпывался обязанностями царских телохранителей и участием во всякого рода торжественных церемониях вроде встреч и проводов высоких чужеземных гостей. Так, например, Эфор говорит о всадниках как об особой должности — ἄρχή и ставит их в этом отношении в один ряд с геронтами, не поясняя, правда, в чем именно заключалась эта всадническая ἄρχή. Сохранилось еще одно в высшей степени любопытное свидетельство о всадниках. Оно принадлежит знаменитому пифагорейцу IV в. до н. э. Архиту Тарентскому. До нас дошел отрывок из его сочинения «О законе и справедливости» (см. Stobaeus. IV. 1. 138), содержащий весьма интересную характеристику государственного строя Спарты с точки зрения широко распространенной в древности теории «смешанной конституции». В понимании Архита спартанское государство гармонически сочетает в себе элементы четырех политических режимов: монархии, аристократии, олигархии и демократии. Монархический элемент представлен в ней властью царей, аристократический — герусией, олигархический эфоратом. Демократию же в лакедемонской конституции представляют, по словам Архита, «гиппагреты и юноши» (ἵππαγρέται δὲ καὶ ἰόβοι). Власть каждого из этих четырех органов уравнивается властью других противостоящих ему магистратур. Так, царям противостоят эфоры, эфорам — геронты, а юноши и гиппагреты занимают среди них промежуточное положение. В этой взаимной уравновешенности властей Архит видит залог прочности государственного строя Спарты.

Термин «гиппагрет», т. е. «предводитель всадников», встречается также в «Лакедемонской политии» Ксенофонта. В IV главе этого небольшого трактата довольно подробно рассказывается о способе формирования корпуса всадников. Всего в его состав входило триста человек, отобранных из числа молодых людей, достигших возмужания (ἡβῶντες). Отбор кандидатов производили заранее назначенные эфорами три гиппагрета. Каждый должен был выбрать по сто человек, которыми он, очевидно, в дальнейшем и предводительствовал. При этом тем, чьи кандидатуры он по каким-либо соображениям отверг, гиппагрет должен

был объяснить, почему он это сделал. Отвергнутые претенденты, однако, не теряли надежды и начинали выслеживать своих счастливых соперников, пытаясь уличить их в совершении какого-нибудь проступка, не подобающего их положению. По-видимому, в случае удачи они могли рассчитывать на место соперника. Для того чтобы одержать победу в этой борьбе, «в высшей степени угодной богам и полезной для государства», как выражается Ксенофонт, обе стороны усердно предавались физическим упражнениям, а встречаясь, завязывали между собой кулачные бои. Разнять дерущихся мог любой из присутствовавших при этом граждан (видимо, если он был старше по возрасту). В случае неповиновения особое должностное лицо, которое Ксенофонт называет «педономом», отводило драчунов на разбирательство к эфорам, а те налагали на них тяжелое наказание, чтобы и «в гневе никогда на забывали о повиновении законам».

Подробно рассказав о том, как происходил отбор всадников, Ксенофонт, однако, ни словом не упоминает о назначении корпуса. Создается впечатление, что единственной целью этой организации было возбуждение «здорового соперничества» среди спартанской молодежи и выявление таким путем наиболее доблестных и достойных среди подрастающего поколения граждан. Едва ли, однако, так оно и было на самом деле. Сам Ксенофонт несколько приподымает завесу загадочности, окутывающую всадников, в другом своем сочинении — «Греческой истории». Всадники появляются здесь на сцене в связи со знаменитым заговором Кинадона (Xen. Hell. III, 3, 5—11). Узнав о замыслах Кинадона, эфоры организуют контрзаговор, в который вовлекают старшего гиппагрета. Следуя тайной инструкции, полученной от эфоров, гиппагрет посылает вместе с Кинадоном в Авлон шесть или семь человек из числа находившихся в его распоряжении «юношей» (νέοι, что, очевидно, соответствует официальному наименованию всадников в Спарте — ἰόροι). «Юноши» были заранее предупреждены, что им предстоит арестовать Кинадона, вытянуть из него все необходимые сведения об остальных участниках заговора, а затем доставить его в Спарту. Все это было исполнено ими в точности, и, таким образом, заговор, представлявший, если верить Ксенофону, страшную опасность для государства, был ликвидирован еще в зародыше. Участие всадников в операции против Кинадона едва ли можно объяснить простой случайностью. Очевидно, основное назначение корпуса как раз и заключалось в том, чтобы подавлять разного рода волнения и мятежи среди порабощенного и неполноправного населения Спарты. Из числа всадников, по всей вероятности, отбирались участники пресловутых криптий. Плутарх говорит, что это были «смышленные молодые люди» (Plut. Lyc. 28), которые по поручению

правительства тайно передвигались по всей стране, следили за илотами и уничтожали наиболее опасных из них.

Своеобразным филиалом корпуса всадников была коллегия так называемых агатургов (буквально «благодетелей»). По словам Геродота (I, 67), коллегия эта состояла из пяти человек. Зачислялись в нее каждый год только что вышедшие из корпуса старшие всадники. На агатургов возлагались ответственные поручения, при исполнении которых они должны были ездить или ходить поодиночке, нигде не задерживаясь подолгу. О характере этих поручений можно судить по сохраненной Геродотом истории агатурга Лихаса, сумевшего разыскать в Аркадии во время войны спартанцев с тегеатами останки Ореста и доставившего их в Спарту. Как видно из этого в высшей степени любопытного логоса, поручения, возлагавшиеся на агатургов, требовали совершенно исключительной отваги, хитрости и выносливости, так как были связаны в основном со шпионажем и диверсиями за пределами государства. В соответствии с этим в состав коллегии могли попасть лишь лучшие из лучших. Итак, мы можем сказать, что вместе с агатургами всадники составляли особый охранительный орган, соединявший в одном лице то, что можно назвать, конечно, применительно к условиям того времени, тайной полицией, жандармерией, разведкой и контрразведкой. В военно-административном аппарате такого ультраполицейского государства, каким была Спарта V—IV вв. до н. э., этот орган должен был играть особо важную роль.

Разумеется, мы бы ошиблись, если бы допустили, что корпус всадников был задуман своими создателями именно таким, каким мы его знаем по отзывам Ксенофонта, Эфора, Геродота и других авторов V—IV вв. до н. э. Известно, что многие государственные и общественные учреждения со временем меняют свой первоначальный характер и назначение. Можно думать, что те по преимуществу карательные, полицейские функции корпуса всадников, которые были свойственны ему в V—IV вв., со всей полнотой и ясностью определились лишь после того, как в Спарте в результате завоевания Мессении создалась крайне напряженная обстановка ввиду явного численного перевеса поработанного населения над свободными гражданами. Для того чтобы держать в повиновении огромную массу угнетенных и неправых илотов, периеков и пр., необходим был специальный аппарат контроля и подавления. И такой аппарат был создан на основе уже существующих учреждений, первоначальное назначение которых могло быть совсем иным.

В свое время французский исследователь А. Жанмэр блестяще показал, что представляет собой в своей древнейшей первооснове спартанская криптия. Если подходить к криптии просто как к карательной

экспедиции, единственной целью которой было терроризировать население илотских поселков, держать его в постоянном страхе и покорности, мы многого не поймем в тех необычных требованиях, которые предъявлялись к участникам этого загадочного мероприятия по словам Плутарха и ряда других авторов. Так, известно, что участники криптии должны были ходить босыми, спать прямо на голой земле. Они сами добывали и готовили себе пищу. У них не было никакого другого оружия, кроме коротких мечей или кинжалов. Жанмэр показал, что все эти особенности сближают криптию с определенным кругом очень древних первобытных обычаев, а именно с хорошо известной каждому этнографу обрядовой изоляцией молодежи в период так называемых инициаций. Известно, что среди многих примитивных народов существует обычай, следуя которому юноши, достигшие определенного возраста и готовые стать мужчинами, т. е. взрослыми и полноправными членами племени, на длительное время покидают родную деревню и поселяются вдали от нее где-нибудь в глухом лесу или горах, иногда в специально отведенном для таких надобностей «доме холостяков» (Junggesellehaus). Здесь они живут в полной изоляции от всей остальной общины в течение всего срока испытания, который иногда длится годами. Считается, что на юношах лежит табу — священный запрет. Их никто не должен видеть, и они ни с кем не встречаются, кроме специально приставленных к ним жрецов или колдунов. Всякого, кто осмелится приблизиться к их убежищу, посвящаемые безжалостно убивают. Иногда же они сами, наряженные в маски и устрашающие костюмы привидений и живых мертвецов, врываются в близлежащие деревни, избивают, а иногда и убивают всякого, кто попадется им навстречу, и, захватив как можно больше съестных припасов, обремененные добычей, возвращаются в свой вертеп. Жертвами таких набегов чаще всего становятся женщины, дети и рабы там, где они уже имеются в наличии. То немногое, что нам известно о криптии, живо напоминает этот первобытный маскарад. Есть все основания считать, что первоначальной целью криптии была не просто охота за илотами, а своеобразный экзамен на аттестат зрелости, через который должны были пройти молодые люди, достигшие совершеннолетия. В программу испытаний входила целая серия тестов, среди которых была, вероятно, и охота за людьми, требовавшая максимальной выдержки, смелости и выносливости (известно, что в некоторых глухих районах Земного шара еще в недавние времена юноша не признавался мужчиной-воином до тех пор, пока не приносил в родную деревню голову или скальп врага и чем больше, тем лучше). Однако первоначально это испытание, вероятно, не имело социальной направленности, но зато имело ярко выраженную религиозную окраску, включая в себя, например, питье

вражеской крови или даже пожирание мяса врага. В Спарте этот древний обычай был в конце концов приспособлен к нуждам рабовладельческого государства и превратился в инструмент систематической слежки и террора, направленный против илотов. Раньше мы уже говорили, что основными участниками криптий были, по всей вероятности, всадники. Уяснив природу криптии, мы можем теперь несколько по иному взглянуть также и на этот институт. Исторической основой, на которой возник корпус всадников в Спарте, был, по-видимому, возрастной класс юношей, достигших полной физической зрелости, но не ставших еще полноправными членами племени, мужчинами в собственном значении этого слова. Ксенофонт указывает, что в корпорацию всадников зачислялись обычно молодые люди, достигшие возраста зрелости (ἥβη), но еще не имеющие права быть избранными на высшие государственные должности. Сопоставляя это указание с данными других источников, например Плутарха, можно установить, что это был промежуток между 20 и 30 годами. Входящие в эту возрастную категорию молодые люди (Ксенофонт называет ее τὰ δέκα ἄφ' ἥβης) составляли отборную часть спартанской армии: они стояли в передних рядах фаланги и первыми вступали в бой. Вместе с тем спартиаты, не достигшие еще 30 лет, не располагали всей полнотой политических и гражданских прав. Они не имели доступа к государственным должностям, не обладали, по-видимому, даже полной имущественной правоспособностью (Плутарх — Лус. XXV — говорит, что до 30 лет спартиат не имел права сам ходить на рынок и все необходимые покупки делал через родственников или возлюбленных) и обязаны были во всем вплоть до мелочей повиноваться приказам и рекомендациям старших по возрасту. Благодаря всем этим мудрым ограничениям и предосторожностям опасные антиобщественные тенденции, свойственные юношескому возрасту: чрезмерная драчливость, своеволие и безрассудство, склонность к половой распущенности — среди спартанской молодежи были отрегулированы и направлены в разумное русло, вследствие чего здесь никогда не наблюдалось тех вспышек вражды поколений, которые в других греческих государствах были довольно обычным явлением. Ксенофонт ставит это в величайшую заслугу Ликургу, якобы создавшему всю эту тщательно продуманную систему отношений между гражданами разных возрастов.

В известном смысле режим, существовавший в классической Спарте, можно определить как самую настоящую геронтократию. Наиболее энергичная, политически активная часть спартанского гражданства — молодежь в возрасте от 20 до 30 лет была очень сильно урезана в правах и задыхалась в тисках суровой казарменной дисциплины, царившей в так называемых сисситиях и армии. Единственной отдушиной, дававшей

какой-то выход политической энергии граждан младшего поколения, была служба в корпусе всадников. Исходя из этого, по всей вероятности, Архит Тарентский и объявил всадников воплощением демократического начала в спартанской конституции, хотя демократизм их носил, конечно, весьма относительный характер. Не следует забывать о том, что строгий отбор членов корпуса, предъявлявшиеся к ним чрезвычайно жесткие требования превращали всадников в замкнутую элитарную группу, попасть в которую удавалось далеко не каждому. Скорее их можно было бы назвать «элементом демократии внутри олигархии».

Всадники были не единственной группой, основанной на строго возрастном принципе, в составе административного аппарата спартанского государства. Другой такой же группой, по ряду признаков близко родственной всадникам, была герусия. Всадников было 300, геронтов 30, и этот числовой параллелизм, по-видимому, не случаен. В герусию, как и в корпус всадников, входили только лица, достигшие определенного возраста. Геронты составляли ближайшее окружение царей на заседаниях государственного совета, всадники сопровождали их в походе и в бою. Герусия была высшим судебным органом спартанского государства — разбирала все уголовные и, вероятно, также политические дела. Всадники как полицейский исполнительный орган должны были помогать герусии в этой работе, разыскивая беглых преступников, доставляя их на суд, а может быть, также наказывая их в соответствии с приговором «старцев». Поставленные рядом герусия и корпус всадников образуют своего рода систему, состоящую из двух возрастных классов: класса «старцев» и класса «юношей» (еще раз напомним, что именно юноши — *хóροι* — таково было официальное наименование всадников в Спарте). Распределение основных обязанностей по управлению общиной между несколькими, чаще двумя возрастными классами — феномен, достаточно широко распространенный среди народов Земного шара, в особенности среди примитивных племен, стоящих на достаточно низком уровне культурного развития. Формы племенной администрации, близко напоминающие спартанскую систему «геронты — всадники», зафиксированы, например, у ряда народов Восточной Африки (в основном племена охотников и скотоводов, обитающих на юге Эфиопии и в Кении), у многих индейских племен Северной Америки. Характерно, что наиболее активную роль в политической жизни всех этих народов играют обычно две возрастные группы: молодые воины в возрасте примерно до 25—30 лет, только что прошедшие обряды посвящения, и пожилые люди, достигшие 50—60 лет. Мужчины среднего возраста стоят обычно в стороне от политических дел и лишь время от времени собираются на сходки, чтобы выслушать волю старцев и выразить свое отно-

шение к ней. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что в отличие от двух других возрастов они не располагают достаточным количеством свободного времени, так как обременены семьей, хозяйством и должны о них заботиться. Старцы образуют верховный совет племени, осуществляют контроль над важнейшими общественными работами и религиозными церемониями. Из их числа выбираются вожди и жрецы (шаманы). Молодые воины, со своей стороны, составляют при совете старейшин нечто вроде отряда для особых поручений. Они могут использоваться в качестве полицейской силы для поддержания порядка на территории племени. Они активно участвуют во всякого рода промысловых предприятиях (в облавной охоте) и в общественных работах (разбивка лагеря). Наконец, во время войны из них составляется отборный отряд, передающийся в распоряжение военного вождя племени. Этот отряд несет пограничную службу, предупреждая внезапное появление врагов на территории племени, и сам совершает молодецкие разбойничьи набеги в земли соседей.

Не следует думать, что политические структуры такого рода свойственны только краснокожим Северной Америки и африканским неграм. Некогда они были достаточно широко распространены и среди народов индоевропейской группы. Ближайшую аналогию спартанской системе «геронты — всадники» мы находим не где-нибудь, а в раннем Риме, в эпоху царей. Здесь, согласно сообщениям Плутарха, Дионисия, Ливия и других авторов, наряду с советом старейшин — патрицианским сенатом — функционировал корпус так называемых целеров (т. е. «быстрых»), набиравшийся из знатной молодежи в количестве 300 человек. Трибуном целеров был основатель Римской республики Л. Юний Брут. В самой Греции корпорации «юношей» и «старцев», соответствующие спартанским геронтам и всадникам, были широко распространены еще в гомеровский период. В классическую эпоху они продолжали сохраняться в качестве своеобразных реликтов лишь в наиболее отсталых и консервативных государствах. Кроме Спарты мы можем указать здесь еще и на города дорийского Крита. Здесь, по свидетельству Эфора, должности (ἄρχη) геронтов и всадников существовали с древнейших времен. Эфор отмечает одну любопытную деталь: в то время как спартанские всадники лошадей давно уже не имели и передвигались обычно пешком, на Крите всадники продолжали, как и когда-то, ездить верхом и, таким образом, название должности сохранило здесь свой первоначальный смысл. Отсюда он заключает, что критские институты геронтов и всадников древнее соответствующих спартанских и, по всей видимости, были заимствованы спартанцами на Крите вместе с некоторыми другими учреждениями. Эта догадка едва ли справедлива.

Гораздо более вероятно, что обе эти корпорации принадлежат к числу древнейших политических институтов, свойственных всем вообще дорийцам еще до их расселения по Южной Греции. Есть все основания полагать, что система племенного управления, базирующаяся на двух возрастных классах — юношей и старцев, была уже давно принята дорийцами к тому времени, когда они впервые появились на Пелопоннесе и на Крите. В дальнейшем эта система стала тем ядром, из которого развился государственный аппарат как Спарты, так и критских полисов. Не исключено, что первоначально она существовала и в других дорийских государствах, например в Аргосе, Коринфе и т. д., но там ее следы со временем затерялись.

Оба учреждения, о которых мы только что говорили, — совет геронтов и корпус всадников — были прямо и непосредственно связаны с другим важным элементом спартанского государственного механизма — коллегией эфоров. Эфоры, несомненно, принимали непосредственное участие в работе герусии, хотя формально не считались ее членами. Теоретически герусия считалась высшим судебным органом спартанского государства. Однако на практике основная масса судебных дел (все дела по гражданским искам) находилась в компетенции эфоров. Геронты рассматривали только наиболее важные уголовные процессы. Эфоры созывали герусию и выступали в ней с предложениями. С другой стороны, эфоры поддерживали тесные контакты со всадниками и их руководителями гиппагретами. Они сами избирали трех гиппагретов, а те, в свою очередь, всех остальных всадников. Эфоры же отбирали из числа отслуживших свой срок всадников пятерых агатургов, которые, несомненно, во всей своей деятельности соотносились с полученными от них инструкциями. Да и вообще все полицейско-карательные акции всадников, в том числе и криптии, предпринимались только с ведома эфоров. Это хорошо показывает Ксенофонт в своем рассказе о подавлении заговора Кинадона.

Возникает вопрос: нельзя ли считать эфорат третьим составным элементом в системе «геронты — всадники», входившим в нее с самого момента ее возникновения? Или же его связь с этими двумя учреждениями носила вторичный характер и сложилась в какое-то сравнительно позднее время? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется затронуть одну из самых сложных и трудных проблем в ранней истории Спарты — проблему происхождения эфората. Уже в древности не было единства мнений вокруг этого вопроса. Некоторые авторы, в том числе Геродот, Ксенофонт, Исократ, связывают учреждение эфората с деятельностью Ликурга, относя его к самому раннему этапу становления спартанского государства. Другие, в том числе Аристотель

и Плутарх, датируют это событие более поздним временем, приписывая создание эфората царю Феопомпу, герою I Мессенской войны. Аристотель в «Политике» (Arist. Pol. V, 1313a 26 sq.) приводит анекдот о метком ответе Феопомпа его жене, которая упрекала его за то, что, учредив должность эфоров, он тем самым передает царскую власть своим детям менее могущественной, чем он сам ее получил, на что Феопомп ответил, что это неверно: он сделал царскую власть более могущественной, т. к. благодаря эфорату, который не давал ей превратиться в тиранию, она стала продолжительной. Этот же анекдот повторяет Плутарх в биографии Ликурга (VII). В биографии Клеомена (X) о происхождении эфората говорится более подробно. Клеомен, выступая с речью перед гражданами на другой день после произведенного им переворота, рассказывает, откуда взялись эфоры, коллегию которых он только что ликвидировал. Первоначально Спартой управляли только цари и геронты, но во время Мессенской войны (Плутарх не указывает здесь, какой именно) цари, вынужденные на долгое время покинуть государство, стали назначать судей из числа своих друзей и оставляли их в Спарте в качестве своих заместителей, назвав эфорами, т. е. «блюстителями». Сначала эфоры были просто слугами и помощниками царей, но постепенно они вошли в силу и присвоили себе права должностных лиц. Первым, кто расширил и укрепил власть эфоров, был некий Астероп.

Таковы две основные точки зрения на этот вопрос, существовавшие в древности. Интересно, что Платон принимает в своих произведениях обе эти концепции. В то время как в одном из своих писем (Plato. Epist. VII, 354c) он объявляет создателем эфората, равно как и герусии, Ликурга, в «Законах» мы находим у него уже совсем иную реконструкцию развития спартанского государственного строя. Сначала некий бог (даже не человек) учредил двойную царскую власть, ограничив тем самым заложенные в ней тиранические потенции. Затем некий человек, наделенный, однако, божественной силой (очевидно, Ликург), «соединил рассудительную мощь старости с гордой силой происхождения», поставив рядом с двумя царями двадцать восемь геронтов. Наконец, «третий спаситель государства» (вероятно, Феопомп), «видя, что его все еще обуревают страсти, как бы узду набросил на него в виде власти эфоров» (Plato. Leg. III, 692a). Очевидно, во времена Платона в ходу были обе версии предания, и он, смотря по обстоятельствам, мог выбирать ту, которая его в данный момент больше устраивала. В IV в. до н. э., когда писал Платон, да, по-видимому, еще и до этого, вопрос о происхождении эфората был не просто предметом словопрений историков, но весьма актуальной и злободневной политической проблемой. Две ведущие магистратуры спартанского государства — цари и эфоры — находились в состоянии

почти непрерывного противоборства. Цари требовали от эфоров повиновения, ссылаясь на свое старшинство, а также на то, что сам эфорат был по своему происхождению всего лишь служебным органом царской власти, ею самой и созданный. Так, вероятно, могла родиться версия о создании эфората Феопомпом. Эфоры, со своей стороны, пытались отстаивать свою независимость от царей как в историческом, так и политическом отношении и доказывали, что их коллегия была, как и герусия, созданием великого законодателя Ликурга, который рассчитывал с помощью новой магистратуры обуздать чрезмерно усилившуюся царскую власть. Таким образом, обе версии происхождения эфората носят скорее всего тенденциозный псевдоисторический характер и едва ли заслуживают доверия. И все же нельзя не обратить внимания на тот факт, что древнейшие из наших источников Геродот и Ксенофонт связывают рождение эфората не с Феопомпом, а с Ликургом, относя его к числу древнейших государственных учреждений Спарты. Высказывалось предположение, как мне кажется, весьма правдоподобное, что вариант с Феопомпом возник только после того, как были опубликованы списки эфоров-эпонимов, первым из которых был некто Элат, избранный на эту должность в 754 г. до н. э., т. е. незадолго до I Мессенской войны, что примерно соответствует времени правления Феопомпа. Публикация же списков эфоров стала возможной, по-видимому, не ранее IV в. до н. э., когда занавес, скрывавший внутриполитическую жизнь Спарты и ее историю от глаз посторонних, слегка приоткрылся.

Итак, античная традиция не дает надежной опоры для датировки возникновения эфората. В нашем распоряжении имеются, однако, некоторые косвенные данные, которые могут помочь в решении этой проблемы. Сторонники поздней датировки эфората нередко ссылаются на то, что эта должность не упоминается в Большой ретре. Но это можно объяснить тем, что во времена составления Ретры эфоры хотя уже и существовали, но не играли еще сколько-нибудь значительной роли в управлении государством и не располагали той огромной властью, которую они приобретут позднее. Заметим, что и Тиртей в своей «Евномии» обходит эфоров молчанием, хотя в его время коллегия, несомненно, уже существовала. Само число эфоров — пять человек — связывают обычно с пятью спартанскими комами, или обами. Это совпадение чисел наводит ученых на мысль о том, что первоначально эфоры были правителями отдельных ком — своего рода бургомистрами или сельскими старостами и представляли их интересы в государственном аппарате тогдашней Спарты. А так как пятой комой, по общему признанию, были Амиклы, то отсюда заключают обычно, что сама коллегия эфоров сложилась лишь после того, как Амиклы вошли в состав спар-

танского государства. Однако нам неизвестна точная дата этого события (предполагается, что оно произошло незадолго до начала I Мессенской войны — около середины VIII в., но возможны и другие более ранние датировки), а, кроме того, если даже мы допустим, что учреждение коллегии эфоров из пяти человек непосредственно связано с присоединением Амикл, отсюда еще не следует, что в более раннее время эта коллегия не могла существовать в другой форме и в другом составе. Более важным мне представляется другое обстоятельство: в позднейшее время (об этом мы узнаем из надписей) должность эфора существовала помимо Спарты также и в некоторых других местах: в периекских полисах Лаконии и Мессении, также на о-ве Фера и в его колонии Кирене, в Геракле — колонии Тарента. Появление эфората в периекских городах Лаконии или Мессении можно объяснить просто влиянием Спарты. Но с такими полисами, как Фера, Кирена, Тарент, Гераклея, дело обстоит сложнее. Здесь если и можно говорить о заимствовании — все эти города были колониями и субколониями Спарты, — то об очень древнем, восходящем еще ко времени основания этих городов, так как в позднейший период их пути и пути их метрополии далеко разошлись. Древнейшая из названных здесь колоний — Фера. Ее основание должно быть отнесено, согласно преданию, сохраненному Геродотом, к периоду, непосредственно следующему за дорийским переселением и основанием самой Спарты, едва ли позднее IX до н. э. Отсюда следует, что эфорат уже существовал в Спарте в это раннее время, хотя, в какой форме и с какими полномочиями — это остается неизвестным.

В классический период полномочия эфоров отличались чрезвычайной широтой и многообразием. Они активно, не считаясь ни с какими правилами и ограничениями, вторгались буквально во все сферы государственной деятельности и общественной жизни, бесцеремонно навязывали свою волю другим магистратам и всем гражданам. Недаром Платон называет власть эфоров «близкой к тиранической». По своим функциям это была поистине универсальная магистратура, и это резко выделяет эфоров среди всех других полисных магистратур. Как в Греции, так и в Риме мы не найдем, пожалуй, ни одной сколько-нибудь близкой аналогии этой поистине уникальной коллегии. Хотя в литературе нередко проводятся сопоставления между эфорами и афинскими архонтами, эфорами и критскими космами, эфорами и римскими трибунами, ни одна из этих параллелей не может быть признана до конца оправданной.

Укажем на важнейшие полномочия эфоров так, как они отражены в источниках V—IV вв. до н. э., а также более позднего времени. 1. Эфоры представляли спартанское государство перед лицом неполноправного и зависимого населения. Как мы уже говорили, они ежегодно

объявляли войну илотам и, по всей видимости, были главными организаторами криптий и других карательных операций. 2. Эфоры обладали дисциплинарной властью по отношению ко всем гражданам Спарты. Они были верховными блюстителями Ликурговых законов. Вступая в должность, они, по словам Плутарха (Клеомен, 9), обращались к гражданам с прокламацией, призывая их «брить верхнюю губу и повиноваться законам». 3. Как мы уже говорили, эфоры были также судебной властью. Они разбирали все гражданские дела независимо от геронтов. 4. В их ведении находилась вся внешняя политика Спарты. Они принимали чужеземных послов и представляли их народному собранию, а также сами выезжали за границу, участвуя в наиболее важных дипломатических миссиях. 5. Эфоры открывали и закрывали народные собрания. Вносили на их рассмотрение различные законопроекты. 6. Они же, по всей вероятности, председательствовали на собраниях герусии. 7. Наконец, эфоры осуществляли верховный контроль над деятельностью всех других магистратов, включая царей и геронтов. Особенно поражало древних бесцеремонное обращение эфоров с царями, которых все остальные спартиаты так любили и почитали. Эфоры могли вызывать к себе царей для отчета, и те обязаны были являться, если вызов был сделан троекратно. Эфоры могли наложить на царя штраф. Так, Архидам был оштрафован за то, что он взял себе жену слишком маленького роста (эфоры опасались, что «она будет рожать не царей, а царьков»). Эфоры имели право арестовать царя, и, если против него выдвигалось какое-либо серьезное обвинение, вместе с геронтами и вторым царем принимали участие в судебном разбирательстве и голосовании по приговору. В таких случаях эфоры, по всей видимости, брали на себя функции государственных обвинителей, и не исключено, что их слово имело решающее значение для исхода суда. По словам Ксенофонта, эфоры каждый месяц обменивались с царями клятвами, причем они клялись от лица государства, а цари от своего собственного лица. Цари обещали править согласно установленным законам, эфоры же гарантировали им незыблемость их власти, если они останутся верны своей клятве. В определенных случаях эфоры имели право своей властью лишать царей престола. Об этой их привилегии сообщает Плутарх в биографии Агиса (XI). По его словам, эфоры раз в девять лет собирались для того, чтобы наблюдать за звездным небом. Наблюдения эти устраивались в ясную, но безлунную ночь и происходили в полном молчании (ср. поведение римских авгуров). Если эфоры замечали в определенной части небесного свода падающую звезду, они объявляли царей виновными в каком-то преступлении перед божеством и отрешали их от власти до тех пор, пока из Дельф

или из Олимпии не придет оракул, защищающий осужденного царя. Как сообщает Плутарх, этот обычай был использован эфором Лисандром, союзником Агиса, для того, чтобы свергнуть с престола Леонида, царя из другой династии, стоявшего в оппозиции к Агису.

Совершенно очевидно, что весь этот обширный комплекс прав и полномочий эфоров не мог возникнуть сразу, в один присест. Не подлежит сомнению, что он формировался постепенно, вероятно, на протяжении ряда столетий по мере того, как все более росла и усиливалась власть эфоров внутри спартанского государства. Но что было первичным ядром этого комплекса? Какая из перечисленных нами функций может считаться изначальной принадлежностью эфората, связанной с этой должностью с самого момента ее возникновения? Само слово *эфóрос* переводится обычно, как «наблюдатель», «надзиратель», «блюститель», заключая отсюда, что основной обязанностью эфоров с самого начала было именно наблюдение и контроль над царями и другими магистратами, над поведением всех граждан вместе взятых, наконец, над всем порабощенным и зависимым населением Спарты. Однако в этом случае мы должны будем признать, что эфоры с самых первых своих шагов были наделены огромной, почти неограниченной властью, которая ставила их в совершенно особое положение среди всех других должностных лиц. Поверить в это трудно, и мы должны изыскать какую-то другую возможность объяснения происхождения этого титула. Можно предположить, что в древнейшие времена основной обязанностью эфоров было наблюдение за каким-то одним вполне определенным объектом. И здесь наша мысль невольно обращается к тем загадочным астрономическим наблюдениям эфоров, о которых рассказывает Плутарх. Не от этих ли наблюдений за звездным небом ведет свое происхождение название самой магистратуры? Не означает ли оно, что первые эфоры были именно звездочетами-астрологами-гадателями по звездам? В связи с этим особую весомость приобретает имя Астероп, буквально означающее «смотрящий на звезды», которое, по свидетельству того же Плутарха, носил один из эфоров, при котором эта должность достигла особого могущества и почета. Вполне возможно, что источник, из которого Плутарх заимствовал это важное сообщение, принял за личное имя древнее название, которое некогда носила сама коллегия эфоров — в первоначальном своем варианте бывшая коллегией жрецов-звздогадателей. Впервые эта смелая и весьма остроумная догадка была высказана С. Я. Лурье в его статье, опубликованной в «Klio» в 1927 г. В своих соображениях о происхождении эфората Лурье отталкивался от теории известного английского историка религии Фрэзера. Сам Фрэзер в своей знаменитой «Золотой ветви» уже обратил внимание на обычай, описанный Плутархом,

и высказал предположение о его связи с широко распространенным кругом обычаев ритуальной детронизации или ритуального умерщвления царя. По мысли Фрэзера, первоначально царская власть в Спарте была ограничена определенным сроком, составлявшим девять (или, может быть, восемь) лет. По истечении этого срока власть царя нуждалась в возобновлении, так как считалось, что божественная благодать (харизма), лежавшая на царе с самого момента его вступления на престол, за это время могла иссякнуть. Представления такого рода о кратковременности и регулярной обновляемости царской харизмы нашли свое отражение уже в гомеровской «Илиаде», где говорится, что Минос, владыка Крита, каждые девять лет встречался в диктейской пещере со своим отцом Зевсом, чтобы получить от него новый запас божественной энергии. Можно предположить, что для того чтобы доказать свои права на престол (соответствие занимаемой должности), царь должен был публично демонстрировать свою физическую силу, участвовал в разного рода состязаниях иногда даже со смертельным исходом. Мотив такого рода достаточно распространен в греческой мифологии (вспомним хотя бы состязание в стрельбе из лука в заключительной части «Одиссеи»). Одновременно с испытанием физической мощи царя специальные жрецы вели тщательные наблюдения за состоянием всей окружающей природы и если находили в нем что-нибудь необычное, например, обнаруживали падающую звезду в том месте, где ей не положено было появляться, заключали отсюда, что нынешний царь должен быть смещен и заменен другим (первоначально считалось, что царский образ и вся вселенная пребывают в состоянии полной гармонии, связаны между собой незримыми мистическими узами до тех пор, пока царь не заболит и не ослабеет от старости. В дальнейшем этот закон был переведен в морально-политическую плоскость и истолкован в том смысле, что, если царь совершает какие-то несправедливые деяния, это может привести к серьезным нарушениям в естественных годовых циклах природы и губительно отразиться на жизни всего народа).

Опираясь на мнение Фрэзера, Лурье пришел к убеждению, что первоначально эфорат был чисто жреческой магистратурой, тесно связанной с сакрализованной царской властью, унаследованной спартанцами от ахейского населения Лаконии. Основной обязанностью эфоров в древнейший период истории Спарты было участие в разного рода процедурах, связанных с периодическим (происходившим через каждые 9 лет) обновлением царской власти. Одной из этих процедур было описанное Плутархом наблюдение эфоров за звездным небом. Разумеется, гадание по звездам не было единственной функцией коллегии эфоров

даже и в те отдаленные времена (в противном случае нам пришлось бы предположить, что как постоянное учреждение эфорат в то время еще не существовал, а только возникал периодически через каждые 9 лет, чтобы затем исчезнуть снова). По-видимому, кроме заботы о престоле у эфоров были и другие обязанности, связанные с их основной функцией звездогодателей. Они могли, например, ведать солнечным и лунным календарем — в первобытной общине должность не столь уж незначительная. Действительно, в некоторых источниках указывается, что эфоры решали, когда и в каких случаях следует вставлять в спартанский календарь добавочный месяц, чтобы поддерживать его соответствие с обычным циклом времен года. Известно также, что в классический период эфоры обычно выступали в роли организаторов важнейших религиозных празднеств, а это предполагает опять-таки, что в их ведении находилось составление календаря. С календарем связана и еще одна важная функция эфоров, по-видимому, входившая в круг их первоначальных полномочий. Я имею в виду надзор за системой возрастных классов и воспитанием подрастающего поколения. В классической Спарте именно эфоры следили за неукоснительной строгостью гражданского воспитания. Через каждые десять дней юноши, собранные из всех агел и раздетые донага, выстраивались перед эфорами, и те, внимательно осматривая их, определяли, насколько усердно они предаются телесным упражнениям. Тех, у кого замечали признаки дряблости или ожирения, наказывали. Эфоры же, по всей вероятности, следили за переходом юношей и подростков из одной возрастной категории в другую и проводили испытания, которыми сопровождался этот переход, вроде знаменитой порки эфебов у алтаря Артемиды Орфии. Эфоры осуществляли надзор также и за молодыми людьми, уже вышедшими из агел и вступившими в мужские союзы — фидитии. Как мы уже видели, в их ведении находился и корпус всадников, и молодежь того же возраста, что и всадники, не попавшая в корпус. Очевидно, в число первоначальных обязанностей эфоров входило руководство инициациями, т. е. обрядами посвящения, сопровождавшими в первобытную эпоху переход юношей и подростков из одного возрастного класса в другой. Отсюда вытекает их связь с криптиями, корпусом всадников и т. п. институтами.

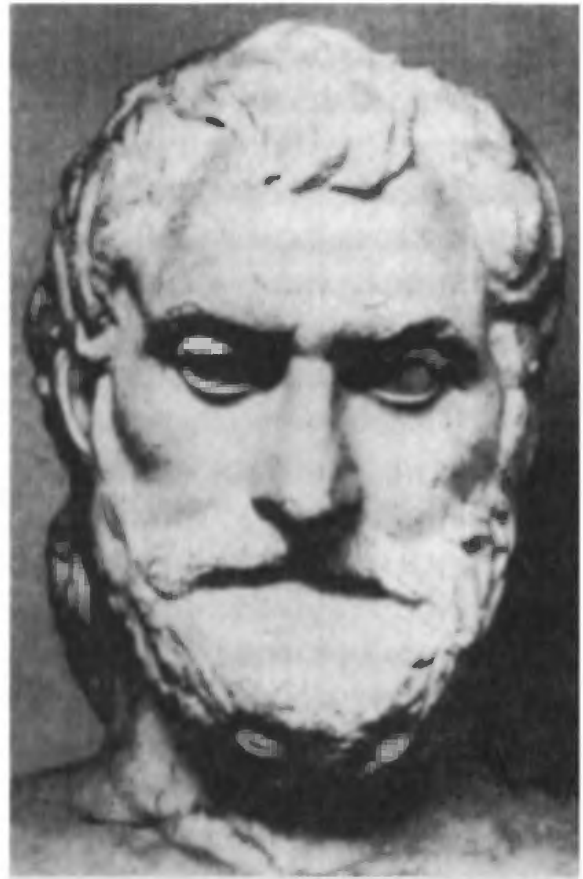
Итак, если встать на точку зрения Лурье, а мне она кажется наиболее убедительной, мы должны будем представить себе эфорат в древнейшей его форме как корпорацию жрецов-звздогадателей (астеропов). Под их наблюдением находился довольно широкий комплекс всякого рода обрядов и церемоний, связанных со сменой времен года, а в равной степени и сменой человеческих поколений. Особое место

в этом комплексе обычаев занимал так называемый царский цикл, блюстителями которого также были эфоры. По-видимому, уже в древнейшее время эфоры могли использовать свои религиозные санкции для сведения счетов с неугодными им царями. Однако при этом они должны были опираться на поддержку герусии — в то время наиболее авторитетного органа власти, являвшегося главным оплотом спартанской знати в соперничестве с честолюбивыми и властолюбивыми царями. Скорее всего сам эфорат был в этот период лишь орудием в руках герусии и средством обуздания тиранических наклонностей первых царей Спарты. Долгое время эфоры оставались в тени. Так было в период мессенских войн, когда в связи с активной внешней политикой Спарты позиции царской власти внутри государства, по-видимому, сильно укрепились и эфоры не решались напоминать царям о своих былых привилегиях. Положение, однако, в корне изменилось после II Мессенской войны, когда в связи с подъемом демократического движения и проведением целой серии реформ, заложивших основы так называемого ликургова строя, эфорат снова выдвинулся на передний план, подмяв под себя в равной мере и царей, и геронтов. Именно в это время эфорат превращается в высшую магистратуру спартанского государства, сосредоточившую в своих руках руководство почти всеми основными отраслями как внутренней, так и внешней политики. Эфоры, по-видимому, сохранили свои прежние жреческие прерогативы, но теперь они были сильно расширены, во многом переосмыслены и дополнены новыми чисто административными полномочиями.

Такова наиболее, на мой взгляд, вероятная схема эволюции эфората. Конечно, в ней много пробелов, которые пока что нам нечем заполнить ввиду крайней немногословности источников. Некоторые вопросы, связанные с этой проблемой, остаются пока без ответа. Мы не знаем, например, чем была вызвана сама концентрация почти всей высшей административной власти в руках одной-единственной коллегии должностных лиц, тогда как чаще наблюдается обратная картина — ее разпыление между многими магистратурами.

Вопрос о том, кто был автором или по крайней мере вдохновителем этих реформ, вряд ли удастся решить когда-либо. Может быть, им был единственный спартанский философ, мудрый Хилон (один из семи знаменитых мудрецов — *ил. 8*). Хилон — личность, пожалуй, не менее легендарная, чем Ликург. Сведений о его жизни сохранилось гораздо меньше, и все они носят анекдотический характер (например, рассказ Геродота о том, как Хилон пытался предостеречь Гиппократата — отца Пизистрата). Однако гипотеза о том, что именно Хилон был подлинным создателем спартанского космоса, довольно популярна сейчас в науке. Объясняется это

двумя обстоятельствами. Во-первых, хронологически Хилон стоит ближе всех других известных нам спартанских государственных деятелей раннего периода к реформам сер. VI в. до н. э. В сохранившемся отрывке из «Хроники Аполлодора» сказано, что Хилон был эфором в 556 г. до н. э. Списки спартанских эфоров, вероятно, были известны Аполлодору, и, таким образом, сама фигура Хилона становится для нас более реальной. Очевидно, это не просто литературный персонаж, каких немало ходит по страницам истории Греции архаической эпохи. Но Хилон был не просто эфором. Другая фраза другого позднего автора придает этой личности еще большую весомость. Диоген Лаэртский (I, 68) утверждает, что Хилон «первым впряг царей и эфоров в одну упряжку». Это мож-

Ил. 8. Хилон. Ватикан

но понять в том смысле, что эфоры были поставлены рядом с царями во главе государства и получили то право контроля над ними, которым они пользовались в более позднее время. Многие современные историки думают, что усиление эфората непосредственно связано с реформами середины VI в. до н. э. и хронологически падает на то же самое время. Эфоры всегда противостояли царям и герусии как демократическая по своему характеру магистратура (их выбирали из числа всех граждан, геронтов, по-видимому, только из знати). Кроме того, именно эфоры были главными блюстителями спартанского космоса, следили, чтобы все граждане, включая и самых знатных, неукоснительно соблюдали все его предписания. Отсюда и заключают, что Хилон был лидером партии реформ, перестроившей всю жизнь спартанского государства в сер. VI в. до н. э. в духе плебейской (антиаристократической) уравнительности. Эта гипотеза кажется довольно правдоподобной. Если Хилон был великим реформатором, направившим Спарту по совершенно новому пути, то кто такой Ликург?

Историческое существование Ликурга как государственного деятеля и законодателя, даже если отнести время его жизни к самому началу спартанской истории задолго до завоевания Мессении и реформ VI в.

(конец IX в.), вызывает сильные и обоснованные сомнения. Так называемая биография Ликурга у Плутарха, Эфора и других писателей была подвергнута внимательному анализу учеными XIX в., начиная уже с К. О. Мюллера. Особенно большой вклад в исследование легенды внесли Виламовиц-Мёллендорф и Эд. Мейер. Они показали, что все основные элементы «романа о Ликурге» в том виде, в котором мы находим его у Плутарха, — позднего и явно искусственного происхождения, что во всем повествовании нет ни одной конкретной детали, которую нельзя было бы объяснить, не прибегая к тому, что нам известно о ранней истории Спарты, что, иначе говоря, все это не более чем литературная фикция, не имеющая никакого отношения к истории (ближайшей параллелью здесь могут быть античные биографии Гомера).

Как и в гомеровском вопросе, в вопросе о Ликурге мы сталкиваемся одновременно с массой разноречивых (и противоречивых) версий. Об этом с некоторой растерянностью говорит Плутарх, приступая к рассказу о спартанском законодателе (гл. I).

Если сравнить рассказ Плутарха с сообщениями более ранних источников, мы сможем наблюдать любопытный феномен: сам образ законодателя постепенно бледнеет, наиболее яркие и характерные эпизоды, о которых повествует Плутарх (вроде истории с Алкандром (гл. XI), эпизоды государственного переворота в V гл.), либо вообще исчезают, либо только вскользь и очень невнятно упоминаются. Легенда явно усыхает, теряет в весе. Сильно сокращенный вариант того же предания, которое было взято за основу Плутархом, мы находим у Эфора (в пересказе Страбона — Strab. X, 4, 18 sq., С 482), но некоторые основные моменты повторяются и здесь. Как и Плутарх, Эфор считает Ликурга братом Полидекта и опекуном его сына. И здесь вскоре после смерти Полидекта и рождения Харилая он уезжает на Крит, чтобы избежать подозрений в узурпации царской власти. Эфор сообщает также о поездках Ликурга в Египет и на Хиос, где он встречается будто бы с Гомером. Затем следует возвращение в Спарту и законодательство. В своей трактовке происхождения Ликургова законодательства Эфор пытается примирить две версии: дельфийскую и критскую (Плутарх отдает предпочтение первой). Ликург, по его словам, сначала побывал в Дельфах и там получил ответ божества в отношении государственного устройства Спарты. Оказалось, однако, что рекомендации Аполлона очень напоминают законы Миноса, с которыми Ликург познакомился в бытность свою на Крите (иначе, по мнению Эфора, и быть не могло. Минос получил свои законы от Зевса, а Аполлон — сын Зевса). Как и у Плутарха, Ликург в рассказе Эфора принимает добровольную смерть от голода, после смерти он был обожествлен, и в честь него был воздвигнут храм.

Некоторые эпизоды в биографии Ликурга, о которых упоминают оба автора, Эфор и Плутарх, можно сразу же отбросить как незаслуживающие никакого доверия. Это прежде всего путешествия законодателя. Их чисто литературное происхождение не вызывает сомнений. Рассуждения о сходстве спартанской и критской конституций было в древности *locus communis*. Отсюда поездка Ликурга на Крит. Также могло возникнуть и его путешествие в Египет (сходство спартанских и египетских обычаев отмечал уже Геродот). Встреча с Гомером на Хиосе обязана своим происхождением пристрастию, которым страдали многие историки в древности, сводить вместе разных знаменитых людей (Гомер и Гесиод, Солон и Крез и т. д.). Некоторые элементы предания можно отнести к числу «бродячих сюжетов», например присяга, которую граждане принесли Ликургу, после чего он покинул отечество (ср. Солон).

Из греческих историков, писавших до Эфора, о Ликурге упоминают только двое: Ксенофонт и еще раньше Геродот. Рассказ Ксенофонта в «Лакедемонской политике» — очень сдержан и сух. Прежде чем приступить к законодательству, Ликург обо всем договорился с влиятельнейшими в государстве лицами (*κρατίστοι*) [у Плутарха это беглое замечание вырастает в целую картину заговора с целью государственного переворота]. Ксенофонт упоминает также о поездке Ликурга в Дельфы, хотя произошло это, по его словам, уже после того как законы были приняты. Ликург лишь спросил, будут ли они полезны Спарте, на что Аполлон ответил утвердительно (Хен. Resp. Lac. VIII, 5). В отличие от Эфора и Плутарха, которые считают, что Ликург был шестым в списке династии Еврипонтидов после ее основателя Прокла, Ксенофонт относит его к какому-то гораздо более раннему времени: он был современником Гераклидов, т. е., по всей вероятности, Прокла и Еврисфена.

Древнейшее свидетельство о Ликурге мы находим у Геродота (I, 65). Бросаются в глаза некоторые существенные отличия от версии Эфора — Плутарха. Во-первых, у Геродота Ликург — дядя не Харилая, а Лабота, царя из другой династии, Агиадов, который к тому же двумя поколениями старше Харилая (Ликург при таком счете родства оказывается сыном Агиса, основателя династии). Во-вторых, о самом законодательстве Геродот говорит совсем по-другому. Законы Ликурга, по его словам, касались прежде всего политического строя Спарты (учреждение герусии и эфората) и военного дела (организация эномотий, триакад и сисситий). Ликург в изображении Геродота имеет очень мало общего с тем образом, который мы находим у Плутарха. Он — сухой прагматик, хороший организатор, в нем нет ничего идеального, философического, никакой склонности к педагогике, которая так явно выражена в той личности, которую рисует Плутарх. Между тем версия Геродота — самая

ранняя по времени и, очевидно, ближе всех других к официальной версии легенды, принятой в самой Спарте. Это видно хотя бы из того, что Геродот прямо указывает на то, что спартанцы в его время отвергали широко, очевидно, распространенные в Греции слухи о том, что законы Ликурга были инспирированы Дельфийским оракулом. В самой Спарте их считали заимствованными с Крита (заметим, что Ксенофонт высказывается на этот счет весьма осторожно: не указывая прямо, откуда Ликург получил свои законы, он упоминает лишь о том, что они были санкционированы Аполлоном).

Таким образом, в нашем распоряжении имеются два основных варианта предания: более ранний — Геродота и более поздний вариант Эфора — Плутарха. Между ними — очень большие расхождения хронологического, сюжетного и идеологического характера. Вариант Геродота гораздо бледнее, суше варианта Эфора и Плутарха. Между тем, зная словоохотливость великого историка, трудно себе представить, что он утаил от нас какие-то подробности, которые потом стали известны более поздним авторам. Очевидно, в это время предание еще не получило надлежащей литературной обработки и существовало еще в полуэмбриональном состоянии. О том, что во времена Геродота легенда о Ликурге делала еще только первые свои шаги, мы можем судить еще и потому, что некоторые писатели той же эпохи вообще ее не знают. Так, Гелланик Лесбосский, известный логограф, живший в сер. V в. до н. э., т. е. современник Геродота, считал, что спартанские законы были созданы двумя первыми царями — Еврисфеном и Проклом. Во всей же греческой литературе VII—VI вв. до н. э. мы не найдем ни одного упоминания о Ликурге. Особенно характерно молчание такого поэта, как Тиртей, на осведомленность которого в истории спартанского законодательства, очевидно, можно было бы рассчитывать. С наибольшей долей вероятности зарождение предания о Ликурге, которое сразу же стало основным ядром всей спартанской легенды, можно отнести к началу V или к концу VI в. до н. э., хотя точно определить датировку этого события, как было уже сказано, вряд ли возможно, равно как и установить имена авторов предания (были они связаны с неизвестными преобразователями общественного строя Спарты в сер. VI в. или нет — не ясно).

В том варианте предания, которое сохранил Геродот и которое, очевидно, ближе всех других к подлиннику, личная биография Ликурга сведена к минимуму. Лишь три момента имеют прямое отношение к личности законодателя: 1) визит в Дельфы (сообщение не заслуживает, конечно, ни малейшего доверия, как и все почти дельфийские эпизоды у Геродота), 2) Ликург действует как опекун своего племянника (поскольку сам он не был царем), 3) после смерти ему воздвигли в Спарте

храм. Все три момента повторяются и в более поздних вариантах предания. Лишь два последних имеют какую-то видимость исторического правдоподобия, хотя то обстоятельство, что во всех источниках Ликург действует как опекун (в одном случае Лабота, в другом Харилая), можно объяснить весьма просто (это объяснение было предложено Эд. Мейером): в то время, когда возникло предание, списки спартанских царей уже были известны и отредактированы. Поэтому вставить в них Ликурга, как еще одного царя, было нельзя. Тогда авторы легенды сделали его братом одного царя и дядей следующего, т. к. желательно, чтобы законодатель был царского рода.

То обстоятельство, что Ликург сначала (в версии Геродота) был Агиадом и сыном основателя династии, а затем вдруг (у Эфора) превратился в Еврипontiда и стал правнуком первого царя из этой династии, Эд. Мейер объясняет следующим образом. Создатели легенды, стремясь отнести законодательство возможно далее в глубь веков, сделали Ликурга сыном Агиса. Как известно, в Спарте все время шла борьба между двумя царскими родами. В этой борьбе имя великого законодателя использовалось как своего рода лозунг (например, Павсаний Агиад, изгнанный Еврипontiдами). Поэтому Еврипontiды постарались перетянуть Ликурга на свою сторону, и в конце концов им удалось это сделать. Ликург был включен в списки этой династии как сын Евнома, внука Еврипонта («Евномос» — «Благозаконный» — весьма подходящее имя для отца законодателя, хотя не исключено, что сам Евном был придуман вместе со своим отпрыском).

Единственный, вероятно, не подлежащий сомнению факт из всех, так иначе связанных с именем Ликурга, — это существование в Спарте святилища, в котором ему воздавались божеские почести. Сам этот факт кое-что дает для объяснения происхождения легенды. Можно предположить, что первоначально Ликург был просто богом, а затем уже стал человеком, хотя и героем, законодателем. Такого рода превращения, видимо, происходили достаточно часто в древнейший период истории Греции, хотя вряд ли можно строить на этом какую-либо теорию о том, что все герои первоначально были богами.

Каким именно богом был Ликург? На этот счет высказывались различные мнения. О. Мюллер видел в нем одно из воплощений Аполлона — главного бога дорийцев. Виламовиц-Мёллендорф и Эд. Мейер склонны были отождествлять Ликурга с Зевсом Ликейским («волчьим»), которому поклонялись в соседней Аркадии. Сами по себе эти объяснения, может быть, и убедительны, но они не объясняют одного: почему именно Ликурга, а не какое-нибудь другое божество спартанцы сделали своим законодателем. Смелая попытка ответить на этот вопрос была

предпринята французским исследователем Жанмэром. Первоначальное значение имени «Ликург» — «человек-волк, людоед, пожирающий детей.» Как тотемное зооморфное божество, Ликург принимал активное участие во всякого рода посвятительных обрядах (инициациях), через которые должна была проходить спартанская молодежь по достижении ею определенного возраста (Жанмэр предполагает, что во время этих обрядов носили чудовищную маску Ликурга, которая «пожирала» мальчиков-подростков, чтобы они могли начать новую жизнь в качестве взрослых юношей или мужчин). В этом свете находят свое объяснение некоторые детали в биографии Ликурга, встречающиеся, правда, только у Плутарха, но, может быть, восходящие к каким-то более ранним источникам. Например, эпизод ослепления Ликурга (гл. XI) (ср. фракийский Ликург, Полифем и пр.). Как божество — покровитель посвятительных обрядов спартанского юношества, Ликург мог со временем превратиться в законодателя — создателя единственной в своем роде системы воспитания (ἄγωγή), что считалось одной из важнейших его заслуг (все другие законы могли быть присоединены к ней в виде приложения). Гипотеза, конечно, достаточно спорная и фантастичная, но зерно истины в ней, как мне кажется, есть.

Тайгет

Спартанская долина и город Спарта. Вид с холма Менелайона

Золотые кубки из Вафио. Сцены охоты с сетью на диких быков.
1500 г. до н. э. Афины. Национальный музей

Женская голова из святилища
Аполлона в Амиклах.
Глина. 700 г. до н. э. Афины.
Национальный музей

Гребень с изображением Пегаса
из святилища Артемиды
Орфии. Кость. 650–625 г. до н. э. Афины.
Национальный музей

Атлет из Василик.
Тайгет. Бронза.
Около 520 г. до н. э.
Спарта. Археологический музей

Гидрия мастера Охоты из Ялиса.
555–550 г. до н. э. Родос.
Археологический музей

Лакайна из святилища Артемиды
Орфии. 540–530 г. до н. э. Спарта.
Археологический музей

Чернофигурный килик в стиле мастера Навкратиса. 520–510 г. до н. э.
Афины. Национальный музей

Посвятительная стела с акрополя Спарты
с изображением супружеской пары, восседающей на троне.
Так называемый героический рельеф (Hero relief). Серый лаконский мрамор.
550–525 г. до н. э. Спарта. Археологический музей

Бронзовый панцирь
микенского воина со шлемом
из клыков вепря из Дендры.
XV в. до н. э. Навплион.
Музей

Двустворчатый бронзовый
панцирь и шлем
из позднегеометрического
захоронения в Аргосе.
VIII в. до н. э. Аргос. Музей

Ваза Киджи. Столкновение двух фаланг.
Фрагмент росписи. Протокоринфская полихромная ольпа.
Рим. Вилла Джулия

Спартанский военачальник.
Бронзовая статуэтка.
Конец VI в. до н. э.

Спартанский гоплит из святилища
Аполлона в Коритосе,
Мессения. Бронза. 540—520 г. до н. э.
Афины. Национальный музей

Глава 4

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА СПАРТЫ

1. АГЕЛЫ И СИССИТИИ

Основным структурным элементом гражданской общины Спарты были особого рода гражданские корпорации, объединявшие всех взрослых спартиатов в возрасте от 20 лет и старше. В источниках они именуются обычно «сисситиями» или «фидитиями» (φειδίτια, очевидно, было официальным наименованием этих союзов в самой Спарте, хотя наряду с этим встречаются еще и другие термины: φιλίτια, συσκήνια, наконец, ἄνδρια или ἄνδρεῖα). Судя по первому из этих названий (сисситии), это были товарищества сотрапезников, проводивших время за общим столом.

Древние историки и теоретики государства не могли не обратить внимание на эту любопытную особенность политического устройства Спарты, отличающую ее от большинства других греческих государств. Так, Аристотель в одной из глав II книги «Политики» писал (он polemизирует здесь с мнением Платона о возможности достижения абсолютного единства в государстве): «Ведь невозможно будет, — говорит он, — устроить государство, не разделяя его либо на сисситии, либо на фратрии и филы». Как мы видим, реальное известное нам из истории многообразие структурных форм и типов греческого полиса здесь сведено к весьма жесткой двучленной формуле: полис, разделенный на сисситии, противопоставлен полису, разделенному на фратрии и филы. Причем сам Аристотель отдает явное предпочтение первому из этих типов — полису, разделенному на сисситии. Свой выбор он мотивирует тем, что общие трапезы служат эффективным средством воспитания гражданской массы, внедрения в ее сознание «добрых нравов, законов и (даже) философии» и вместе с тем «способствуют установлению общности имущества» (Arist. Pol. II, 1263 b 375 sqq.). Аристотель прямо называет те реальные

греческие государства, которым удалось приблизиться к осуществлению этого идеала. Это, во-первых, Спарта и, во-вторых, города Крита.

В другом месте той же II книги «Политики» (Arist. Pol. II, 1271a, 26 sqq.) Аристотель указывает, что от принадлежности к одной из сисситий непосредственно зависел социальный статус каждого спартиата, так же, как и его гражданские права. Здесь сказано, что малоимущие спартиаты, которые по бедности не могли делать регулярные взносы в свои сисситии, на этом основании лишались гражданских прав, «ибо у них издревле установлен такой предел гражданства» (ὅρος δὲ τῆς πολιτείας οὗτός ἐστιν αὐτοῖς ὁ πάτριος).

Очевидно, подобным же образом были организованы и гражданские общины городов Крита. И здесь основным критерием гражданских прав считалась принадлежность к одному из официально узаконенных товариществ сотрапезников, которые здесь именовались «гетериями» (ἑταιρεῖα, сами же обеды гетерий, а также помещения, где они обычно устраивались, назывались «андриями»). Лица, не имевшие доступа в эти союзы и в силу этого не считавшиеся гражданами, именовались соответственно «апетерами» (ἀπεταῖροι — этим термином в «Гортинских законах» обозначается особая группа неполноправного населения, стоящая ниже граждан, но выше рабов, может быть, нечто вроде спартанских периеков).

Резервуаром, за счет которого как в Спарте, так и на Крите пополнялись союзы полноправных граждан, были так называемые агелы, т. е. организованные по возрастному принципу группы юношей и подростков, еще не достигших гражданского совершеннолетия. В рамках этих объединений подрастающее поколение дорийских полисов проходило курс воспитания (ἄγωγή), что считалось неременным условием получения гражданских прав и дальнейшей кооптации молодого человека в состав одной из сисситий или гетерий. По существу агелы представляли собой как бы начальную подготовительную ступень в общегосударственной системе корпораций. Их основное назначение заключалось в подготовке полноценного человеческого материала для пополнения состава сисситий.

О спартанском воспитании слышали все. Нет ни одного курса истории педагогики, где бы оно ни упоминалось. И в античную эпоху, и в Новое время у этой педагогической системы было немало как восторженных ценителей и поклонников, так и яростных хулителей и противников. Одни видели в ней идеальное средство внедрения гражданских доблестей в сознание подрастающего поколения, направленное к полному растворению человеческой личности в высших интересах государственной общности. Другие обвиняли создателей системы ἄγωγή в надругательстве над человеческой природой, в целенаправленном искоренении в душах

молодежи всех лучших человеческих качеств и превращении молодых людей в послушных роботов, готовых служить тоталитарному государству. Вообще скомпрометировать спартанское воспитание не так уж трудно. Достаточно только упомянуть, что в числе особенно восторженных почитателей был не кто иной, как Гитлер. В своих сочинениях он с большим одобрением отзывался о спартанской педагогике и в частности об обычае умерщвления неполноценных детей как краеугольном камне всей этой наводящей ужас системы (ил. 9).

В мои намерения сейчас не входит выбор той или иной этической позиции в оценке αἰωυή (полагаю, что Вы и сами можете прекрасно справиться с этой задачей). Главное для нас — это реконструкция самой системы спартанского воспитания хотя бы в том ее состоянии, в котором она стала предметом изучения греческой исторической науки в IV—III вв. до н. э. Но здесь-то и начинаются самые большие трудности. Вроде бы подробно и со знанием дела описанная такими авторами, как Ксенофонт (в «Лакедемонской политике») и Плутарх (в биографии Ликурга), эта система тем не менее остается для нас загадочной и неясной во многих своих весьма существенных деталях. Объясняется это довольно просто: ни тот ни другой автор не были заинтересованы в точном научном описании всего комплекса обычаев, входящих в круг αἰωυή. Оба они стремились лишь к тому, чтобы передать общий дух спартанского воспитания, его основные принципы с тем, чтобы представить его читателям в максимально выгодном и привлекательном освещении. При этом Ксенофонт, по-видимому, сознательно темнил и старался нарочно запутать читателя, а Плутарх скорее всего сам добросовестно заблуждался, пытаясь разобраться в огромном и местами плохо понятном материале, почерпнутом из сочинений других историков.

По этой причине довольно трудно установить даже точное значение основных терминов, используемых нашими источниками при характеристике системы αἰωυή. Неясным остается, например, значение термина «агела». Ксенофонт это слово вообще не употребляет. Вместо него он пользуется термином «ила», который у других греческих авторов обычно обозначает отряд конницы. Плутарху известны оба этих термина, и в одном случае он использует их одновременно, давая понять, что это — не синонимы: в одном месте XVI главы биографии Ликурга сказано, что мальчики, достигшие 12 лет, спали вместе «по илам и агелам». Что было больше: ила или агела, Плутарх не поясняет. Следовательно, мы вправе считать илу подразделением агелы или же, наоборот, агелу подразделением илы. Разобраться в этом запутанном вопросе помогают надписи. До нас дошла довольно большая группа посвячительных надписей, поставленных спартанскими юношами-эфебами в святилище

*Ил. 9. Ликург представляет новорожденного в лесхе.
Гравюра К. Мюллера 1844 г.*

Артемиды Орфии в память о победах, одержанных ими в различного рода состязаниях (*ил. 10*).

Надписи эти, правда, довольно поздние. В большинстве своем они относятся уже к римскому времени. Однако есть основание думать, что в это время система $\alpha\upsilon\omega\upsilon\eta$ еще сохранялась в Спарте как пережиточное, но все же достаточно важное общепolisное учреждение, от которого во многом зависел престиж отдельных граждан. Так вот, в надписях из храма Орфии довольно часто встречается слово « $\beta\omicron\upsilon\alpha\gamma\acute{o}\varsigma$ », что означает буквально «предводитель», или, может быть, «погонщик стада быков» (ср. « $\beta\omicron\upsilon\iota\chi\omicron\lambda\omicron\varsigma$ » — «бычий пастух»). Термин « $\beta\omicron\upsilon\alpha\gamma\acute{o}\varsigma$ » обычно появля-

Ил. 10. Святилище Артемиды Орфии

ется в сочетании с условным обозначением того или иного возрастного класса в форме Gen. Plur.: *βουαγός μικήχισομένων*, *βουαγός προπαίδων* и т. д. Мальчики или юноши, составлявшие возрастную группу, обозначенную одним из этих терминов, стало быть, и были тем стадом быков, которым предводительствовал буаг. Реконструировать спартанскую систему возрастных классов и определить точное значение условных терминов, обозначающих эти классы в надписях и других источниках, (обычно их не удается даже просто перевести с греческого) — дело довольно трудное. По этому вопросу в науке пока нет единого мнения. В свое время я предпринял попытку такой реконструкции и вот что у меня получилось (не буду говорить, как это получилось, т. к. это заняло бы слишком много времени). Подростки и юноши, проходившие, как мы бы теперь сказали, начальную воинскую подготовку и считавшиеся эфебами, составляли два возрастных класса продолжительностью по три года каждый. Первый класс, включавший подростков от 14 до 16 лет, назывался *μική(χί)ζόμενοι*, что можно перевести как «малыши» (ироническое прозвище еще неоперившихся юнцов). Второй класс, включавший юношей от 17 до 19 лет, назывался *παῖδες*, т. е. «мальчики», «ребята». Кроме этих двух существовал еще и третий класс, объединявший молодых людей, уже достигших гражданского совершеннолетия и зачисленных в ополчение. Они именовались «иренами» (значение слова

остается неясным). Внутри каждый из этих классов делился на три годовые ступени, тоже имевшие свои особые названия.

Отталкиваясь от этой схемы, можно предположить, что каждая агела объединяла в своем составе мальчиков или юношей трех возрастных групп, которые назывались βουά — «стадо быков», а их предводитель соответственно βουαγός. Этого предводителя мальчики сами выбирали из своей среды. На это намекает Плутарх в «Биографии Ликурга», хотя он явно смешивает здесь агелу с одним из ее подразделений: «Во главе агелы он (т. е. Ликург) ставил того, кто превосходил прочих сообразительностью и был храбрее всех в драках. Остальные равнялись на него, исполняли его приказы и молча терпели наказания...» (Plut. Lyc. XVI). Далее Плутарх вступает в противоречие с самим собой, утверждая, что во главе агелы «сами подростки ставили одного из так называемых иренов — всегда наиболее рассудительного и храброго» (Plut. Lyc. XVII). Тут же дается пояснение к этому термину, видимо, непонятному для читателей Плутарха: «Иренами зовут тех, кто уже второй год, как вышел из класса мальчиков». И далее об обязанностях ирена: «Ирен, достигший двадцати лет, командует своими подчиненными в драках и распоряжается ими, когда приходит пора позаботиться об обеде. Большим он дает наказ принести дров, малышам — овощей». Плутарх, несомненно, заблуждается, полагая, что подростки, воспитывавшиеся в агелах, могли сами выбирать себе воспитателей и одновременно надсмотрщиков, а к этому ведь и сводились функции ирена. Это было бы таким же абсурдом, как если бы дети в наших школах сами выбирали себе воспитателей и пионервожатых. На самом деле выборными были лишь буаги — предводители низших звеньев агелы, объединявших мальчиков одного года рождения. Под властью ирена находилась, как это видно из слов самого Плутарха, какая-то более крупная группа, включавшая в свой состав несколько возрастных ступеней. Сообразно со значимостью возлагаемой на него задачи ирена не выбирали, а назначали, хотя, кто это делал, остается неясным.

Высшим должностным лицом, осуществлявшим надзор за молодежью, воспитывавшейся в агелах, считался так называемый педоном. Эту должность упоминают и Ксенофонт, и Плутарх, причем оба говорят о педономе в единственном числе, хотя их могло быть несколько, может быть, целая коллегия, наподобие так называемых софронистов в Афинах. В этом случае они могли делить между собой обязанности таким образом, что каждый надзирал за какой-нибудь одной группой молодежи, объединявшей каждая по несколько агел. Возможно, это и были так называемые илы, о которых упоминают оба наших источника, хотя с полной уверенностью утверждать это нельзя. Кажется вероятным, хотя опять-таки это всего лишь догадка, т. к. прямо об этом никто не говорит, что

каждая спартанская оба (один из пяти территориальных округов) имела свою собственную школу или, скорее, лагерь, за которым и надзирал один из педономов.

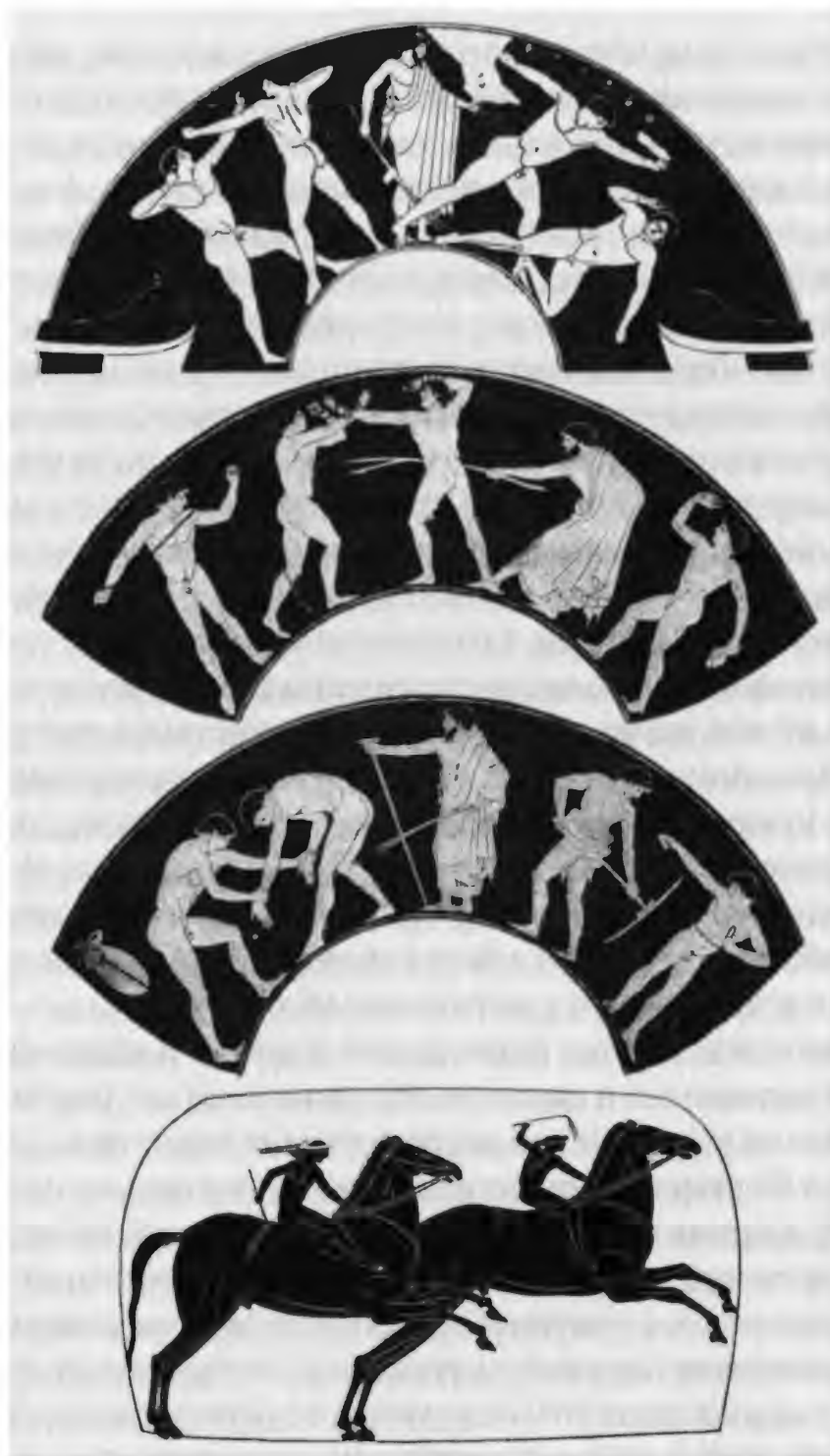
По словам Ксенофонта (Xen. Resp. Lac. II, 2), педонома назначали или выбирали из числа тех граждан, которым доступны высшие должности в государстве. В помощь педоному был дан отряд биченосцев, отобранных из числа юношей, скорее всего все тех же иренов, которые должны были наказывать провинившихся и нерадивых. Кроме того, за мальчиками присматривали еще и какие-то другие лица из числа взрослых граждан. Плутарх говорит, что это были старики, которые наблюдали за играми и состязаниями детей и подростков и даже нарочно ссорили их между собой, чтобы таким образом выяснить природные задатки каждого маленького спартанца: кто из них драчлив и отважен, а кто, наоборот, трус и неженка. По Ксенофону же получается, что вообще «любой присутствующий гражданин имел право приказывать мальчикам все, что найдет нужным, и наказывать их, если они в чем-нибудь провинятся». Далее выясняется, что особенно активное участие в воспитании принимали родственники мальчиков, т. е., вероятно, их отцы, дядья и старшие братья. Можно представить дело таким образом, что при каждой агеле или, может быть, иле существовало какое-то подобие родительского комитета, который контролировал действия педонома и иренов, составляющих, так сказать, педагогический коллектив отдельной илы. На Крите, по свидетельству Эфора, отдельные агелы собирали самые сильные и самые знатные из мальчиков, но фактическое руководство каждой агелой осуществлял отец такого предводителя, который водил детей на охоту, устраивал между ними состязания в беге и наказывал непослушных. Вполне возможно, что нечто подобное этой системе существовало и в Спарте: отдельные возрастные группы в составе агел (так называемые βουά), вероятно, находились под контролем родителей мальчиков, считавшихся их формальными лидерами-буагами. Наконец, за поведение мальчиков отвечали не только их родители, но и их возлюбленные. Плутарх рассказывает о том, как один мальчик, борющийся с товарищем, испугался и вскрикнул. Власти за этот недостойный, по их мнению, поступок оштрафовали его возлюбленного.

Таким образом, вся система воспитания находилась в Спарте под очень строгим, по-видимому, двойным или даже тройным контролем, в котором принимали участие, с одной стороны, должностные лица, официально назначаемые государством, с другой же — всякого рода «добровольцы» из числа граждан. Это, несомненно, говорит об огромной заинтересованности всей гражданской общины в деле воспитания подрастающего поколения.

Любопытно, что во всей довольно обширной античной литературе о спартанском воспитании нет никаких упоминаний об учителях — преподавателях каких-либо специальных предметов. Вполне возможно, что их просто не было и все преподавание велось, так сказать, в порядке самодеятельности теми же лицами, которые отвечали за воспитание детей в агелах. Суть образовательной программы, которой придерживались воспитатели спартанской молодежи, кратко формулирует Плутарх: «Грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись, в остальном же все их воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником» (Plut. Лус. XVI). Отсюда можно заключить, что то, что мы называем «гуманитарным образованием», было сведено в спартанской школе к самому жалкому минимуму — обучению начаткам чтения и письма, но не для того, чтобы научить детей читать или тем более писать книги (довольно трудно представить настоящего спартанца за таким занятием), а для того, вероятно, чтобы они были способны вести деловую переписку и постигать распоряжения начальства, если они поступали к ним в письменном виде, например так называемые скиталы (свитки, рассылаемые эфорами). Правда, Плутарх упоминает еще о своеобразных уроках «политграмоты», которые устраивались в агелах в послеобеденное время в качестве своеобразной передышки между постоянными физическими упражнениями (Plut. Лус. XVIII). Он сообщает также, что мальчиков учили музыке и пению (вероятно, также и танцам), но не поясняет, кто и как этим занимался. Главный упор в программе спартанского воспитания делался, вне всякого сомнения, на физическую подготовку мальчиков и юношей (*ил. 11*). Судя по всему, наставники буквально изнуряли их тяжелыми физическими упражнениями. Недаром Ксенофонт говорит, что Ликург заставил спартанских подростков и юношей тяжело трудиться, стремясь таким образом подавить свойственные этому возрасту дурные наклонности: самомнение, наглость, стремление к удовольствиям. «Поэтому Ликург, — сказано в «Лакедемонской политике» (Xen. Resp. Lac. III, 2 sq.), — возложил на юношей больше всего работ и обременил их многочисленными занятиями. Каждого, кто станет уклоняться от этих трудов, он в качестве наказания лишил права добиваться каких-либо почетных должностей». К сожалению, Ксенофонт нигде не поясняет, что это были за труды и в чем они заключались. Ясно только, что имеется в виду нечто весьма далекое от зубрежки склонений и спряжений, устного счета и диктантов, т. е. всей той премудрости, которой мучили школяров во все века и у всех народов. По всей видимости, почти все свое время мальчики и подростки, воспитывавшиеся в агелах, проводили на открытом воздухе, в полях,

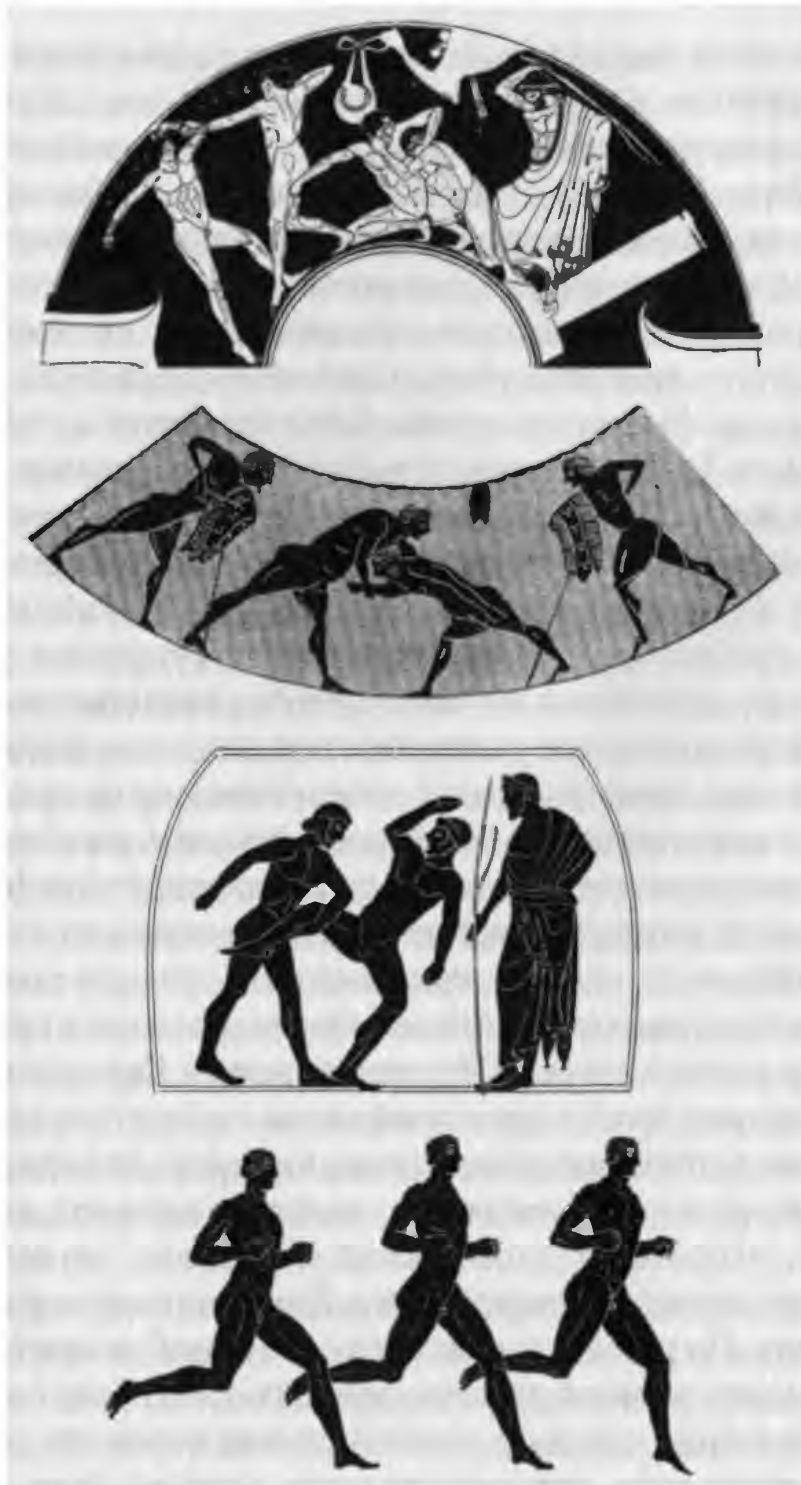
за городом. Здесь они могли и просто играть в мяч или во что-нибудь другое, могли устраивать состязания в силе и ловкости: бороться, бегать, прыгать и плавать, могли охотиться на какую-нибудь мелкую дичь вроде куропаток, зайцев или лис (напомню известный анекдот о юном спартанце, которому пойманный им лисенок прогрыз живот). Трудно сказать, насколько все это было упорядочено, подчинено какой-то системе или заранее заданной программе. Скорее всего, каждый педагог, руководивший воспитанием той или иной группы мальчиков, руководствовался своим собственным наитием и традицией, которая была им усвоена еще в детстве от его собственных воспитателей. И Ксенофонт, и Плутарх отмечают, что с возрастом нагрузка, возложенная на плечи мальчиков и подростков, все более увеличивалась. По Ксенофону, она особенно резко возрастала, когда мальчики становились отроками (*μεῖραῖοι*), т. е. начиналось их половое созревание. Плутарх связывает этот переход на более высокую ступень в системе воспитания с наступлением двенадцатилетнего возраста. Вероятно, с этого времени и особенно с переходом в категорию эфебов (в 14 лет) в обучение подростков вводились элементы военной подготовки: обучение приемам владения оружием и строевые экзерциции, хотя в источниках ничего об этом не говорится. Одновременно на эфебов могли возлагаться и какие-нибудь поручения властей, может быть, полицейского характера вроде тех, которые на более высоком уровне выполнялись так называемыми всадниками и участниками криптий.

Спартанское воспитание было самой дешевой в истории человечества формой начального и среднего образования. Государство ни обола не тратило ни на учителей, ни на содержание учащихся. Если верить Ксенофону и Плутарху, мальчики в агелах находились на полном самообеспечении. Ходили они всегда (видимо, даже зимой) босиком. Всю их одежду составлял один-единственный гиматий, служивший и плащом, и одеялом во время сна, причем обновлять его не разрешалось чаще, чем раз в год. Постелями служили метелки тростника, которые мальчики должны были сами ломать голыми руками на берегу Еврота. Что касается пищи, то оба наших основных источника сходятся в том, что мальчики получали ее очень мало, живя впроголодь, причем основную ее часть добывали сами во время воровских набегов на сады и огороды и даже на кухни сисситий, в которых кормились взрослые спартиаты. Вероятно, что-то они получали и, так сказать, на законном основании. Ксенофонт упоминает о посещениях мальчиками сисситий, причем из контекста ясно, что они это делали открыто и не с целью воровства. Возможно, они приходили туда, чтобы получить свою толику за общим столом. На Крите, по свидетельству местного историка Досиада, дети, участвовавшие в общих трапезах граждан (они присутствовали на них, сидя на коленях

Ил. 11. Виды атлетического многоборья

своих отцов), получали половину порции, причитавшейся взрослому мужчине. Но даже если допустить, что точно такие же порядки существовали и в Спарте, совершенно ясно, что уже 12–14-летнему подростку, постоянно пребывавшему в движении на свежем воздухе, столь скудного рациона не могло бы хватить ни при каких условиях. Оставалось только воровать. Наши источники в один голос утверждают, что государственные власти в Спарте не только сквозь пальцы смотрели на процве-

на черно- и краснофигурных греческих вазах

тавшее в агелах воровство, но, более того, всячески его поощряли и культивировали. Пытаясь объяснить своим читателям эту странную особенность спартанского воспитания, не укладывающуюся в обычные представления о морали, Ксенофонт писал в «Лакедемонской политике»: «Я думаю, никто не сомневается в том, что Ликург разрешил воровать пищу не по причине недостатка продовольствия; ведь ясно, что готовящемуся к краже приходится ночью бодрствовать, а днем обманывать и подстергать. Тот, кто

намеревается что-либо украсть, должен также позаботиться о том, чтобы поставить дозорных. Отсюда ясно, что, воспитывая мальчиков таким образом, Ликург стремился сделать их более ловкими и более воинственными» (Xen. Resp. Lac. II, 7). Итак, по Ксенофону, грабительские набеги спартанских мальчиков на поля и огороды, принадлежавшие их родителям, это — всего лишь военная игра вроде «казаков-разбойников» или «зарницы», весьма полезная для воспитания хитрости, осторожности, стремительности и тому подобных качеств, необходимых будущему воину. Вероятно, такого рода объяснения можно было услышать и в самой Спарте, и за ее пределами. Тот же Ксенофонт в «Анабазисе» приводит любопытный обмен репликами между самим автором и спартанцем Хирисофом. Автор предлагает Хирисофу продемонстрировать достоинства своего воспитания (Xen. Anab. IV, 6, 14 sq. — буквально ἐπιδειξασθαι τὴν παιδείαν) и незаметно для врагов пробраться на ближайшую высоту. Спартанец, уловив скрытый в его словах иронический намек, не без ехидства замечает, что и афиняне тоже очень хорошо умеют воровать казенные деньги. Конечно, ловкость, нажитая практикуемым с малолетства воровством, могла пригодиться молодым спартиатам в их взрослой жизни, но только, конечно, не в правильном сражении, т. е. в открытом бою гоплитских фаланг, а в той войне без правил, которую спартанцы непрерывно вели со своими собственными рабами. Однако рациональные объяснения такого рода еще не исчерпывают существа проблемы. Она гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Обратимся снова к Ксенофону, который иногда выбалтывает как бы невзначай очень любопытные подробности, отсутствующие у других авторов. Внушая читателю, что спартанцы наказывают попавшихся на воровстве не за то, что они воруют, а за то, что они плохо воруют, он приводит такой пример: «Установив, что почетно украсть как можно больше сыра с алтаря Орфии, Ликург предписал их товарищам бить воруемых. Он хотел этим показать, что ценой недолгого страдания можно наслаждаться славой длительное время» (Xen. Resp. Lac. II, 9). Здесь явно имеется в виду какой-то особый случай воровства. Конечно же, юноши или подростки, воровавшие сыры с алтаря Артемиды Орфии, делали это уже не ради утоления голода, а ради чего-то другого (едва ли также только ради славы, как думает Ксенофонт), ибо сыры эти были не простые, а священные (по словам Алкмана, они были сделаны из львиного молока), и само воровство в этом случае, несомненно, было частью какого-то обряда, элементом священнодействия. Вполне возможно, что обряд этот входил в программу того же празднества в честь кровожаждающей богини, во время которого специальные экзекуторы подвергали свирепому бичеванию спартанских эфебов, о чем рассказывает Плутарх, видевший это зрелище своими глазами.

Человек, сведущий в этнографии, без труда догадается, что обычаи эти сродни так называемым посвячительным обрядам, или инициациям, во время которых подростки и юноши, достигшие определенного возраста, проходят своеобразный экзамен на право считаться полноправным членом общины и ради этого подвергаются всевозможным истязаниям: выбиванию зубов, обрезанию, подвешиванию, поджариванию и т. д. Однако инициациям обычно предшествует у первобытных народов, как это известно по этнографическим описаниям, период обрядовой изоляции юношей и подростков. Этот период может продолжаться от нескольких месяцев до нескольких лет. Готовящиеся к посвящению юноши проводят это время где-нибудь вдалеке от людей — в лесу или в горах. Они не имеют права покидать свое убежище без особой на то надобности, и к ним никто не может приближаться (этот запрет особенно распространяется на женщин и детей). Посвящаемые ведут самый аскетический образ жизни, терпят голод и холод, спят на голой земле, не моются и не стригут волос или же, наоборот, выстригают их наголо. Пищей их снабжают отчасти родственники, отчасти же они добывают ее сами. Для этого они устраивают воровские набеги на поля и окрестные деревни, хватая все что попадется под руку, причем никто не смеет оказывать им сопротивление, так как считается, что юноши воплощают в себе оживших мертвецов — дух предков (они нередко и одеваются соответствующим образом), и поэтому все, что они делают, вызывает мистический трепет у тех, кому приходится с ними сталкиваться. Обычаи такого рода в особенности распространены среди народов тропической Африки. Но пережиточные их формы можно встретить и в Европе (примером может служить хотя бы так называемое колядование в русских и украинских деревнях).

Как своеобразное ответвление от того же круга первобытной религиозной обрядности может оцениваться и вся система спартанского воспитания, а также близко родственная ей система, существовавшая в городах Крита. Отличительной особенностью спартанского инициационного цикла в том его виде, в котором он нам известен, по описаниям Ксенофонта и Плутарха, было то, что срок обрядовой изоляции мальчиков и юношей был здесь растянут на очень длительное время — практически от 7 до 20 лет. В течение всего этого времени молодые спартиаты были оторваны от своих близких и знали только своих наставников из числа взрослых граждан, прежде всего, по-видимому, так называемых иренов, которые не расставались с ними ни днем ни ночью. В течение всего этого времени мальчики и юноши вели совершенно ненормальный образ жизни, близкий к образу жизни каких-нибудь охотников-дикарей или даже животных. Они терпели всевозможные лишения, изнуряли

себя длительным постом. Замечу попутно, что лишения эти нельзя объяснить просто необходимостью физической закалки подрастающего поколения. Ведь мальчикам не разрешалось даже мыться в бане (Плутарх особо отмечает, что они ходили грязные и запущенные), а их единственный гиматий после непрерывной годовой носки должен был превратиться в отвратительное нищенское рубище. В течение всего срока воспитания в агелах мальчики и подростки подвергались всевозможным испытаниям на силу, стойкость, выносливость, хитрость, жестокость, умение повиноваться и повелевать самим и т. д. Таким образом у юных граждан постепенно вырабатывался весь набор качеств, необходимых стопроцентному спартиату. Испытания эти, по-видимому, проводились в форме состязаний между несколькими группами или командами мальчиков и подростков, и степень их тяжести все время нарастала по восходящей сообразно с возрастом испытуемых. Так, можно предполагать, что в программу таких испытаний входили уже упоминавшиеся групповые побоища спартанских эфебов на некоем острове в Платановой роще (см. с. 92), затем кража сыров с алтаря Артемиды Орфии и длительные избиения юношей в том же святилище при большом стечении народа. В спартанских надписях римского времени, запечатлевших победы мальчиков и юношей в различных видах состязаний, этот последний вид состязания именуется *χαρτερίας ἀγών*, т. е. «состязание на выдержку», или «стойкость» (Плутарх отмечает, что во время порок у алтаря Орфии некоторые юноши не выдерживали истязания и умирали прямо на глазах у зрителей — Plut. Inst. Lac. 40). Вполне вероятно, что высшей ступенью в этой эскалации испытаний — своеобразным «экзаменом на аттестат зрелости», которому должны были подвергнуться молодые люди, уже достигшие совершеннолетия и перешедшие из класса «мальчиков» в класс иренов, была криптия, о которой мы уже говорили прежде.

Таким образом, вместо одноразового испытания, обычно приуроченного к наступлению половой зрелости, как это бывает у первобытных народов, учредители спартанского воспитания разработали целую многоступенчатую систему переходных испытаний, что соответствовало тем более сложным задачам, которые возлагало на комплекс *ἀγωγή* само спартанское государство. Главной из этих задач было, безусловно, подавление индивидуалистических настроений и тенденций, особенно сильных в молодом возрасте, и абсолютное растворение личности молодого спартиата в интересах и потребностях государственного целого.

Следует указать и еще на одну любопытную особенность спартанской системы воспитания подрастающего поколения. Несмотря на внешне совершенно одинаковый образ жизни всех мальчиков, воспитывавшихся в агелах, их общественное положение было неодинаково. Соответ-

ственно неоднородным был и социальный состав агел. Об этом свидетельствуют прежде всего надписи из святилища Артемиды Орфии и некоторых других мест. Как я уже говорил, предводитель агелы или, скорее, одного из ее подразделений обозначается в надписях термином *βουαγός*. Наряду с этим термином здесь часто встречаются два других: *συνέφηβος*, что можно понять как «товарищ, или сверстник по возрастной группе юношей-эфебов», и *κάσεν* — слово, точное значение которого нам неизвестно. Каждый из этих терминов сопровождается обычно стоящим в Nominative названием того или иного возрастного класса. И синэфебы, и *κάсены* находились в определенной зависимости от буага той возрастной группы, в составе которой они проходили курс воспитания. Это видно хотя бы из того, что посвятельная надпись одного синэфеба, одержавшего победу в состязании на стойкость у алтаря Орфии, была поставлена на средства его буага, что специально оговорено в надписи. Надпись другого синэфеба на свой счет поставила мать его буага. Сохранился список коллегии номофилаков, в котором сделана приписка «буаг и синэфебы»: очевидно, в юности члены коллегии воспитывались в одной агеле. Термин «*κάсен*» встречается в надписях чаще, чем термин синэфеб (всего 60 раз против 28). Однако в дошедших до нас списках должностных лиц нет ни одного *κάсена*, тогда как синэфебы встречаются часто. Отсюда можно сделать вывод, что в первую из этих категорий (в категорию синэфебов) входили дети граждан, но, скорее всего, граждан малоимущих, которые в силу этого находились в материальной зависимости от буага и его родителей, которые, возможно, обеспечивали их содержание во время воспитания. *Кάсены* же вообще не были гражданами, происходя из каких-то категорий неполноправного населения, которые по рождению не имели права доступа в агелы и лишь в виде особой милости со стороны какого-нибудь знатного юноши или скорее его отца могли туда попасть.

В более ранних литературных источниках встречаются отрывочные и не всегда понятные намеки на то, что в агелах кроме сыновей полноправных спартиатов воспитывались еще и какие-то лица негражданского происхождения, причем число их было довольно большим. Так, Филарх, историк III в. до н. э. (FGrH 81 F 43 у Athen. VI, 271e—f), упоминает о так называемых мофаках. Он говорит, что это были *σύντροφοι τῶν Λάχεδαίμωνίων*, т. е. буквально «люди, воспитывавшиеся вместе со спартиатцами». Они были свободны и получали такое же воспитание, как и дети лакедемонян, хотя сами лакедемонянами, т. е. спартиатами, не считались. Гражданские права мофак мог получить только в исключительном случае. Филарх ссылается в качестве примера на Лисандра, который был мофаком по происхождению, но получил гражданство за проявленное им мужество. Еще одно свидетельство того же порядка,

по времени более раннее, находим в «Греческой истории» Ксенофонта (Xen. Hell. V, 2, 41 sq.; 3, 9). Рассказывая о походе царя Агесиполида на Олинф в 382 г. до н. э., историк отмечает, что в его войске кроме спартиатов и периеков были также «чужеземцы из числа так называемых τρόφιμοι — (буквально «воспитанников») и незаконнорожденные дети спартиатов, все приятной внешности и не чуждые благ государственности» (τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἄλειροι). Под «благами государственности» Ксенофонт здесь, скорее всего, подразумевает ἀγωγή, к которому, по-видимому, в равной мере были допущены и чужеземцы-τρόφιμοι, и незаконнорожденное потомство спартиатов. Именно этим объясняется их приятная внешность (по Ксенофону, как это видно из его рассуждений в «Лакедемонской политике», это был важнейший результат спартанского воспитания). Наконец, о том же в сущности говорит и Плутарх, который сообщает в биографии Агиса (Plut. Agis. VIII) о том, что царь-реформатор собирался пополнить поредевшие ряды спартиатов за счет периеков и чужеземцев, «получивших воспитание, достойное свободного человека» (очевидно, их было достаточно много, чтобы довести численность граждан от 700 человек — на этом уровне они остановились перед реформами Агиса — до 9 тыс.).

Итак, мы можем с полной уверенностью утверждать, что система гражданского воспитания в Спарте охватывала довольно значительную часть полноправного населения из числа периеков, так называемых чужеземцев (видимо, какая-то категория населения, примерно соответствующая афинским метекам), отпущенных на свободу илотов (так называемые неодамоды) и, видимо, также из потомства спартиатов, рожденного от связей с илотскими или периекскими женщинами. Все эти лица назывались то ли «мофаками», то ли «τρόφимами» или «синтрофами», то ли, наконец, κάсенами, как в римское время (точное значение каждого из этих терминов установить пока невозможно). Полученное ими воспитание, по-видимому, давало им право на особое, можно сказать, привилегированное положение среди общей массы неполноправного и зависимого населения Спарты. Они стояли несколько выше на социальной лестнице, чем, скажем, простые периеки или тем более илоты. Некоторые из них использовались на государственной службе для всякого рода поручений, иногда довольно ответственных. Примером может служить Кинадон, удостоившийся чести попасть на страницы «Греческой истории» Ксенофонта (см. с. 124) как глава опасного заговора, направленного к ниспровержению существовавшего в Спарте общественного и государственного строя. Ксенофонт дает ему весьма любопытную характеристику. Он — молод и, видимо, хорош собой (τὸ εἶδος νεανίσκος — снова «приятная внешность», которой, по мысли

историка, отличались все прошедшие курс ἀγωγῇ). Он, кроме того, отважен духом (τὴν φυχὴν εὐρωστος). Он пользуется доверием эфоров, и они используют его как своего агента для разных щекотливых дел (благодаря этому им и удалось заманить его в ловушку). Единственный его недостаток состоит в том, что он не входит в число «равных» (οὐκ μέντοι τῶν ὁμοίων), т. е. не считается гражданином (этим и объясняются его мятежные наклонности). Вероятно, из той же категории неполноправных, получивших гражданское воспитание, назначались так называемые гармосты в союзных со Спартой городах, которых Исократ называет просто «илотами», хотя таковыми они, конечно, не были.

В чем же заключался смысл такого совместного воспитания детей граждан и детей неграждан? Очевидно, прежде всего в том, что это позволяло наладить подготовку равноценного человеческого материала для восполнения убыли постоянно сокращавшегося в численности гражданского ополчения Спарты. Воспитанные в обычной спартанской манере дети периеков или чужеземцев были такими же стойкими и дисциплинированными гоплитами, как и сами спартиаты, хотя в отличие от них не имели гражданских прав. Попавшие в агелы выходцы из низших слоев спартанского общества воспитывались в духе слепого повиновения властям и абсолютной лояльности в отношении существующего строя. Таким образом, правящая элита Спарты, очевидно, рассчитывала несколько расширить свою социальную опору и создать островок хотя бы относительной стабильности среди беспокойного моря поработанных илотов. Следует учесть и еще один немаловажный момент: внутри агел между воспитывавшимися там выходцами из разных сословий завязывались отношения персональной зависимости, которые со временем могли перерасти в нечто подобное римской клиентеле. За годы воспитания отпрыск какого-нибудь знатного семейства мог обзавестись целой свитой преданных ему людей, наподобие гомеровских ἑταῖροι и θεράποντες, из числа сверстников, занимавших более низкое общественное положение (это могли быть и дети неполноправных, например, периеков, и дети малоимущих или незнатных спартиатов). Предводитель такой группы сверстников («боаг» — в надписях римского времени), вероятно, оказывал своим товарищам необходимое им покровительство, они же, со своей стороны, должны были его сопровождать и в военное, и в мирное время и оказывать ему всевозможные услуги. Можно, таким образом, предположить, что за ширмой пресловутого спартанского равенства скрывалась довольно сложная и широко разветвленная система клиентской зависимости, которая придавала спартанскому обществу сходство с республиканским Римом или с какой-нибудь средневековой феодальной республикой. К сожалению, информация, которой

снабжают нас наши источники, слишком скудна, и судить о характере и степени развития отношений этого рода сейчас довольно трудно.

Нельзя обойти молчанием и еще один любопытный и вместе с тем щекотливый аспект спартанского воспитания. Я имею в виду широкое распространение гомосексуальных связей среди молодежи, воспитывавшейся в агелах. Эта деликатная тема была предметом ожесточенных споров уже в античной литературе. Сам факт любовных связей или, как говорили греки, *παῖδις* между мальчиками и взрослыми юношами или мужчинами как будто не оспаривался никем. Однако характер и направленность отношений этого рода всеми понимались по-разному. Такой энтузиастически настроенный лаконофил, как Ксенофонт, расценивает эту форму любви как важную педагогическую меру, специально придуманную Ликургом. В его понимании, это была лишь особая форма индивидуальной работы с учащимися, как сказал бы кто-нибудь из теоретиков современной педагогической науки. Ничего дурного, чувственно-плотского в этих отношениях не было, ибо влюбленный любил лишь душу предмета своего обожания, но никак не тело. Чисто сексуальные отношения между мужчинами и мальчиками в Спарте находились под таким же строгим запретом, как кровосмесительные связи между родителями и детьми или братьями и сестрами. Закljučая эту торжественную тираду, Ксенофонт, однако, ясно дает понять, что не рассчитывает на особое доверие читателя (Хен. Resp. Lac. II, 14): «Меня не удивит, если некоторые не поверят этому. Ведь во многих государствах законы любви не препятствуют чувственной любви к мальчикам»¹. Примерно в том же духе рассуждал об этом предмете уже в гораздо более поздние времена и Плутарх, настаивавший на том, что общение между мужчинами и мальчиками в спартанских агелах и сисситиях носило чисто духовный характер и было направлено прежде всего, к лучшему воспитанию подрастающего поколения. Он утверждал даже, что объятия и поцелуи между влюбленными были строжайше запрещены. Нарушителям закона грозило либо лишение гражданских прав, либо даже смерть (Plut. Inst. Lac. 7). Несколько раньше Цицерон пришел к компромиссному решению этой щекотливой проблемы, указав, что взрослые спартиаты могли и обнимать мальчиков, и даже спать с ними на одном ложе, но ни в коем случае не снимая при этом верхней одежды. С другой стороны, Платон и Аристотель категорически высказываются в пользу чувственно-плотского характера лаконской любви. Платон порицает за это спартанцев, указывая на противоестествен-

¹ В целом по вопросу см.: Dower, 1978 и Cartledge, 1981, p. 92, n. 48 с указанием основных источников. Картлидж справедливо замечает, что Доуэр несколько недооценивает эту черту спартанского общества.

ность связей между мужчинами и мальчиками, на то, что они отрицательно сказываются на деторождении и ведут к крайней половой распущенности. Аристотель же, напротив, видит в этом сознательный расчет Ликурга на то, чтобы путем сегрегации полов несколько снизить прирост рождаемости и избежать перенаселенности государства. Мне, да и не только мне представляется, что Платон и Аристотель стоят в этом вопросе гораздо ближе к истине, чем явно склонные к идеализации спартанских обычаев Ксенофонт и Плутарх.

Оба эти автора правы, однако, в том, что гомосексуализм среди спартанской молодежи был прямо связан с общегосударственной системой воспитания и как один из главных устоев этой системы поощрялся государством. Было бы неправильно видеть в отношениях такого рода просто элементарное распутство, игру низменных инстинктов вроде того, что можно еще и сейчас наблюдать в некоторых закрытых учебных заведениях, в военных казармах или в тюрьмах. Судя по всему тому, что мы о них знаем, гомосексуальные связи в Спарте были, как принято говорить в этнографии, институализированы, т. е. подняты на уровень общепринятого, закрепленного традицией обычая и подчинены определенному регламенту или даже своего рода ритуалу. По свидетельству Плутарха (Plut. Lyc. XXVII), мальчики начинали обзаводиться любовниками в возрасте 12 лет. Считалось позором, если у подростка вообще не было обожателей. С другой стороны, и на самих обожателей ложилось пятно бесчестия, если в своих ухаживаниях за каким-нибудь прекрасным отроком они терпели фиаско, т. к. считалось, что мальчики отдают предпочтение мужам незапятнанной воинской доблести. Один из них был даже наказан за то, что, польстившись на какие-то подарки, предпочел богатого любовника более доблестному. За этим как будто специально следили эфоры. Как и в нормальной любви между мужчиной и женщиной, основным идеалом спартанского мужского содружества была верность. Влюбленные никогда не разлучались. Любовник (ἑραστής) постоянно наблюдал за поведением своего возлюбленного и даже отвечал перед властями за его дурные поступки, как бы заменяя на время его отца. Связи такого рода сохранялись очень долго, чуть ли не до смерти одного из партнеров, хотя идеальным вариантом считалась их одновременная смерть в каком-нибудь сражении. В древнейшие времена, пока в спартанскую фалангу не начали набирать периеков и других неполноправных, она в значительной своей части состояла из таких влюбленных пар, и именно этим обстоятельством некоторые античные авторы склонны были объяснять ее особую стойкость и выдержку, проявившуюся, например, в битве при Фермопилах (этот мотив удачно использовал Жак Луи Давид в своей известной картине «Леонид при Фермопилах»).

Наиболее интересные свидетельства об однополой любви у дорийцев происходят, однако, не из Спарты, а с Крита. Сохранился любопытный, изобилующий живописными подробностями рассказ Эфора (в передаче Страбона — Strab. X, 4, 21) об обычае умыкания мальчиков на Крите. По словам Эфора, мальчиков в критских городах похищали как девушек-невест у других греков. Похититель заранее сговаривался с родственниками похищаемого, и если они находили его достойным любовником для своего сына или брата (в расчет принималась прежде всего знатность рода), то разыгрывалась притворная сцена борьбы за похищаемого и преследование похитителя, как это обычно бывало на греческих свадьбах. Затем любовник удалялся со своим избранником в некое место за городом, и здесь они проводили в пирах и охоте около двух месяцев, после чего похищенного мальчика отпускали, наградив его дорогими подарками (обычно он получал быка, чашу и воинское одеяние). Само умыкание несколько не унижало мальчика, а, напротив, служило вящей его популярности среди сограждан. Он пользовался всеобщим почетом и даже носил прозвище «славный» (κλεινός).

В свое время немецкий исследователь Э. Бете (Bethe, 1907) написал специальную работу об этом любопытном обычае. В ней он показал, что так называемая *dorische Klabenliebe* есть в основе своей не что иное, как особая форма посвятительных обрядов, или инициаций. Эту свою мысль Бете подкреплял многочисленными этнографическими параллелями, на которых я сейчас не буду останавливаться. Своеобразие этой формы инициаций состоит в том, что главный упор в ней делается на сугубо личные отношения между взрослым мужчиной, выступающим в роли «посвятителя и опекуна», и «посвящаемым» подростком. Отношения такого рода могут включать в себе и половую связь между мужчиной и мальчиком, хотя так бывает не всегда, причем сама эта связь получает в таком случае чисто религиозное толкование: считается, что посредством полового общения мужчина-воин передает своему возлюбленному часть своей воинской доблести или даже всю ее целиком. Видимо, пережитки такого рода первобытных верований сохранялись особенно долго в Спарте и городах дорийского Крита, хотя сам обычай гомосексуальных связей, видимо, как и многие другие древние обычаи, унаследованные от первобытной эпохи, был здесь, если можно так выразиться, адаптирован (приспособлен) к нуждам рабовладельческого государства. В известном смысле он превратился в средство классовой консолидации господствующего сословия. Характерно, что, по дошедшим до нас сведениям, отношения такого рода в Спарте практиковались только в пределах узкого круга полноправных граждан. Связи спартиатов с рабами мужского пола были строго запрещены.

Возрастом гражданского совершеннолетия (ἥβη) в Спарте считалось, как я уже говорил, 20 лет. От этого возраста обычно отсчитывался срок военной службы каждого спартиата. Отдельные возрастные категории в составе спартанской фаланги обозначались соответственно как τὰ δέκα ἄφ ἥβης, τὰ πέντε καὶ δέκα ἄφ ἥβης и т. д. Критерий гражданского полноправия складывался из нескольких различных элементов. Гражданином мог считаться лишь тот, кто происходил от законного брака полноправного спартиата со спартиаткой (незаконнорожденные дети граждан гражданских прав, по-видимому, не имели), кто прошел полный курс αὐωυή, выдержав все предусмотренные этим курсом проверки и испытания, кто располагал необходимой земельной собственностью в пределах государства, т. е. мог считаться владельцем одного из специально выделенных для граждан земельных наделов, и, наконец, входил в одну из официально зарегистрированных гражданских корпораций — так называемых сисситий, или фидитиев. Последнему обстоятельству, как было уже сказано, придавалось особое значение.

Молодой спартиат попадал в одну из сисситий одновременно с началом срока его военной службы, будучи одним из так называемых ире-нов (молодые люди в возрасте от 20 до 23 или, может быть, до 30 лет), и первые годы проводил здесь не только дни, но и ночи, оставаясь все время как бы на казарменном положении, впрочем, уже привычном для него по предшествующим годам воспитания в агелах. Лишь гражданам, уже вступившим в брак, разрешалось, по словам Плутарха (Plut. Lyc. XV), ненадолго покидать своих сверстников с тем, чтобы навеститься к жене, после чего они снова обязаны были возвращаться в свою сисситию.

Прием в сисситии новых членов осуществлялся путем персональной кооптации каждого из них и зависел от отношения к ним других участников той же корпорации. Каждый претендент подвергался своего рода проверке, напоминающей так называемую докимасию в афинских фратриях и демах или же тайное голосование при выборах должностных лиц. Об этой процедуре рассказывает Плутарх. Проверка устраивалась во время обеда. Участники трапезы брали в руку кусок хлебного мякиша и молча опускали его в особый сосуд, как в урну для голосования. Тот, кто ничего не имел против претендента, просто опускал свой кусок, а тот, кто был почему-либо несогласен с его кандидатурой, сильно сжимал мякиш пальцами. Если в сосуде находили хотя бы один такой кусок, соответствующий, как говорит Плутарх (Plut. Lyc. XII), просверленному камешку, претендент считался отвергнутым или, как говорили сами спартанцы, «каддихированным» (от слова «каддихос», обозначающего сосуд, в который опускали бюллетени). Какова была дальнейшая участь таких каддихированных, остается неясным. Вероятно, они могли попробовать счастья

еще раз или два в других сисситиях, пока их, наконец, не принимали в один из союзов. Таким образом, группы сверстников, сложившиеся за время воспитания в агелах, разбивались и перемешивались. В сисситиях граждане разных возрастов были перемешаны между собой. Это особо отмечает Ксенофонт в «Лакедемонской политике» (Xen. Resp. Lac. V, 5–6), обращая внимание на то, что в других государствах молодежь обычно собирается на свои попойки отдельно от людей более пожилого возраста, и это ведет к распущенности и всяким безобразиям, тогда как в Спарте молодые люди были разобщены и все время оставались под неусыпным надзором стариков, следивших за ними во время обедов в сисситиях.

К сожалению, нам почти ничего не известно об организации и внутренней структуре системы гражданских корпораций. Писавших о них античных авторов, Плутарха, Ксенофонта и других, больше интересовали застольные обычаи спартанцев, меню их обедов и т. п. тривиальности. Численность одной сисситии Плутарх определяет в биографии Ликурга цифрой 15 человек или около того. Однако в биографии Агиса (Plut. Agis. VIII) сказано, что царь-реформатор собирался учредить «пятнадцать фидитиев по четыреста и по двести человек», распределив между ними новых граждан из числа периеков и чужеземцев. Остается непонятным, как соотносятся эти большие фидитии с теми сисситиями из 15 человек, о которых говорилось в биографии Ликурга, было это нововведение Агиса, или же он собирался лишь реставрировать уже существовавшую некогда систему мужских союзов. В принципе вполне можно представить систему союзов как сложную многоступенчатую структуру, включающую в себя несколько звеньев или подразделений, наподобие армейской организации. Однако, если даже она и существовала в Спарте, приходится признать, что мы практически ничего о ней не знаем. Нам ничего не известно, например, об отношении системы сисситий к территориальному делению спартанской гражданской общины или к ее родо-племенным подразделениям. Если предположить, что число 15 фидитиев не было придумано Агисом IV, а существовало задолго до него, то оно может быть кратным и числу пяти территориальных округов — об, или ком, и числу трех дорийских фил. Чему отдать предпочтение, мы не знаем.

Скорее всего главным связующим моментом в организации спартанских сисситий были не территориальные и не родовые, а сугубо личные связи между гражданами (это вытекает уже из того, что сообщает Плутарх о пополнении отдельных сисситий: в них принимали лишь тех, кого удостоивали своим расположением все члены данного союза).

Персональные связи между членами каждого такого товарищества поддерживались благодаря их ежедневному общению за общим столом,

а также во время чередовавшихся с общими трапезами групповых атлетических упражнений или состязаний. Таким образом, в сисситиях общность бытовая (общность в обычной повседневной жизни) тесно переплеталась с общностью политической. По-видимому, именно такое переплетение двух, казалось бы, взаимоисключающих по своей природе начал сделало систему сисситий столь привлекательной для греческих политических мыслителей IV в. до н. э.

Типологически спартанские и, видимо, также критские сисситии довольно близки к различным видам симпосиальных и гимнастических объединений, существовавших искони в других греческих городах (так называемые гетерии, фиасы, эраносы и т. п. компании частью светского, частью религиозного характера). Однако все эти формы корпораций были сугубо частными объединениями (только в эпоху эллинизма их деятельность стала приобретать более официальный характер). В основном они уподоблялись отчасти современным клубам, отчасти гильдиям, цехам и всевозможным иным братствам эпохи Средневековья. В отличие от них спартанские сисситии были объединены в широко разветвленную систему союзов, практически тождественную самой гражданской общине спартанского полиса. Создатели этой системы сознательно стремились — это не подлежит никакому сомнению — к утверждению принципа гражданского единомыслия (*ὁμόνοια*), т. е. того основного принципа, на котором зиждилась сама полисная государственность (именно так понимали назначение сисситий почти все античные писатели, что-либо о них сообщающие).

В этом смысле весьма символично само местоположение спартанских сисситий. Согласно сообщению Павсания, все они были сконцентрированы в одном месте неподалеку от могилы древнего героя Тисамена. В других государствах общества сотрапезников обычно собирались где придется, чаще всего в домах своих предводителей. Концентрация всех сисситий в одном раз и навсегда установленном месте должна была символизировать внутреннее единство гражданской общины полиса, у которого к тому же в течение долгого времени не было даже сплошной городской территории.

Известно, что в самой природе разного рода корпораций заложены иногда очень сильные центробежные, сепаратистские тенденции, нередко ведущие к разрушению государственного целого (вспомним хотя бы деятельность афинских гетерий в годы Пелопоннесской войны). В Спарте эти опасные тенденции были преодолены и нейтрализованы с помощью чрезвычайно жесткой регламентации каждодневной деятельности отдельных союзов и постоянного контроля над ними, осуществляемого высшими магистратами государства. Судя по всему,

в сисситиях царила суровая казарменная дисциплина. Их внутренняя организация была продумана до мельчайших деталей и строго унифицирована. Все это придавало им ясно выраженное сходство с армейскими подразделениями. На это сходство было обращено внимание уже в древности. Многие авторы, в том числе Платон, Дионисий Галикарнаский, Плутарх, были убеждены в том, что как спартанские, так и критские сисситии были вызваны к жизни именно военной необходимостью. Геродот же прямо говорит (Hdt. I, 65), что сисситии были учреждены Ликургом как один из основных элементов спартанской военной организации (τὰ ἐς πόλεμον ἔχοντα). Правда, у таких компетентных историков, как Фукидид и Ксенофонт, подробно описывающих спартанскую армию в действии, сисситии ни разу не упоминаются в числе ее боевых единиц. Отсюда можно заключить, что их связь с войсковыми подразделениями была более сложной и опосредованной, нежели это представлял себе Геродот. При решении этого вопроса следует считаться с тем, что сама спартанская армия не оставалась неизменной. Ее организация постепенно эволюционировала. Армия эпохи греко-персидских войн, на которую ориентировался Геродот, сильно отличалась от той армии, которая участвовала в Пелопоннесской войне и последующих войнах, поскольку эта последняя процентов на 70, а то и на 90 состояла не из свободнорожденных спартиатов, а из периеков и отпущенных на свободу илотов. Вследствие этого сисситии, первоначально входившие в состав боевых подразделений фаланги, затем от них отделились и существовали в дальнейшем уже самостоятельно как своего рода «национальная гвардия» или «гражданская милиция».

Как было уже сказано, верховными блюстителями порядка и дисциплины в сисситиях так же, как и в агелах, были, как это следует из показаний ряда источников, эфоры, которые представляли в Спарте гражданскую, отнюдь не военную власть. Едва ли случайно, что во главе спартанской системы мужских союзов оказалась именно эта наделенная чрезвычайными полномочиями коллегия должностных лиц. Огромная и, как говорили древние, близкая к тиранической власть эфоров служила гарантией принципиального и последовательного централизма в руководстве гражданскими корпорациями. В свою очередь, эти корпорации могли служить главной опорой политического могущества эфоров.

Несколько слов об организации совместных трапез граждан в сисситиях (как я уже говорил, именно этой стороне их деятельности наши источники уделяют наибольшее внимание). Все источники сходятся на том, что обеды в сисситиях устраивались по принципу складчины. Неизвестно когда и кем была установлена твердая норма взносов для каждого из участников коллективной трапезы. Она составляла, по сви-

детельству Дикеарха Мессенского (Athen. IV, 141c), ежемесячно полтора аттических медимна ячменной муки, от одиннадцати до двенадцати хоев вина (медимн — 52,5 л; хой — 3,2 л), затем какое-то неизвестное количество сыра и фиг и еще 10 эгинских оболон на мясо (εἰς ὀψωνίαι). Интересно, что мясо для сисситий, как видно из этого сообщения, покупали на рынке. Очевидно, свой скот был далеко не у каждого спартиата, а с илотов мясную подать не брали. Цифры, которые приводит Плутарх в биографии Ликурга (Plut. Лус. XII), ровно в полтора раза меньше цифр Дикеарха: один медимн ячменя, восемь хоев вина, пять мин сыра, две с половиной — фиг и немного денег на покупку мяса. Это различие в сообщениях двух авторов, скорее всего, объясняется тем, что Плутарх или источник, из которого он взял эти сведения, пользовался местными спартанскими мерами, которые были в полтора раза больше аттических мер, используемых Дикеархом. И Дикеарх, и тем более Плутарх — авторы довольно поздние. Однако норма взносов, о которой они пишут, существовала задолго до них. Во всяком случае она была известна уже во времена Геродота, по свидетельству которого дважды в месяц — в новолуние и на седьмой день после него — для каждого из царей доставлялось в храм Аполлона взрослое жертвенное животное, медимн муки и лаконская четверть вина (Hdt. VI, 57). По всей вероятности, эти продукты составляли месячный взнос каждого из царей в их сисситию (о царской сисситии подробно рассказывает Ксенофонт в «Лакедемонской политике»). Взносы эти выплачивало за царей государство (Геродот говорит, что они поступали ἐκ δημόσιου), причем взнос каждого царя был в два раза больше, чем взнос рядового спартиата. Впрочем, сообразно с этим в два раза больше были и порции, которые они получали за обедом.

О твердой одинаковой для всех норме взносов в сисситии знал и Аристотель, который особо подчеркивает, что от регулярности этих взносов прямо зависели гражданские права каждого из спартиатов. В связи с этим он не упускает случая еще раз побороть Ликурга за то, что тот очень плохо продумал всю эту систему: «С самого начала (в Спарте) были плохо устроены сисситии в форме так называемых фидитиев. Ведь их следует устроить так, чтобы средства поступали больше от государства (чем от частных лиц), как на Крите. У лаконян же каждый должен делать определенный взнос, но так как некоторые (из них) очень бедны и не могут себе позволить такие издержки, то происходит обратное намерению законодателя. Ведь он хотел сделать устройство сисситий демократическим, а оно вследствие таких узаконений оказывается совсем не демократическим, ибо очень бедные люди не могут участвовать в сисситиях, а так как у них издревле существует такой критерий гражданских прав, то те, кто не может сделать этот взнос, лишаются

права на участие в жизни государства» (Arist. Pol., II, 1271a, 26 sq.). Что происходило со спартиатами, уличенными в неспособности делать регулярные взносы в свою сисситию, мы не знаем. Было грозившее им лишение гражданских прав временной мерой, или же они теряли их навсегда, переходя, таким образом, в разряд неполноправных жителей Спарты, сказать трудно.

В городах Крита действительно существовал иной, как говорит Аристотель, «более демократический» порядок снабжения сисситий всем необходимым. Граждане, участвовавшие в трапезах, здесь брали на себя лишь часть расходов, причем, по-видимому, меньшую. Местный критский историк Досиад сообщает (FGrH 458 F 2(1) у Athen. IV, 143a–b), что их взносы составляли $\frac{1}{10}$ их годовых доходов. Обложение было, стало быть, пропорционально доходам каждого, так что беднейшие граждане страдали меньше всех прочих. Остальная часть расходов покрывалась за счет отчислений из государственной казны и особых рабов (каждый из них, по Досиаду, должен был платить в кассу сисситий один эгинский статер с головы).

В спартанских сисситиях было нормировано также и потребление основных продуктов. Какова была эта норма в V в. до н. э., сообщает Геродот. По его словам, царь, даже если он не является на обед в свою сисситию, получает два хеника ячменной муки и котилу вина (хеник аттический — около 1 л., котила — 0,27 л.). Если же он присутствует на обеде, то получает и то и другое в двойном размере. Отсюда можно заключить, что два хеника муки и котила вина составляли во времена Геродота обычную норму потребления рядового спартиата. Это свидетельство подтверждается еще и сообщением Фукидида (Thuc. IV, 6), согласно которому спартанцы, осажденные афинянами на Сфактерии, получали с материка ежедневно по два хеника ячменного хлеба, две котилы вина и какое-то количество мяса на человека (илоты, сидевшие на том же острове, получали лишь половину этой порции). Как мы видим, две первые цифры, определяющие количество хлеба или муки, потребляемое взрослым спартиатом, у Геродота и Фукидида совпадают. Количество вина у Фукидида в два раза больше, чем у Геродота, что можно объяснить условиями военного времени, когда потребление спиртного обычно резко возрастает.

О нормированном потреблении вина в сисситиях с похвалой отзываются и некоторые другие авторы. Так, знаменитый олигарх Критий в своей «Лакедемонской политике» (Athen. X, 432d; XI 463 sq.) противопоставляет спартанскую манеру выпивки широко распространенному в Греции обычаю пускать чашу по кругу (ἐπιδέξια), когда счет чашам очень быстро терялся и начиналось общее повальное пьянство. Спар-

танцы во время сисситий пили каждый из своей посуды всегда не больше установленной законом нормы (что-то около 400 г. сухого вина, к тому же разбавленного водой). По Дикеарху Мессенскому (fr. 72 Wehrli у Athen. IV, 141a—c), обычный рацион обеда в сисситиях составляла похлебка из ячменной муки и свиного мяса (знаменитая «черная похлебка»), ячменный же хлеб, небольшой кусочек вареной свинины, несколько маслин, сыр и фиги. Правда, это суровое однообразие трапезы несколько скрашивалось добровольными пожертвованиями отдельных участников обеда. Некоторые из них угощали сотрапезников трофеями своей охоты, другие приносили из дому мясо жертвенных животных (это был своего рода выкуп для лиц, освобожденных от участия в общей трапезе под предлогом какого-нибудь семейного праздника, которые обычно сопровождалась жертвоприношениями). По словам Ксенофонта, богатые граждане иногда приносили в свои сисситии белый пшеничный хлеб, считавшийся у греков большим лакомством. Дополнения такого рода в меню сисситий назывались ἐπιδόσιμον («придача», «прибавка»). Их можно рассматривать как особый род литургической повинности, возлагавшейся на сравнительно зажиточных спартиатов. Эти приношения, видимо, случавшиеся не каждый день, должны были еще резче подчеркнуть господствовавший в сисситиях дух умеренности и бережливости, на что указывает и само их спартанское название φειδίτια, от глагола φείδομαι — «быть бережливым». Разительный контраст с этой простотой классической спартанской трапезы представляли сисситии времен упадка Спарты, превратившиеся в подобие аристократического симпосия (их описывает Филарх — FGtH 81 F 44 у Athen. IV, 142a—b).

Как я уже говорил, в Греции существовало немало сообществ как светского, так и религиозного характера, довольно близко напоминающих спартанские сисситии. Но таких аналогий можно собрать гораздо больше, если обратиться к этнографии или даже к современной социологии.

В один ряд с сисситиями можно поставить огромное множество всякого рода корпораций от «танцевальных клубов» североамериканских индейцев и обитателей островов Меланезии до современных масонских лож или так называемых семей сицилийской мафии. Среди этих сообществ встречаются и такие, которые так же, как и сисситии, утратили свой частный характер и стали частью государственного целого, можно сказать, «вросли» в уже сложившееся или только еще складывающееся государство. Если оставить пока с стороне такие своеобразные политические образования, как государства, основанные духовно-рыцарскими орденами эпохи Средневековья, государство исмаилитов в Иране или государство иезуитов в Парагвае (все эти государства были образованиями, так сказать, вторичного порядка, т. к. были порождены задолго

до них сложившимися классовыми обществами), то основным регионом, где этот процесс можно было наблюдать еще сравнительно недавно в его, так сказать, «первозданном виде», должна быть признана, безусловно, Центральная Африка (в основном западная ее часть), считающаяся среди этнографов «классической страной тайных обществ». Среди организаций этого рода (еще каких-нибудь сто или пятьдесят лет тому назад они держали в страхе обширные области в прибрежной полосе Гвинейского залива) наиболее известны такие союзы, как Поро, или Пурра (район Сьерра-Леоне), Эгбо (Камерун), Мумбо-Джумбо (область племени Мандинго), Огбони (государства йорубов) и другие. В этнографической литературе тайные общества этого типа обычно оцениваются как зачаточная форма государственной власти и вместе с тем как важный фактор, участвующий в процессе классовообразования.

Близость спартанских мужских союзов к первобытным корпорациям такого типа кажется очевидной. Подобно африканским тайным обществам, сисситии в Спарте служили прежде всего средством социальной (классовой) сегрегации, представляя собой объединения имущих против неимущих, свободных против рабов, туземцев против чужеземцев. Многие современные тайные общества берут на себя карательные полицейские функции по отношению ко всем, кто нарушает племенные обычаи и законы. В Спарте, как мы уже это видели, функции такого рода были возложены на специализированные ответвления системы мужских союзов вроде корпуса «всадников» и коллегии агатургов. Да и сама суровая дисциплина, царившая во внутренней жизни спартанского государства, во многом сродни тем порядкам, которые существовали в африканских тайных обществах. Четкое разделение всех граждан полиса на начальствующих и подчиненных, подчеркнутое почитание начальства и даже страх перед ним, беспрекословное выполнение любых его приказов — все эти черты весьма характерны для спартанского образа жизни, каким его изображает хотя бы Ксенофонт в «Лакедемонской политике». Но они же в равной мере типичны и для тайных союзов тропической Африки.

В то же время между этими двумя формами корпоративных сообществ существуют и некоторые важные различия. Первое. Практически все известные по этнографическим описаниям тайные общества не только в Африке, но и в Меланезии, и в Северной Америке были по своей сути культовыми объединениями, и вся их деятельность носила ярко выраженную ритуальную окраску. В практике тайных союзов важное место занимали различные виды магии и колдовства, а также импровизированные ритуальные представления, в программу которых входили главным образом выступления замаскированных танцоров, изображавших

различных демонов и чудовищ. Сама таинственность, которой была окутана вся деятельность союзов этого типа, была в одно и то же время и не переменным условием, и важнейшим составным элементом их обрядовой практики, хотя вместе с тем она, несомненно, имела и определенную социальную направленность, способствуя еще большей изоляции членов союза от всех «непосвященных в его тайны».

На этом фоне сисситии как в спартанском, так и в критском их вариантах производят впечатление светских организаций. Не сохранилось никаких упоминаний о их культовой деятельности. Ничто как будто не указывает и на особо строгую засекреченность гражданских корпораций Спарты и Крита. Плутарх, правда, упоминает, что каждому из вновь принятых в сисситию граждан ее председатель говорил, указывая на дверь: «Речи за порог не выходят» (Plut. Лус. XII), что можно понять как запрещение разглашать содержание бесед, происходивших за общим столом. И Плутарх, и Ксенофонт сообщают, что после трапезы ее участники расходились по домам в темноте, не зажигая светильников. По Плутарху, это делалось просто для того, чтобы приучить граждан не бояться темноты. По Ксенофону, это была коварная уловка законодателя, который хотел таким образом установить, кто выпил лишнего во время обеда. Скорее всего дело тут в другом. По-видимому, это какие-то следы древней привычки членов мужского сообщества все делать как можно более скрытно, чтобы неприятель, которым первоначально были, по всей видимости, только женщины и подростки, ничего не мог узнать о их действиях и передвижениях. Но в целом это — не более чем пережитки уже утратившего свою актуальность круга древних обычаев. Только там, где соблюдение тайны диктовалось особыми политическими или социальными функциями, выполняемыми некоторыми разновидностями союзов, например участниками криптий, эта секретность соблюдалась всерьез, а не понарошку.

В остальном же время препровождения в агелах и сисситиях как раз противопоставляется в наших источниках замкнутости домашнего частного быта как более открытый и потому не таящий в себе никаких опасностей для государства образ жизни.

Так, в «Лакедемонской политике» Ксенофонта (Xen. Resp. Lac., V, 2) сказано буквально следующее: «Ликург, увидев, что спартиаты, как и прочие эллины, столуются у себя дома, и понимая, что в таких условиях бывает слишком много всякого нерадения и беспечности, устроил у всех на виду общие трапезы...» Выражение: «εἰς τὸ φαγεῖν ἐξήγαγε τὰ συσκήνια...» ясно показывает, что для Ксенофонта спартанские сисситии были прежде всего наглядным воплощением принципа публичности, образцом той жизни на виду, в которой мыслители эпохи

кризиса полисного строя видели радикальное средство против таких общественных пороков, как корыстолюбие, чревоугодие, страсть к роскоши, эгоизм и т. п.

С этим непосредственно связано еще одно важное отличие спартанской формы мужских союзов от первобытных сообществ типа тайных союзов тропической Африки. Для этих последних характерно наличие многочисленных (нередко их число бывает больше десяти) внутренних градаций, или «степеней посвящения». Переход из одной степени посвящения в другую, как правило, бывает сопряжен с большими материальными издержками и уже по этой причине доступен далеко не каждому. Некоторые из этих градаций (обычно самые высокие) и вообще закрыты для массы рядовых общинников. Поскольку соответствующие этим степеням посвящения тайные культы или маски обычно передаются по наследству из рода в род, они остаются в монопольном распоряжении замкнутого круга профессиональных жрецов и знати, занимающих соответственно с этим господствующее положение внутри союза. Таким образом, сама внутренняя структура тайных обществ с присущей ей иерархичностью отражает стихийный процесс социальной дифференциации первобытной общины, уже вступившей на путь классообразования.

Организация спартанской системы мужских союзов была направлена к прямо противоположной цели. Ее создатели явно стремились максимально сгладить и выровнять социальные и имущественные различия, существовавшие внутри гражданской общины полиса, обеспечив тем самым ее политическую сплоченность. К этой цели было направлено установление твердой нормы взносов в сисситии и соответствующих ей норм потребления основных продуктов. Сообразно с этим застольным равенством была подчинена определенным бытовым стандартам также и вся остальная жизнь граждан Спарты. Дома, построенные лишь с помощью пилы и топора, одежда одинаково строгого покроя и расцветки на любом из спартиатов, стандартные могилы на кладбище чаще всего даже без упоминания имени умершего, полное отсутствие каких бы то ни было предметов роскоши как в домах, так и в могилах — все эти характерные приметы спартанского быта, очевидно, должны были внедрить в сознание самих спартиатов и их соседей иллюзию всеобщего равенства вопреки его недостижимости в реальной жизни «общины равных».

В связи с этим следует заметить, что уравнивательные тенденции в той или иной мере типичны для любого античного полиса. Разнообразные их проявления можно наблюдать главным образом на ранних стадиях развития полисной общины, когда неуклонный рост частнособственнических отношений и тесно связанная с этим ростом ломка традиционных

социальных структур воспринимаются особенно болезненно участниками этого процесса и требуют немедленного вмешательства какого-то «противоядия». Таким «противоядием» становятся в этот период так называемые законы против роскоши. Античная историческая традиция связывает их с именами целого ряда древних законодателей и в том числе некоторых тиранов, которые, как это ни парадоксально звучит, выступают в данном случае в роли пропагандистов новой полисной морали и идеологии. Отнюдь не претендуя на ликвидацию самой частной собственности, меры такого рода лишь сдерживали то, что принято теперь называть «демонстративным потреблением богатства», что вело к некоторому смягчению социальных конфликтов и противоречий, связанных с имущественным расслоением гражданской общины.

Однако уже и в это время экономическая политика полисного государства носила достаточно противоречивый характер. Одновременно с только что обрисованной уравнительной тенденцией возникает иная прямо противоположная тенденция, выражающаяся не в ограничении, а, напротив, в поощрении и стимулировании демонстративного потребления богатства в тех случаях, когда это потребление обращено на благо государства и в нем могут принять участие если не все, то по крайней мере многие граждане полиса. Речь идет, как вы, наверное, догадались, о так называемых литургиях, т. е. почетных повинностях имущих граждан, которые с развитием демократического строя приобрели во многих греческих государствах характер систематических поборов с богачей.

Этот, если можно так выразиться, «литургический вариант» экономической политики полисного государства более всего характерен для экономически наиболее развитых районов греческого мира, для государств с достаточно сложной и мобильной структурой гражданской общины, с ясно выраженным приматом товарно-денежных отношений в ее хозяйственной жизни.

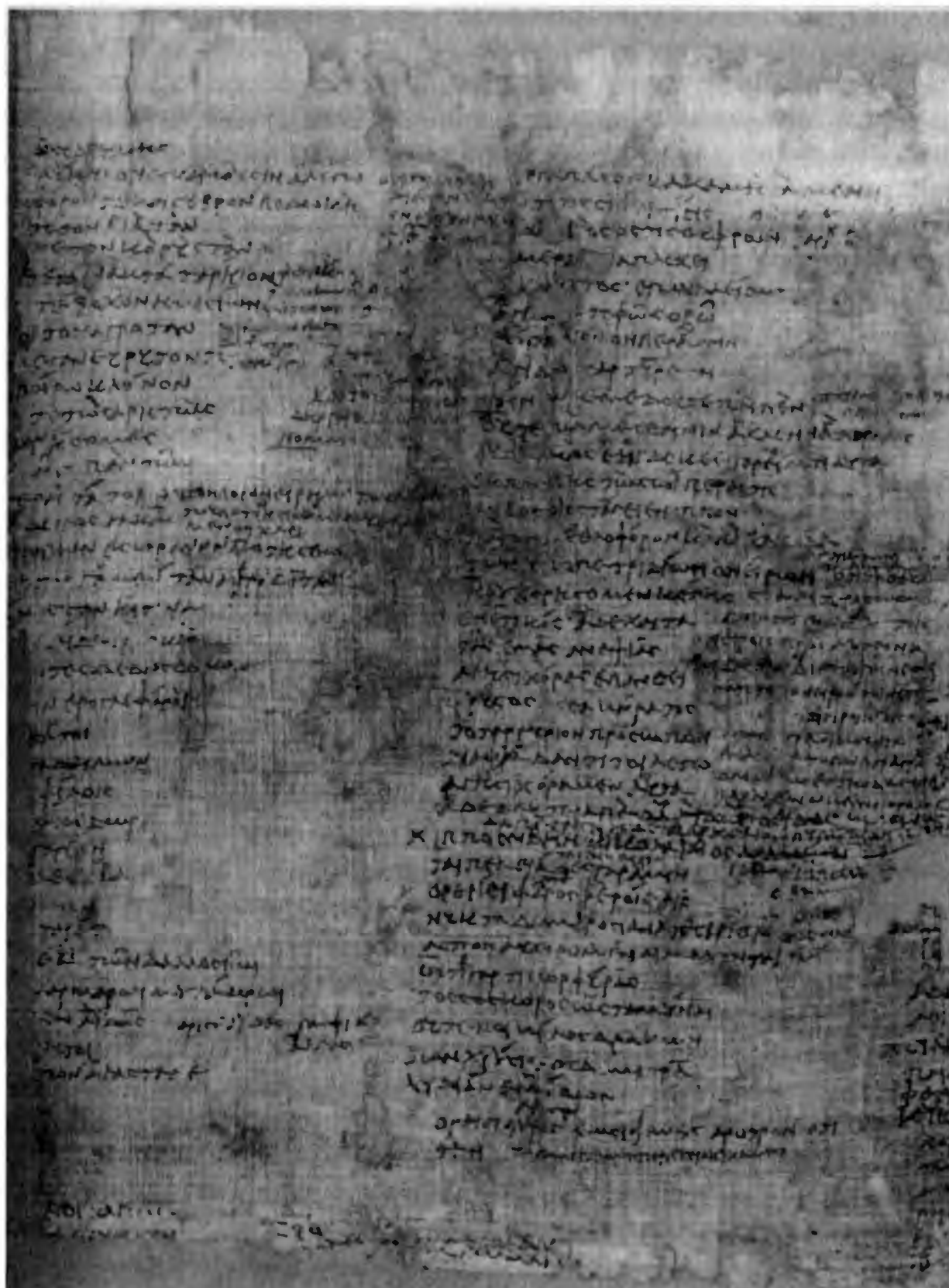
Совершенно очевидно, что Спарта так же, как и города Крита, никак не может быть отнесена к этой категории греческих государств. Хотя полисная гражданская община сформировалась в этих двух районах достаточно рано, возможно даже раньше, чем в ионийской малоазиатской Греции, условия, в которых протекало ее развитие, были здесь таковы, что ее основные социальные и политические структуры могли по-настоящему сложиться лишь на базе очень древних, восходящих к самому отдаленному общедорийскому прошлому институтов, что придает ее облику печать ясно выраженного архаизма. Разумеется, было бы ошибкой говорить о сознательной консервации в Спарте или на Крите каких-то целостных фрагментов первобытнообщинного строя или даже

всей этой формации. Все архаические дорийские институты, вошедшие в состав спартанской полисной общины, несомненно, должны были подвергнуться весьма существенной перестройке, а главное — должны были радикально измениться выполняемые ими социальные функции.

Выживание таких специфических форм первобытной социальной организации, как агелы и сиситии, в условиях фактически уже сложившегося классового общества, так же как и их вращение в структуру рабовладельческого государства, были обусловлены прежде всего особой остротой классовых антагонизмов в спартанском обществе и вытекающей отсюда настоятельной потребностью господствующего класса Спарты в консолидации и внутреннем сплочении перед лицом всего неполноправного и поработанного населения этого государства. Эта сложная задача была здесь решена относительно простым и в то же время достаточно эффективным способом — посредством принудительной регламентации свободного времени граждан и установления жесткого контроля над их повседневной жизнью. В результате уравнивательная тенденция, как было уже сказано, вообще характерная для ранних форм полиса, в Спарте вылилась в целую систему официальных запретов и предписаний, в русле которых протекала жизнь каждого спартиата с момента рождения и до гробовой доски. Разумеется, эта система могла действовать лишь в определенных условиях и, следовательно, лишь до определенной исторической черты.

2. ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Как было уже сказано, знаменитое «спартанское равенство» (некоторые современные авторы говорят даже о «спартанском коммунизме») было в значительной своей части всего лишь иллюзией, сознательно распространяемой и раздуваемой спартанской официозной пропагандой, а также друзьями Спарты — лаконофилами в других греческих государствах. Никакие гонения на роскошь, никакая борьба со всеми видимыми проявлениями имущественного неравенства не могли искоренить причины этого неравенства. Они продолжали существовать и действовать хотя бы подспудно, понемногу, шаг за шагом подтачивая основы Ликургова строя. Показания ряда источников, начиная с Тиртея и Алкмана (ил. 12), свидетельствуют о том, что среди спартиатов были, как и повсюду, богатые и бедные. Уже Фукидид в «Археологии» (Thuc. I, 6, 4) отмечает, что у лакедемонян богатые (οἱ τὰ μείζω κέκτημενοι) ведут тот же образ жизни, что и большинство граждан. Образ жизни одинаков, но имущественное неравенство все же сохраняется. Этот факт был,

Ил. 12. Папирус, найденный в 1855 г. французским исследователем Мариеттом, со стихотворением Алкмана. Париж. Национальный музей

в сущности, молчаливо признан самим спартанским государством, которое возложило на состоятельных граждан некоторые дополнительные повинности, например в устройстве сисситий.

Однако нельзя закрывать глаза и на тот совершенно неоспоримый факт, что вмешательство государства в экономику и прежде всего в хозяйственные дела частных лиц в Спарте простиралось так далеко, как, пожалуй, ни в каком другом греческом и вообще античном полисе. Перед спартиатами были практически закрыты почти все основные пути, ведущие к личному обогащению граждан. Для них были запрещены любые виды и формы предпринимательской деятельности: занятия торговлей, ремеслом, подряды и тому подобные способы наживания денег. Все эти занятия считались позорящими свободного гражданина Спарты и были доступны лишь периекам, да и то, по-видимому, в весьма ограниченных масштабах. Возможности личного обогащения крайне ограничивала также и принятая в Спарте железная валюта, служившая притчей во языцех во всех других эллинских полисах и, конечно, не имевшая там никакого хождения.

Что же считать в этом случае основным источником имущественного расслоения гражданской общины Спарты? Определенную роль могли сыграть в этом процессе войны, которые вело спартанское государство в различных районах греческого мира, а также и за его пределами. Война открывала возможность обогащения как перед командным составом спартанской армии, так и перед рядовыми воинами, хотя, конечно, далеко не в одинаковой степени. Спартанские военачальники так же, как и афинские стратеги, не брезговали ни прямым захватом военной добычи, ни получением взяток с побежденного противника, ни всякого рода подарками. Правда, накопленное таким способом богатство было довольно трудно провезти в Спарту. Еще труднее было им воспользоваться или даже просто сохранить его под бдительным надзором правительства. Известный анекдот о Гилиппе, победителе афинян под Сиракузами, ярко иллюстрирует это бедственное положение спартанских миллионеров. В течение долгого времени, пока первоначальная строгость Ликургова законодательства не была поколеблена, они вынуждены были втихомолку наслаждаться созерцанием своих сокровищ, не находя им никакого применения, наподобие пушкинского скупого рыцаря (на это недвусмысленно намекает Платон в «Государстве» — 548а—с). Поскольку использование иностранной валюты для расчетов внутри государства было запрещено законом, деньги, награбленные в походах, не могли служить критерием имущественного состояния спартиата. Основным мерилom богатства в Спарте V—IV вв. до н. э., как и когда-то в далекой древности, оставалась земля и получаемые с нее доходы и, вероятно, также скот.

Проблема спартанского землевладения — одна из самых трудных и запутанных во всей истории этого загадочного государства. По дошедшим до нас отрывочным намекам и указаниям античных авторов очень трудно восстановить подлинную картину спартанского аграрного устройства. К тому же следует иметь в виду, что все источники, имеющиеся в нашем распоряжении, в основном — довольно поздние. Это — Аристотель, Полибий и Плутарх и еще несколько второстепенных авторов. Все они застали Спарту уже в период ее упадка, в состоянии острейшего внутреннего кризиса, когда древняя система земельных отношений уже пришла в полное расстройство и от нее остались лишь какие-то не вполне ясные воспоминания. Рассмотрим, однако, свидетельства этих авторов, так как другого пути к решению проблемы у нас нет. Наиболее ранним по времени можно считать свидетельство Аристотеля в «Политике». Во II книге (Arist. Pol. II, 1270a, 19 сл.) этого трактата, на которую прежде мне приходилось уже неоднократно ссылаться, Аристотель порицает Ликурга за его грубые просчеты в устройстве системы гражданского землевладения. Законодатель поступил правильно, запретив покупать и продавать земельные наделы, но он сам же отступил от своего первоначального замысла, разрешив желающим дарить свою землю или завещать ее кому угодно. Аристотель, видимо, хочет сказать, что под видом дарений и завещаний в Спарте заключались сделки по купле-продаже земельной собственности, и в результате из благих намерений законодателя ничего не вышло: одни спартиаты потеряли всю или почти всю свою землю, другие, напротив, набрали ее гораздо больше, чем им было нужно. Отсюда крайнее имущественное неравенство среди граждан государства, резкое сокращение их общей численности и даже переход значительных земельных владений в руки богатых женщин (по Аристотелю, они владеют чуть ли не половиной или $\frac{2}{5}$ всей земли на территории государства — положение для греческого полиса явно ненормальное).

Совершенно очевидно, что, изображая земельные отношения в Спарте в столь мрачном виде, Аристотель ориентировался на современное ему положение дел в этом государстве, приписывая Ликургу те просчеты, в которых он, возможно, не был виновен. Важное уточнение находим в одном отрывке из «Лакедемонской политики» того же автора, где сказано, что «вообще продавать землю у лакедемонян считалось делом позорным, продавать же древние наделы (τῆς ἀρχαίας μοίρας) было запрещено» (Fr. 143, 1 Gigon). Место очень важное, т. к. из него следует, что вся земля спартиатов делилась на две категории: 1) «древние наделы», вероятно, закрепленные за отдельными семьями и по крайней мере теоретически считавшиеся неотчуждаемыми, и 2) какие-то другие владения

(Аристотель не дает их точного определения), отчуждение которых не было запрещено законом, хотя и осуждалось общественным мнением.

Еще одно по времени более позднее свидетельство принадлежит Полибию. Он писал уже в те времена, когда архаическая система землевладения, существовавшая некогда в Спарте, была, по-видимому, окончательно упразднена. Полибий, однако, хорошо знал литературу предшествующего времени. Он сам ссылается как на главных своих авторитетов на Эфора, Платона, Ксенофонта и Каллисфена (все писатели IV в. до н. э., интересно, что Аристотель в их число не попал). Основываясь на их показаниях, Полибий (Polyb. VI, 45, 3) приходит к выводу, что все граждане Спарты имели право на владение равными участками земли, вырезанными из так называемой *πολιτικὴ χώρα*, что можно понимать и как «земля государственная, т. е. принадлежащая полису», и как «земля граждан» в противовес, скажем, землям периеков. Если принять первое из этих толкований, то отсюда с неизбежностью следовало бы, что в Спарте существовала государственная собственность на землю. Большинство исследователей, касавшихся этой проблемы, предпочитает, однако, второе толкование, полагая, что, если бы Полибий имел в виду государственную землю, он употребил бы другое прилагательное: не *πολιτικός*, а *δημόσιος* или *κοινός*. Я думаю, что в принципе одна возможность не исключает другую.

Представление о имущественном равенстве спартиатов, очевидно, разделяемое Полибием, восходит к временам значительно более ранним. Мы встречаем его у таких авторов IV в., как Платон, Исократ, Эфор, сочинения которых, видимо, были известны Полибию. Все эти писатели имели в виду прежде всего равенство земельных владений, установленное еще где-то на заре спартанской истории. Платон и Исократ относят его еще ко временам «возвращения Гераклидов» (оба утверждают, что с тех пор Спарта не знала ни переделов земли, ни отмены долгов). Эфор связывает установление равных для всех граждан наделов с деятельностью Ликурга, которого он помещает то ли в IX, то ли в VIII столетие.

Наиболее обстоятельно эта последняя версия предания разработана в биографии Ликурга, написанной Плутархом, который мог в этой части своего сочинения опираться на того же Эфора или на какого-нибудь другого более раннего автора. Ликург предстает здесь перед нами как радикальный реформатор, чуть ли даже не революционер. Подобно знаменитым спартанским реформаторам III в. до н. э. — Агису и Клеомену, он решил прибегнуть к самому действенному средству, дабы излечить спартанское государство от его хронических недугов — наглости, злобы, зависти, а, главное, раз и навсегда покончить с причиной этих

болезней: богатством и бедностью. Одержимый этой идеей, Ликург уговорил сограждан сначала объединить всю землю, а потом поделить ее заново, но уже поровну. Плутарх сообщает далее (VIII), что в этом переделе земли приняли участие не только спартиаты, но и периеки, которым было выделено 30 тыс. наделов. Спартиаты получили 9 тыс. наделов, видимо, больших и лучшего качества, чем у периеков. Это число точно соответствовало существовавшему в то время числу спартиатских семей. Правда, тут Плутарх делает оговорку. Оказывается, существуют и другие версии этой истории: по одной из них, Ликург роздал только 6 тыс. наделов, а еще 3 тыс. добавил позднее царь Полидор (видимо, после I Мессенской войны), по другой же, они оба нарежали по 4,5 тыс. наделов, т. е. цифра 9 тыс. остается при всех способах подсчета. Далее Плутарх указывает, какова была доходность каждого спартиатского надела. Она составляла семьдесят медимнов ячменя на одного мужчину и двенадцать медимнов на женщину и соразмерное количество жидких продуктов. Остается, правда, неясным, сколько всего мужчин и женщин могло сидеть на каждом наделе: только одна супружеская пара или же их могло быть несколько и как учитывались интересы их детей, если их было больше, чем родителей.

В другом месте той же биографии (гл. XVI) Плутарх так описывает процедуру признания только что появившегося на свет маленького спартиата. Отец приносил новорожденного в так называемую лесху — место, где сидели старейшины его филы (неясно, что следует здесь иметь в виду: одну из трех дорийских фил или же одну из пяти так называемых об). Старейшины осматривали ребенка и, если не обнаруживали у него никаких физических недостатков, возвращали отцу для воспитания и тут же назначали ему один из девяти тысяч наделов. Сообщение это можно истолковать в том смысле, что в распоряжении всего спартанского государства и отдельных его подразделений находился некий земельный фонд, состоявший из 9 тыс., по-видимому, равных наделов. За счет этого фонда производилось наделение каждого нового поколения граждан. Для того чтобы такая системы могла действовать бесперебойно, должны были, вероятно, соблюдаться по крайней мере два основных условия: 1) убыль наделов должна была непрерывно восполняться, очевидно, за счет передачи в руки государства наделов, изъятых у умерших граждан; 2) общее число граждан должно было все время оставаться неизменным, строго соответствуя числу наделов.

Еще раз Плутарх возвращается к той же теме в биографии Агиса IV. Здесь сказано, что Ликург установил определенное число семей граждан, которое, по всей видимости, соответствовало числу наделов (вероятно,

подразумевается та же цифра, что и в биографии Ликурга, — 9 тыс.). Чтобы сохранить этот порядок, Ликургом было установлено правило наследования земельных участков, согласно которому надел мог переходить только от отца к сыну, благодаря чему в Спарте в течение долгого времени поддерживалось имущественное равенство. Это сообщение уже несколько расходится с тем, что говорится в биографии Ликурга о вручении новорожденному спартиату одного из 9 тыс. наделов представителями государства. Плутарх, видимо, не замечает, что он сам себе противоречит, или же просто не заботится о согласовании двух противоречивых источников. Кроме того, он опять-таки не объясняет, как функционировала эта система землепользования. Что происходило, например, с лишними наследниками каждого клера? Получали они чьи-то выморочные наделы и, таким образом, сохраняли свой гражданский статус, или же их просто лишали гражданских прав? Как далеко простирались права государства в деле регулирования механизма наследования? Все это остается неясным.

Далее Плутарх сообщает, что установленный Ликургом порядок наследования наделов был впервые изменен неким эфором Эпитадеем уже после Пелопоннесской войны. Эпитадей — человек влиятельный, но своенравный и тяжелый. Он повздорил со своим сыном и, чтобы лишить его наследства, предложил новую ретру, по которой впредь каждый мог подарить еще при жизни или оставить по завещанию свой дом и надел, кому угодно. «Эпитадей, — завершает свой рассказ Плутарх, — внес этот законопроект только ради того, чтобы утолить собственный гнев, а остальные приняли его из алчности и, утвердив, уничтожили замечательное и мудрое установление» (Plut. Agis. V).

Это последнее свидетельство Плутарха довольно близко смыкается с сообщением Аристотеля в «Политике» (Arist. Pol. 1270a, 15 sqq.) о том, что в Спарте землю нельзя было продавать, но разрешалось завещать и дарить, с тем, однако, различием, что Аристотель возлагает ответственность за это на самого Ликурга, а Плутарх на иначе нам совершенно не известного эфора Эпитадея.

Современные историки чаще всего скептически оценивают все то, что сообщает Плутарх о ликурговом переделе земли и об установленной им системе гражданского землепользования. Так, автор одной из самых «свежих» монографий по истории Спарты П. Картлидж пишет: «Я не могу допустить, что здесь (т. е. в Спарте) когда-либо существовал фонд равных и неотчуждаемых клеров, находящихся в собственности государства или контролируемых им» (Cartledge, 1979. P. 168 ff.). Предание о 9 тыс. Ликурговских наделов, по мнению Картлиджа (впрочем, уже задолго до него эта мысль была высказана Дж. Гротом и рядом других

историков), есть не что иное, как обратная проекция аграрных реформ Агиса и Клеомена. Как следует из того же Плутарха, царь Агис собирался разделить все земли в Лаконии на 4,5 тыс. наделов для спартиатов и 15 тыс. наделов для периеков. Картлидж предполагает, что кто-то из предшественников Плутарха (может быть, это был Филарх, занимавший место придворного историографа при Клеомене III) создал на основе этих цифр псевдоисторическую конструкцию, приписав Ликургу учреждение системы землепользования, которая во всех деталях предвосхищала систему, спроектированную Агисом и осуществленную Клеоменом, с тем лишь различием, что число наделов при Ликурге было в два раза больше, чем при Клеомене (автор фальсификации исходил, по-видимому, из того, что передел земли, произведенный Ликургом, охватывал территорию не только Лаконии, но также и Мессении, которая ко времени Агиса и Клеомена была уже давно утрачена Спартой).

Должен сказать, что мне такие попытки дискредитации предания, сохраненного Плутархом, представляются неубедительными. Предание это, вне всякого сомнения, возникло задолго до реформ Агиса и Клеомена. Как мы уже видели, представление о равенстве спартанских земельных наделов довольно прочно укоренилось уже в греческой литературе IV в. до н. э. Мы находим его отголоски в сочинениях Платона и Исократа. Полибий ссылается в обоснование этой же мысли на Ксенофонта, Эфора, Каллисфена. Так что скорее следует думать, что царь-реформаторы III в. до н. э. ориентировались в своей деятельности на уже хорошо известное в их время предание о ликурговом переделе земли, чем предполагать обратное, что предание возникло, так сказать, задним числом как отражение их проектов. Аристотель в «Политике» (Arist. Pol. II, 1270a, 27) говорит, что некогда число спартиатов составляло 10 тыс. человек, в чем можно видеть результат округления Плутархова числа 9 тыс.

Само это число явно связано с традиционным числом дорийских фил. На каждую филу приходилось по 3 тыс. наделов, которые в свою очередь распределялись между ее внутренними подразделениями типа афинских фратрий. Об участии родоплеменных объединений дорийцев в разделе земли сообщает уже такой ранний источник, как Гесиод. В одном из дошедших до нас его фрагментов (Hesiod. Fr. 191) читаем: «все они (дорийцы) зовутся троеплеменными (τριχήμες), потому что и вдали от родины землю разделили на три части». Таким образом, сама цифра 9 тыс. наделов и связанный с ней круг представлений могут восходить к достаточно раннему времени, хотя едва ли более раннему, чем конец VII в. до н. э., т. е. времени окончательного завоевания Мессении; в самой Спарте, как мы уже видели, считалось, что Ликурговы наделы были

разбросаны по территории обеих основных частей спартанского государства — Лаконии и Мессении.

Итак, есть основания полагать, что в предании о ликурговом переделе земли, сохраненном Плутархом, содержится некое историческое ядро, что это — не просто фикция, придуманная каким-нибудь досужим историком эпохи эллинизма. Очевидно, в какой-то точно не известный нам момент, но, скорее всего, после окончательного завоевания Мессении, в конце VII в. до н. э., в Спарте была проведена радикальная аграрная реформа. В результате этой реформы возник особый земельный фонд, включавший в себя около 9 тыс. гражданских наделов с приблизительно одинаковой доходностью, число которых, по крайней мере первоначально, соответствовало численности спартанских граждан. Эти наделы считались собственностью государства так же, как и прикрепленные к ним рабы-илоты (здесь одно с неизбежностью вытекает из другого). Поэтому их запрещалось отчуждать какими бы то ни было способами, а также и, видимо, дробить при передаче по наследству. Право наследования каждого участка и вместе с ним илотов было закреплено, по всей видимости, за той семьей, которой он был приписан во время передела земли, хотя могли быть, вероятно, и отклонения от этого правила. Если, скажем, у какого-нибудь спартиата не было сыновей, а только лишь дочь-наследница (эпиклера), надел после ее вступления в брак переходил во владение ее мужа, т. е. уже в другую семью. Наделы же бездетных граждан могли после их смерти вообще отходить в казну. Конечно, очень многое в этой картине остается для нас неясным. Плутарх, как я уже говорил, опускает в своем рассказе многие важные детали (скорее всего, они были ему неизвестны), кое в чем противоречит сам себе. Но этого еще недостаточно для того, чтобы отвергнуть сохраненное им предание с той же решительностью, с какой это делает Картлидж, да и не он один.

Разумеется, создание системы неотчуждаемых наделов само по себе еще не могло служить достаточной гарантией против имущественного расслоения спартанской гражданской общины, хотя, безусловно, в течение какого-то времени должно было сдерживать рост частных состояний. Неравномерность прироста отдельных спартиатских семей рано или поздно должна была привести к тому, что одни «древние наделы» оказались перенаселенными и не могли прокормить всех своих владельцев, другие же снабжали своих хозяев в избытке всем необходимым. Мы не знаем, какие меры принимало в таких случаях спартанское государство, пыталось ли оно как-то вмешиваться в естественный ход вещей или же оставалось пассивным наблюдателем. Кроме того, следует иметь в виду, что помимо «древних наделов» у спар-

тиатов могли быть и другие земельные владения, может быть, находившиеся на территории периекских полисов или в каких-то других местах. Эти участки, по-видимому, считались частной собственностью граждан и в отличие от «древних наделов» могли различными способами отчуждаться, даже если общественное мнение смотрело на сделки такого рода неодобрительно.

Все это позволяет понять, каковы были основные причины имущественного неравенства среди спартиатов еще до принятия так называемой ретры Эпитадея.

Аристотель во II книге «Политики» (Arist. Pol. 1270a, 11) прямо связывает неравномерное распределение богатств и особенно земли между гражданами Спарты с постоянно прогрессирующим сокращением их численности. Результатом этого сокращения было то, что на территории, которая «в состоянии прокормить 1500 всадников и 30 000 гоплитов, не наберется и тысячи их». Уже Ксенофонт в «Лакедемонской политике» (Xen. Resp. Lac., I, 1), написанной лет за 40 или даже 50 до Аристотелевой «Политики», называет Спарту одним из самых малолюдных полисов в Греции, имея в виду, конечно, не общую численность населения, которая могла быть довольно значительной, а только число полноправных граждан. Сокращение гражданской общины Спарты началось, по-видимому, еще в V в. до н. э. и ко времени Пелопоннесской войны успело продвинуться уже довольно далеко. Об этом свидетельствует хотя бы известный эпизод со спартанскими пленниками, захваченными афинянами на Сфактерии в 425 г. до н. э. Не обязательно искать причины этой, как выражались древние, спартанской олигантропии только в чисто экономической плоскости, по крайней мере для столь раннего времени. При крайней ограниченности числа граждан (если исходить из того, что оно с самого начала не превышало 9–10 тыс. человек) и при чрезвычайной замкнутости самой гражданской общины любое случайное стечение обстоятельств, например катастрофическое землетрясение 464 г. (гипотеза А. Тойнби) или неучтенные источниками потери в войнах как внешних, так и внутренних, легко могло вывести этот изолированный человеческий коллектив из состояния стабильности. Сокращению численности граждан могли способствовать и некоторые постоянно действующие факторы вроде гомосексуальных связей, процветавших в среде спартиатов, обычай полиандрии, по-видимому, тоже достаточно распространенный, уничтожение детей с теми или иными физическими недостатками и т. п. Но после того как была принята «ретра Эпитадея» и отчуждение Ликурговых наделов стало обычным явлением, этот процесс должен был пойти ускоренными темпами и результаты его были просто катастрофическими. Ко времени реформы

Агиса IV в наличии оставалось, по свидетельству Плутарха, всего 700 спартиатов, из которых лишь сто имели землю (остальные 600, видимо, сидели на тех же наделах и за счет получаемых с них доходов выплачивали свои взносы в сисситии, но собственниками или даже владельцами этой земли они не считались, так как наследование шло по старшинству).

3. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ, СЕМЬЯ И БРАК В СПАРТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Пожалуй, никакая другая сторона спартанского образа жизни не вызывала столь резких разногласий и противоречивых оценок в античной литературе, как семейные отношения спартиатов и то особое положение, которое занимали в спартанском обществе женщины. Здесь особенно резко сталкиваются взгляды поклонников спартанского образа жизни (лаконофилов, или лакономанов) и взгляды его решительных противников (лаконофобов). Точку зрения этой последней группы наблюдателей особенно последовательно выразил Аристотель во II книге «Политики». Ликург обвиняется здесь в том, что, позаботившись о введении добрых обычаев и нравов среди мужской части населения Спарты, он совершенно позабыл о женщинах. Предоставленные самим себе, они предались своеволию и распущенности и, более того, начали вмешиваться в государственные дела, что привело к установлению в Спарте самой настоящей гинекократии (см.: Arist. Pol. 1269b 12 — 1270a 29).

Из этих рассуждений Аристотеля не совсем ясно, в чем именно заключалась распущенность (ἀνέσις или ἀκολασία) спартанских женщин. Можно догадаться, однако, что они позволяли себе роскошествовать, бросая тем самым вызов строгости законов Ликурга, что они оказывали какое-то давление на должностных лиц (вероятно, на царей и эфоров), так что те оказались в положении γυναικοκρατούμενοι, и что в довершение ко всему прочему они завладели чуть ли не половиной всей принадлежавшей государству земли (об этом сказано уже в следующей части того же раздела II книги, где Аристотель рассуждает о ненормальном распределении земельной собственности среди спартиатов).

Следует напомнить о том, что, изображая положение дел в спартанском государстве в столь мрачном свете, Аристотель имеет в виду прежде всего современную ему упадочную Спарту, уже утратившую свою былую славу и могущество и пораженную тяжелым внутренним недугом. Возможно, те проявления женской распущенности, о которых говорит здесь автор «Политики», были так или иначе связаны с этим упадком и, на-

оборот, не были характерны для более ранних периодов истории Спарты (в качестве ближайшей исторической параллели здесь невольно вспоминается Рим времен империи, в котором женская свобода также вышла по античным понятиям далеко за рамки дозволенного).

Однако упреки в адрес спартанцев и обвинения их в том, что они предоставляют своим женам и дочерям слишком большую свободу, можно встретить и в гораздо более ранних произведениях греческой литературы, созданных в ту пору, когда Спарта еще находилась в зените своего могущества. Так, в «Андромахе» Еврипида Пелей порицает спартанца Менелая за то, что он ничего не сделал для того, чтобы оградить свой семейный очаг от прелюбодеяния. Сам Пелей, однако, находит поступок Елены вполне естественным и соответствующим тем нравам, которые царят у нее на родине: «...А впрочем, спартанке как и скромной быть, когда с девчества, покинув терем, делит она палестру с юношей, и пеплос ей бедра обнажает на бегах... Невыносимо это... Мудрено ль, что вы распутных рóстите?»² С точки зрения строго исторической все это, конечно, явный анахронизм. Брюзжание по поводу распущенности спартанок звучало бы, конечно, гораздо естественнее, если бы мы услышали его не от старца Пелея, а от какого-нибудь афинского моралиста времен Пелопоннесской войны. Очевидно, среди современников Еврипида слухи о непозволительно свободном образе жизни спартанских женщин были, что называется, притчей во языцех. Ко времени же Аристотеля они уже успели стать глубоко укоренившейся литературной традицией, хотя само содержание этой традиции могло постепенно меняться: для Еврипида главным, как видно из цитированного отрывка из «Андромахи», была крайняя половая распущенность спартанских женщин. Аристотель же обращает основное внимание на то влияние, которым они будто бы пользовались в политических и имущественных делах.

Попробуем разобраться, в какой степени все эти обвинения соответствуют действительному положению вещей. Лаконофил Ксенофонт восхищается мудростью Ликурга, который в заботе о правильном деторождении освободил спартанских девушек от слишком строгого домашнего надзора и вместо того, чтобы, как это обычно бывает в других

² Еврипид. Трагедии. М., 1969. Т. 1. С. 314 (перевод И. Ф. Анненского). О распущенности спартанских женщин упоминает также Платон в «Законах» (Plato. Leg. 637c, 806c ἡ περὶ τὰς γυναῖκας ἀνεσις); см. возможные переводы этого словосочетания у Картлиджа (Cartledge, 1981, p. 87).

О том, что сами спартанцы признавали своих женщин или хотя бы часть их распущенными и нуждающимися в присмотре, свидетельствует должность гинеконома, засвидетельствованная эпиграфически, правда, лишь для римского времени (Cartledge, 1981, p. 102, n. 109). Ср. ответ Горго, жены Леонида, у Плутарха (Plut. Lyc. XIV).

греческих государствах, сидеть за ткацким станком в ожидании замужества — предоставил им возможность заниматься гимнастикой наравне с юношами. Более подробно останавливается на этом же сюжете Плутарх в XIV главе «Биографии Ликурга», где он вступает в прямую полемику с Аристотелем, доказывая, что спартанский законодатель отнюдь не обошел женщин своим вниманием, а, напротив, очень хорошо позаботился об их воспитании: «...Он укрепил и закалил девушек упражнениями в беге, борьбе, метании диска и копья, чтобы и зародыш в здоровом теле с самого начала развивался здоровым, и сами женщины, рожая, просто и легко справлялись с муками. Заставив девушек забыть об изнеженности, баловстве и всяких женских прихотях, он приучил их не хуже, чем юношей, нагими принимать участие в торжественных шествиях, плясать и петь при исполнении некоторых священных обрядов на глазах у молодых людей. Случалось им и отпускать остроты, метко порицая провинности, и воздавать в песнях похвалы достойным, пробуждая в юношах ревнивое честолюбие. Кто удостоивался похвалы за доблесть и приобретал известность у девушек, удалялся, ликуя, а колкости, даже шутливые и остроумные, жалили не менее больно, чем строгие внушения: ведь поглядеть на это зрелище вместе с остальными гражданами приходили и цари и старейшины...» Нетрудно представить, какое впечатление могло произвести описанное здесь представление на какого-нибудь заезжего афинянина, да и гражданина любого другого греческого полиса, для которых появление совершенно обнаженной или хотя бы одетой в короткий хитон женщины на публичной церемонии было верхом непристойности (у себя на родине они представляли такое право только гетерам, да и то лишь во время попоек с небольшим числом участников). В достоверности свидетельств Плутарха сомневаться не приходится. Их подтверждают гораздо более ранние источники, такие как Ксенофонт и Еврипид, на которых я уже ссылался выше, также Аристофан (вспомним Лисистрату, осыпающую комплиментами спартанку Лампито: «Прелестный друг, лаконка Лампито! Какой красой, голубка, ты блистаешь! Как расцвела, как крепок полный стан, быка задавишь!» — на что Лампито отвечает без ложной скромности: «Видят боги, смело я упражняюсь в беге и прыжках»). Уже Ивик, поэт VI в. до н. э., называет спартанских девушек «открывающими бедра», очевидно, намекая на те мини-хитоны, в которые они облачались во время состязаний в беге и других атлетических упражнений³. Наглядными иллюст-

³ К той же лаконофильской традиции восходит и восторженная оценка этого обычая в одной из элегий Проперция (Propert. III, 3, 14, 1–4), упоминающего гимнасий для девушек (*virgineum gymnasium*).

рациями спартанских нравов могут служить любопытные бронзовые фигурки, датируемые в основном VI в. до н. э. и изображающие частью девушек-бегуний в коротких хитонах, частью совершенно обнаженных, может быть, танцовщиц, участвующих в каких-то религиозных церемониях вроде тех, которые описывал Плутарх. Общей чертой всех этих лаконских мастеров является то, что некоторые важные особенности анатомии женского тела в них сильно сглажены и приглушены, благодаря чему изображенные девушки смахивают скорее на мальчиков или юношей. Возможно, это было следствием воздействия на их организм постоянных физических упражнений, а, может быть, такова была сознательная установка художника, стремившегося максимально сблизить оба пола.

В какой мере этот явно ненормальный, с точки зрения любого грека-мужчины, образ жизни спартанских девушек благоприятствовал распространению среди них добрых половых связей, сказать трудно. Мы не знаем, кто прав: Еврипид, недвусмысленно намекающий на то, что такие связи были обычным явлением, или же Плутарх, оспаривающий это мнение. Этнографические параллели, пожалуй, дают основания для того, чтобы решить этот спор в пользу лаконофобов. У таких африканских народов, как зулусы (Южная Африка) и масаи (Восточная Африка), житейский уклад и психология которых очень близки к спартанским

О ритуальном характере женских или скорее девичьих атлетических состязаний в Спарте см.: Scanlon, 1988, p. 186 ff., 198 ff. Ср.: Cartledge, 1981, p. 91.

О девичьих агелах в Спарте упоминает Пиндар (Pind. Fr. 112). Позже Каллимах назовет эти объединения «илами» (Callim. Hymn. V, 33–34). См. также «Эпиталаму Елены» Феокрита (Theocr. Hymn. XVIII, 26–37).

О воспитании девушек и его целях см.: Scanlon, 1988, p. 188 ff.; о наготы: Ibid., p. 189 (автор считает, что Плутарх и другие авторы имели в виду не абсолютную наготу, а одеяние, состоящее из одного короткого хитона). См. также: Propert. III, 14; Ovid. Her. XVI, 149–152; Pollux VII, 54 sq.; Ibykos. Fr. 58 Page; Athen. XIII, 566e.

Об этих статуэтках см.: Scanlon, 1988, p. 191 ff.; Cartledge, 1981, p. 42; Oliva, 1971. 23, 24, 38–40.

Не совсем ясно, считались ли занятия атлетикой обязательными для всех девочек-девушек и как продолжительны они были. Лампито у Аристофана — уже замужняя женщина. Согласно предположению Макдоуэла (MacDowell, 1986, p. 72), эти занятия прекращались после того, как женщина становилась матерью или после вступления ее в возраст деторождения.

Картлидж (1981, p. 92), вероятно, прав, не сводя мотивацию женской атлетики исключительно к евгеническим соображениям. Ср., однако: Ibid., p. 93.

Как справедливо отмечает Тойнби (Toynbee, 1969, p. 363), женская атлетика в Спарте носила более цивилизованный характер, чем мужская. Благодаря своему воспитанию спартанские женщины имели достаточный запас сил, чтобы сопротивляться попыткам сделать их абсолютно привязанными к дому.

обычаям и нравам, добрачная половая свобода среди юношей и девушек была общепринятой нормой. Известная легенда о парфениях — основателях Тарента, независимо от того, в какой мере отразились в ней реальные события, происходившие в Спарте на рубеже VIII—VII вв. до н. э., свидетельствует о существовании здесь особой социальной категории людей, рожденных вне брака или, скорее, до брака и в силу этого сильно ущемленных в своих гражданских правах. Существовала ли эта прослойка в классической Спарте, остается неизвестным⁴.

Можно предполагать, что, если даже добрачная половая свобода и существовала в Спарте первоначально, как в некоторых других примитивных обществах, в конце концов она была то ли ограничена, то ли совсем сведена на нет самим спартанским государством, поскольку оно было заинтересовано, прежде всего в том, чтобы у граждан вырастало законное потомство, способное унаследовать их права и обязанности.

О заинтересованности государства в поддержании деторождения среди сословия спартиатов на определенном уровне свидетельствуют специальные законы, регламентировавшие брачные отношения и приписываемые, как и все почти остальное спартанское законодательство, Ликургу. По словам Плутарха, законодатель предусмотрел особые наказания за безбрачие, а также за слишком позднее или недостойное вступление в брак. Закоренелых холостяков не допускали на праздник гимнопедий⁵. Зимой их заставляли нагишом маршировать вокруг спар-

⁴ Плутарх (Plut. Lys. XV) признает, что в позднейшие времена в Спарте действительно возобладала «доступность» женщин, хотя первоначально, пока законы Ликурга соблюдались неукоснительно, прелюбодеяние было здесь чем-то совершенно немыслимым. В подтверждение этой своей мысли он ссылается на достаточно двусмысленный анекдот о некоем Герате скорее лаконофобского, чем лаконофильского толка. Ср.: Arist. Pol. 1269b 22—23. Макдоуэл (MacDowell, 1986, p. 87), похоже, принимает эти уверения Плутарха за чистую монету.

См. также: Hesych., Photius, Suida λ 226: Λαχονιχὸν τρόπον: «предлагать себя чужим, так как лаконяне охраняют своих жен меньше, чем какой-нибудь другой народ». К легенде о парфениях и свободной любви в примитивных обществах см.: Nilsson, 1986, S. 128 ff. Афиней (Athen. 602d) утверждает, что «перед вступлением в брак спартанцы имеют обыкновение заводить связи либо с девицами, либо с мальчиками».

⁵ Plut. Lys. XXX, 7 (текст и комментарии см.: MacDowell, p. 73) в связи с историей о дочерях Лисандра. См. также: Lys. XV, 1—3; Pollux III, 48; VIII, 40; также Клеарх у Афиней (Athen. 555c; Nilsson, 1986, S. 130).

Макдоуэл (MacDowell, 1986, p. 75) полагает, что запрещение присутствовать на гимнопедиях следует расценивать как меру, направленную против гомосексуальных связей. Но это объяснение кажется наивным: надо полагать, что любители красивых мальчиков и без того имели достаточно возможности для охоты за своими жертвами. К тому же этим промыслом вполне могли заниматься и женатые мужчины, которых от гимнопедий не отлучали. Скорее всего этот запрет, по крайней мере первоначально, имел

танской агоры, распевая поносные песни, в которых они обличали свое собственное нерадение. Наконец, они были лишены всех тех почестей и уважения, которые молодежь в Спарте обычно оказывала старшим по возрасту. Здесь сразу же следует сделать оговорку, что меры, описанные Плутархом, возможно, не были законами в строгом значении этого слова. Скорее это были обычаи, некоторые с ясно выраженной ритуальной окраской, как, скажем, шествие обнаженных холостяков. Не подлежит сомнению, однако, что обычаи эти поддерживались государством, так как были ему выгодны. Не ограничиваясь мерами принуждения, государство пыталось поощрять заключение брачных союзов и деторождение среди граждан также и с помощью некоторых льгот. Согласно сообщению Аристотеля, отец троих сыновей законом освобождался от военной службы, а тот, у кого их было четверо, вообще не нес никаких повинностей.

Мы не знаем, распространялись ли все эти меры принудительного и поощрительного характера также и на женщин, и спрашивал ли кто-нибудь вообще о их согласии, когда их выдавали замуж⁶.

Описание брачной церемонии у Плутарха как будто исключает такую возможность. Он говорит, что невест умыкали (вероятно, по предварительной договоренности с родителями, как это делалось обычно и в других греческих государствах). При этом Плутарх делает оговорку, что девушек похищали лишь тогда, когда они вполне созреют для брака (в Афинах девушек выдавали замуж в 12–14 лет за 25–30 мужчин; в Спарте их выдерживали, вероятно, лет до 18 или даже 20)⁷. Смысл всех этих

ритуальный смысл: вероятно, считалось, что холостяки, сами бесплодные, могут заразить своим бесплодием также участвовавших в празднестве обнаженных мальчиков (см. Den Boer, 1954, p. 221 ff.). Макдоуэл (*ibid.*, p. 76) справедливо отвергает слишком позднюю датировку этих законов у Daybe, 1977 и Cartledge, 1981, p. 95.

Arist. Pol. 1270b, 1–4. Также: Aelian. Var. Hist. VI, 6.

На значение τεκνοποιία (деторождение) в Спарте обратил внимание уже Критий (Critias. 88. Fr. 32 D–K). Также: Xen. Resp. Lac. I, 3.

Некоторые источники указывают на то, что вступлению в брак, как правило, предшествовала помолвка или договор между женихом и отцом невесты. Муж, желающий избавиться от ненужной ему жены, мог просто отослать ее обратно к родителям, как это делалось и в Афинах. (Hdt. VI, 63, 1).

⁶ Картлидж (Cartledge, 1981, p. 100) считает, что женщина не могла выбирать себе мужа по своему усмотрению.

⁷ Ср.: MacDowell, 1986, p. 73. К вопросу о похищении невест см. анекдот о невесте царя Леотихида, похищенной его соперником Демаратом (Hdt. VI, 65, 2). Ср. другой брачный обычай спартанцев, описанный Гермиппом у Афиня (Athen. 555b–c), и комментарии Макдоуэла (*Ibid.*, p. 80 f.). Гермипп, возможно, опирался на какую-то традицию, связанную со слухами о царящей среди спартанской молодежи добрачной половой свободе. С другой стороны, описанный им обычай хорошо вписывается

странных обычаев объяснить нелегко. Переодевание невесты в мужскую одежду — один из элементов так называемого обрядового трансвестизма (этот обычай был, по-видимому, широко распространен среди дорийских племен Пелопоннеса: в Аргосе невестам даже наклеивали фальшивые мужские бороды). Но для чего это делалось? Быть может, таким образом обходился запрет на общение с существами противоположного пола, которому должны были подчиняться молодые люди не только в период воспитания в агелах, но и в первые годы, по достижении гражданского совершеннолетия уже после того, как их допускали в сисситии. Сношение с женщиной, одетой в мужскую одежду и к тому же коротко остриженной (заметим, что юноши после выхода из агел как раз начинали отпускать длинные волосы и значительную часть своего свободного времени посвящали уходу за ними), вероятно, формально приравнивалось к обычным среди спартиатов гомосексуальным связям с мальчиками. В конечном счете вся мрачноватая символика спартанских брачных обычаев (переодевание невесты, тайные встречи молодых супругов) должна была еще резче подчеркнуть исконную, уходящую далеко в глубины первобытной эпохи противоположность и даже враждебность двух сфер общественной жизни: сферы мужского общежития в агелах и сисситиях и сферы домашней семейной жизни, где безраздельно владовали женщины.

Переходя далее к описанию собственно семейной жизни спартиатов, Плутарх рассказывает на первый взгляд о совсем уже невероятных вещах (во всяком случае, некоторые современные историки отказываются ему верить) (Лик. XV): «...муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодовитая и целомудренная, он мог попросить ее у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан. Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей». Как ни странно все то, что рассказывает здесь Плутарх, и как ни шокирует он наше нравственное чувство, мне кажется, у нас нет оснований ему

в обычные картины спартанского равенства: невест здесь берут, не выбирая и без приданого; ни красота, ни богатство роли не играют. Ср.: Nilsson, 1986, S. 132 f.

О возрасте девушек-невест см.: Cartledge, 1981, p. 94. Картлидж (Ibid., p. 102) вслед за Нильсоном допускает, что спартанцы практиковали «пробные браки», которые приобретали вполне легальный статус лишь после появления на свет ребенка.

в данном случае не доверять. Во-первых, его сообщение подтверждается также и другими источниками. В выражениях, во многом сходных с Плутархом и с теми же мотивировками, описывает спартанскую семью и Ксенофонт в своей «Лакедемонской политии» (Xen. Resp. Lac. I, 5–7). Но дальше и Плутарха, и Ксенофонта заходит Полибий — историк как будто серьезный и в целом достоверный. По его словам (Polyb. XII, 6b, 8), в Спарте существовал «древний обычай», следуя которому трое или четверо мужчин (и даже больше, если они были братьями) могли иметь одну общую жену, причем дети, рожденные от такого брака, считались их общим достоянием. Во-вторых, и Ксенофонт, и Плутарх, и Полибий, безусловно, симпатизировали спартамцам и вряд ли стали бы возводить на них напраслину. Скорее, зная о том, что говорили и писали по поводу всех этих ненормальностей брачной жизни спартиатов враги спартанского государства, они стремились эти ненормальности как-то объяснить и оправдать в глазах греческого общественного мнения⁸.

⁸ Любопытно, что многоженство, напротив, не поощрялось общественным мнением. Завести вторую или третью жену значило вести себя «не по-спартански» (οὐδανῶς Σπартιατικῶς), это особо подчеркивает Геродот в своем рассказе о браке царя Анаксандрида (Hdt. V, 40), ср.: Nilsson, 1986, S. 127. Впрочем, обычай уступки жен другим мужчинам, о котором сообщают Ксенофонт, Плутарх и Полибий, может трактоваться и как форма полигамии, поскольку речь идет, по-видимому, о уже женатых мужчинах. Макдоуэл (MacDowell, 1986, p. 86) находит известное противоречие между сообщениями Ксенофонта и Плутарха, с одной стороны, и Полибия — с другой, поскольку последний говорит о совместном владении детьми, рожденными от таких связей, тогда как оба первых автора как будто имеют в виду, что партнеры по такого рода сделкам тем или иным способом делили свое потомство. Версия Полибия, пожалуй, больше отвечает самому духу спартанского космоса, основанному на принципе общности всей жизни граждан. Да и Ксенофонт ссылается на желание женщин, находящихся в совместном пользовании двух мужчин, «держат (одновременно) два дома». См. также рассказ Геродота о двоеженстве царя Аристонa (Hdt. VI, 61 sq.) и историю Клеонима, его жены Хилониды и Акротата (Plut. Pyrrh. XXVI, 8–9; XXVIII, 3), свидетельствующего, что общественное мнение в Спарте поощряло свободную любовь из еврипидовских соображений. В реальность этих фактов охотно верит М. Нильсон (Nilsson, 1986, S. 126 ff).

То особое положение, которое занимали в спартанском обществе внебрачные дети спартиатов (см. Xen. Hell. V, 3, 9), говорит не только о широком распространении внебрачных связей, но и о их признании общественным мнением как своего рода «браков левой руки». См. также так называемое Завещание Ксуфия из Храма Афины Алеи в Терее (Nilsson. Ibid., S. 129 f.). Нильсон подчеркивает, что в Спарте «браки существовали (были обязательными для граждан Спарты), а супружеская верность — нет» (Ibid., S. 136). Картлидж (ibid., p. 104) склонен думать, что незаконнорожденные были в большинстве своем детьми от связей спартиатов с илотскими женщинами, но это не обязательно так. Он и сам приводит примеры, свидетельствующие об обратном. Существование особой социальной категории υἱοὶ может быть объяснено как результат стремления отдельных спартиатов иметь полноценное мужское потомство,

Вероятно, в своем объяснении противоестественного поведения спартанских мужей, готовых уступить своих жен кому угодно, лишь бы они приносили им здоровое потомство, Ксенофонт и Плутарх были не столь уж далеки от истинного положения вещей или, точнее, от тех взглядов, которых придерживались в таких случаях сами спартанцы. Мы уже говорили о тех мерах, к которым прибегало спартанское государство для того, чтобы поддерживать необходимую численность гражданского населения. Одной из таких мер можно, по-видимому, считать и обычай обмена женами, с помощью которого можно было обеспечить законными наследниками мужского пола бездетные семьи и спасти их от вымирания. Важно, однако, подчеркнуть, что это — опять-таки не столько закон, сколько обычай, причем обычай, по всей вероятности, очень древний, лишь приспособленный спартанским государством к его настоящим потребностям. К тому же объяснение это приложимо не ко всем брачным обычаям спартиатов. Так, описанный Полибием диковинный обычай полиандрии был направлен скорее к противоположной цели: не к увеличению рождаемости, а, наоборот, к ее сокращению. Это было необходимо в тех случаях, когда на одном наделе сидело несколько братьев — сонаследников отцовского имущества. Чтобы не увеличивать дальше и без того разросшуюся семью, считалось разумным и, видимо, также нравственным всем братьям иметь одну общую супругу⁹.

Современные исследователи нередко задаются вопросом: а какую роль играли во всех этих необычных формах спартанского брака сами женщины? Довольствовались они ролью пассивной жертвы, с которой муж и государство могли сделать все, что им заблагорассудится, или же они сами активно выбирали себе партнеров по детопроизводству, не считаясь с желаниями своих законных супругов? К сожалению, наши источники не дают прямого ответа на этот вопрос. Скорее всего все зависело от конкретного соотношения сил между мужчиной и женщиной в каждой отдельной семье. Женщина, наделенная сильным характером и волей, а среди спартанок было, по-видимому, немало таких, могла

которое, однако, было не вправе претендовать на отцовское имущество (на это прямо указывает Ксенофонт в «Лакедемонской политике» — I, 9), чем обеспечивалась неделимость гражданских наделов (в этом, надо полагать, было остро заинтересовано и само спартанское государство).

⁹ См.: Nilsson, 1986, S. 137. Ср.: Cartledge, *ibid.*, p. 102 f. Картлидж связывает обычай этого рода с *The seemingly concerted effort* (чьей? государства?) *To depreciate family life...*, хотя в то же время признает, что все они так или иначе были направлены на производство законных детей мужского пола. Ср.: Hodkinson, 1989, p. 90 — ставит этот обычай в один ряд с обычаем полиандрии как меру, направленную к ограничению рождаемости, и противоположное мнение у Макдоуэла (MacDowell, 1986, p. 85).

заставить мужа считаться со своими желаниями и даже прихотями, тем более успешно, что эти желания в общем гармонировали с той политикой планирования деторождения, которую проводило само спартанское государство. Разумеется, можно представить себе и ситуацию противоположного рода. Трудно, например, допустить, чтобы нормальная женщина, сознающая себя свободной человеческой личностью, добровольно согласилась бы отдать себя на растерзание целой компании мужей-братьев, как это было, по-видимому, в семьях, построенных по принципу полиандрии, где женщина неизбежно превращалась в подобие какой-то рожающей машины.

Источники очень мало сообщают о материальном положении спартанской женщины, ее имущественных правах. Известно, что традиционная спартанская система землевладения, сохранявшаяся по крайней мере до начала IV в. до н. э., была сориентирована с численностью полноправных спартиатов. Законным и, видимо, основным владельцем каждого клера считался спартиат-мужчина. Доходы, получаемые с надела, обеспечивали его взносы в сисситии, а также, по-видимому, и его содержание как воина-гоплита во время военных кампаний. Правда, при раскладке доходов клера было предусмотрено, что определенную их часть будет получать женщина, очевидно, супруга владельца клера. По Плутарху, мужчина должен был получать 70 медимнов ячменя и соразмерное количество жидких продуктов, женщина — 12 медимнов ячменя и соответственное количество вина и масла. Столь резкое неравенство в распределении доходов объясняется, по-видимому, не тем, что законодатель считал мужчин более прожорливыми, чем женщины. Скорее имелось в виду, что кроме себя самого спартиат — владелец клера должен будет кормить еще и своих сыновей или, может быть, младших братьев. То обстоятельство, что женщина имела свою четко фиксированную законом долю в общих доходах семьи, говорит, пожалуй, о необычности занимаемого ею положения. Быть может, это означает, что она считалась в каком-то смысле совладелицей клера, хотя, как далеко простирались ее владельческие права, об этом мы судить не можем. Во всяком случае в критской Гортине при разделе семейного имущества дочери также получали свою долю, хотя и меньшую, чем доля сыновей¹⁰. В определенных ситуациях женщина могла оказаться единственной наследницей семейного состояния; спартанцы называли таких наследниц *ποτρωῖχος* (буквально «держательница отцовского надела»).

¹⁰ Ходкинсон (Hodkinson, 1989, p. 82) высказал предположение, что женщины в Спарте, как и в Гортине, имели право на половину той доли отцовского наследства, которую получал каждый из сыновей.

О их особом положении свидетельствует тот факт, что в случае преждевременной смерти отца, если он не успел позаботиться о замужестве наследницы, его должен был заменить один из царей, подыскивавший девушке жениха (об этом сообщает Геродот). В Афинах в таких случаях наследница автоматически переходила под опеку ближайшего родственника отца. Аристотель, говоря о чрезмерном богатстве спартанских женщин, объясняет это тем, что в Спарте скопилось слишком много дочерей-наследниц, а также тем, что здесь дочерям, вступающим в брак, дают слишком большое приданое¹¹. Отсюда можно заключить, что во второй половине IV в. до н. э. женщины свободно распоряжались землей и другим принадлежащим им имуществом, не считаясь с волей своих супругов.

В их руках, судя по всему, оказалась значительная часть гражданских наделов. Конечно, это стало возможно только после того, как рухнула традиционная система землевладения и государство практически перестало вмешиваться в имущественные дела граждан. В следующем III столетии женщины в Спарте достигли, по словам Плутарха, такого могущества и влияния благодаря своему богатству, что активно противодействовали замыслам царя-реформатора Агиса IV¹², хотя этого последнего также поддерживали две женщины, как говорит Плутарх, самые богатые в Лакедемонне: мать царя Агесистрата и бабка Архидамия (вся борьба вокруг реформ сводится, таким образом, к соперничеству двух враждующих женских клик).

Суммируя все изложенное выше, мы можем, по-видимому, сделать такой вывод. Как и повсюду в Греции, основной ячейкой спартанского общества была моногамная семья, в которой первенствующее положение занимал мужчина-спартиат, поскольку только он считался полноправным гражданином государства и основным владельцем семейного надела. Однако спартанская действительность внесла свои существенные поправки в эту обычную для Греции схему. В силу целого ряда обстоятельств женщина заняла в спартанской семье и во всем обществе такое положе-

¹¹ Hdt. VI, 57,4–5. Этот порядок, по-видимому, уже не соблюдался во времена Аристотеля (Arist. Pol. 1270 a 26–29). Может быть, он был отменен в так называемой ретре Эпитадея (MacDowell, 1986, p. 107). Ср. указания некоторых других авторов, согласно которым правилом в Спарте (по закону Ликурга) были как раз браки без приданого (Athen. 555b–c, со ссылкой на Гермиппа из Смирны) и Plut. Moral. 227 sq. (оба места у MacDowell, p. 79–81). Ср. Cartledge, 1981, p. 98 f.

¹² Агис обратился к богатым жещинам, в том числе к своей матери и бабке, с призывом отказаться от своего имущества (Plut. Agis. IV, 1; VII. 1–96). Мать царя ссужала деньги многим людям (Ibid. 6.7). Более ранний пример богатой спартанки — Киниска, сестра Агесилая II (Xen. Ages. IX, 6).

ние, которое она нигде больше не занимала. Объясняется это отчасти силой древних обычаев, уходящих в самое отдаленное общедорийское прошлое. Так, участие спартанских девушек во всякого рода атлетических состязаниях можно расценивать как пережиток древних посвячительных обрядов подобно аналогичным состязаниям среди юношей.

Определенную роль сыграла также политика спартанского государства, направленная к тому, чтобы каждая семья спартиатов и весь полис в целом были обеспечены здоровым и полноценным потомством. Но главным фактором, определившим ненормальное, по обычным греческим понятиям, положение женщины в спартанском обществе, был явно ненормальный характер самого этого общества. Я имею в виду прежде всего такие его особенности, как почти абсолютное подавление личных склонностей и личной жизни отдельных граждан во имя высших интересов государства, а также весьма последовательно проводимый принцип сегрегации полов, благодаря чему в государстве образовались как бы два разных государства: мужское и женское¹³. Спартиат — мужчина, уже в младенческом возрасте вырванный из лоно семьи, отделенный от женщин, в том числе и самых ему близких, нерушимой стеной всевозможных запретов и предписаний, проводил большую часть своего времени в обществе своих друзей и боевых соратников и в результате постепенно терял вкус к семейной жизни. Его обязанности в этой далеко не самой главной части его существования сводились в сущности к одной-единственной функции — функции детопроизводства. Он был практически отстранен от воспитания детей, почти не занимался хозяйством. Вследствие этого женщины в Спарте могли наслаждаться гораздо большей свободой, нежели это было доступно афинянкам, да и женщинам любого другого греческого полиса. Они действительно, как говорит Аристотель, были предоставлены самим себе. Домашнее хозяйство, видимо, не отнимало у них слишком много времени, т. к. весь физический труд был переложен на плечи рабынь-илотов. Спартанские женщины, по словам Платона, не занимались ткачеством и прядением. В их обязанности входил, по-видимому, лишь самый общий надзор за домашними делами и воспитанием детей, да и то лишь самых маленьких. Остававшийся у них избыток свободного времени они могли посвящать чему угодно: гимнастическим упражнениям, любовным увлечениям, даже кое-каким интеллектуальным занятиям. Платон в «Протагоре» говорит, что среди спартанок было немало таких, которые гордились своей образованностью и отличались удивительным (для их пола) красноречием. Они занимались даже фило-

¹³ О значении фактора сегрегации полов см.: Nilsson, 1986, S. 132, со ссылкой на Шурца. Ср. Тоунбее, 1969, p. 361 f. и особенно 363 f.

софией и музыкой, что в глазах Платона может считаться признаком высокой культуры. Из других источников известно, что среди спартанских женщин были поэтессы и даже несколько философов-пифагорейцев¹⁴, так что в интеллектуальном отношении они, по-видимому, намного превосходили своих brutальных и неотесанных мужей. Не было бы ничего удивительного в том, что женщины такого склада стали бы активно вмешиваться также и в политические дела государства, хотя нельзя не считаться с тем, что все свидетельства о такого рода вмешательстве относятся к слишком позднему времени и ограничиваются лишь узким кругом женщин из высших слоев спартанского общества (в основном из царских семей). Слова Аристотеля о гинекократии, якобы царившей в Спарте, нельзя не признать сильным преувеличением. Даже незначительные проявления политической активности среди обычно приниженных и бесправных представителей слабого пола должны были вызвать у такого женоненавистника, как Стагирит, чувство глубокого негодования и наверняка показались бы ему полным ниспровержением основ всего существующего строя. Иначе говоря, в своих попытках найти объяснение того своеобразного положения, которое женщины занимали в спартанском обществе, мы всегда должны считаться с тем, что наши главные осведомители были мужчинами и, следовательно, страдали всеми пороками и изъянами, свойственными мужской психологии (см. Cartledge, 1981, p. 85).

¹⁴ Plato. Protagor. 342d; Leg. VII, 806a. Cartledge, 1981, p. 92.

Аристофан (Lys. 1237; cf. Vesp. 1245–7) упоминает спартанскую поэтессу Клитатору. Ямвлих (Vita Pyth. 367) называет имена нескольких женщин — последовательниц Пифагора. Посвятительные надписи спартанских женщин см.: Cartledge, *ibid.*, p. 93. В этой связи можно вспомнить и об общеизвестной находчивости и остроумии спартанских женщин, о приписываемых им сборниках апофтегм. См.: Scanlon, 1988, p. 187, n. 15. Ср. скептическое отношение Тойнби (Toynbee, 1969, p. 359) к этим изречениям. См.: Plato. Leg. 806a. Ср.: Paus. III, 16, 2. В целом по вопросу — Cartledge, 1981, p. 91, n. 40.

Часть II

СПАРТАНСКАЯ ФАЛАНГА ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СПАРТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Огромный военный потенциал Спарты выражался в еще невиданном в Греции и никем не превзойденном вплоть до появления македонской фаланги развитии тяжеловооруженной пехоты, которая не только по своим боевым качествам, но также, видимо, и по численности превосходила сухопутные войска всех других греческих государств. Судя по всему, именно она сыграла главную роль сначала в установлении спартанской гегемонии на Пелопоннесе (после побед над Аргосом, Тегеей и другими не столь опасными противниками), а затем в разгроме армии Ксеркса в битве при Платеях и в военном перевесе над афинянами, которого спартам удалось добиться в ходе I Пелопоннесской войны. Развитие событий в годы большой Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.) зависело, в первую очередь, от неоспоримого преимущества спартацев на суше над их противниками, которое было открыто признано афинянами в первый же год войны, заставило их отсиживаться за городскими стенами во время спартанских вторжений в Аттику и в целом оставалось непоколебленным (если не считать пилосского инцидента 424 г.) вплоть до самого конца войны. Единственное генеральное сражение, которое афинская армия под командованием Клеона решилась дать спартам под стенами Амфиполя в 422 г., закончилось полным ее разгромом. Несмотря на то, что общее число сражений, выигранных спартам в течение VI, V и первой четверти IV в. до н. э., было не так уж велико, а установить свою гегемонию в Греции они смогли только после того, как начали вести активную войну на море, их репутация τεχνίτων τῶν πολεμικῶν (по определению Ксенофонта — см.: Xen. Resp. Lac. XIII, 5. Ср.: Plato. Laches 182e—183a; Plut. Lyc. XXIV, 4) оставалась нерушимой вплоть до катастрофического поражения под Левктрами в 371 г. до н. э., да и после этого еще продолжала время от времени напоминать о себе (примером могут служить хотя бы действия Ксантиппа в Африке во время I Пунической войны).

Общепризнанное превосходство спартанской фаланги над армиями других греческих государств обеспечило Спарте роль гегемона сначала в Пелопоннесском союзе, созданном около середины VI в. до н. э., затем в Панэллинской лиге, организованной в 481 г. до н. э. для отражения персидского нашествия. Мы не знаем, однако, когда и где это превосходство спартанского оружия было осознано другими греками. Нам

неизвестно также, когда тактика сражения в сомкнутом строю была впервые освоена в Спарте, а ее граждане превратились в тех стойких гоплитов, которым суждено было покрыть себя неувядаемой славой в битвах при Фермопилах и Платеях. Мнения ученых по этому вопросу довольно сильно между собой расходятся. В то время как некоторые из них склонны приписывать честь «изобретения» фаланги именно спартанцам, полагая, что она была впервые применена ими еще в годы I Мессенской войны, т. е. согласно традиционной хронологии, в последней трети VIII в. до н. э. (Detienne, 1985, p. 138 sgg.), другие утверждают, что в этом отношении, так же как и в некоторых других, Спарта весьма заметно отставала от других греческих государств и прежде всего от своих ближайших соседей на севере Пелопоннеса: Аргоса, Коринфа и Сикиона (Cartledge, 1977, p. 25). Вопрос о времени появления новой тактики в Спарте может быть решен лишь в том случае, если мы будем рассматривать его в более широком контексте проблемы происхождения греческой фаланги. Сразу же следует заметить, что проблема эта до сих пор остается одной из самых сложных и дискуссионных во всей истории архаической Греции.

Глава 1

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФАЛАНГИ

Создается впечатление, что греческие историки почему-то обошли стороной вопрос о времени и обстоятельствах возникновения гоплитского строя. Даже Фукидид, столь живо интересовавшийся процессом наращивания вооружений в греческом мире в период, предшествующий Пелопоннесской войне, не счел нужным уделить этому вопросу хотя бы несколько строк в своей «Археологии». Один лишь Аристотель в «Политике» прямо связывает зарождение первых греческих демократий, которые сам он предпочитает называть «политиями», отмечая, правда, что эти архаические виды государственного устройства на самом деле представляли собой различные разновидности олигархического или монархического строя, с ростом военной значимости тяжеловооруженной пехоты, что повлекло за собой участие в государственном управлении бóльшего числа граждан (Arist. Pol. IV, 1297b 16–27). До этого, по словам того же автора, власть аристократии была безраздельной (полноправными гражданами считались только всадники), так как на войне решающую роль играла конница, а пехота, «еще не имевшая правильного устройства (ἄνευ συντάξεως), была бесполезна». Правда, в других источниках мы не находим никаких подтверждений справедливости этой теории. Современные историки иногда сомневаются в том, что в истории Греции послемикенского времени вообще был период военного преобладания аристократической конницы. Во всяком случае Гомер явно ничего не знает о таком преобладании, хотя некоторые из его героев, например Нестор, и носят почетный титул «всадник» (Greenhalgh, 1973, p. 75. Ср.: Alföldi, 1967, S. 13 f.; Jeffery, 1976, p. 67 f.; Snodgrass, 1964, p. 163).

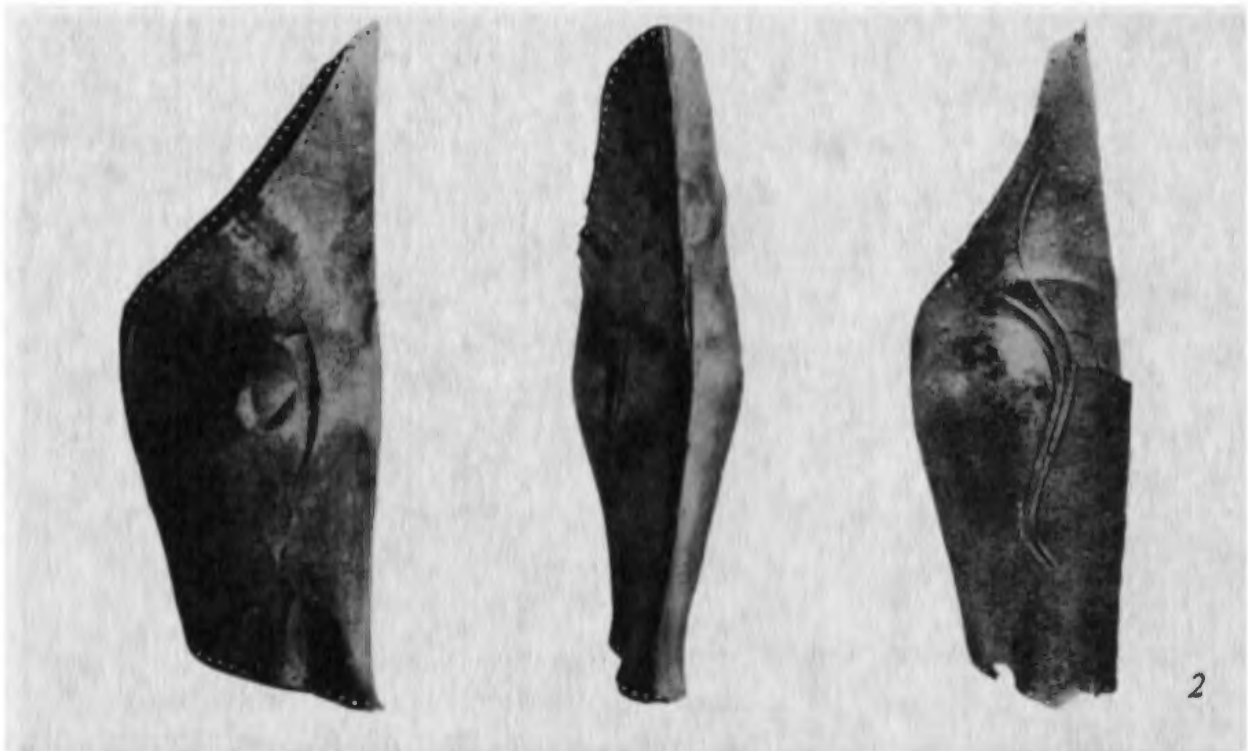
Не исключено, что Аристотель в этом месте «Политики» лишь теоретически домысливает не вполне ясную для него схему военного и одновременно политического развития раннегреческого полиса (Salmon, 1977, р. 96). Тем не менее его основная мысль о прямой зависимости политического значения демоса в жизни государства от его активности на полях сражений в целом, несомненно, соответствует исторической действительности периода «архаической революции». Современные историки до сих пор еще не пришли к полному единству мнений как в этом, так и в других вопросах, образующих в своей совокупности широкую проблему происхождения фаланги. Широко распространено представление, согласно которому введение тактики фаланги было прямым результатом ряда технических усовершенствований в греческом военном деле, среди которых на первом месте стоит создание так называемой гоплитской паноплии, т. е. комплекса защитного вооружения (ил. 13, 1–5), включающего двухстворчатый бронзовый панцирь (см. цветн. вклейку), шлем коринфского образца, почти целиком защищающий голову воина от ударов врага, оставляя лишь узкие прорезы для глаз и рта, поножи, защищающие голени и коленные суставы, и, наконец, большой круглый щит с двойной рукоятью. Особое значение придается последнему из этих четырех элементов

паноплии, так как считается, что, обеспечивая надежную защиту левому боку гоплита, двухручный щит оставлял открытыми спину и всю правую половину его туловища. Именно это обстоятельство, очевидно, и вынуждало гоплитов держаться и в наступлении, и в обороне возможно более плотно сомкнутой линией (каждый из них при таком построении прикрывал своего соседа слева и сам был прикрыт соседом справа) и в то же время стремиться к тому, чтобы все построение имело в глубину хотя бы несколько шеренг и рядов воинов (обычная глубина фаланги составляла, по данным авторов классического периода, 8 рядов). Именно так объясняла происхождение фаланги такая авторитетная исследовательница, как Х. Лоример (Lorimer, 1947, р. 76 f.), и вслед за ней некоторые другие авторы (Greenhalgh, 1973, р. 71 ff.; Cartledge, 1977, р. 13, 20; Detienne, 1985, р. 121, 132 sgg., ср.: Salmon, 1977,

Ил. 13. Защитное вооружение воина:

1 — коринфский шлем; 2 — поножи

р. 85, п. 6). Согласно расчетам Лоример, основанным на тщательном изучении всего доступного ей археологического материала, гоплитский щит с двойной рукояткой распространился на Пелопоннесе, в Средней Греции, на островах Эгейского моря, включая Крит, и в греческих полисах малоазиатского побережья в основном в хронологических рамках первой четверти VII в. до н. э., свидетельствуя о том, что тактика фаланги в это время была уже освоена во всех этих районах (Lorimer, 1947, p. 128; Greenhalgh, 1973, p. 73 f.; Cartledge, 1977, p. 20 f. Cp.: Salmon, 1977, p. 87 ff.)¹.

¹ Некоторые авторы отдают «пальму первенства» в изобретении фаланги аргивянам и даже называют имя изобретателя, полагая, что им мог быть знаменитый царь или тиран Аргоса — Фидон. Так считает, например, Э. Д. Фролов (1988, с. 117 сл.). Л. Джеффри, на которую он здесь ссылается (Jeffery, 1976, p. 134), высказывается, однако, по этому вопросу более осторожно: «Неясно, какое из греческих государств первым приняло ее (т. е. тактику фаланги. — Ю. А.), но претензии Аргоса во время правления его великого царя Фидона могут показаться столь же основательными, как и любые другие». В пользу аргосской версии решения проблемы говорят следующие факты: 1) находка, хотя и неполного, комплекта гоплитского вооружения, датированного концом VIII в., в одной из аргосских могил (Courbin, 1957, p. 322 sgg.); 2) упоминание у Павсания (Paus., VIII, 50, 1) о щитах особого аргосского типа (заметим, что упоминание это относится ко II в. до н. э., ко временам Филопемена, и никак не может служить подтверждением отстаиваемой Фроловым гипотезы); 3) характеристика аргосских воинов в Дельфийском оракуле, цитируемом Ионом Хиосским (FHG II, p. 51, fr. 17; III, p. 157, fr. 50), где они названы Ἀργεῖοι λινοθήρηες κέντρα Πτολέμοιο (цитируя этот отрывок, Фролов, как и Джеффри, за которой он следует, не обратил внимания на льняные панцири аргосских мужей, что явно свидетельствует о том, что оракул этот относится ко времени более раннему, чем введение гоплитской фаланги, в которой все воины имели унифицированное бронзовое вооружение). Вообще же появление в том или ином районе или месте отдельных

3

Ил. 13. Защитное вооружение воина:

3 — щит с двойной рукоятью у воина на кратере из Вика. Шатильон-сюр-Сен. Музей;
4 — центральная ручка щита; 5 — бронзовая статуэтка полностью вооруженного гоплита в коринфском шлеме. Святилище Додоны.

Ок. 500 г. до н. э.

Альтернативная этой концепции гипотеза была выдвинута английским археологом Э. Снодграсом. В его представлении переход к тактике фаланги от беспорядочных стычек неорганизованных масс пеших и конных воинов, которые чаще всего сводились к серии индивидуальных поединков между самыми доблестными и хорошо вооруженными «героями» из знати, которые так часто и охотно описывает Гомер в батальных эпизодах «Илиады», был весьма длительным, сложным и постепенным процессом (Snodgrass, 1964, p. 195 ff.; 1965, p. 110 ff.; 1980, p. 103 ff.). В общей сложности он продолжался около столетия: начавшись еще в конце геометрического периода, т. е. приблизительно во второй поло-

элементов панопии еще не означает, что фаланга возникла именно здесь, а не где-нибудь в другом месте (Snodgrass, 1964, p. 136; 1980, p. 103 f.; Toynbee, 1969, p. 254; Discrey, 1985, p. 63 f; специально о Фидоне Аргосском в связи с проблемой происхождения фаланги см.: Cartledge, 1977, p. 21).

вине VIII в. до н. э., он завершился лишь где-то около середины следующего VII столетия. В понимании Снодграсса (Snodgrass, 1965, p. 111 f.; 1980, p. 103), новый боевой порядок не мог возникнуть автоматически как неизбежное следствие появления нового усовершенствованного типа щита². В связи с этим он обращает внимание на то немаловажное обстоятельство, что изображения основных элементов гоплитской паноплии

² Еще до Снодграсса эту мысль высказывал немецкий историк Фр. Кихле (Kiechle, 1963, S. 266 ff.), полагавший, что зависимость между гоплитским вооружением и тактикой фаланги могла быть и прямо противоположной той, на которой настаивала Лоример, т. е. сначала должна была появиться сама фаланга, которая потребовала введения единообразного гоплитского вооружения. Ср.: Toynbee, 1969, p. 250; Courbin, 1985, p. 89 sg.

в греческом искусстве, а также единичные находки самих этих деталей вооружения в могилах воинов хронологически довольно сильно опережают первые надежно идентифицированные изображения фаланги в коринфской вазовой живописи³. По словам Снодграсса (Snodgrass, 1980, p. 103; см. также 1965, p. 112), гоплитский щит «был изобретен еще до 700 г. до н. э., почти так же рано, как металлический панцирь и шлем, и таким образом, возвращает нас назад во времена, которые, если рассматривать их с другой точки зрения, могут считаться эпохой господства конного аристократа. С другой стороны, тактика (фаланги) угадывается отнюдь не безошибочно в изображениях до тех пор, пока они не начинают появляться уже в следующем столетии на коринфских вазах с такой частотой, которая предполагает, что тактика этого рода была новшеством». Как указывает тот же автор (Snodgrass, 1980, p. 106), широкое распространение фаланги начинается лишь где-то около середины VII в. до н. э., когда в Олимпии резко увеличивается количество посвящений отдельных элементов гоплитского вооружения⁴.

До появления работ Снодграсса неоднократно высказывалось предположение, согласно которому уже вскоре после своего зарождения фаланга стала важным фактором политического развития греческих государств, оказывая мощное обратное воздействие на охватившее большую часть греческого мира демократическое движение. Поскольку гоплиты рекрутировались главным образом из среды более или менее зажиточного крестьянства (примером могут служить хотя бы афинские зевгиты, ср.: Яйленко, 1983, с. 172; Фролов, 1988, с. 116), введение фаланги должно было усилить политические позиции этой части общества в противовес старой родовой знати. Но те же гоплиты в ряде случаев, например в Аргосе, Коринфе, Сикионе и других местах, становились

³ По мнению Курбена (Courbin, 1985, p. 89), все основные элементы гоплитского вооружения, за исключением второй рукояти щита (так называемая антилабе), были известны еще в микенскую и геометрическую эпохи. По существу во многом близкую к этой позиции занимает также и Снодграсс (Snodgrass, 1964, p. 72). Однако известные нам по находкам и изображениям детали микенской панолии, например знаменитый панцирь из Дендры или типичные микенские шлемы из кабаньих клыков, существенно отличаются от соответствующих образцов защитного вооружения архаического времени. Кроме того, в общей цепи эволюции греческого защитного вооружения отсутствует ряд важных звеньев, приходящихся на так называемые темные века (XI — первая половина VIII в.), от которых до нас не дошло ни находок, ни изображений (ср. Тоупбее, 1969, p. 250).

⁴ Развивая далее основную идею Снодграсса, В. П. Яйленко предполагает, что «греческий гоплит, судя по изображениям, вошел в историю военного дела сначала как отдельный воин. Вероятно, полагает А. Снодграсс, это был аристократ. Возникновение фаланги означало его объединение с людьми ранга крупных собственников» (Яйленко, 1983, с. 171). Ср., однако: Cartledge, 1977, p. 20, n. 74; Detienne, 1985, p. 139, n. 108.

главной социальной опорой первых тиранических режимов, пока и поскольку сами тираны готовы были идти на сближение с ущемленным в своих правах крестьянством, выдавая себя за «простатов» демоса (Andrewes, 1958, p. 31 ff.; Jeffery, 1976, p. 41, 67; Detienne, 1985, p. 140; Ducrey, 1985, p. 64; Фролов, 1988, с. 118).

В своей статье 1965 г. Снодграс открыто выступил против господствующей тенденции, заявив, что прямой связи между гоппитской реформой и политической активизацией крестьянства, с одной стороны, и гоппитской реформой и тиранией — с другой, по-видимому, не существовало (Snodgrass, 1965, p. 115 f., 120 ff.). В своей эмбриональной форме фаланга могла зародиться еще в VIII в. до н. э., т. е. в тот период, когда политически господствующей силой в греческом обществе была аристократия. Именно аристократы первыми освоили и отдельные, тогда впервые появившиеся, элементы гоппитского вооружения, и тактику сражения в сомкнутом строю. Для того, чтобы увеличить боевую мощь своих дружин, которые могли использоваться как против внешнего врага, так и во внутренних междоусобных распрях аристократических родов, их высородные предводители начали привлекать в их ряды представителей наиболее зажиточной части крестьянства, которые имели возможность приобрести на свои средства весь набор гоппитской панолии. Таким образом, прежде чем стать самостоятельной политической силой, активно участвующей в раздиравшей греческий полис междоусобной борьбе, гоппиты еще долго оставались всего лишь оружием в руках правящей аристократической верхушки (Ibid., p. 122)⁵.

Правда, в опубликованной значительно позже (в 1980 г.) книге Снодграса «Архаическая Греция» мы находим уже существенно отличающийся от первого, снабженный целым рядом оговорок и по сути своей представляющий собой компромиссное решение проблемы вариант той же концепции. Отметив еще раз, что военная реформа не обязательно должна была иметь своим следствием реформу политическую или просто какое-то изменение баланса социальных сил внутри архаического полиса, Снодграс, однако, готов признать, что в ряде случаев эти изменения происходили более или менее синхронно и появление фаланги ассоциировалось, как об этом писал уже Аристотель, с первыми шагами на пути, ведущем к демократии. Военная реформа, по его словам,

⁵ В этой же статье Снодграс доказывает совместимость фаланги с аристократическим режимом, приводя в пример такие государства, как ранний Рим и этрусские города, освоившие гоппитскую тактику, видимо, вскоре после греков (Ibid.). Еще дальше заходит в рассуждениях такого рода А. Тойнби, допускающий, что намного раньше, чем в Греции, фаланга могла зародиться на Востоке, например, в Шумере, в Египте эпохи Нового царства, у карийцев (Toynbee, 1969, p. 250, n. 1).

давала средства для реализации возможной альтернативы не оправдавшему себя аристократическому правлению. «Сотня закаленных на войне аристократов, — пишет он, — внезапно обнаружила, что ей противостоит не только другая такая же сотня в соседнем государстве, но еще и тысяча хорошо вооруженных простолюдинов в их собственном полисе. Возможное решение (этой проблемы. — Ю. А.) заключалось в компромиссе, но в некоторых городах события развивались слишком быстро. Военная реформа близко совпала во времени с другим, более примечательным явлением этого времени — ростом тирании» (Snodgrass, 1980, p. 107, см. также p. 111 f.; Cartledge, 1977, p. 23 f.; Salmon, 1977, p. 93 ff.).

Тем не менее первоначальная идея Снодграсса о совместимости фаланги (хотя бы в ее неразвитой, зачаточной форме) с господством аристократических родов и, наоборот, о необязательности существования прямой причинно-следственной связи между новым боевым порядком и подъемом демократического движения так же, как и приходом к власти тиранов на гребне волны этого движения, была поддержана и развита далее некоторыми другими авторами, в том числе Гринхалем и Детьеном⁶. Первый из них завершает краткое рассмотрение этих вопросов в своей книге следующей сентенцией: «...Определенные примеры предоставления (политических) привилегий гоплитам немногочисленны, и проблема взаимодействия многих факторов, сочетание которых породило политически сознательные низшие классы, требующие более или менее демократических конституций, не может быть решена простым военным уравниванием» (Greenhalgh, 1973, p. 155). С другой стороны, Детьен, хотя и признает, что «в большинстве городов появление фаланги привело, как в Афинах, к тому, что некоторые называют “крестьянской милицией”: она (фаланга. — Ю. А.) вела к освящению “своего рода приравнивания земледельца к воину”» (цит. из: A. Aymard et J. Auboyer, *L'Orient et la Grèce antique*. Paris, 1953, p. 297 sq.), вместе с тем настаивает на ее сугубо аристократическом происхождении из восходящих еще к «героическому веку военных корпораций» (Detienne, 1985, p. 129; ср. p. 123 ff.; 134 ff.)⁷.

⁶ Убедительной признает концепцию Снодграсса, как раз в тех ее положениях, в которых она расходится с концепцией Лоример, также Тойнби (Тоунбее, 1969, p. 251).

⁷ Вместе с тем тот же автор указывает на тесную связь, существовавшую между фалангой и полисом (Ibid., p. 130 sgg.), хотя и этот последний также рассматривается им как особого рода корпорация воинов-аристократов, занимающая стратегически господствующую возвышенность и противостоящая крестьянскому населению прилегающей равнины (во многом сходные идеи в свое время были высказаны в книге А. Жанмэра «*Couroi et Courètes*» — Jeanmaire, 1939, p. 52 sgg.). Тем самым воз-

Насколько позволяют судить эти немногочисленные примеры, за десятилетия, истекшие со времени выхода статьи Лоример, вопрос о времени и обстоятельствах возникновения гоплитской фаланги намного усложнился, оброс новыми, ранее не возникавшими вопросами и в целом все еще далек от своего окончательного решения.

Попробуем хотя бы коротко сформулировать эти новые вопросы, чтобы показать читателю всю сложность и многоплановость стоящей перед нами проблемы. Если подойти к ней с точки зрения эволюции самой гоплитской тактики, то мы должны будем признать, что все еще не можем с уверенностью сказать, означает ли появление отдельных элементов или целых комплексов гоплитского вооружения либо в виде изображений, дошедших до нас в вазовой живописи и мелкой пластике, либо в виде находок этого вооружения в погребениях, святилищах и т. д., что эта тактика уже успела стать реальностью в жизни тогдашнего греческого общества со всеми вытекающими отсюда последствиями. Та же проблема, взятая в ее социально-политическом аспекте, заставляет нас задуматься над другим, пожалуй, не менее трудным вопросом. Должны ли мы представлять себе так называемую гоплитскую реформу как некое подобие цепной реакции, начинающейся с появления усовершенствованной формы круглого щита с двойной рукоятью, неизбежным следствием которого было радикальное изменение тактики массового сражения в пешем строю, которое, в свою очередь, было бы невозможно без широкого привлечения на военную службу в качестве тяжеловооруженных пехотинцев представителей прослойки зажиточного крестьянства, что повлекло за собой повышение сознания своей социальной ценности среди этой части греческого общества, способствовало усилению демократических тенденций в политической жизни архаического полиса и, наконец, проложило путь к власти первым тиранам (мнение, до сих пор разделяемое многими историками архаической Греции), — или же два эти процесса (процесс технических и тактических изменений в сфере военного дела и процесс социально-политических сдвигов в структуре греческого общества) развивались более или менее параллельно и независимо друг от друга, пересекаясь лишь в некоторых случайных точках (мнение Снодграса, не особенно решительно отстаиваемое им самим и его немногочисленными последователями)?

никновение обоих столь тесно связанных между собой социальных институтов — полиса и фаланги переносится Детьеном в самое отдаленное прошлое, возможно, еще в микенскую эпоху, хотя, согласно его же признанию, впервые оба эти понятия появляются как дополняющие друг друга только в элегиях Тиртея.

Предложенная формулировка далеко не исчерпывает всей сложности стоящей перед нами исторической проблемы. В том, что это так, можно убедиться, сопоставив между собой два, на первый взгляд, взаимоисключающих представления о происхождении фаланги, заключающихся в статьях английских историков Картлиджа и Салмона, опубликованных в одном и том же 97 томе «*Journal of Hellenic Studies*». В то время как Картлидж, обращая внимание читателя на парадоксальность самого выбора греками тактики сражения в сомкнутом строю, столь плохо приспособленной к особенностям типичного греческого ландшафта с невероятной изрезанностью его рельефа, приходит к выводу, что этот выбор не мог быть продиктован чисто или даже (только) в первую очередь военными соображениями и что он был обусловлен факторами скорее политического порядка (Cartledge, 1977, p. 18, 23). Салмон находит «военную гипотезу» в целом более приемлемой, объясняя возникновение фаланги как результат своего рода инерции военной мысли: фаланга имела несомненные преимущества в сравнении с предшествующей ей «толпой аристократов», которая также предпочитала сражаться на открытой равнине. Парадокс, по мнению того же автора, заключается не в самом факте принятия фаланги, а в продолжительности ее использования (Salmon, 1977, p. 84, n. 1, ср. p. 96).

Развивая далее свою основную мысль, Картлидж (Cartledge, 1977, p. 21 f.) указывает, что, несмотря на заметное учащение войн между греческими полисами в архаический период и вовлечение в эти конфликты все большего числа людей, в то время не существовало никакой первостепенной военной, т. е. стратегической, причины, объясняющей, почему именно ближний бой, пусть в одном только его гоплитском варианте, должен был считаться оптимальным способом для достижения этих целей (имеется в виду защита территории всего государства и частной собственности отдельных граждан), так как, естественно, встает вопрос: «Почему защищающаяся сторона должна была принять вызов к открытому сражению на равнине вместо того, чтобы (попытаться) удержать ведущие к ней проходы (в горах)?» (цитата из книги Андерсона — Anderson, 1970, p. 3). Отвечая на этот вопрос, сам Картлидж приходит к следующему выводу (Ibid., p. 23): «В действительности гоплитский способ ведения войны существовал на протяжении столетий в том же виде, в котором он однажды и возник, как дело джентльменов-любителей (a gentlemanly, amateur affair), ограниченное рамками необходимого сезона весной и в начале лета перед уборкой урожая, своего рода “прогулка, заканчивающаяся сражением” (Adcock, 1957, p. 82), которая требовала минимума тренировки и теоретического анализа... В общем это был тот вид войны, который всецело согласуется с тем, что в нем

принимает участие класс состоятельных, но во многих случаях (еще) трудящихся фермеров»⁸. И несколько ниже (*Ibid.*, p. 24): «Институализированная морская война или перманентное блокирование проходов и границ, конечно, выходили бы за пределы экономических возможностей большинства греческих государств в начале VII в. О создании эффективной легковооруженной пехоты этого нельзя сказать. Скорее социальный, и в особенности политический “подтекст” военной организации этого рода был тем фактором, который определил “ту неправомерно подчиненную роль, которую играли легковооруженные контингенты в VII, VI и даже в течение большей части V столетия”» (*Snodgrass*, 1967, p. 85). По существу Картлидж лишь излагает здесь в сжатом виде концепцию, которая была уже до него выдвинута другими авторами, в особенности Андерсоном (*Anderson*, 1970, p. 1 ff.). Концепция эта в целом, безусловно, дает вполне убедительное разъяснение основного парадокса, заключающегося в самом факте «изобретения» фаланги. Психологически вполне объяснимо стремление сотен, иногда тысяч среднезажиточных землевладельцев, составляющих основное ядро гражданского коллектива архаического полиса, к сведению к минимуму всех пагубных последствий войны, если уж она была неизбежна, и, следовательно, к скорейшему устранению породивших ее причин посредством одного-единственного «генерального» сражения, которое, наподобие средневекового «божьего суда» должно было решить, кто из двух враждующих сторон прав и кто виноват. Логически рассуждая, мы должны признать, что сам этот способ ведения войны родился как антитеза тем «варварским» ее формам, которые господствовали в Греции, очевидно, на протяжении всего периода «темных веков», а в наиболее отсталой западной или северо-западной части греческого мира продолжали сохранять свое значение еще и в гораздо более поздние времена. Имеются в виду столь любезные сердцу гомеровских героев пиратские экспедиции на море и разбойничьи набеги на суше, создававшие в стране обстановку непрерывной и крайне изнурительной «войны всех против всех». Переход к тактике правильных сражений в сомкнутом строю был, в сущности, таким же важным шагом на пути от варварства к цивилизации, как и отказ наиболее передовых греческих общин от древнего обычая сидерофории, т. е. от состояния постоянной всеобщей вооруженности, которому неизбежно сопутствовали непрерывные междоусобные распри, эксцессы на почве кровной мести и т. п. Этот переход,

⁸ Об условном, отчасти даже ритуализированном характере этого способа ведения войны писали в разное время многие авторы (краткую сводку их мнений приводит все тот же Картлидж — *Ibid.*, p. 23, n. 92).

несомненно, может расцениваться как важное свидетельство укрепления полисных начал в греческой жизни, роста полисного правосознания и вместе с тем как удар по тому господствующему положению, которое до сих пор занимала в греческом обществе родовая знать.

Отсюда не следует, однако, что новая форма военной организации граждан греческого полиса была с самого момента своего возникновения направлена против знати и сознательно использовалась демосом как своеобразное орудие классовой борьбы. Скорее всего отношение греческой аристократии к фаланге было двойственным, точно так же как и к тесно связанному с ней, вероятно, можно даже сказать, породившему ее полису. С одной стороны, именно аристократия была в архаическом греческом обществе основной носительницей антиполисных сепаратистских тенденций. Именно она культивировала в своей среде и в обществе в целом те «варварские» формы военных конфликтов в виде стремительных набегов на земли соседей или далеких пиратских рейдов, о которых мы уже говорили выше (ср.: Starr, 1961, p. 333 ff.). Аристократы в отличие от основной крестьянской массы средних и мелких землевладельцев не были столь поглощены своими хозяйственными заботами, что им не оставалось другого выбора, кроме стратегии и тактики фаланги, когда предстояло очередное столкновение с враждебно настроенными соседями. В принципе они могли обойтись и без нее. И все же наиболее дальновидные представители этого верхушечного социального слоя не могли не оценить по достоинству основные тактические преимущества фаланги, как только сама ее идея начала прокладывать себе дорогу в военной практике греков. Более того, вполне возможно, как это и предполагают Снодграс, Детьен, Гринхаль и некоторые другие авторы, что именно аристократы взяли на себя роль первых организаторов и пропагандистов нового боевого порядка, очевидно, рассчитывая использовать его в своих интересах как против внешних, так и против внутренних врагов (во время внутриполисных усобиц между враждующими группировками знати)⁹. Вероятно, поначалу знать просто не оценила по достоинству ту угрозу, которую заключала в себе фаланга для ее политического господства, и надеялась, что ей удастся точно так же манипулировать массой крестьян-гоплитов на поле боя, как она манипулировала ею в народном собрании (см.: Андреев, 1976, с. 105 сл.).

⁹ Одним из наиболее выразительных примеров применения фаланги во внутриполисной борьбе уже в рамках классического периода может служить сражение при Мунихии осенью 404 г. до н. э., положившее конец правлению «тридцати» в Афинах.

Подводя итоги нашего краткого историографического обзора, мы можем, пожалуй, уже сейчас, предваряя анализ конкретного материала источников, имеющегося в нашем распоряжении, принять за основу наших дальнейших изысканий концепцию Снодграса в ее последнем откорректированном варианте, вошедшем в книгу «Архаическая Греция». Нам, безусловно, импонирует основная идея этого автора, следуя которой, мы должны признать, что возникновение фаланги не могло быть результатом одного «большого скачка», произошедшего то ли в сфере военной технологии, то ли в социальной структуре раннегреческого полиса, то ли и там, и там одновременно. Скорее мы можем расценивать фалангу в ее известной нам по описаниям греческих историков V—IV вв. классической форме как конечный итог достаточно длительного процесса постепенного накопления нового качества военной организацией архаического государства. Как обычно бывает в таких случаях, этот процесс шел путем проб и ошибок и, очевидно, может быть сведен к целой серии экспериментов, в ходе которых отрабатывались и осваивались новые виды вооружения, как защитного, так и наступательного, и новые формы тактики. Грубо приблизительно мы можем разбить весь период становления фаланги на два основных этапа. Первый из них характеризовался изобретением основных элементов гоплитской панолии и зарождением «класса» гоплитов, первоначально рекрутировавшегося почти исключительно из аристократической среды, но с течением времени значительно расширившего свои рамки за счет кооптации зажиточных землевладельцев из простонародья. На этом этапе (его хронологические рамки весьма приблизительно могут быть определены как вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.) сражения в сомкнутом строю еще носили случайный эпизодический характер, причем участие в них принимала лишь сравнительно небольшая часть полисного ополчения — отборные тяжеловооруженные воины, стоявшие в его передних рядах (πρόμαχοι). Примерно такая ситуация зафиксирована со всеми скидками на неизбежную условность поэтического повествования в ряде батальных сцен гомеровской «Илиады». Сама тактика гоплитской фаланги в то время еще не была по-настоящему отработана. Можно говорить лишь о каких-то первичных, зачаточных ее формах. На следующем этапе (в основном он приходится на вторую половины VII в. до н. э., хотя усовершенствование однажды удачно найденной формы тактической организации могло продолжаться и в следующем VI столетии) происходит окончательный переход от наиболее типичной для предшествующего периода тактики рассыпного боя к правильному сражению в сомкнутом строю. Тяжеловооруженная пехота надолго становится доминирующей силой на полях сражений.

* * *

Однако, если эти общетеоретические аспекты проблемы происхождения фаланги могут быть выяснены в значительной мере априорно, исходя из того, что нам сейчас известно об основных тенденциях развития греческого общества в архаический период, сам механизм процесса становления фаланги может быть реконструирован, да и то лишь в сильно фрагментированном виде, только посредством тщательного и кропотливого изучения источников, как письменных, так и археологических.

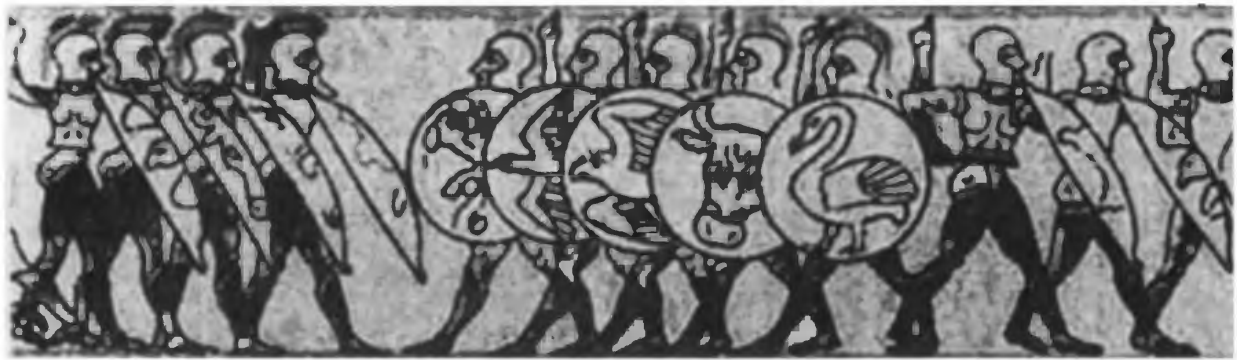
От всего архаического периода до нас дошло всего одно, как принято считать, не вызывающее никаких сомнений изображение фаланги. Это — рисунок коринфского мастера на так называемой вазе Киджи, изображающий четыре шеренги гоплитов, по две с каждой стороны, движущиеся навстречу друг другу в панцирях, поножах, коринфских шлемах с большими круглыми щитами, украшенными разнообразными эмблемами и занесенными для удара копьями (*ил. 14*). За движущейся слева направо линией гоплитов художник поместил фигуру юноши-флейтиста, очевидно, задающего своей игрой необходимый ритм движению всей массы тяжеловооруженных воинов. Далее в том же направлении видна вторая шеренга гоплитов, еще не успевших вступить в бой. В целом этот шедевр коринфской полихромной вазописи дает вполне наглядное представление и о построении греческой фаланги, и о ее вооружении, соответствуя позднейшим описаниям этого боевого порядка у таких авторов, как Фукидид, Ксенофонт и др.¹⁰

Ваза Киджи и, видимо, несколько более ранний арибалл из Берлинского музея (*ил. 15*), приписываемый тому же самому мастеру, который на этот раз изобразил несколько групп сражающихся гоплитов, т. е. скорее всего тот момент сражения, который непосредственно следует за сближением двух фаланг, представленных в росписи вазы Киджи (Lorimer, 1947, p. 85), могут считаться, по мнению Салмона (Salmon, 1977, p. 87), *terminus ante quem*, отступая от которого все дальше и дальше в глубь веков, мы рано или поздно должны прийти к тому важнейшему хронологическому рубежу, с которого, собственно говоря, и начинается история

¹⁰ Первоначальная датировка вазы Киджи — около 650 г. до н. э. — теперь передвинута к концу того же столетия (Charbonneaux, Martin, Villard, 1985, p. 31; Ducrey, 1985, p. 65, pl. 44. Ср.: Lorimer, 1947, p. 81). Таким образом, одна из главных точек отсчета в истории греческой фаланги существенно изменила свое местоположение, приблизившись к концу архаической эпохи, что неизбежно накладывает свой отпечаток на всю уже сложившуюся в науке сумму представлений о путях, по которым шло ее становление.

**Ил. 14. Ваза Киджи. Протокоринфская полихромная ольпа.
Рим. Национальный музей Вилла Джулия. Фрагмент росписи**

Ил. 15. Группы сражающихся гоплитов. Фрагмент росписи протокоринфского арибалла. Берлин. Государственные музеи. Античное собрание

фаланги. Как указывает тот же автор (*Ibid.*), до появления вазы Киджи и берлинского арибалла изображение движущейся или, тем более, сражающейся фаланги оставалось просто за пределами технических возможностей коринфских вазописцев. «Таким образом, — замечает Салмон, — если фаланга существовала около 680 г., не было ни одного вазописца, который был бы достаточно искусен, чтобы изобразить ее». Конечно, это не означает, что в период, предшествующий появлению берлинского арибалла и вазы Киджи, коринфские художники не предпринимали никаких попыток воспроизведения современных им реалий военной жизни и в том числе столкновений больших масс тяжеловооруженной пехоты. Чаше всего, однако, в этих экспериментах утрачивается основное специфическое качество фаланги — ее монолитность. Стройные ряды гоплитов, какими их удалось воспроизвести мастеру, расписывавшему вазу Киджи, теперь распадаются на калейдоскопически сменяющие друг друга стычки, в которых участвуют, как правило, лишь небольшие группы воинов, состоящие из двух-трех человек, с той и с другой стороны. Именно так выглядит сцена сражения, представленная на так называемом арибалле Макмиллана из Британского музея (*ил. 16*). Специалисты по истории вазовой живописи считают его работой того же коринфского мастера, которому принадлежат росписи вазы Киджи и берлинского арибалла, хотя и относят его к несколько более раннему времени (Lorimer, 1947, p. 103 f.; Salmon, 1977, p. 88 f). Несмотря на явно гоплитское вооружение участников этой сцены, Лоример в свое время нашла в ней ряд мотивов, например, попытки некоторых ее участников спасти тела своих погибших соратников, которые плохо согласуются с обычной практикой сражения в сомкнутом строю (Lorimer, 1947, p. 104). Салмон, несмотря на это, расценивает ее как попытку, хотя и не во всем удачную, изобразить сражение именно такого рода (Salmon, 1977, p. 89). Еще одна, видимо, самая ранняя по времени работа того же

мастера (также роспись на арибалле — Lorimer, 1947, p. 100, fig. 9, d) уже явно переносит нас в мир эпической поэзии, изображая, по всей видимости, сцену убийства Ахилла Парисом (Dunbabin, 1962, p. 15), на что указывает фигура лучника, стреляющего с колена, помещенная среди нескольких воинов, сражающихся на копьях (ил. 17). Все они могли бы, пожалуй, сойти за гоплитов благодаря своим щитам и шлемам, если бы художник не изобразил их совершенно обнаженными там, где их тела не скрыты щитами, что придает всей сцене определенно героический колорит¹¹. Любопытная версия, возможно, той же самой эпической сцены представлена на еще более раннем арибалле из Перахоры (святилище близ Коринфа — Dunbabin, 1962, pl. 57. См. там же pls. 58 и 78). Здесь мы видим две движущиеся навстречу друг другу группы (может быть, шеренги) воинов в гоплитском вооружении, хотя вместо обычных круглых щитов некоторые из них вооружены так называемыми дипилонскими щитами с прорезями по краям. Позади левой группы воинов видна фигура лучника (Париса?), который, стреляя с колена, поражает в ногу первого из воинов противоположной группы (Ахилла?). Но особый интерес вызывает непосредственно следующая за лучником и замыкающая всю композицию слева фигура флейтиста (ил. 18), невольно вызывающая в памяти более тщательно выполненную фигуру флейтиста на вазе Киджи. Эта характерная деталь ясно показывает, что в своей разработке традиционного героического сюжета художник, расписывавший арибалл, все же ориентировался на, очевидно, уже ставшую реальностью в его время тактику фаланги (Lorimer, 1947, p. 94 f.; Salmon, 1977, p. 90). Согласно Салмону (Ibid.), этот, возможно, самый ранний памятник греческого искусства, свидетельствующий о существовании фаланги, датируется 675 г. до н. э., хотя в связи с произведенной в недавнее время общей передатировкой протокоринфской вазовой живописи, он может быть отнесен к более позднему времени — вероятно, ко второй половине или (самое раннее) середине VII в. до н. э.

¹¹ Во многом сходный характер имеет и сцена сражения, представленная на арибалле из Сиракуз (Lorimer, 1947, p. 97, fig. 8, c).

*Ил. 16. Арибалл Макмиллана.
Лондон. Британский музей. Фрагмент росписи*

Ил. 17. Сцена убийства Ахилла Парисом (?) на арибалле из Лувра

Ил. 18. Сцена убийства Ахилла Парисом (?) на арибалле из Перахоры

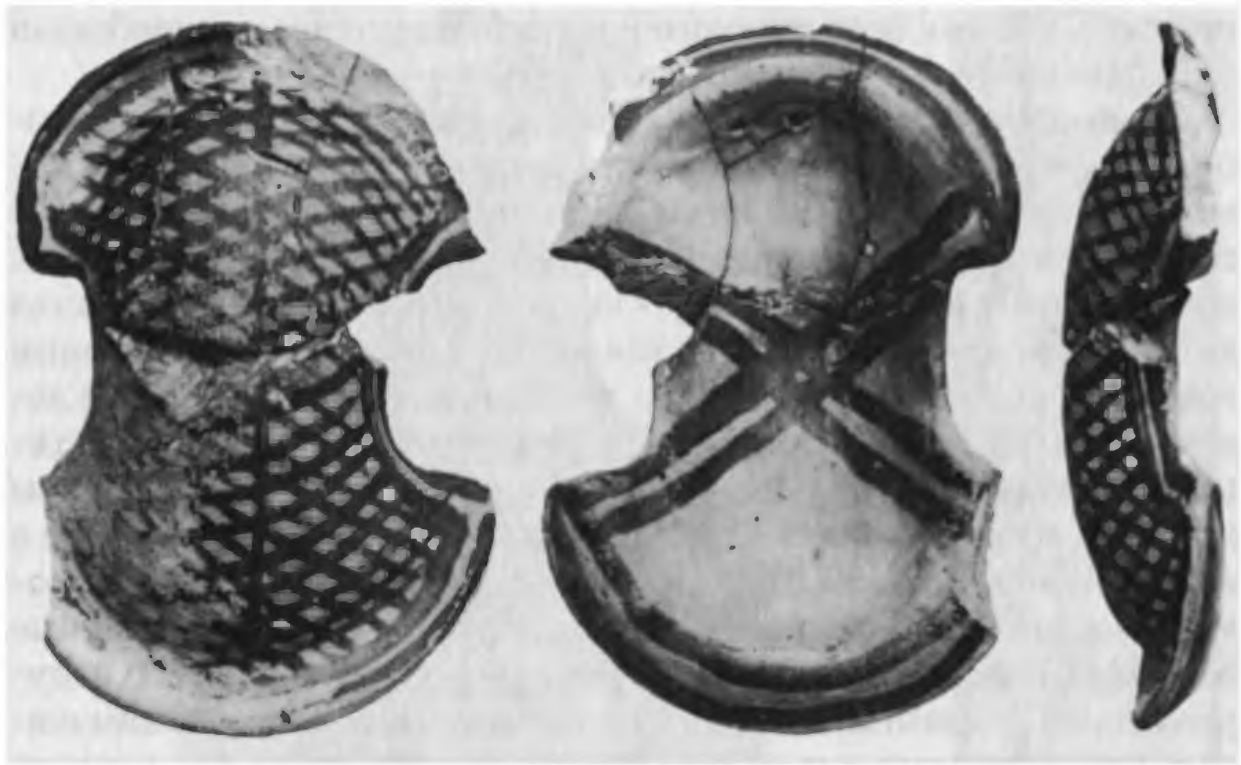
Другие синхронные арибалту из Перахоры или еще более ранние по времени образчики греческой вазовой живописи, включающие изображения батальных сцен, уже не могут расцениваться как доказательства распространения фаланги в первой половине VII в. до н. э. Давая общую их характеристику в своей статье 1965 г., Снодграс отмечал, что, как правило, они изображают либо серию индивидуальных поединков, либо сражения, в которых участвуют длинные колонны выстроенных в затылок друг другу пехотинцев, в которых трудно найти какие-либо признаки сходства с «классической» фалангой¹². Вооружение участников этих

¹² Длинные шеренги или колонны стандартно вооруженных воинов изображали уже живописцы, расписывавшие позднегеометрические вазы (обычно в сценах

сцен в одних случаях подчинено определенному стандарту и в целом довольно близко напоминает обычное вооружение гоплитов, в других — довольно заметно варьируется даже в пределах одной сцены. Круглые гоплитские щиты сменяются дипилонскими (ил. 19), как на арибалле из Перахоры, воины в панцирях соседствуют с другими, все защитное вооружение которых составляют только щит и шлем, наступательное оружие воинов, изображенных на этих вазах, очень часто составляют два метательных копья (по мнению Снодграсса, черта, характерная для сражений уже минувшей, догоплитской эпохи), иногда же одни только мечи (Snodgrass, 1965, p. 112 f.). Лоример, еще раньше отметившая этот разнобой, склонна была объяснять его тем, что некоторые из этих сцен носят легендарный (героический) характер, другие ориентированы на современную художнику действительность, третьи представляют собой смешение современности с «героическим веком» или скорее проекцию отдельных элементов первой на «реалистически» поданную картину второго, как мы наблюдаем это и в самом гомеровском эпосе (Lorimer, 1947, *passim*). Снодграс существенно видоизменил эту концепцию, высказав догадку, согласно которой батальные эпизоды на ранних протокоринфских и протоаттических вазах заключают в себе «документальные свидетельства переходной стадии в развитии греческого военного дела. Для этой стадии еще не характерна (окончательно) выкристаллизовавшаяся боевая формация или форма тактики, здесь еще отсутствует стандартизированная паноπлия, т. е. единообразное защитное и наступательное вооружение. Вместо этого привычная тактика предшествующего столетия постепенно модифицировалась... Но вооружение оставалось во многом тем же самым, как и в прошлом поколении, за тем лишь исключением, что шлем был несколько улучшен, а поножи стали более употребительны» (Snodgrass, 1965, p. 113).

Нам кажется, что мы можем принять гипотезу Снодграсса, не отвергая совершенно также и соображения, высказанные Лоример. Чисто технические трудности, которые коринфским мастерам вазовой живописи не удавалось преодолеть вплоть до появления вазы Киджи, т. е., если следовать новой хронологии, вплоть до самого конца VII в. до н. э., были главным препятствием, мешавшим им в их попытках воссоздать в своих рисунках столкновения больших воинских масс, в особенности если их боевые порядки уже имели хотя бы отдаленное сходство с классической

тризн — Schweizer, 1969). В еще более раннее время мы встречаем аналогичный принцип размещения фигур в батальных сценах на знаменитой микенской «вазе воинов», на одном из фрагментов «морского фриза» из Акротиры и на некоторых других произведениях эгейского искусства.

Ил. 19. Терракотовая модель дипилонского щита. Конец VIII в. до н. э.

фалангой, т. е. строились в несколько рядов, или шеренг. С другой стороны, не исключено, что сами художники не особенно стремились к решению этой важной художественной задачи, а, может быть, даже и не отдавали себе отчета в ее существовании. Вероятно, их вполне устраивало, если им удавалось, следуя старым канонам, выработанным еще в период господства геометрического стиля, заполнить свободное поле на шейке или тулове сосуда неким подобием фриза, «сконструированным» из более или менее однотипных деталей — фигурах марширующих или сражающихся воинов. Расчленение этого фриза на отдельные эпизоды — схватки, в которых могло быть одновременно занято от двух до пяти участников, стало следующим шагом в разрушении жестких геометрических схем росписи и перехода к новому искусству, повествовательному по своей природе.

В связи с этим перед нами неизбежно встает вопрос, почти совершенно обойденный другими исследователями. В какой мере стандартизация фигурок воинов в батальных сценах, украшающих ранние протокоринфские и протоаттические вазы, была данью традиционному, восходящему к геометрическому периоду канону, и в какой мере в ней можно видеть отражение реальной унификации вооружения первых греческих гоплитов? Только ответив на этот вопрос, мы можем окончательно определить свое отношение к гипотезе Снодграса, в которой достаточно важное место занимает тезис о постепенном вытеснении

пестрого, кое-как вооруженного и одетого ополчения единообразно «обмундированной» ратью «бронзовых людей» — гоплитов.

В геометрической вазовой живописи конца VIII в. до н. э. принцип единообразия, подчинения определенному строго выдерживаемому стандарту всех изображаемых фигур и предметов по праву может считаться одним из важнейших структурообразующих принципов, от которого во многом зависела вся система декоративного убранства амфоры или кратера. Человеческая индивидуальность, выражающая себя, если не в особенностях лица или фигуры, передать которые доступными ему художественными средствами геометрический художник за редкими исключениями, был просто не в состоянии, то хотя бы в деталях вооружения или одежды, как правило, начисто стирается в искусстве этого времени. Поэтому в наиболее популярных в позднегеометрической вазописи сценах тризн перед нами возникают длинные ряды как бы вырезанных по трафарету, совершенно одинаковых фигурок воинов, каждый из которых вооружен большим дипилонским щитом, парой метательных копий, коротким мечом и имеет на голове султан или, может быть, перо как бы условную замену шлема, а на ногах такие же условные обозначения поножей (см., например, Dussau, 1985, p. 37, fig. 19 = *ил. 20*). Подобное же «радующее глаз» единообразие мы видим и в сравнительно редких сценах похода (*Ibid.*, p. 36, fig. 18). Даже в весьма динамичных, почти «импрессионистических» по манере

исполнения сценах морских сражений (война на суше почему-то интересовала художников этого периода гораздо меньше) основными структурными элементами композиции остаются все те же одинаковые, как оловянные солдатики, фигурки воинов, вооруженных дипилонскими, реже круглыми щитами и двумя копьями, хотя в этих ситуациях художник пытается заставить их действовать и двигаться в соответствии с сюжетом

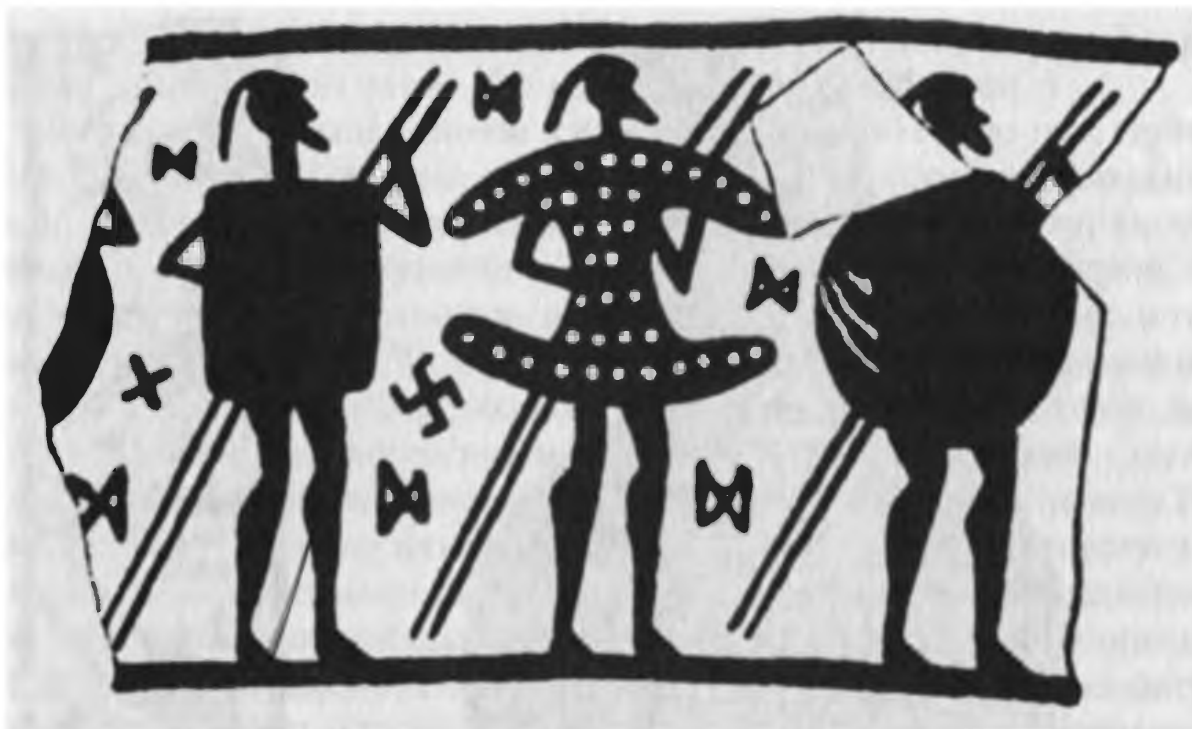
Ил. 20. Воины на фрагменте аттического кратера второй пол. VIII в. до н. э.

Ил. 21. Сцена сражения
на аттической геометрической ойнохое.
Копенгаген. Национальный музей Дании

(Lorimer, 1947, p. 78, fig. 1 = ил. 21). Лишь в редких случаях мы наблюдаем попытки отступления от почти безраздельно доминирующего в геометрическом искусстве принципа единообразия и воссоздания хотя бы и с помощью самых примитивных средств реального несходства сражающихся индивидов. Так, на одном фрагменте аттической вазы позднегеометрического периода художник изобразил три следующие друг за другом фигуры воинов (ил. 22), вооруженных двумя копьями, один из которых с небольшим прямоугольным щитом, другой — дипилонским и третий — круглым (может быть, уже го плитским) щитом (Greenhalgh, 1973, p. 65, fig. 38). Вероятно, акцент, явно сознательно

Ил. 22. Шествие воинов. Фрагмент аттической вазы. Конец VIII в. до н. э.

поставленный здесь вазописцем на пестроте и неоднородности вооружения воображаемой им рати, в целом намного ближе к исторической действительности раннеархаического периода, чем безукоризненно стройные и однообразные ряды или колонны марширующих воинов, которые мы видим на других расписных вазах того же времени.

Обращаясь к гомеровской поэзии, мы находим в ней то же стремление к единообразию в описании больших масс воинов, которое характерно и для современной ей вазовой живописи геометрического стиля. Эта тенденция неразрывно связана с той универсальной идеализацией всего человеческого и предметного мира, без которой невозможно представить себе любой, не только гомеровский эпос. Она наглядно проявляет себя уже в системе эпитетов, используемых поэтом в батальных сценах «Илиады». Ахейские воины постоянно вводятся в действие в сопровождении двух основных эпитетов: *χαλκοχιτῶνες* (меднодоспешные) и *εὐχνήμιδες* (прекраснопоножные), которые уже сами по себе создают у читателя представление о единообразно вооруженном и, видимо, также построенном и организованном войске.

В отдельных эпизодах «Илиады» эти эпитеты раскрываются в развернутом описании войска, с ног до головы одетого в бронзу и благодаря этому сверкающего в лучах солнца, как лесной пожар (II. II, 455 слл. Ср.: IV, 431 сл.; XIII, 340 слл.; XIX, 359 слл.). Бронзовые или изготовленные из какого-нибудь другого металла части защитного вооружения (примером может служить великолепный бронзовый панцирь

из Дендры — см. цветн. вклейку) были известны в Греции уже в микенскую эпоху (Buchholz, Wiesner et al., 1977). Однако в большинстве случаев они были настолько тяжелы и неудобны в обращении, что, подобно рыцарским доспехам эпохи Средневековья, использовались преимущественно в конном бою воинами-аристократами, сражавшимися на колесницах. Учитывая это, мы вправе допустить, что, хотя эпитет *χαλκοχιτῶνες* восходит ко II тыс. до н. э., описание целого войска, причем, явно пешего, сверкающего бронзовыми доспехами, могло быть сделано лишь поэтом, уже представлявшим себе или осведомленным через каких-то информаторов, что такое гоплитская фаланга (Webster, 1964, p. 218 ff. Ср.: Lorimer, 1947, p. 114; Snodgrass, 1964, p. 177 ff.).

Гомеру известны и другие характерные особенности фаланги и, в первую очередь, необыкновенная плотность и компактность ее рядов. В «Илиаде» несколько раз обращается внимание именно на это ее свойство. Так, в описании битвы у кораблей (II. XIII, 130 слл.) «лучшие» из греческих воителей ожидают нападения троянцев, «плотно сомкнув копье с копьем, щит с прилегающим к нему щитом..., шлем со шлемом, человека с человеком; соприкасались коневласые шлемы (своими) блестящими гребнями». Подобным же образом описывается в II. XVI, 211 слл. построение мирмидонского войска Ахиллом. Для большей наглядности поэт использует здесь сравнение, уподобляя сомкнувших свои ряды мирмидонян плотно прижатым друг к другу камням в стене дома¹³. Столкновение этих сжатых до предела человеческих толп друг с другом производит ужасающий эффект, подобный сшибке двух горных потоков. Гомер дважды повторяет это описание начала битвы, которое может изображать только встречный бой двух фаланг (IV, 446 слл. = VIII, 61 слл.): «И вот, когда они, сойдясь в одном месте, двинулись, сшиблись кожаные щиты, копья и гнев мужей, облаченных в бронзовые панцири; тотчас сдвинулись и выпуклые щиты (или умбоны щитов), и великий шум поднялся». Эта потрясающая воображение картина столкновения двух воинств, конечно, не могла возникнуть путем простого сложения серии одиночных поединков, которым Гомер, как это и пристало эпическому поэту, уделяет основное внимание в батальных эпизодах своей поэмы. Несомненно, поэт шел и в этой, и в других созвучных ей сценах от ка-

¹³ В некоторых местах «Илиады» этот боевой порядок характеризуется с помощью наречия *πυρῦβδν* («подобно башне»). Так, например, в XII, 43 ахейские воины, отражающие нападение Гектора на стену их лагеря, сравниваются с охотниками, которые, сомкнувшись, подобно башне, мечут копья в изготовившегося для прыжка льва.

ких-то существовавших в его время военных реалий, отнюдь не от возникших в его сознании умозрительных конструкций.

Чтобы прорвать фалангу или, точнее, первый ее ряд, составленный, по всей видимости, из тех, кого Гомер называет *πρόμαχοι*, т. е. стоящих плечом к плечу отборных воинов-аристократов, нужен был натиск огромной силы, который мог создать воин или группа воинов, действующих наподобие тарана. В ахейском войске таким «человеком-тараном» всеми признан Аякс Теламонид, о котором в одном месте (II. VI, 6) прямо сказано, что он прорвал (*ῥήξε*) троянскую фалангу (ср. XI, 90).

Не ограничиваясь беглыми зарисовками внешнего вида фаланги, Гомер в отдельных случаях показывает ее как бы изнутри, позволяя делать определенные предположения относительно принципов ее построения. Так, в IV песни «Илиады», изображая обход Агамемноном готовящегося к бою ахейского войска, поэт в первую очередь обращает внимание читателя на дружину критян, которую строили для предстоящей битвы два вождя: Идомей и Мерион, один передние ряды, другой задние (253–4: *Ἰδομενεὺς μὲν ἐνὶ προμάχοις, σὺν εἵκελος ἄλκην, Μηριόνης δ' ἄρα οἱ πυμάτας ὥτρυνε φάλαγγας*). Отсюда можно заключить, что типичная ахейская фаланга строилась, если использовать современную военную терминологию, «в два эшелона», может быть, отделенных друг от друга небольшим интервалом, как это показано в росписи вазы Киджи.

Принято считать, что привычное для греков более позднего времени сражение в сомкнутом строю несовместимо с бесконечными описаниями одиночных поединков между ахейскими и троянскими или какими-нибудь иными (из числа союзников троянцев) героями, которые служат основными структурными блоками батальных эпизодов «Илиады». По этой причине многие авторы либо относят изображения фаланги в поэме к числу поздних интерполяций, попавших в ее текст где-то в VII в. до н. э., если не позже (Lorimer, 1947, p. 114; Myres-Gray, 1958, p. 182 ff. Ср.: Snodgrass, 1964, p. 179), либо (так называемые разделители) расценивают их как продукт творчества поздних эпических поэтов, участвовавших в работе над ее «последней редакцией» (Webster, 1964, p. 220. Ср.: Kirk, 1985, p. 104, 110 ff.). Нам кажется, однако, что такое решение проблемы отнюдь не является единственно возможным, поскольку нет никакого фатального противоречия между двумя этими рядами батальных сцен: сценами общего выступления войска, обычно открывающими описание того или иного сражения, и сценами поединков, на которые сразу же распадается общая картина битвы, как только она завязалась (Finley, 1978, p. 74). Очевидно, в распоряжении эпического поэта просто не было других средств для воспроизведения целой серии сложных взаи-

модействий больших масс людей, сошедшихся на поле боя¹⁴. Охватить всю панораму сражения ему удавалось лишь в момент самого его начала и в нескольких эпизодах в кульминационный момент обращения врагов в бегство. Сцены этого рода обычно решаются в чисто эпическом духе в виде так называемой «аристии» того или иного героя, который, действуя в одиночку и сразив одного за другим всех отваживающихся выступить против него вражеских воинов, в конце концов заставляет всех их вместе взятых бежать перед собой, как стадо баранов (II. V, 1 слл.; XI, 91 слл.; XVI, 284 слл.; XX, 381 слл.).

Что касается общего хода сражения, то в противостоящих друг другу линиях гоплитов одиночные стычки, на копьях или на мечах, после того как копья были сломаны, неизбежно следовали сразу же вслед за первым столкновением¹⁵. Гомер отступает от реального положения вещей, пожалуй, в трех основных моментах. Во-первых, описываемые им поединки как бы следуют друг за другом, тогда как на самом деле они должны были происходить более или менее синхронно, пока и поскольку обе противостоящие друг другу фаланги еще сохраняли свою целостность. Во-вторых, в действительности эти стычки занимали гораздо меньше времени, чем отведено почти каждой из них создателем «Илиады», который со свойственным ему любым его описаниям «эпическим раздольем» подробно рассказывает читателю о речах, которые произносили встретившиеся в гуще битвы герои, прежде чем обменяться ударами, и о самих ударах, и о ранах, нанесенных ими друг другу. И, наконец, в-третьих, поэт как бы заставляет застыть на месте основную массу участников сражения, превращая их в пассивных наблюдателей столкновений главных героев, ожидающих своей очереди, чтобы либо прийти на помощь своему «чемпиону», либо сменить его, если он убит или тяжело ранен.

Сцены такого рода, естественно, были бы невозможны, если бы речь действительно шла о столкновении двух фаланг, которые во время боя постоянно находятся в движении, то наступая на противника, то отступая теснимые им. Можно сказать, что Гомер как бы искусственно расчленяет общую картину сражения на отдельные кадры-эпизоды, вынуждаемый к этому, с одной стороны, все еще слишком сильно довлеющей

¹⁴ Фр. Кихле (Kiechle, 1963, S. 268) склонен видеть в гомеровских φαλάγγες эпизодически возникающие (например, при выступлении войска на поле боя или при занятии им оборонительной позиции) и затем вновь распадающиеся на свои составные части «плотные толпы» (dichtbedrängte Haufen) тяжеловооруженных воинов.

¹⁵ Некоторые авторы впадают, как нам кажется, в другую крайность, оценивая сцены «дуэлей» в «Илиаде» как поэтическую фикцию (см., например: Vidal-Naquet, 1975, p. 22–27: «L'Iliade sans travesti» (preface à l'Iliade, trad. P. Mazon, Paris, 1975).

над его сознанием древней эпической традицией, которая знала только одиночные «рыцарские» поединки, но не знала, что представляет собой настоящее столкновение больших человеческих масс, с другой же — элементарной технической неспособностью воспроизвести такое столкновение, за исключением относительно простой начальной его фазы.

Итак, мы видим, что по своей внутренней сути сцены сражений в гомеровском эпосе столь же анахронистичны и условны, как и любые другие описания человеческой жизни (Codino, 1970, S. 76 f.; Snodgrass, 1974, p. 114 ff.). Поэтому нет никакой надобности причислять к позднейшим интерполяциям все встречающиеся в «Илиаде» упоминания о фаланге или фалангах (само слово *φάλαγγ* употребляется чаще всего во множественном числе). Совершенно очевидно, что без этого понятия, заключающего в себе представление о более или менее правильно построенной и организованной массе воинов, поэт был просто не в состоянии вообразить настоящее большое войско в момент его вступления в бой. Никаких других средств изображения начала битвы у него, по видимому, просто не было. Конечно, располагая определенным запасом вещественных реалий, сближающих изображаемую им фалангу с классической фалангой более позднего времени, Гомер как подлинный создатель героического эпоса не мог не приукрасить этот рисующийся его воображению боевой порядок, сделав его более стройным и величественным, а главное, придав ему как можно больше единообразия, которого на самом деле ему, вероятно, еще недоставало. Можно даже утверждать, что могучей силой своего воображения поэт предвосхитил классическую фалангу в то время, когда в действительности существовали лишь какие-то еще весьма отдаленные ее прототипы.

Так, сравнивая сверкание и блеск бронзовых доспехов, в которые были облечены двинувшиеся в атаку ахейцы, с лесным пожаром, Гомер, конечно, имел в виду, что такие доспехи были непременно у каждого воина в фаланге, что едва ли соответствует действительному положению вещей. Правда, реальное существование бронзовых панцирей и шлемов уже в период рождения гомеровского эпоса сейчас ни у кого не вызывает особых сомнений.

Сомнения такого рода, если они и существовали прежде, должны были отпасть после того, как в 1953 г. французский археолог П. Курбен открыл в Аргосе могилу, в которой наряду с другими предметами были найдены элементы бронзовой паноплии: двухстворчатый панцирь и шлем с гребнем и нащечниками (Courbin, 1957, p. 322 sgg.; Snodgrass, 1964, p. 73, 1967, p. 40 f.; Buchholz, Wiesner et al., 1977, S. 116 ff.; см. цветн. вклейку). Эта могила вместе со всем ее содержимым была отнесена

к последней четверти VIII в. до н. э., что позволило датировать появление по крайней мере некоторых элементов гоэлитского защитного вооружения. Находка Курбена показала, что они существовали, начиная уже с конца геометрического периода. Правда, в обследованной им могиле не удалось найти ни двуручного гоэлитского щита, ни поножей¹⁶. Шлем, положенный в могилу вместе с панцирем, еще слишком архаичен по своей форме. Он заметно отличается от более поздних гоэлитских шлемов коринфского образца. Тем не менее некоторые другие археологические данные, например изображения круглых щитов с эмблемами (чаще всего в виде птиц) на позднегеометрических вазах из Афин и некоторых других мест, миниатюрные вотивные щиты гоэлитского типа из терракоты, найденные на Самосе, Фасосе и в Пресосе (Вост. Крит; все они относятся примерно к началу VII в. до н. э.), позволяют предполагать, что основные элементы гоэлитского вооружения были известны в Греции уже где-то около 700 г. до н. э., если не раньше (Snodgrass, 1964, p. 65, 89 f., 1965, p. 112. Ср.: Greenhalgh, 1973, p. 70 ff.; Buchholz, Wiesner, 1977, S. 36 f., 116 f.).

Не приходится сомневаться в том, что полный комплект такого вооружения в то время был доступен лишь очень состоятельным людям, прежде всего представителям аристократической прослойки раннегреческого общества. В могиле аргосского воина, открытой Курбеном, кроме предметов вооружения были найдены также куски листового золота, три золотых кольца, свидетельствующие о том, что погребенный здесь человек не мог быть просто рядовым общинником (Courbin, 1957, p. 306). Вероятно, именно такие отборные воины из знати, или ἄριστοι, ἀριστεῖς, ἀγαθοί, как чаще всего называет их Гомер, вместе со своими слугами (ἑταῖροι, θεράποντες) и составляли первую линию или даже весь первый эшелон фаланги (πρώταχοι), являясь ее главной ударной силой, от которой во многом зависел исход сражения. Задние ряды фаланги заполняли плохо вооруженные воины из простонародья, которых Гомер в известной сцене испытания ахейского войска (II. II, 198 слл.) презрительно третирует устами Одиссея как сброд, «ни на что не годный ни в делах войны, ни в делах совета». В данном случае явно проаристократически настроенный поэт, несомненно, недооценивает значение этих ranks and file во время боя: своим натиском сзади на передние ряды

¹⁶ Щит, вероятно, был изготовлен из дерева и кожи, поножи из одной только кожи и поэтому не сохранились. Снодграсс (Snodgrass, 1964, p. 84) допускает, однако, что воины, защищенные бронзовыми латами, могли обходиться и без щитов, и наоборот. В греческой вазовой живописи, за редкими исключениями, воины, вооруженные только щитами или только панцирями, продолжали изображаться вплоть до конца VII в. до н. э.

фаланги они увеличивали ее общую пробивную мощь, превращая в своеобразный таран, который всей своей массой обрушивался на авангард вражеского войска. В случае, если первый удар не приносил успеха, рядовые ратники, если, конечно, они не были охвачены паникой, сдерживали естественное попятное движение *πρόμαχοι* и могли заставить их перейти в контратаку.

С другой стороны, аристократические идеалы автора «Илиады» нашли свое выражение в том, что в большинстве эпизодов поэмы (это характерно в равной мере и для «Одиссеи») представители простонародья (*ἰαχοί, χέρηες*) оказываются практически устраненными с эпической сцены. Гомер делает вид, что даже не подозревает о их существовании. Поэтому любой выхваченный наугад участник массовой сцены, за редкими исключениями (вроде Терсита во II песни «Илиады»), оказывается человеком знатного рода и соответствующей его происхождению доблести, а вся народная масса (*δῆμος* или *λαός*), образующая как бы фон для выступлений и подвигов главных действующих лиц, мыслится как целиком состоящая из *ἄριотῆες* или *ἄγαθοί*. Это всеобщее уподобление народа и знати особенно ощутимо в батальных сценах, где каждый ахейский или троянский ратоборец всегда находит достойную себя жертву среди воинов противоположной стороны и, таким образом, «лучшие» поражают только «лучших». О гибели рядовых ратников из числа «низкороджденных» поэт вообще не находит нужным упоминать, видимо, полагая, что в победе над человеком «простого звания» для героя-аристократа нет особой чести. Стирая все социальные различия между воинами враждующих армий, Гомер неизбежно приходит к тому, что и сами эти армии во всей их совокупности представляет себе как единообразные массы одинаково вооруженных людей, что с особой силой подчеркнуто в уже упоминавшихся выше описаниях выступления ахейского или мирмидонского войска. Батальные сцены с участием фаланги, таким образом, воспринимаются отнюдь не как поздние вставки в первоначальный текст поэмы, скорее напротив, как его важная интегральная часть, органически связанная со всей системой социальных и этических ценностей, действующей в гомеровском эпосе.

Располагая крайне ограниченной информацией, мы можем сейчас составить лишь самое приблизительное, далекое от ясности и полноты представление о путях становления фаланги классического типа в послегомеровской Греции, т. е. преимущественно в VII в. до н. э., так как к концу этого столетия этот процесс был, видимо, в основном закончен. Пожалуй, лучше всего мы осведомлены об изменениях, произошедших за это время в вооружении греческих воинов. В своей основной части эти изменения приходятся, по-видимому, на самое начало VII в., веро-

*Ил. 23. Гиметтская амфора. Ок. 680 г. до н. э. Берлин.
Государственные музеи. Античное собрание*

ятно, на его первую четверть, хотя некоторые из них, возможно, восходят и к более раннему времени, т. е. к концу VIII в., но мы пока не имеем прямых свидетельств о их существовании в этот период. Так, бронзовые поножи, похоже, совсем забытые в Греции в период «темных веков», хотя они были известны здесь уже в микенскую эпоху, вновь появляются сначала в вазовой живописи (впервые на одной протоаттической вазе [гиметтская амфора] около 680 г. до н. э. — *ил. 23*), а несколько позже (около середины VII в.) в своем подлинном виде среди

других изделий из металла, найденных в основном в критских могилах (Buchholz, Wiesner, 1977, S. 158 f. Ср.: Snodgrass, 1964, p. 87 f.). Одним из важнейших элементов гоплитской панопии стал так называемый коринфский шлем — см. *ил. 13, 1* (античные авторы приписывали его изобретение коринфянам), защищавший почти целиком голову гоплита, что имело далеко не последнее значение в условиях ближнего боя, когда десятки воинов, столпившись на небольшом пространстве, одновременно поражали друг друга ударами копий и мечей (*ил. 24*). Большинство известных сейчас, как в своем натуральном виде, главным образом по экземплярам, найденным в греческих святилищах, например в Олимпии, так и по изображениям на вазах и в мелкой пластике, коринфских шлемов датируется VII—VI вв. до н. э., хотя самые ранние их образцы относятся ко времени около 700 г. до н. э., из чего можно заключить, что сам этот вид защитного вооружения был изобретен еще в VIII в. до н. э. (Snodgrass, 1964, p. 27 ff.).

Определенной трансформации подверглось в течение VII в., очевидно в связи с изменениями, вносимыми неизвестными нам реформаторами в саму тактику построения фаланги, также и наступательное оружие гоплитов. Хорошо известно, что в гомеровском эпосе копье, как правило, используется как метательное оружие и лишь в сравнительно редких случаях (например, в сцене поединка Ахилла и Гектора) применяется для нанесения прямых колющих ударов с близкого расстояния. В вазовой живописи этого времени преобладают изображения воинов, вооруженных двумя, очевидно, метательными копьями. Их назначение становится совершенно очевидным в тех сравнительно редких случаях, когда мы видим «геометрических» воинов в действии, издали мечущими копья или дротики в вооруженного тем же оружием противника. В этих сценах иногда участвуют также и лучники (см., например: Greenhalgh, 1973, p. 67, fig. 40) (*ил. 25*). Интересно, однако, что воины с двумя копьями в руках, хотя в остальном и вооруженные как самые настоящие гоплиты, продолжают изображаться на греческих, в основном протокоринфских вазах также и в течение почти всего следующего VII в. до н. э. (Snodgrass, 1964, p. 137 ff.; Toynbee, 1969, p. 253; Salmon, 1977, p. 90 f.) Даже в сцене битвы, изображенной на уже упомянутой вазе Киджи, о которой многие с уверенностью говорят, что ее создатель ориентировался в своей работе на уже вполне сформировавшуюся фалангу классического типа, у воинов обеих движущихся навстречу друг другу боевых линий еще видны вторые копья, которые они держат в левой руке, очевидно, вместе с рукоятью щита. Ситуацию проясняет любопытный рисунок на одном протокоринфском алабастре второй половины VII в. до н. э., может быть, несколько более раннем, чем ваза Киджи. Этот своеобразный «натюрморт»

**Ил. 24. Гоплит из Додоны в коринфском шлеме.
Берлин. Государственные музеи. Античное собрание**

Ил. 25. Сцена сражения на протокоринфском арибалле из Лехайона. Ок. 690–680 гг. до н. э. Коринф. Музей

изображает отдельные детали гоплитского вооружения и в том числе два стоящих вертикально копья, одно из которых короче другого и имеет на древке специальное приспособление для метания (Snodgrass, 1964, pl. 33; см. *ил. 26*). Археологические данные, таким образом, показывающие, что применение метательных копий и дротиков не несовместимо с тактикой сражения в сомкнутом строю, подкрепляются, хотя и в незначительной степени, свидетельствами более или менее синхронной литературной традиции, в особенности одним фрагментом Каллина (Callin. fr. 1, 5 Diels), изображающим, как принято считать, битву ионийских греков с киммерийцами¹⁷ (Kiechle, 1963, S. 269. Ср.: Webster, 1964).

¹⁷ Описание воина, который «первым вступает в бой с поднятым копьем и щитом, прижатом к доблестному

Ил. 26. Протокоринфский алабастр с изображением гоппитского вооружения. Вторая пол. VII в. до н. э. Коринф. Музей

Разумеется, употребление метательного оружия не могло не наложить определенного отпечатка как на тактику греческой фаланги, так и на ее построение. Совершенно очевидно, что в таком сражении, которое начиналось с «обстрела» противника копьями и дротиками, боевые линии фаланги, во-первых, должны были быть довольно разреженными, чтобы воины не мешали друг другу в момент броска и в то же время имели больше возможностей уклоняться от направленного в них вражеского оружия, и, во-вторых, должны были двигаться на довольно большом удалении друг от друга, чтобы каждая следующая линия имела и перед собой, и позади себя достаточно свободного пространства для разбега перед броском. Не исключено, что в момент «залпа», совершенного той или иной линией, гопплиты, идущие впереди и уже использовавшие свое метательное оружие, приседали или опускались на колени,

сердцу», в том же отрывке (Ibid. 9–11) по существу мало что добавляет к общей картине битвы (ср.: Тоунбее, 1969, р. 256).

чтобы не мешать своим товарищам видеть врага, да к тому же и самим не пострадать ненароком от их ударов.

Ясно, что такая тактика заключала в себе ряд неудобств. Во-первых, она требовала от гоплитов умения быстро перестраиваться на ходу, т. е. смыкаться в плотные шеренги, предназначенные для ближнего боя, и также быстро подтягивать задние шеренги к передним, заполняя при этом образовавшиеся в них во время «перестрелки» пробелы и бреши. Ясно, что в такой ситуации исход сражения зависел в первую очередь от качества «строевой подготовки» каждой из противостоящих друг другу воинских масс. Гоплиты, замешкавшиеся во время перестройки фаланги, могли подвергнуться массированному удару уже сплотившего свои ряды неприятеля, и им оставалось только искать спасения в беспорядочном бегстве. Во-вторых, фаланга, в которой использовалось поочередно оружие дальнего и ближнего боя, не могла быть слишком глубокой. В лучшем случае ее построение насчитывало не более трех-четырех рядов в глубину. В противном случае начальная стадия сражения, во время которой противники обменивались «залпами копий и дротиков», могла бы слишком затянуться, и фаланга, первой исчерпавшая свой запас метательного оружия, оказалась бы в более невыгодном положении, успев перестроить свои ряды для ближнего боя раньше, чем это сделает противник.

Отсюда следует, что важным тактическим новшеством, придавшим фаланге ее классическую законченную форму, должен был стать полный отказ от применения метательного оружия. Уже неоднократно упоминавшаяся нами роспись плечевого пояса вазы Киджи позволяет предполагать, что эта реформа была проведена уже после того, как все воины, стоявшие в рядах фаланги, получили единообразное гоплитское вооружение, но еще сохраняли второе метательное копье, унаследованное от гомеровских времен. Учитывая новую датировку этого интереснейшего памятника греческого архаического искусства (конец или самое раннее, последняя четверть VII в. до н. э.), реформа эта может быть отнесен либо к самому концу VII в., либо к началу следующего VI столетия. Но какой из греческих полисов впервые решился на этот смелый шаг и тем самым хотя бы на короткое время добился военного перевеса над всеми своими противниками, мы пока не знаем.

Правда, до нас дошло любопытное сообщение Страбона (Strab. С 448) о соглашении, которое заключили Халкида и Эретрия во время войны, которую вели между собой эти два эвбейских полиса из-за разделяющей их Лелантской равнины¹⁸. Соглашение это (по словам Страбона, оно

¹⁸ Точные даты начала и конца этой войны до сих пор не установлены и колеблются в широких пределах от конца VIII до начала VI в. до н. э. (см. Jeffery, 1976, р. 64 ff.).

было вырезано на стеле, стоявшей в храме Артемиды Амаринфской в Эретрии) предусматривало добровольный отказ обеих воюющих сторон от использования в бою метательного оружия (τὴλεβόλα). Похоже, этот древнейший в истории Греции кодекс воинских правил был известен уже Архилоху Паросскому, который откликнулся на него в известном элегическом отрывке (Archil., fr. 3 Diehl): «Не много увидишь натянутых луков и частых дротиков, когда начинается битва Арес на равнине. (Тогда-то) начнется многостонная работа мечей, ибо в таком бою (настоящие) боги они, славные копьями владыки Эвбеи». Очевидно, имеющиеся здесь в виду тяжеловооруженные ратники считались мастерами именно рукопашного ближнего боя. Поэт, который и сам был опытным солдатом, хорошо понимал, что этот род сражения требует от его участников особого мужества и вместе с тем высокого воинского искусства. В своем стихотворении он, видимо, не случайно выбирает тот момент (кульминацию битвы), когда «славные копьями владыки Эвбеи», вероятно, то ли уже сломав их в предшествующей схватке, то ли сознательно отбросив в сторону, переходят к самому тяжелому и опасному сражению на мечах. В этой ситуации использование метательных копий, дротиков и луков выглядело бы как прямое попрание законов воинской чести, подобно тому, как абсолютно недопустимым считалось в гораздо более поздние времена применение тех же луков, а еще позже огнестрельного оружия во время рыцарских турниров и групповых дворянских дуэлей¹⁹. Вместе с тем запрет, наложенный эвбейскими военными «экспертами» на употребление метательного оружия, не обязательно означает, что здесь в это время — в конце VIII или в начале VII в. до н. э. — уже произошел переход к настоящей фаланге от двигавшихся на значительном удалении друг от друга боевых линий гомеровской эпохи. Скорее, напротив, сама необходимость введения такого запрета может расцениваться как свидетельство сохранения на Эвбее старой гомеровской тактики поединков, происходивших либо между отдельными воинами, либо между небольшими их группами (ср. Snodgrass, 1964, p. 179 f.). Поскольку ближний бой скорее приводил сражение к желанному исходу, т. е. давал возможность в сравнительно короткий срок определить, на чьей стороне решительное преимущество, отказ от затяжных «перестрелок» между противоборствующими сторонами, которые за время длившейся годами, а, может быть, даже и десятилетиями войны успели надоесть обеим

¹⁹ Гомер хотя в принципе и допускает возможность использования мечей в решающем поединке, когда все другие средства поражения противника уже исчерпаны (см., например, II. VII, 273), практически никогда таких поединков не изображает. Меч у него служит по преимуществу оружием для нанесения coup de grâce уже поверженному противнику, и это, видимо, не случайно.

враждующим полисам, так как только изматывали их силы, не давая определенных результатов, был бы вполне оправдан. Введение настоящей фаланги одним из двух участников конфликта заставило бы немедленно последовать его примеру также и другого участника и тем самым привело бы к автоматическому решению вопроса о метательном оружии, что могло выразиться либо в абсолютном отказе от его использования, либо во введении каких-то ограничений.

В том, что эвбейский эксперимент далеко не сразу нашел себе подражателей в других частях греческого мира, нетрудно убедиться. Об этом свидетельствует продолжающееся использование метательных копий, зафиксированное как в уже упоминавшихся рисунках на вазах, так и в отдельных поэтических фрагментах (из стихотворений того же Архилоха и Каллина), дошедших до нас от середины и второй половины VII в. до н. э.²⁰ Окончательный переход от гомеровской дуэльной тактики к тактике ближнего боя компактных масс пехоты и, очевидно, сопутствовавшая ему замена пары метательных копий одним тяжелым копьем, специально предназначенным для нанесения ударов по находящемуся в непосредственной близости противнику, вне всякого сомнения, был подготовлен широким распространением защитного гоплитского вооружения, которое в какой-то пока еще точно не установленный момент перестало быть привилегией чрезвычайно узкого круга воинов-аристократов и сопровождавших их в бою небольших дружин, но стало доступно также и богатым выходцам из простонародья — крестьянам и, вероятно, лишь в сравнительно редких случаях ремесленникам и торговцам. Эта доступность гоплитской панопли едва ли может быть связана с резким удешевлением бронзы. Такое удешевление, даже если оно и имело место где-то в течение IX—VIII вв. до н. э., скорее всего было не особенно значительным, поскольку добыча меди и олова и доставка их в Грецию иногда из весьма удаленных от нее стран продолжали оставаться трудным и дорогостоящим делом²¹. Скорее речь должна идти об относительной

²⁰ Правда, Тойнби (Тоунбее, 1969, р. 256) склонен интерпретировать известный «автопортрет» Архилоха, изображающий его пьющим, опираясь на копье (Archil., fr. 2 Diels: πίνω δ' ἐν δόρῳ κελημένος), как свидетельство того, что главным и излюбленным оружием поэта-воина было предназначенное исключительно для ближнего боя длинное гоплитское копье. Но такое толкование поэтического текста представляется нам чересчур прямолинейным и упрощенным. В принципе абсолютно то же самое мог бы сказать о себе и любой из гомеровских героев — метателей копий. Точно так же вовсе не обязательно видеть в знаменитом четверостишии о брошенном щите намек именно на гоплитский щит, который был слишком тяжел и поэтому мог стать серьезной помехой во время бегства с поля битвы.

²¹ Некоторые авторы связывают общее снижение стоимости оружия в Греции в первые века I тыс. до н. э. с освоением индустрии железа, забывая о том, что из

дешевизне металла, обусловленной медленным, но неуклонным ростом экономического благосостояния верхней части демоса, происходившим отчасти за счет расширения принадлежавших крестьянству земельных площадей (такое расширение, в свою очередь, могло происходить и в результате оттока населения в колонии, и благодаря внутренней колонизации, и по крайней мере в некоторых государствах как следствие земельных переделов), отчасти за счет общего увеличения «национального дохода» греческих полисов, который может считаться прямым следствием развития мореплавания, морской торговли, особенно работорговли и колонизации²² (Starr, 1977, p. 101; Андреев, 1982, с. 71 слл.; Яйленко, 1983, с. 129 слл.; Фролов, 1988, с. 93 слл. Ср.: Snodgrass, 1980, p. 129 ff.).

Совершенствование защитного вооружения греческих воинов так же, как и увеличение общей численности пехотинцев, вооруженных на гоплитский лад, несомненно, должно было уменьшить эффективность метательного оружия и все больше и больше ставило исход сражения в прямую зависимость от непосредственного столкновения вражеских армий на поле боя и рукопашной схватки хотя бы их передних рядов. Основная тенденция в развитии тактики сухопутного боя в этот период заключалась, по-видимому, в постепенном наращивании ударной силы пехотной массы за счет сплачивания ее рядов и одновременно сокращения разделяющих их интервалов, что делало весь боевой порядок лучше защищенным от вражеских метательных копий, дротиков и стрел и в то же время уменьшало возможность применения этого рода оружия против неприятельского войска. Тем не менее изображения гоплитов, вооруженных двумя копьями, одно из которых наверняка предназначалось

железа и в это время, и еще значительно позже изготовлялось только наступательное оружие: мечи, наконечники копий и стрел, тогда как основным материалом для изготовления защитного вооружения по-прежнему служила бронза (см., например: Зайцев, 1985, с. 11; Фролов, 1988, с. 66).

²² О сравнительной доступности бронзового защитного вооружения в VII–VI вв. может свидетельствовать и использование его греческими наемниками как в самой Греции, так и за ее пределами. Большинство из них, как правило, не располагало значительными жизненными средствами, что, собственно, и вынуждало их обращаться к столь опасной и вместе с тем малопrestiжной профессии. Особый интерес в этой связи представляет рассказ Геродота (Hdt. II, 152) об ионийских и карийских наемниках, взятых на службу египетским фараоном Псамметихом I, вероятно, где-то около 660 г. Оракул предсказал Псамметиху, что судьба его трона зависит от «медных людей», которые должны придти к нему на помощь со стороны моря. Этими «медными людьми» оказались одетые в бронзовые доспехи, до этого, по словам историка, невиданные в Египте греки и карийцы, прежде занимавшиеся пиратством. Последняя деталь, пожалуй, должна означать, что эти искатели приключений хотя и были вооружены уже на гоплитский манер, еще не умели сражаться в правильном строю (Snodgrass, 1964, p. 185, 203).

для метания, продолжали появляться в греческой вазописи вплоть до последних десятилетий VII в. до н. э., если принять, что именно к этому времени относятся уже упоминавшаяся ваза Киджи и другие хронологически предшествующие ей коринфские вазы, украшенные росписями с изображениями батальных сцен, из чего следует, что процесс формирования «настоящей» фаланги не завершился полностью еще и в это время.

Вопрос о социальной и политической значимости гоплитской фаланги в жизни раннегреческого полиса и скоординированности ее становления с его развитием был в основных чертах уже разобран нами в начале этого раздела, и теперь нам остается лишь уточнить некоторые, впрочем, сами по себе достаточно важные детали. Исходя из того, что, как было отмечено выше, особая социальная, скорее всего характеризующаяся высоким имущественным цензом категория гоплитов появилась в греческом обществе еще задолго до того, как была по-настоящему отработана и освоена тактика сражения в сомкнутом строю (вероятно, это произошло еще в хронологических рамках так называемого гомеровского периода), мы не обязательно должны напрямую, как это нередко делается, связывать подъем демократического движения и первые демократические реформы²³ в ряде полисов с появлением фаланги, хотя сам по себе факт утраты аристократией принадлежавшей ей первоначально монополии на тяжелое защитное вооружение и, следовательно, той особой, можно даже сказать, исключительной роли, которую она до тех пор играла на полях сражений, не мог не сказаться на общем балансе политических сил, действовавших внутри архаического полиса. Борьба за влияние на народные массы, которую еще и до этого вели между собой враждующие аристократические кланы (Андреев, 1976, с. 104 слл.), теперь должна была еще более обостриться, а ее главным объектом стали наиболее зажиточные слои демоса, объеди-

²³ О времени проведения этих реформ, о древнейших греческих законодателях, которым они приписывались, и даже о самом их характере нам известно сейчас лишь очень немного. Большая их часть, судя по сохранившейся в источниках отрывочной информации, приходится на VII–VI вв., хотя начало породившего их движения народных масс против засилия родовой знати в политической жизни раннего полиса, вероятно, можно отнести еще к гомеровскому периоду (инвективы Гесиода против «царей-дароядцев» (Hesiod. Opera, 39, 221) и во многом перекликающиеся с ними «поносные речи» Терсита в «Илиаде»). Таким образом, в пределах наших возможностей остается пока лишь весьма неточная и приблизительная корреляция основных этапов борьбы за демократию и основных фаз формирования гоплитской фаланги, между которыми — еще раз повторяем и подчеркиваем это — вовсе не обязательно должна была существовать какая-то прямая взаимозависимость.

ненные в «класс» гоплитов. В этой борьбе вожаки противостоящих друг другу группировок знати могли использовать всякого рода демагогические посулы, обещания реформ, иногда поступаясь ради этого своими правами аристократического первородства, жертвуя древними традициями безоговорочного первенства «лучших мужей» во всех делах общины и наделяя народ хотя бы видимостью политического суверенитета. Так складывались, по всей вероятности, предпосылки для сближения и политической блокировки потенциального диктатора — претендента на единоличную власть — с верхушечной частью демоса и оттеснения от кормила государственного правления всей остальной части старинной знати, все еще цеплявшейся за изживший себя олигархический режим. Именно таким способом прокладывали себе путь к власти, в представлении целого ряда авторов, так или иначе касавшихся этой темы, первые тираны (Andrewes, 1958, p. 31 ff.; Jeffery, 1976, p. 41, 67; Salmon, 1977, p. 87 f.; Фролов, 1988, с. 118). Все они, как полагают эти авторы, выступали, за редкими исключениями, в роли признанных «простатов» (защитников, вождей) демоса и уже в силу этого становились активными пропагандистами тактики фаланги или же просто использовали класс гоплитов, если он уже успел сформироваться к этому времени, как главную опору своих авторитарных режимов.

Нам уже приходилось указывать, хотя и в другой связи (Андреев, 1982, с. 83 сл.), на то, что проблема взаимоотношений старшей тирании и демоса не может быть решена столь однозначно и упрощенно. По существу то же самое можно сказать и о связи тирании с реформой военного дела, вопрос о существовании которой является лишь одним из аспектов этой широкой и сложной проблемы.

Во всяком случае в источниках нет ни одного прямого указания на то, что приход к власти первых тиранов был так или иначе связан с ростом военного и политического значения тяжеловооруженной пехоты, вербовавшейся по преимуществу из среды зажиточного крестьянства (Greenhalgh, 1973, p. 152 f.)²⁴ Некоторые факты скорее опровергают эту гипотетическую конструкцию, чем поддерживают ее. Так, хорошо известно, что Писистрат в период своей борьбы за власть над Афинами опирался на беднейшую часть аттического крестьянства — так называемых диакриев, из числа которых он набрав себе отряд

²⁴ Во всей античной исторической традиции связь ранней тирании с введением новой военной тактики и зарождением «класса» гоплитов ни разу не оговаривается. Фукидид в известном пассаже «Археологии» (Thuc. I, 13, 1) в самой общей форме связывает зарождение тирании с ростом «национального дохода» греческих государств и, возможно, также с развитием в них мореплавания, но не с «изобретением» фаланги.

телохранителей, состоявший из пятидесяти человек, вооруженных дубинами вместо щитов и копий (Hdt. I, 59; Arist. Athen. Pol. 14,1; Plut. Sol. 39). Окончательный захват власти был осуществлен им с помощью наемников, на вербованных где-то за пределами Аттики (Arist. Athen. Pol. 15, 2). Непосредственно за этим в «Афинской политике» следует рассказ, правда, скорее анекдотического свойства, но, может быть, все же отражающий подлинный исторический факт о том, как Писистрат сразу же после прихода к власти разоружил афинский народ (Ibid. 15, 4). Незадачливый предшественник Писистрата Килон захватил афинский акрополь, используя наемных солдат, которых ему предоставил его тесть мегарский тиран Феаген (Thuc. I, 126, 5; Hdt. V, 71), но афинские крестьяне, взявшиеся за оружие по призыву первого архонта Мегакла, осадили акрополь и в конце концов вынудили честолюбивого узурпатора покинуть его убежище. Подавляющее большинство тиранов архаической эпохи окружало себя телохранителями, как правило, из числа чужеземцев-наемников, очевидно, не особенно доверяя своим соотечественникам-гоплитам²⁵. Единственным тираном, обходившимся в течение всего своего правления вообще без телохранителей, был Кипсел, установивший тиранию в Коринфе (Arist. Pol. 1315 b 27–8). Согласно другому свидетельству (Nic. Dam. FGrH 90 F57), в момент захвата власти он занимал должность полемарха, т. е. считался предводителем коринфского ополчения. Возможно, в этом случае действительно имело место сотрудничество между верхушкой демоса, составлявшей тяжеловооруженную элиту коринфской армии, и открыто выступавшим против правящей знати в лице древнего царского рода Бакхиадов новым претендентом на единоличную власть. Но это скорее — то исключение, которое лишь подтверждает общее правило.

²⁵ Типичным в этом смысле может считаться войско Поликрата, знаменитого тирана о-ва Самос, у которого, по свидетельству Геродота (Hdt. III, 39), был флот из стапятидесятивесельных кораблей и 1000 стрелков из лука. Далее (III, 45) Геродот несколько уточняет это свое сообщение, добавляя к уже сказанному, что в войске Поликрата было «много иноземных наемников (возможно, гоплитов) и местных лучников». Главной социальной опорой самосского тирана, таким образом, служили не зажиточные граждане, пополнявшие ряды тяжеловооруженной пехоты, а, напротив, малоимущие, привлекавшиеся на военную службу в качестве легковооруженных лучников, метателей дротиков и прашников.

Глава 2

ЗАРОЖДЕНИЕ ФАЛАНГИ В АРХАИЧЕСКОЙ СПАРТЕ

Ярко выраженные черты исторического своеобразия, отличавшие спартанское государство от многих других, можно сказать, «нормальных» греческих государств уже на ранних этапах его развития, не исключают существования между ними глубинного типологического сходства, которое позволяет отнести Спарту в целом к той же категории раннеклассовых обществ, к которой принадлежали Афины, Аргос, Коринф и целый ряд подобных им полисных общин (Андреев, 1983, с. 216). Это сходство проявилось прежде всего в том, что в Спарте, как и во многих других районах греческого мира, сформировался полис, т. е. самоуправляющаяся гражданская община, и сложилась соответствующая этому типу государства форма военной организации — гражданское ополчение, в бою образующее сомкнутое построение тяжеловооруженных воинов-гоплитов, или фалангу. Начальные стадии становления спартанской фаланги так же, как и всего спартанского полиса, скрыты от нас почти непроницаемым мраком. Крайняя скудость и неполнота письменной исторической традиции здесь практически почти не компенсируются археологическим материалом. Находки деталей вооружения, особенно защитного, в Спарте и Лаконии почти совсем неизвестны вплоть до очень позднего времени. А так как лаконское искусство весьма заметно отставало в своем развитии от искусства Аργοлиды, Коринфа, Аттики, Эвбеи и других художественных центров тогдашней Греции, то и изображения батальных сцен так же, как и фигур одиночных воинов, по которым можно было бы судить о характере вооружения, а отчасти также и о тактической организации спартанской армии, появляются здесь довольно поздно — в основном не ранее середины VII в. до н. э. Это относится в одинаковой мере ко всем основным жанрам искусства архаической Спарты: вазовой живописи, резьбе по кости, мелкой пластике. В этой

ситуации мы вынуждены довольствоваться теми краткими и отрывочными сведениями, которые донесла до нас в целом, как было уже сказано, очень бедная конкретной исторической информацией полулегендарная традиция по ранней истории Спарты, сохраненная в сочинениях таких авторов, как Геродот, Аристотель, Эфор, Плутарх, Павсаний. Достаточно надежно засвидетельствованный этой традицией факт успешно развивающейся, несмотря на отдельные неудачи, спартанской военной экспансии сначала в Лаконии, а затем в Мессении неизбежно приводит к мысли о том, что уже в этот отдаленный период ее истории (IX—VIII вв. до н. э.) Спарта сумела добиться военного превосходства над своими ближайшими соседями на юге Пелопоннеса, хотя, в чем именно заключалось это превосходство и как спартамцам удалось его достичь — обо всем этом наши источники почти ничего не сообщают.

В этой связи особого внимания заслуживают встречающиеся время от времени в дошедшей до нас традиции краткие упоминания о филе или, может быть, фратрии Эгеидов. О происхождении Эгеидов так же, как и о времени их появления в Спарте, существуют разноречивые мнения античных авторов. Древнейший из всех Пиндар в VII «Истмийской оде» (Pind. Isth. 12 sqq.) называет их выходцами из Фив, приписывая им в одно и то же время основание первого дорийского поселения в Лакедемонии и взятие Амикл (оба события, возможно, мыслятся как синхронные: ἡ Δωρίδ' ἀποικίαν οὐνεκεν ὀρθῶ ἔστασας ἐπὶ σφυρῶ Λακεδαιμονίων, ἔλον δ' Ἀμύκλας Αἰγεῖδαι σέθεν ἔκγονοι... (ср. Pind. Pyth. V, 75—6: ἰχοντο Θήρανδε φῶτες Αἰγεῖδαι, ἐμοὶ πατέρες). Согласно Геродоту (Hdt. IV, 147—149), родоначальником филы Эгеидов был Эгей, внук Феры, который в свою очередь происходил из рода Кадма (был праправнуком Полиника) и в то же время приходился дядей с материнской стороны сыновьям Аристодема — Еврисфену и Проклу, родоначальникам двух царских династий Спарты, и некоторое время даже сам был царем Спарты, выполняя обязанности опекуна при сыновьях Аристодема, пока они не достигли совершеннолетия. Этот Фера основал колонию на острове, который впредь стал носить его имя, тогда как прежде назывался Каллиста. Его потомки, однако, остались в Спарте и стали называться Эгеидами. Об их участии в борьбе против Амикл Геродот ничего не сообщает. Сохранились, однако, более поздние указания на их причастность к этим событиям в одном отрывке из «Лакедемонской политики» Аристотеля (Arist. fr. 532 Rose). В этом отрывке упоминается некий Тимомах, предводитель Эгеидов, которому спартанцы были обязаны своей победой над Амиклами. «Он был первым, кто у лакедемонян (или для лакедемонян) установил все, имеющее отношение к военному делу» (πρῶτος, μὲν πάντα τὰ πρὸς πόλεμον διέταξε

Λακεδαιμονίους). По словам того же Аристотеля (Ibid.), бронзовый панцирь этого Тимоха, очевидно, хранившийся в каком-то святилище, выставлялся на общее обозрение во время празднества Гиакинфий. Упоминание о бронзовом доспехе Тимоха в сочетании с тем, что говорится в том же отрывке о проведенной им военной реформе, дает известное основание считать его «первым спартанским гоплитом» и в то же время учредителем гоплитской фаланги в Спарте¹. Примерно так интерпретирует этот фрагмент аристотелевой «Лакедемонской политики» М. Детьен (Detienne, 1985, p. 139). «Воинское братство Эгеидов ввело в Спарте, — пишет он, — тот тип сражения и ту форму военной организации, внешним признаком которых был «бронзовый панцирь» (ср.: Huxley, 1962, p. 23; Snodgrass, 1965, p. 111)².

Еще раз Эгеиды появляются на сцене в связи с событиями I Мессенской войны. По словам Павсания (Paus. IV, 7, 8; 8, 11), один из них по имени Еврилеонт предводительствовал центром спартанской армии в первом большом сражении спартанцев с мессенцами, тогда как на флангах командовали цари Полидор и Феопомп, из чего можно заключить, что по занимаемому им статусу Еврилеонт стоял чуть ли не вровень с представителями двух царских династий, возможно, являясь филобасилевсом одной из трех дорийских фил тогдашней Спарты (Gilbert, 1872, S. 71; Chrimes, 1952, p. 409). В описании Павсанием сражения, открывающего I Мессенскую войну, встречаются характерные черты, которые дают основание Детьену утверждать, что именно в этой битве спартанцы впервые применили тактику фаланги (Detienne, 1985, p. 139. Ср.: Cartledge, 1977, p. 25). Действительно, Павсаний противопоставляет здесь безрассудную храбрость мессенцев, в одиночку бросавшихся на вражеское войско, суровой решимости и вместе с тем сдержанности спартанцев, которые более всего «были озабочены тем, как бы не расстроить своих рядов» (Paus. IV, 8, 1). Правда, несколько ниже (IV, 8, 2) сказано, что и с той, и с другой стороны противники сражались как сплошными рядами, так и один на один, хотя спартанцы были более привержены тактике первого рода. Еще ниже (IV, 8, 6) отмечено, что спартанцы, «будучи

¹ Любопытно, что в древнейшем из всех дошедших до нас античных «свидетельств» о законодательстве Ликурга у Геродота (Hdt. I, 65) ему приписывается радикальная военная реформа, заключавшаяся в разделении войска на новые тактические единицы: энмотии, триакады и, возможно, также сисситии. Предание о преобразованиях, проведенных Тимохом в спартанской армии, скорее всего возникло независимо от этого раннего варианта легенды о Ликурге и, может быть, в противовес ему.

² Подробнее о воинских братствах в ранней Греции и в частности об Эгеидах см.: Jeanmaire, 1939; Vian, 1963.

с детства приучены к военному делу, использовали более глубокое построение и (видимо, по этой причине) надеялись, что мессенцы не смогут долгое время выдерживать их натиск». Все это было бы похоже на правду, если бы нам не был известен основной источник, которым пользовался Павсаний, изображая это и другие события, связанные с I Мессенской войной. Им был, как указывает сам Павсаний (IV, 6, 1–2), Мирон Приенский, автор эллинистического времени (вероятно, III в. до н. э.), едва ли располагавший сколько-нибудь достоверной информацией о войне, происходившей во второй половине VIII в. до н. э. Скорее всего такой информации и вообще не могло быть ни у кого из греческих историков, поскольку настоящая историография в эпоху мессенских войн в Греции еще не существовала и фиксация исторических событий сводилась в то время к предельно кратким записям хроникального или аналитического характера (Starr, 1965, p. 257 ff.; Oliva, 1971, p. 104). Создается впечатление, что изображенные Павсанием сцены сражений I Мессенской войны были произвольно сконструированы его источником из типичных для эллинистической историографии литературных клише, с помощью которых можно было описать какую угодно войну, где и когда угодно происходившую. Конечно, не случайно Павсаний ни разу не называет точного места, где разыгрывались описываемые им сражения, упоминая лишь о горе Ифома, главном естественном ориентире, известном ему на территории Мессении. Отмеченное им тактическое превосходство спартанцев над их противниками можно расценивать как обратную проекцию общеизвестной репутации спартанской фаланги, как не знающей себе равных во всей Греции, на события столь отдаленного времени, хотя в его рассказе наряду с этим ощущается и сильное влияние эпической традиции, в первую очередь, конечно, Гомера. Не исключено и использование отдельных стихотворений Тиртея, как специально посвященных I Мессенской войне, так и рисующих отдельные эпизоды окончательного завоевания Мессении. Как бы то ни было, принимать на веру «свидетельства» Павсания о первом этапе борьбы за Мессению мы, по-видимому, за редкими исключениями, не вправе.

Возвращаясь к вопросу о роли филы или, может быть, клана Эгеидов в развитии спартанской военной организации, мы готовы признать более или менее правдоподобной догадку Детьена (ср.: Vian, 1963), согласно которой это могло быть сообщество (мужской союз?), сделавшее войну своим профессиональным занятием. Связь с Фивами Беотийскими и Кадмом, в свою очередь, позволяет предполагать, что члены этой корпорации каким-то образом отождествляли себя с рожденными самой землей воителями-спартами, о которых рассказывается в мифе о Кадме.

То особое место, которое Эгеиды-спарты сумели занять в жизни спартанского государства после своего прибытия в Лаконию (обстоятельства этого события невозможно реконструировать, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении источники) дает возможность по-новому истолковать само название этого государства, отказавшись от общепринятой его интерпретации: Спарта — «заселенное поле» (эта мысль впервые была высказана А. Жанмэром — Jeanmaire, 1939). Можно далее предположить, что Эгеиды, как и члены других аналогичных сообществ, первыми освоили основные элементы гоплитской панолии и первыми же начали культивировать в Спарте тактику ближнего боя в противовес общепринятым в то время групповым или одиночным схваткам с применением метательного оружия. В этом отношении они стоят в одном ряду с воспетыми Архилохом «славными копьями владыками Эвбеи». Все это не означает, однако, что слова Аристотеля о Тимомахе — «был первым, кто у лакедемонян установил все, что имеет отношение (или, может быть, необходимо) к военному делу» — следует понимать, как это делает Детьен, как указание на радикальную военную реформу, результатом которой было введение в Спарте фаланги. Более вероятно, что с именем Тимомаха в спартанской полулегендарной исторической традиции было связано появление всего комплекта гоплитского вооружения. Это важное техническое нововведение позволило выделить среди пестрой массы «разнокалиберно» вооруженных ратников, из которых в то время состояло спартанское ополчение, небольшие отряды или отряд воинов-аристократов, которые, действуя в центре или на флангах и не тратя времени и сил на обмен бросками копий и дротиков, стремительно (вероятно, бегом или быстрым шагом) атаковали растянутые цепи неприятельского войска и прорывали их, внося в ряды врагов смятение и расстройство. Конечно, маневры такого рода были сопряжены с немалым риском: отряд смельчаков — *πρόμαχοι*, если он слишком далеко отрывался от основных сил своего войска и вынужден был действовать обособленно, не встречая энергичной поддержки легковооруженных рядовых ратников, легко мог быть окружен численно превосходящими силами врагов, и тогда, если помощь все же не приходила, его могла ожидать участь спартанских гоплитов в битве при Сфактерии. О том, что в VIII в. до н. э. такие эпизоды происходили достаточно часто во время военных конфликтов между греческими государствами, могут свидетельствовать многие сцены гомеровской «Илиады».

Вероятно, уже на этой подготовительной стадии развития фаланги, как определяет ее Снодграс (Snodgrass, 1965, p. 122), спартанцы сумели добиться устойчивого превосходства над своими ближайшими соседями на юге Пелопоннеса и хотя далеко не сразу, ценой крайнего напряжения

сил всего государства и, вероятно, больших человеческих жертв установили свое владычество (первоначально, может быть, только военную гегемонию) над Лаконией и Мессенией (Chrimes, 1952, p. 291, 300; Kiechle, 1963, S. 57 f. Ср.: Oliva, 1971, p. 112). Для того чтобы расширить сферы своего влияния на весь остальной Пелопоннес и даже выйти за его пределы, Спарта должна была неустанно развивать и совершенствовать свою военную машину, постепенно превращая ее в не знающий себе равных боевой механизм.

История спартанской экспансии на Пелопоннесе в VII в. до н. э. известна нам едва ли не хуже, чем общий ход завоеваний в Лаконии и Мессении в IX—VIII вв., который мы можем себе представить хотя бы в самых общих чертах, опираясь на сообщения Павсания. От VII столетия до нас дошли лишь случайные и фрагментарные упоминания об отдельных событиях, имевших место в разное время и разных местах, из которых, однако, практически невозможно сложить общую картину роста спартанской державы. Одним из таких событий может считаться тяжелое поражение, которое спартанские войска понесли в битве при Гисиях в 669 г. до н. э. (согласно датировке Павсания — см.: Paus. II, 24, 7—8), очевидно, во время предпринятой ими попытки вторжения в Арголиду. Эпизод этот, возможно, как-то связан с той длительной борьбой за Фиреатиду (Кинурию), которую Спарта вела с Аргосом, видимо, на протяжении ряда столетий (ср.: Cartledge, 1979, p. 99). Вопреки мнению некоторых авторов (Toynbee, 1969, p. 259; Jeffery, 1976, p. 136; Cartledge, 1977, p. 25) у нас нет никаких оснований для того, чтобы предполагать, что спартанцы были разбиты в этом сражении только потому, что еще не успели реорганизовать свою армию, приспособить ее к новой тактике фаланги, тогда как аргосцы уже провели эту важную реформу.

Чрезвычайно скудной информацией располагаем мы и о так называемой II Мессенской войне, возможно, сыгравшей наиболее важную определяющую роль во всей последующей истории спартанского государства. Нам неизвестны не только точные даты начала и окончания этой войны, но даже хотя бы приблизительно тот хронологический отрезок, на который мы должны ориентироваться, говоря о ней. В исторической науке до сих пор еще царит полный разброд как в оценке ее общей продолжительности, так и в определении ее основных хронологических рамок. Одни авторы склонны помещать ее еще в первой половине или, по крайней мере, в середине VII в. до н. э., другие сдвигают к самому концу этого же столетия (ср.: Huxley, 1962, p. 57 ff.; Kiechle, 1963, S. 242; Toynbee, 1969, p. 181; Oliva, 1971, p. 113; Cartledge, 1979, p. 121 ff.). В представлении одних историков, следующих в данном случае за античной традицией, представленной, в первую очередь, Павсанием, II Мес-

сенская война была в сущности великим восстанием мессенцев против спартанского гнета, установленного уже в результате первой войны, происходившей во второй половине VIII в. (Toynbee, 1969, p. 181; Oliva, 1971, p. 112; Jeffery, 1976, p. 117).

Другие ученые, однако, склоняются к мысли, что спартанцы лишь постепенно, в течение целого ряда десятилетий овладевали территорией Мессении, совершая туда захватнические походы, иногда разделенные между собой довольно значительными временными паузами (Chrimes, 1952, p. 295 ff.; Huxley, 1962, p. 59; Kiechle, 1963, S. 184, 215; Cartledge, 1979, p. 128; Clauss, 1983, S. 20. Ср.: Forrest, 1969, p. 71). Как бы то ни было, от периода II Мессенской войны до нас дошли единственные в своем роде свидетельства современника и очевидца этих событий — спартанского поэта Тиртея. В сохранившихся фрагментах его «Воинственных элегий» содержится немало ценного исторического материала, значительная часть которого имеет прямое отношение к вопросу о состоянии спартанской армии и спартанского военного дела в этот критический для их развития период. Конечно, нельзя забывать о том, что источник этот весьма специфичен уже в силу специфичности самого поэтического жанра — военных маршевых песен (эмбатериев), в котором особенно ярко проявился талант Тиртея. В этих произведениях мы, разумеется, не найдем подробных «реалистических» описаний конкретных боевых эпизодов, свидетелем которых мог быть сам поэт, а лишь предельно обобщенную и, видимо, в достаточной степени условную, пронизанную эпическими аллюзиями и реминисценциями схему «типичного сражения» (Toynbee, 1969, p. 255 ff.). Все это делает крайне затруднительным перенос поэтических образов элегий Тиртея на почву исторической действительности периода II Мессенской войны и воссоздание на их основе самого способа ведения военных действий, которого придерживались в то время сами спартанцы и их противники.

В научной литературе можно найти по крайней мере два разных способа решения этой проблемы. В то время как одни авторы (Lorimer, 1947, p. 121 ff.; Greenhalgh, 1973, p. 94, n. 37; Cartledge, 1977, p. 25 f.; Salmon, 1977, p. 91) убеждены в том, что во времена Тиртея в Спарте уже существовала настоящая фаланга, лишь немногим отличающаяся от той, которая, спустя два или полтора столетия, покрыла себя бессмертной славой в сражениях при Фермопилах и Платеях, другие склоняются к мысли, что поэт застал какую-то промежуточную форму боевого построения, хотя и тяготеющую к фаланге, но еще не ставшую ею в полной мере, и поэтому сам выступил в роли энергичного и воодушевленного пропагандиста новой тактики (Kiechle, 1963, S. 268; Snodgrass, 1964, p. 181 f.; 1965, p. 116; Toynbee, 1969, p. 258).

На первый взгляд сами тексты элегий Тиртея способны оправдать любую из этих двух точек зрения. Чаще всего в них повторяются два основных призыва или увещания, обращенные к идущим в бой спартанским воинам. Во-первых, каждый из них должен сражаться, а если понадобится, то и пасть в первых рядах (*ἐνὶ προμάχοισι* — см. fr. 6,1; 7, 30; 8, 4; 9, 16 Diehl³). Во-вторых, каждый воин, «имеющий щит», ни при каких обстоятельствах не имеет права покидать свое место в строю, но должен во что бы то ни стало сражаться, «оставаясь друг возле друга» (*παρ' ἀλλήλοισι μένοντες* — см.: *ibid.* fr. 7,1; 8,11)³. Этот призыв достигает особой эмоциональной силы и напряженности благодаря дважды повторенному введению в текст элегии образного воплощения воинской стойкости (fr. 7, 31–32; 8, 21–28): «Но (заслуживает славы) каждый, кто, упершись в землю обеими широко расставленными ногами, остается (на месте), закусив губу зубами» (в следующем фрагменте эти строки дополнены красочным описанием всей фигуры идеального воина и его вооружения).

Представление о славной смерти (или, наоборот, победе) среди воинов, стоящих в первом ряду, восходит к Гомеру, как и само выражение *ἐνὶ προμάχοισι*, и на первый взгляд не очень хорошо согласуется с тактикой фаланги и этикой идеального гоплита, который должен стоять там, куда его поставил военачальник, не рваться вперед, так как это может смешать весь боевой порядок, но и не отступать ни на шаг назад (Lonis, 1979, p. 18; ср.: Logimer, 1947, p. 171). Можно, правда, снять это противоречие, предположив, что Тиртей пытался с помощью традиционной эпической формулы вызвать у читателя мысль именно о сомкнутом боевом порядке фаланги, поскольку, во-первых, в построении этого типа основная тяжесть вражеского натиска приходилась на воинов, стоящих в переднем ряду, что, естественно, делало их участь особенно почетной, а, во-вторых, воины, стоящие в задних рядах, неизбежно уже в ходе сражения должны были постепенно продвигаться вперед, чтобы заполнить бреши, образовавшиеся в передних шеренгах в момент первого столкновения с вражеским войском, а также и после него, и тем самым рано или поздно тоже становились *πρόμαχοι*.

³ Как не без доли утрировки замечает Тойнби (Toynbee, 1969, p. 257), «есть что-то смешное в безнадежных попытках поэта вдохнуть хоть немного воинского духа в недисциплинированных трусов, представляющих собой тот военный материал, с которым ему приходится работать». Думается, что, если бы спартанские воины, сражавшиеся во II Мессенской войне, и в самом деле были лишь скопищем «недисциплинированных трусов», на них можно было бы воздействовать только палочными ударами (ср. известную сцену «испытания войска» в «Илиаде» (II. II), или эпизод с солдатами Клеарха в «Анабазисе» Ксенофонта (Xen. Anab. II, III, 11; VI, 9), отнюдь не поэтическими увещаниями.

Как каноническое описание фаланги воспринимаются обычно строки 31–34 восьмого фрагмента: «И встав нога к ноге, и опираясь щитом на щит, гребень (приблизив) к гребню, шлем к шлему, и сблизивши грудь с грудью, пусть сражается с (враждебным) мужем, взявшись за рукоять меча или за большое копье», хотя и стилистически, и по смыслу они чуть ли не буквально повторяют один из цитированных выше пассажей «Илиады» (II. XIII, 130 слл.). При внимательном чтении текста фрагмента может, однако, сложиться впечатление, что в строках, непосредственно предшествующих только что приведенным, так же, как и непосредственно за ними следующих, подразумевается совсем иной, весьма далекий от тактики фаланги способ сражения. В стрк. 27–28 поэт категорически утверждает, что научиться воинскому делу можно, лишь «совершая могучие дела (ῥῥίμα ἔρῃα), а не стоя со щитом вне досягаемости дротиков или стрел (ἔκτ' ὅς βελέων)». Это место обычно вызывает у читателя недоуменный вопрос: каким образом в условиях «правильного» сражения в сомкнутом строю кто-то из воинов может покинуть свое место в фаланге и оказаться даже не бегущим, а именно стоящим на безопасном удалении от града вражеских метательных снарядов и безучастно наблюдающим за ходом битвы? (Lorimer, 1947, p. 126 f.; Snodgrass, 1964, p. 182). Не исключено, что эта неожиданно возникшая в тексте Тиртея фигура гоплита, уклоняющегося от выполнения своего воинского долга, появилась здесь скорее автоматически, с одной стороны, как естественная антитеза первой строке отрывка, с другой же — как еще одна ясно выраженная гомеровская реминисценция. Обращения к герою, по той или иной причине не принимающему участия в общей схватке, хотя и присутствующему на поле боя, нередко встречаются в «Илиаде» (см., например, увещание Агамемнона, обращенное к ахейским воинам, «оставившим ужасную битву» в II. IV, 240 слл.).

Еще бóльшие затруднения вызывают у комментаторов Тиртея заключительные строки того же фрагмента (35–38), обращенные к гимнетам, т. е. легковооруженным воинам, которым поэт рекомендует, «укрываясь (или, может быть, перебегая с места на место — πτόσσοντες) один здесь, другой там, из-за щита бросать большие каменные глыбы и метать в них (т. е. в неприятеля) гладко отесанные копья, оставаясь вблизи от тяжеловооруженных». Если предположить, что выражение «ῥλ' ἄσλ(δος» в тексте этого пассажа обозначает щиты гоплитов, используя которые как прикрытие, гимнеты, сами, очевидно, лишенные щитов, могли поражать врага своим оружием, то любые представления о современной Тиртею спартанской фаланге сразу же рушатся, так как в тесно сомкнутый строй тяжеловооруженных воинов постоянно перебегающие от одного укрытия к другому метатели копий и камней (прашники?) могли внести лишь

хаос и беспорядок. Да и вообще непонятно, как им удавалось бы передвигаться внутри такого построения, не рискуя попасть под копья или просто под ноги своих же гоплитов. Пытаясь найти выход из этого затруднительного положения, некоторые авторы предполагают, что, говоря о щитах в этом контексте, поэт имел в виду легкие щиты самих гимнетов, которые и должны были защищать их от вражеских копий и стрел (Logimer, 1947, p. 127).

Такое решение вопроса представляется нам, однако, не особенно убедительным, так как, если бы Тиртей действительно был уверен в том, что у его гимнетов тоже были щиты, он скорее всего использовал бы для их обозначения какой-то другой термин, а не слово ἄσπις, как правило, обозначающее в его стихах именно большой гоплитский щит. Кроме того, само по себе наличие щита является в его глазах главным определяющим признаком тяжеловооруженного воина, достойного и обязанного сражаться ἐνὶ προμάχοισι. Именно так, очевидно, следует понимать его осуждающую реплику (она уже приводилась выше) в адрес воина, который, имея щит, предпочитает тем не менее оставаться ἐκτὸς βελέων (ср.: в том же восьмом фрагменте стрк. 4). Отсюда, как нам кажется, вытекает, что гимнеты либо вообще не имели щитов, либо были вооружены щитами какого-то иного типа, во всех отношениях уступающими гоплитским. Да и вообще выражение ὕλ ἄσπίδος в сочетании с причастием πτώσσαντες, в котором ясно различимо его родство с гомеровским и более поздним πτωχός (нищий, побирушка), едва ли может быть понято как «из-за или из-под своего собственного щита». Следовательно, мы должны представить себе спартанскую фалангу времен Тиртея как беспорядочную толпу, в которой тяжеловооруженные воины (πᾶνόπλοι) были перемешаны легковооруженными (Тоунбее, 1969, p. 258), хотя кодекс воинской чести, выраженный в «Воинственных элегиях», и требовал от них, чтобы они сражались в передних рядах, прикрывая собой теснившихся в тылу рядовых ратников, вооруженных по преимуществу метательным оружием и лишенных тяжелого защитного вооружения. Скорее всего именно так следует понимать стрк. 13 в той же 8-й элегии, где сказано, что воины, стойко сражающиеся в первых рядах, не только сами погибают в меньшем числе, но и «спасают народ, стоящий сзади них» (σφαῖραι δὲ λαὸν ὀπίσσω). Эта картина, конечно, гораздо лучше согласуется с гомеровскими описаниями сражений, в особенности с известной сценой в II. VIII, 266 слл., чем с «классической» тактикой греческой фаланги (ср.: Snodgrass, 1964, p. 181 f.). Гомеровские реминисценции иногда встречаются у Тиртея также и в описании вооружения спартанских воинов. Так, щит идеального воителя в одном случае (fr. 9, 25) назван ὀμφαλόεσση, т. е. «с шишкой (умбоном) посередине», что от-

нюдь не характерно для гоплитских щитов (Lorimer, 1947, p. 122; Snodgrass, 1964, p. 182). Но особенно странным кажется описание щита в стрк. 23–24 8-го фрагмента, где сказано, что он прикрывает одновременно бедра, голени, грудь и плечи своего владельца. Лоример видит в этом пассаже позднюю (V–IV вв.) интерполяцию (пастиш), хотя и не объясняет, каково могло быть ее происхождение (Lorimer, 1947, p. 126). Снодграс (Snodgrass, 1964, p. 181) допускает, что речь в данном случае может идти и о гоплитском щите, ссылаясь на то, что отдельные их экземпляры, известные по археологическим находкам, достигают диаметра 1,2 м. Вероятно, размеры щита зависели прежде всего от роста и комплекции его владельца. Однако, как правило (это ясно видно как в батальных сценах, представленных в вазовой живописи и в скульптуре, так и в одиночных изображениях гоплитов, см. *ил.* 27 и 28), щит прикрывал лишь верхнюю часть туловища воина (примерно до середины бедра или самое большое до колена). Именно поэтому поножи служили его необходимым дополнением. Странные строки Тиртея могут поэтому расцениваться либо как отдаленный отголосок описания «башнеподобного» щита Аякса Теламонида в «Илиаде», либо как отражение реальной специфики спартанских щитов, бывших в употреблении в эпоху II Мессенской войны (этого мнения придерживался, как указывает Лоример, еще Виламовиц-Мёллендорф). Однако дошедшие до нас изображения щитов на лаконских рельефных плакетках из слоновой кости так же, как и на свинцовых фигурках воинов из святилища Артемиды Орфии (см. о них ниже), находятся в явном противоречии с этой последней гипотезой, так как и по своей форме, и по размерам они ничем не отличаются от обычных гоплитских щитов. О том, что щиты этого типа были уже известны Тиртею, могут, пожалуй, свидетельствовать такие эпитеты, как *χοῖλος* и *εὔχυλος* (Tyr. fr. I, 50, 58).

Суммируя всю ту достаточно скудную информацию о состоянии военного дела в Спарте где-то около середины VII в. до н. э., которую удастся извлечь из элегий Тиртея, мы неизбежно приходим к мысли, уже и ранее высказывавшейся в научной литературе (см. литературу, указанную на с. 251) о том, что поэт застал спартанскую фалангу еще на одной из самых ранних этапов ее становления, в то время, когда ее боевые порядки еще только начали обособляться среди пестрой и беспорядочной массы разнокалиберно вооруженных пехотинцев. По всей видимости, глубина построения фаланги в то время была еще сравнительно невелика. Она едва ли превышала две-три следующих друг за другом через определенные интервалы линии гоплитов. Компактность и общая скоординированность движения этих шеренг, очевидно, были еще очень далеки от совершенства, что и объясняет, с одной стороны,

постоянные призывы Тиртея держать линию, «оставаясь друг возле друга», с другой же — возможность комбинированных действий тяжело- и легковооруженных воинов, на которую указывают цитированные выше строки 35—40 из восьмого фрагмента. В классических гоплитских сражениях V в. до н. э. легковооруженные были почти полностью вытеснены с поля боя и сумели добиться известного реванша лишь в конце этого столетия (Anderson, 1970, p. 122 ff.).

В то же время нельзя не заметить, что в элегиях Тиртея впервые во всей греческой поэзии архаического периода зафиксирован важный сдвиг, без которого превращение беспорядочной толпы пеших ратников гомеровского времени в настоящую фалангу было бы практически невымыслимо. Этим сдвигом мы считаем четкое функциональное обособление двух основных родов войск — тяжело- и легковооруженной пехоты. Основным и единственным назначением первой становится теперь ближний рукопашный бой, в котором первые линии противостоящих друг другу воинских масс сталкиваются «стенка на стенку» или, используя выражение самого Тиртея, «грудью на грудь» (шл. 27). Заметим, что поэт ни разу не упоминает об использовании гоплитами метательного оружия, оставляя его во всей его совокупности одним лишь гимнетам. Само обращение к гимнетам в конце VIII фрагмента должно расцениваться поэтом как важная интегральная часть всего стихотворения, логически дополняющая и завершающая запечатленную в нем картину сражения отнюдь не как поздняя и в общем ненужная вставка.

Напомним для сравнения, что в гомеровском эпосе все главные герои одинаково искусны в использовании приемов и оружия как ближнего, так и дальнего боя (метательных копий, дротиков, камней). Даже немногочисленные эпические лучники (Пандар, Тевкр, Парис) явно не могут считаться представителями какого-то особого специализированного рода войск⁴.

Основываясь на той информации, которую нам удастся извлечь из произведений Тиртея, можно предположить, что именно спартанские стратеги периода II Мессенской войны впервые подняли на уровень хорошо продуманной доктрины архаическую форму ритуализированного сражения небольших отрядов отборных воинов-профессионалов, одним из главных принципов которого был добровольный отказ от применения метательного оружия. Именно этот принцип стал краеугольным камнем

⁴ Вооружение Париса, вступающего в поединок с Менелаем, включает помимо лука также меч, обычную для гомеровского воителя пару копий и щит (II. III, 17—19, 345—46, 355—56). «Странное вооружение для человека, имеющего лук, но необычное также и для копьеносца», — замечает по этому поводу Керк в комментариях к этому месту «Илиады» (Kirk, 1985, p. 267 f.).

Ил. 27. Фрагмент пифоса с батальной сценой из Героона Спарты.
Спарта. Музей

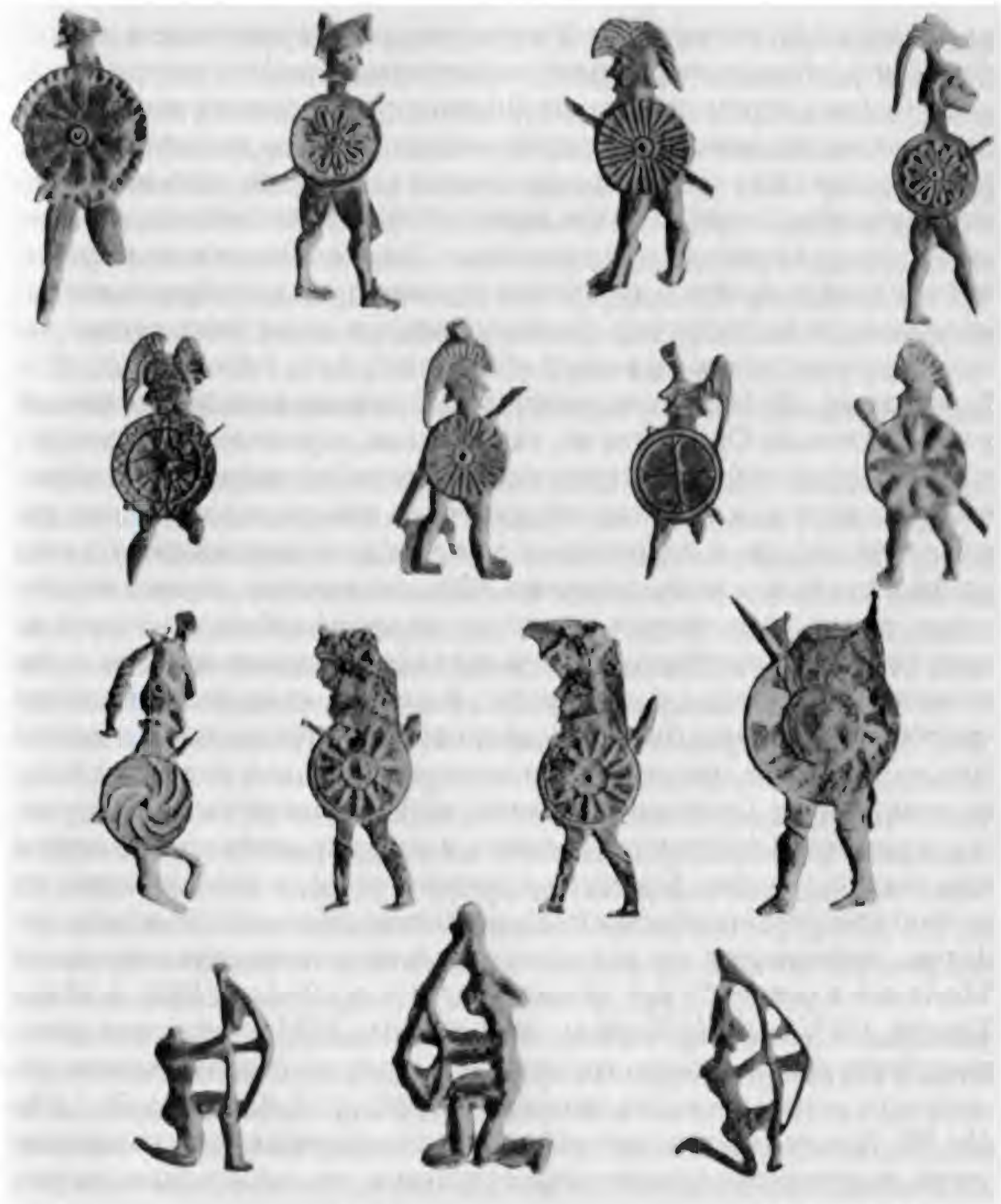
тактической организации спартанской, а затем и вообще греческой фаланги, позволив резко сократить интервалы между боевыми линиями и тем самым намного увеличить компактность, а, следовательно, и ударную мощь всего боевого порядка. Логическим развитием этой исходной тактической идеи должно было стать постепенное наращивание глубины построения фаланги, пока она не была доведена до ставшей обычной в классический период нормы в восемь рядов (Pritchett, 1971, p. 137). Само

собой разумеется, что необходимым условием, без реализации которого эта военная реформа вряд ли когда-нибудь была бы осуществлена, было увеличение численности самого «класса» гоплитов, что в свою очередь было бы невозможно без определенных социальных преобразований, которые были проведены в Спарте то ли еще в годы II Мессенской войны, то ли уже после ее завершения.

Вполне возможно, что именно переход к новой тактике способствовал окончательному успеху спартанцев как в этой войне, так и в последующих войнах с Аргосом, Тегеей и другими пелопоннесскими государствами. Не исключено, что к тому моменту, когда эти государства наконец «спохватились» и начали спешно вводить в своих армиях спартанскую тактику, Спарта уже успела установить свою гегемонию над большей частью Пелопоннеса.

Археология дает нам любопытное подтверждение высказанной только что догадки о приоритете спартанцев в развитии и усовершенствовании тактической организации фаланги. Свинцовые votive figurines гоплитов, найденные английской археологической экспедицией под руководством Даукинса при раскопках архаического святилища Артемиды Орфии и в некоторых других местах, имеют, как правило, только одно копьё (ил. 28), явно предназначенное для использования в ближнем бою (Dawkins et al., 1929, pl. 183, 191, 197; Андреев, 2008, с. 60 сл.). Мало вероятно, чтобы существовали какие-то серьезные технические препятствия, которые могли бы помешать изготовившим их лаконским ремесленникам добавить каждому гоплиту еще по одному копьё, если бы они знали, что таково было обычное вооружение спартанских воинов того времени. Согласно откорректированной Дж. Бордменом хронологии археологического материала, происходящего из святилища Орфии (Boardman, 1963, p. 7), наиболее ранние из этих фигурок датируются временем около середины VII в. до н. э. и, таким образом, могут считаться либо синхронными, либо даже несколько более древними, чем изображения гоплитов, вооруженных двумя копьями, из которых по крайней мере одно наверняка предназначалось для метания в противника, на протокоринфских вазах, в том числе и на вазе Киджи⁵. Гимне-там Тиртея в наборе votive figurines, найденных в святилище Орфии,

⁵ П. Картлидж предлагает считать древнейшим изображением спартанской фаланги миниатюрную сцену с участием трех марширующих воинов, вырезанную на круглой печати из слоновой кости, долгое время хранившейся среди неопубликованного материала из раскопок в святилище Орфии (Cartledge, 1977, p. 26 f., fig. 1). Эта печать датируется несколько более ранним временем, чем первая серия свинцовых фигурок гоплитов из того же святилища (незадолго до 650 г.). Однако в отличие от этих последних воины, изображенные на печати, вооружены (по крайней мере

Ил. 28. Свинцовые votивные фигурки гоплитов и лучников из святилища Артемиды Орфии. Спарта. Музей

очевидно, соответствуют лучники, чаще всего изображенные стреляющими с колена. Правда, в стихах Тиртея ни сами лучники, ни их луки не упоминаются ни разу. Отсюда, конечно, не следует, что поэт вообще

двое из них) двумя копьями, что заставляет усомниться в интерпретации этой сцены, предложенной Картлиджем (ср.: Salmon, 1977, p. 93, n. 40).

не знал о их существовании. Умолчание о них в концовке восьмого фрагмента, обращенной к гимнетам, вероятно, следует считать случайным. Среди фигурок святилища Орфии лучники могут считаться как бы «полномочными» представителями всего «класса» гимнетов. Другие его категории такие, как пращники и метатели дротиков, здесь совершенно отсутствуют, возможно, как недостаточно выразительные и репрезентативные, с точки зрения художника. Показательно, что ту же самую комбинацию гоплитов с лучниками мы находим и в изображениях батальных сцен на некоторых протокоринфских и еще более ранних аттических геометрических вазах (Lorimer, 1947, fig. 1, 7; Greenhalgh, 1973, fig. 43; см. *ил.* 25). Появление изображений лучников среди посвящений в храм Артемиды Орфии так же, как и пассаж, адресованный гимнетам у Тиртея, представляют интерес и еще в одном отношении, показывая, что в тот период, к которому относятся оба эти свидетельства, как археологическое, так и поэтическое, еще далеко не все граждане Спарты принадлежали к «классу» гоплитов. «Община равных», по всей вероятности, еще не существовала, а спартанская армия набиралась по цензовому принципу, о котором в источниках классического времени мы не находим уже никаких упоминаний⁶. Вероятно, преимущества новой спартанской тактики были вскоре по достоинству оценены в других греческих полисах, и одни из них раньше, другие позже, но все же пошли по тому же пути. Однако инициатива уже была ими упущена. Спартанцы продолжали неустанно развивать и совершенствовать созданную ими боевую машину. Совершенствование это шло одновременно по двум направлениям: количественному и качественному. Земельная реформа, проведенная, по-видимому, после окончательного завоевания Мессении в конце VII или начале VI в. до н. э. (Roussel, 1960, p. 42 sg.; Kiechle, 1963, S. 214 f.; Toynbee, 1969, p. 230 f., 258 f.), позволила резко расширить рамки «класса» гоплитов и довести его общую численность до десяти — восьми тысяч человек (Hdt. VII, 234; Arist. Pol. II, 1270a 38—39). К этим десяти тысячам были присоединены воинские контингенты, выставляемые периекскими полисами, что должно было сделать спартанскую фалангу самой многочисленной в Греции.

⁶ Маловероятно, что эти посвящения фигурок лучников в храм Орфии — одно из главных средоточий спартанского официального культа — были сделаны представителями низших неполноправных и поработенных классов спартанского общества: периеками или тем более илотами. Характерно, что в более поздних по времени сериях votивных фигурок из того же святилища («Свинец III—IV») изображения лучников, за редкими исключениями, не представлены, что может свидетельствовать о происходившем в это время (600—500 гг.) выравнивании социального состава спартанской гражданской общины и одновременно гражданского ополчения.

Немаловажную роль сыграло и ужесточение системы воспитания подрастающего поколения спартиатов, очевидно, включенное как один из основных элементов в общую программу так называемого Ликургова законодательства, реализованную в течение первой половины VI в., если не раньше. Как известно из более поздних источников — Ксенофонта и Павсания (Xen. Resp. Lac. IV, 6; Paus. III, 14, 10), — особое место в этой системе отводилось таким «жестоким видам атлетики, как кулачный бой и панкратий как в одиночной, так и в групповой форме (см. *ил. 11*), что, несомненно, должно было способствовать превращению молодых спартиатов в стойких гоплитов, способных выдержать самый ожесточенный натиск даже намного превосходящих сил противника (Detienne, 1985, p. 123).

Наконец, нельзя не учитывать и общий моральный климат, утвердившийся внутри спартанского государства в результате тех же «ликурговых преобразований». Жизненным credo каждого гражданина Спарты стало беспрекословное повиновение законам и представляющим их властям, гражданским и военным. Только при условии неуклонного соблюдения этого важнейшего принципа спартанцы могли стать теми τεχνῖται τῶν πολέμικων, какими их знала вся остальная Греция⁷.

Как справедливо указывает П. Картлидж (Cartledge, 1977, p. 16; 1979, p. 135), высокий военный профессионализм спартанцев был бы, конечно, невозможен без подневольного труда илотов, благодаря которому они были практически избавлены от всякой хозяйственной деятельности, в противоположность другим грекам, которые в большинстве своем оставались, по выражению Фукидида (Thuc. I, 141, 6; ср. III, 15, 2), αὐτοῦργοι и вследствие этого не могли уделять так много времени военной подготовке (см. также: Toynbee, 1969, p. 224, n. 2, 230).

На первый взгляд, этот тезис находится в прямом противоречии с принятой нами общей концепцией происхождения греческой фаланги как формы военной организации, наиболее органичной для греческого полиса с типичной для него коллективистской психологией, с одной стороны, и для греческого крестьянства с его вечными заботами о своих небольших земельных наделах — с другой. Привязанность к своему хозяйству — вот тот основной фактор, который, по мнению Андерсона, Картлиджа и некоторых других авторов, заранее сделал невозможным превращение греческого крестьянина в профессионального солдата

⁷ Как думает Тойнби (Toynbee, 1969, p. 259), этот новый воинский дух и тесно связанная с ним дисциплина в полной мере утвердились в Спарте только спустя сто лет после «реформ Ликурга», т. е. после наделения землей массы неимущих спартиатов и создания «общины равных» (сами эти реформы он относит к концу VII в. до н. э.).

и вместе с тем сделал наиболее приемлемым для него способом ведения войны стратегию и тактику фаланги, поскольку она не требовала от него ни слишком высокого уровня военной выучки, ни слишком больших затрат времени на каждую отдельную кампанию. Но спартанцы как люди, полностью освобожденные от необходимости самим трудиться на своих наделах благодаря подневольному труду илотов, казалось бы, вполне могли позволить себе и то и другое. Тем не менее именно они могут считаться, если оправдано все сказанное выше, первооткрывателями основного структурного принципа гоплитского строя, который им удалось довести до невиданного в Греции совершенства. Очевидно, подобно другим грекам, спартанцы остановили свой выбор на фаланге постольку, поскольку они, как и все прочие, не были заинтересованы в слишком затяжных военных кампаниях, грозивших им длительной разлукой с родной землей. О том, что дело обстояло именно таким образом, свидетельствует многократно отмечавшаяся в научной литературе «странная» нерешительность и медлительность спартанцев во время крупных боевых операций в период греко-персидских, а также следующих за ними пелопоннесских войн. Причина этой нерешительности уже давно известна: по мнению целого ряда историков, спартанские военачальники просто не решались оставлять на долгое время без необходимого присмотра своих всегда готовых к возмущению рабов-илотов. Вероятно, в какой-то степени это объяснение приложимо и к гражданам других греческих полисов, среди которых вопреки чересчур категоричному утверждению Фукидида отнюдь не все были заняты каждодневной работой на своих полях. Состоятельные землевладельцы типа аристократов Стрепсиада или ксенофоновского Исхомаха хотя и не трудились сами, видимо, все же не решались оставлять свои хозяйства на слишком длительное время на попечение нерадивых рабов, которые к тому же в любую минуту могли просто разбежаться. Тем не менее положение спартиатов в этом плане было, конечно, совершенно исключительным, если учесть состояние никогда не прекращающейся войны со своими собственными рабами, в котором каждый из них находился⁸.

⁸ Мы не знаем, насколько активно участвовала спартанская фаланга в крупных карательных операциях против мятежных илотов. Возможно, она использовалась как инструмент устрашения для разгона больших скоплений восставших рабов. Однако она была явно непригодна для затяжной борьбы против мелких «партизанских» отрядов мятежников, скрывавшихся в горах и лесных зарослях и нападавших, как правило, из засады. Вероятно, в таких ситуациях спартанцы и сами переходили к аналогичной тактике, формируя специальные группы «командос» преимущественно из молодежи, только что прошедшей курс воспитания в агелах. Весьма приблизительное описание операций такого рода можно видеть в известном рассказе Плу-

Не вызывает сомнений также и то, что психологической основой спартанской фаланги, как и повсюду в Греции, было чувство полисного коллективизма. В Спарте, как это не раз уже отмечалось (см., например: Hasebroeck, 1931, S. 201 ff.; Вернан, 1988, с. 87; Андреев, 1983, с. 204 сл., 215 сл.; 1987, с. 82 сл.), это чувство нашло особенно рельефные, можно даже сказать, гипертрофированные формы для своего выражения. В том государстве-казарме, которым Спарта стала после проведения в жизнь целой серии так называемых Ликурговых законов, сделавших основным жизненным принципом каждого спартанца строго соблюдаемый примат государства над личностью, гоплитская фаланга должна была восприниматься как наиболее естественная и для всех приемлемая форма военной организации. Отсюда не следует, конечно, что процесс становления спартанского полиса и процесс становления фаланги должны были идти в буквальном смысле этого слова «нога в ногу». В частности нельзя признать особенно убедительными попытки ряда авторов произвести хронологическое подтягивание даты возникновения фаланги ко все еще остающейся весьма проблематичной датировке так называемой Большой ретры⁹. В принципе та форма раннедемократической или, если учитывать также «поправку Полидора», олигархической конституции спартанского полиса, суммарной формулировкой которой может считаться «Большая ретра», вполне могла существовать и развиваться в тот период, когда еще не была окончательно изжита старая «гомеровская» тактика массового сражения, а она, как мы уже видели, практиковалась в Спарте по крайней мере вплоть до середины VII в.

Археологический материал, открытый во время раскопок в святилище Артемиды Орфии, дает основание предполагать, что процесс становления фаланги классического типа завершился в Спарте лишь в VI столетии, возможно, уже в первой его половине. Именно к этому времени

тарха (Plut. Лус. 28) о криптиях (ср.: Jeanmaire, 1913, p. 142). Повествование того же автора о так называемой III Мессенской войне (Plut. Сimon 26–27) ясно показывает бесполезность фаланги в тех случаях, когда очаг восстания не удавалось ликвидировать сразу и война с илотами принимала затяжной характер.

⁹ Довольно часто сама дата принятия «Большой ретры» выводится из весьма приблизительно определяемой даты введения фаланги или формирования «класса» гоплитов, хотя, как мы уже видели, ни то ни другое нельзя свести к какому-то единичному событию, которое можно уместить в рамках одного года или даже десятилетия. К тому же даже и при таком допущении Датировки Ретры могут довольно сильно между собой различаться. Так, по Хаксли (Huxley, 1962, p. 47), Ретра была принята одновременно с учреждением праздника Карней около 676 г. (также Forrest, 1969, p. 58). Тойнби (Toynbee, 1969, p. 270) относит ее к какому-то времени после 650 г., связывая с событиями II Мессенской войны. Близок к этому мнению и Картлидж (Cartledge, 1979, p. 134 f. Ср.: Andrewes, 1966, p. 75; Wade-Gery, 1944).

относится первая из трех последних серий свинцовых вотивных фигурок («Свинец III», по определению А. Уэйса, опубликовавшего этот материал — Wace, 1929, p. 251 ff.; Андреев, 2008, с. 60 сл., 223 слл.). Среди фигурок этой серии изображения лучников встречаются лишь в виде исключения в целом намного реже, чем в двух предшествующих сериях («Свинец I–II»). Безраздельно преобладающим становится тип воина-гоплита (Dawkins et al., 1929, pl. 197), что может свидетельствовать о происходившем в это время выравнивании социального состава как спартанской армии, так и спартанской гражданской общины. Догадка о том, что формирование так называемой общины равных и тесно связанной с ней системы Ликурговых учреждений в целом пришло к своему логическому завершению именно в VI в.¹⁰, подтверждается также и некоторыми другими фактами (в основном опять-таки археологическими данными), к которым мы вернемся впоследствии.

Пример архаической Спарты особенно ясно и наглядно показывает, что корреляция двух процессов — становления полиса и развития фаланги — была в значительной мере обоюдной. Гоплитская армия со свойственными ей принципами стратегии и тактики могла вырасти и сформироваться только в условиях полисного государства. Но уже в процессе своего развития эта армия должна была стать важным политическим фактором, оказывающим мощное обратное воздействие на породившее ее материнское лоно полиса. Иначе говоря, спартанский «космос» может расцениваться в равной степени и как основная предпосылка зарождения фаланги, и как ее продукт.

¹⁰ Начиная по крайней мере с 10-х гг. XX в., возникновение спартанской фаланги нередко ставится в прямую связь с так называемым культурным переворотом VI в. (см.: Dickins, 1912, p. 19; Hasebroeck, 1931, S. 203; Ehrenberg, 1929, S. 1380; Lenschau, 1937, S. 288; Bengtson, 1969, S. 107; Roussel, 1960, p. 41 sq.; Kiechle, 1963, S. 266 ff.). Ряд авторов, оспаривая это мнение, тем не менее признает, что создание армии нового образца было невозможно без радикальной земельной реформы и учреждения или реорганизации системы *ἀγῶν* (Toynbee, 1969, p. 290 f.; Cartledge, 1977, p. 27; Andrewes, 1966, p. 73 ff.; Tigerstedt, 1965, p. 59).

Глава 3

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ СПАРТАНСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ в V—IV вв. до н. э.

Едва ли не первый в истории нашей науки случай исследовательской полемики прямо связан с вопросом об организации спартанской армии. В короткой 20-й главе, завершающей так называемую Археологию, Фукидид решительно расправляется со всеми своими предшественниками, доказывая, что никто из них ничего не смыслит в истории не только древней, но и новейшей. В числе прочих достается и Геродоту. Фукидид обвиняет его в том, не называя, правда, по имени, что он выдумал в действительности никогда не существовавший в спартанской армии Питанский лох. Современные исследователи справедливо усматривают в этом выпаде прямой намек на один из эпизодов IX книги «Истории» Геродота (Hdt. IX, 53—57). Здесь рассказывается о том, как во время битвы при Платеях командир Питанского лоха (λοχηγέων τοῦ Πιτανίτεω λόχου) Амомфарет отказался подчиниться приказу главнокомандующего Павсания и перейти на другую позицию. Вполне вероятно, что, не будучи человеком достаточно сведущим в специальных вопросах военного искусства (это признают сейчас многие ученые), Геродот мог что-то и напутать с основными делениями спартанской армии, тем более, что никаких упоминаний о лохах вообще и о питанском лохе в частности мы у него больше не находим. Однако и просто довериться здесь Фукидиду, который лишь голословно отвергает свидетельство Геродота, ничем, по существу, не обосновывая свою скептическую позицию, было бы неострожно.

Для того чтобы разобраться, кто прав и кто ошибается в этом споре, нам придется рассмотреть всю имеющуюся в источниках информацию об организации спартанской армии. Информация эта, даже взятая во всей

своей совокупности, крайне ограничена и по существу сводится к четырем основным свидетельствам, на которых мы сейчас и остановимся. Первое из этих свидетельств принадлежит опять-таки Геродоту. Рассказывая о законодательстве Ликурга (Hdt. I, 65), он называет в числе прочих его нововведений также и учреждение ряда войсковых единиц (τὰ ἐς πόλεμον ἔχοντα), в том числе эномотий, триакад и сисситий. Значение всех этих терминов остается в тексте Геродота нераскрытым. Неизвестно также, как все эти подразделения были связаны между собой и какое отношение они имеют к лохам, упоминавшимся при описании Платейской битвы. Поэтому, не задерживаясь далее на свидетельстве Геродота, перейдем сразу же к непосредственно за ним следующему по времени сообщению Фукидида. Спартанская армия довольно подробно описывается этим историком в связи с рассказом о сражении при Мантинее в 418 г. до н. э., когда спартанцы под командованием царя Агиса II наголову разбили объединенные силы аргосцев, аркадян и афинян (Thuc. V, 66–68). Заметив, что определить общую численность спартанцев, участвовавших в этой битве, было довольно трудно по причине засекреченности их государственного строя (διὰ τῆς πολιτείας τὸ κρυπτόν), Фукидид предлагает читателю самому разобраться в этом вопросе, используя следующую схему: вся армия делится на семь лохов, не считая так называемых скиритов, которые составляли особый лох, занимавший почетный левый фланг и насчитывавший 600 человек. Один из семи лохов был целиком укомплектован воинами, служившими под командованием Брасида во время его похода во Фракию, и так называемыми неодамодами, т. е. отпущенными на свободу илотами. Каждый из лохов делился на четыре пентекосты, каждая пентекоста, в свою очередь, включала в себя четыре эномотии. В первом ряду каждой эномотии стояло по четыре человека. Построение лохов было неодинаковым по глубине (это зависело от усмотрения лохага). Самым глубоким было построение в 8 рядов, что дает 32 человека на одну эномотию. Вся первая шеренга спартанской пехоты опять-таки без скиритов насчитывала 448 щитов.

Несколько по иному описывает структуру спартанской армии Ксенофонт в «Лакедемонской политике» (Xen. Resp. Lac. XI, 4). По его словам, Ликург разделил все войско на шесть мор всадников и гоплитов. Каждая из этих «гражданских» или, может быть, «государственных мор» (ἐκάστη δὲ τῶν πολιτικῶν μορῶν) имеет одного полемарха, четырех лохагов, восемь пентекостеров и 16 эномотархов. Различия между схемами Фукидида и Ксенофонта очевидны. Фукидид называет главные подразделения спартанской армии «лохами», Ксенофонт «морами». Четырем пентекостам в следующем звене схемы Фукидида соответствуют четыре

лоха у Ксенофонта, шестнадцать эномотиям Фукидида восемь пентекост Ксенофонта, хотя общее число эномотий в одной море у Ксенофонта получается такое же, как в одном лохе у Фукидида. Это совпадение многих исследователей наводит на мысль о том, что фукидидовские лохи и моря Ксенофонта — это по существу одни и те же войсковые единицы. Если из семи лохов, названных Фукидидом, отбросить один, составленный из неодамонов и илотов, служивших в войске Брасида, их останется шесть, т. е. столько же, сколько было и «гражданских мор», по свидетельству Ксенофонта. Расхождения между обоими авторами в числе пентекост и эномотий могут быть объяснены либо их собственными ошибками, либо ошибками переписчиков, либо, наконец, какими-то частными изменениями, которые могли произойти в структуре спартанской армии в промежутке между битвой при Мантинее и временем создания «Лакедемонской политики». Так или иначе, но большинство исследователей, специально занимавшихся этой проблемой, сходится сейчас на том, что оба историка имели в виду практически одну и ту же войсковую организацию.

Еще одну версию сообщает автор схолиев к «Лисистрате» Аристофана. Он приводит названия пяти спартанских лохов: Ἐδωλος, Σίτις, Ἀρίμας, Πλόας, Μεσσοάγης (Schol. Lys. 453). Те же пять названий, хотя и в несколько ином звучании, повторяются также в схолиях к Фукидиду (IV, 8; 9). О пяти спартанских лохах говорится и в словаре Гезихия (Hesych. Λόχοι), который прямо ссылается в этой связи на Аристотеля, скорее всего имея в виду «Лакедемонскую политику».

Сохраненные схолиастами экзотические прозвища пяти лохов несут на себе печать глубокого архаизма. Вероятно, уже во времена Аристотеля, если только он действительно может считаться источником, из которого заимствованы эти странные названия, они были плохо понятны или вообще непонятны читающей публике. Поскольку мы не можем датировать их ни первой половиной IV в., ни периодом Пелопоннесской войны (в это время, как мы уже знаем, спартанская армия состояла из шести мор, известных благодаря Фукидиду и Ксенофону), остается только одна возможность — отнести соответствующую форму военной организации (армию, состоящую из 5 тактических единиц) к еще более раннему времени, т. е. к эпохе греко-персидских войн, о которых повествует Геродот. Эта догадка находит свое косвенное подтверждение в сообщении великого историка о численности спартанской армии, противостоявшей персам в битве при Платеях. Эта армия насчитывала 5 000 одних только спартиатов, без илотов и периеков (Hdt. IX, 10). Как была получена эта цифра? Возможно, Геродоту было известно, что войско под командой Павсания было разделено на пять основных

боевых единиц — лохов, каждый из которых имел в своем составе около тысячи гоплитов. Но особую значимость приобретает в этой связи упоминание о Питанском лохе в той же IX книге «Истории».

Согласно предположению К. Ноймана (Neumann, 1906), которое было подхвачено и многими другими историками, пять лохов у схолиастов Аристофана и Фукидида соответствуют пяти территориальным округам Спарты — так называемым комам, или обам. Названия этих округов нам известны. Это — Питаны, Лимны, Месоа, Киносура и Амиклы. Как мы видим, лишь одно из этих названий — Месоа имеет известное сходство с названием одного из пяти лохов Μεσοβότης. Вполне вероятно, однако, что среди этих лохов был и известный Геродоту Питанский лох, т. е. набранный из числа жителей Питан (или Питаны) — одной из пяти спартанских деревень, хотя в качестве боевой единицы спартанской армии он носил другое название. Такими же «псевдонимами» могли быть и названия трех других лохов, что было бы, вообще говоря, вполне в духе той непрерывной игры в секретность, в которую спартанцы продолжали играть в течение всей своей сознательной жизни.

В период, следующий за греко-персидскими войнами, в структуре спартанской армии произошли важные изменения. На смену пяти лохам, скоординированным с территориальным делением Спарты, пришли шесть мор, уже не связанные прямо с комами или какими-нибудь иными территориальными единицами. Поэтому Фукидид, заставший уже реформированную армию, и оспаривает Геродота, утверждая, что никакого Питанского лоха у спартанцев не было. По этой же причине, как это ясно следует из описания одного из эпизодов Коринфской войны в *Hellenika* Ксенофонта (Xen. Hell. IV, 5, 11), жители каждой комы (в данном случае речь идет об Амиклах) в то время уже распределялись по всей армии, не составляя особого лоха или моры, как это было раньше.

Что было причиной такой перестройки? Известно, что в период греко-персидских войн спартиаты и периеки выступали во время похода в отдельных воинских контингентах (Hdt. IX, 10, 11, 28, 29). В дальнейшем этот порядок был нарушен, очевидно, вследствие неуклонного сокращения численности полноправных граждан Спарты. Характерно, что ни Фукидид, ни Ксенофонт ни разу не упоминают о каких-то особых подразделениях периеков внутри общелакедемонского ополчения (исключение составляет только лох или мора скиритов, стоявший особняком в боевых порядках спартанской армии в битве при Мантинее). Среди 292 спартанцев, захваченных в плен на Сфактерии в 425 г. до н. э., настоящих спартиатов было только 120. Все остальные были, по-видимому, периеками (Thuc. IV, 38, 5), причем, как указывает Фукидид (Ibid. IV, 8, 9), эти воины были отобраны по жребию из всех лохов спартанской

армии. По словам Исократа (Isocr. Panath. 180, 1270–71), периеки сражались буквально плечом к плечу со спартиатами, очевидно, в одних и тех же эномотиях. В армии нового образца спартиаты составляли, судя по всему, лишь незначительное меньшинство и использовались главным образом как офицерский состав. В этих условиях было трудно, да практически и не имело смысла сохранять прежнюю связь между основными войсковыми частями и отдельными округами, на которые делилась городская территория Спарты. Определить с достаточной точностью время проведения реформы, в корне изменившей структуру и социальный состав спартанской армии, нам едва ли удастся. Можно лишь предполагать, что это произошло либо в первые годы Пелопоннесской войны (во всяком случае, до 425 г. до н. э.), либо еще до ее начала. Тойнби (Toynbee, 1969, p. 290 f.) пытается связать эту реорганизацию с великим землетрясением 464 г., доставившим спартам столько хлопот, хотя могли быть, конечно, и другие причины, побудившие правительство Спарты к такого рода преобразованиям.

Во всей этой гипотетической конструкции есть один неясный момент, который может поставить под сомнение и все остальное. Остается непонятным, почему сведения о древнейшей форме спартанской военной организации — об армии, состоящей из пяти лохов, сохранились только у такого сравнительно позднего автора, как Аристотель. Объяснение может быть, как мне кажется, двояким. Во-первых, ясно выраженная антикварная направленность интересов Аристотеля-историка должна была подтолкнуть его к выяснению именно древнейших первоначальных особенностей государственного строя Спарты, в том числе и спартанской армии. Во-вторых же — и эта догадка не исключает первую, а скорее ее подкрепляет, — вполне можно предположить, что система из пяти территориальных войсковых единиц еще продолжала существовать в Спарте во времена Аристотеля или по крайней мере где-то незадолго до того, как была написана «Лакедемонская полития», хотя теперь уже и в несколько ином качестве, нежели в эпоху персидских войн. Вероятно, с переходом к армии нового образца, включавшей наряду с полноправными гражданами Спарты также и периеков, старая войсковая организация не была просто упразднена, но продолжала функционировать в качестве своего рода «национальной гвардии», которая могла быть пущена в дело в случае возмущения хотя бы тех же периеков, не говоря уже об илотах. Иначе говоря, необходимость такого рода дуальной военной организации была обусловлена некоторыми особенностями социальной структуры самого спартанского общества.

Косвенным подтверждением справедливости нашей догадки может служить одно высказывание Ксенофонта в его трактате «Гиерон» (Xen.

Нигер. IX, 6–7), на которое до сих пор как будто никто не обращал должного внимания. Рассуждая о пользе соревнования как в военной, так и в мирной жизни, Ксенофонт замечает: «Ведь все государства делятся одни на филы, другие на моры, третьи на лохи, и каждое деление имеет своего начальника». Далее говорится, что эти начальники обязаны следить не только за состоянием оружия и дисциплиной граждан, приписанных к их подразделениям, но также и за их честностью в различных сделках (δικαιοσύνη ἢ ἐν συμβολαίοις) и за исправными выплатами денег (καὶ χρήματα Θᾶσσον ἂν εἰσφέροιεν, ὅποτε τοῦτου καιρὸς εἴη).

Совершенно ясно, что под морами и лохами здесь подразумеваются не просто войсковые подразделения наподобие тех частей спартанской армии, о которых Ксенофонт говорит в «Лакедемонской политике», а нечто совсем иное — какие-то организованные на военный лад единицы административного деления полисной общины, более всего приближающиеся по своему характеру к афинским филам. Как известно, эти последние выполняли весьма многообразные функции. По филам производились выборы должностных лиц, осуществлялся набор в ополчение, распределялись литургии и проводились многие другие мероприятия как гражданского, так и военного характера. Аналогичную роль могла играть во внутренней жизни спартанского государства система из пяти территориальных лохов, которые в самой Спарте, возможно, назывались по древнему обычаю «морами». Если это действительно так, то пять лохов должны быть теснейшим образом связаны с теми товарищескими корпорациями или мужскими союзами (фидитиями или сисситиями), которые составляли, как принято думать, основной структурный элемент гражданской общины спартиатов.

Некоторые данные источников как будто подтверждают и эту догадку. В этой связи следует еще раз вспомнить уже приводившееся свидетельство Геродота о военных преобразованиях Ликурга, который учредил наряду с другими воинскими подразделениями также и сисситии. Поскольку Геродот скорее всего ориентировался в этом месте своего сочинения на армию, еще не подвергшуюся реорганизации и состоявшую из одних только спартиатов, практическое тождество обеих систем (системы пяти лохов и системы сисситий) представляется весьма вероятным. Высшими блюстителями Ликурговых законов считались, как известно, эфоры. Им же, вне всякого сомнения, принадлежало и право верховного контроля над всей системой спартанских мужских союзов. Едва ли случайно совпадение числа членов этой коллегии (их было пять человек) с числом древних лохов. Во главе каждого лоха мог, таким образом, стоять один из эфоров, который одновременно считался полномочным представителем всей этой корпорации в составе коллегии высших долж-

ностных лиц спартанского государства. И еще одна любопытная деталь, говорящая в пользу этого предположения. По свидетельству Аристотеля в «Политике» (Arist. Pol. III, 1275b 9 сл.), в Спарте все гражданские судебные дела и в частности контроль за соблюдением договорных обязательств (συμβολαία) подлежали юрисдикции эфоров. Но ту же самую функцию выполняют и начальники мор и лохов, о которых говорит Ксенофонт в «Гиероне».

Сказанное не обязательно должно обозначать, что, говоря о государствах, разделенных на лохи и моры, Ксенофонт имел в виду одну только Спарту. Вполне возможно, что аналогичные формы организации гражданского коллектива существовали также и в некоторых других местах. Вероятно, нечто подобное этой конституции мы смогли бы обнаружить, например, в дорийских полисах Крита, где основными единицами административного деления были так называемые старты (дор. *στартός*, очевидно, вариант общегреческого *στратός* — «войско»). Однако совершенно обойти в своем рассуждении Спарту, которая всегда была для него и идеалом, и источником политической мудрости, Ксенофонт, конечно же, не смог бы и не захотел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спартанский эксперимент: «Община равных» или тоталитарное государство?*

Как давно уже замечено, каждая новая эпоха в истории человечества ищет и находит в прошлом свое собственное отражение, свой, так сказать, идеальный прообраз. В разное время и в разных общественно-политических ситуациях народы Европы обращались в поисках исторических прецедентов то к Римской республике или империи, то к афинской демократии, то, наконец, к Спарте.

Интерес к тому, что можно было бы назвать «спартанским экспериментом», пробуждался в европейской общественной мысли неоднократно, и, как правило, это происходило в особенно острые, критические моменты ее развития, на крутых исторических поворотах. Так было, например, в годы Великой французской революции, когда «государство Ликурга» стало на какое-то время живым воплощением знаменитого лозунга «Свобода, равенство и братство». Спустя почти полтора столетия на исторической сцене появилось новое поколение лаконофилов, но теперь уже с совсем другими лозунгами и под другими знаменами. В 20—30-х гг. нынешнего столетия спартанский опыт был по достоинству оценен и использован идеологами германского фашизма. Именно в Спарте увидели они прямой прообраз своего «тысячелетнего рейха», идеальное государство, в котором немногочисленное сообщество представителей «высшей расы» силой оружия заставляло себе повиноваться огромные толпы «недочеловеков»¹. Не приходится сомневаться в том, что Спарта, избранная в качестве образца для подражания создателями

* Ю. В. Андреев. Архаическая Спарта: искусство и политика. СПб., 2008. С. 293—302.

¹ Об отношении к Спарте идеологов и основателей другого крупнейшего тоталитарного государства XX в. — империи Иосифа Сталина нам известно гораздо меньше. Тем не менее сохранилось характерное высказывание Сталина (в передаче А. Мальро), из которого можно заключить, что и наш великий диктатор не избежал увлечения спартанской легендой: «У нас есть и Спарта и Византия. Когда Спарта, это хорошо».

одного из самых зловещих тоталитарных режимов, должна была весьма существенно отличаться от той Спарты, которой бредили Дантон или Сен Жюст. Правда, источники, из которых черпали необходимую им информацию французские революционеры и немецкие нацисты, были в сущности одни и те же. За сто с лишним лет, отделяющих взятие Бастилии от поджога рейхстага, общий запас сведений об одном из самых загадочных государств древности не претерпел сколько-нибудь значительных изменений.

Но чем же в таком случае была реальная Спарта? К какому из двух идеалов она стояла ближе: к идеалу поднимающейся буржуазной демократии или же к идеалу современного тоталитаризма? Довольно трудно найти сколько-нибудь точный и ясный ответ на этот вопрос в весьма разноречивых суждениях древних о Спарте. Правда, спартанские законы всегда пользовались в Греции прекрасной репутацией, а их создатель Ликург почитался как мудрейший из всех законодателей после мифического царя Миноса. Спартанское «благозаконие» превозносили не только ярые лаконофилы вроде Крития или Ксенофонта, но и такие достаточно критически настроенные наблюдатели, прекрасно осведомленные о всех внутренних пороках и слабостях «Ликургова космоса», как Фукидид, Платон и Аристотель. Однако конкретный смысл, вкладывавшийся в понятие «евномии», мог очень сильно различаться у разных авторов. Полного единодушия в оценке государственного устройства Спарты в древности, по-видимому, так и не удалось достичь. По словам Аристотеля (Polit. IV, 1294b 20–34), в его время одни считали лакедемонскую конституцию образцом демократии, другие же, напротив, видели в ней самую настоящую олигархию. Сам же он склонен был расценивать ее как результат смешения двух противоположных политических начал: демократического и олигархического. Как известно, мысль о «смешанной конституции» как идеальной форме государственного устройства появилась в греческой философии задолго до Аристотеля (впервые, вероятно, еще у старших софистов) и не утратила своей популярности также и после него, причем именно Спарта в течение долгого времени (практически вплоть до установления римского владычества над Грецией) воспринималась многими как единственная реально существующая модель политической организации такого типа, хотя комбинации различных элементов, составляющих эту модель (демократия, олигархия, монархия и т. д.), могли варьироваться в очень широких пределах.

Конечно, было бы большим заблуждением видеть в теории «смешанной конституции» всего лишь отвлеченную схоластическую схему, рожденную оторванными от жизни политическими доктринерами в результате их тщетных попыток понять подлинную специфику такого

неординарного государства, как Спарта. Определенное рациональное зерно можно найти в каждом из известных нам вариантов этой теории. Но основная политическая реальность, быть может, не вполне осознанно улавливаемая античными исследователями спартанского феномена, заключалась, как мне кажется, в том действительно необычном и достаточно сложном переплетении элементов демократического радикализма и авторитарного консерватизма, которое может считаться внутренней сутью Ликургова строя. Аристотель в том же разделе «Политики», где он дает свое определение характера спартанской конституции, так изображает общий баланс составляющих ее демократических и олигархических элементов: «Многие пытаются утверждать, что оно (лакедемонское государственное устройство. — Ю. А.) демократическое, так как его порядки содержат в себе много демократических черт, хотя бы прежде всего в деле воспитания детей: дети богатых живут в той же обстановке, что и дети бедных, и получают такое же воспитание, какое могут получать дети бедных. То же самое продолжается и в юношеском возрасте, и в зрелом — и тогда ничем богатые и бедные не разнятся между собой: пища для всех одна и та же в сисситиях, одежду богачи носят такую, какую может изготовить себе любой бедняк. К тому же из двух самых важных должностей народ на одну выбирает, а в другой сам принимает участие: геронтов они избирают, а в эфории сам народ имеет часть. По мнению других, лакедемонский государственный строй представляет собой олигархию, как имеющий много олигархических черт, хотя бы, например, то, что все должности замещаются путем избрания, и нет ни одной, замещаемой по жребию, далее, лишь немногие имеют право присуждать к смертной казни и к изгнанию и многое подобное».

Не оспаривая прямо сами факты, выдвинутые в качестве аргументов в поддержку этих двух прямо противоположных оценок спартанской конституции, Аристотель настаивает лишь на том, что все эти признаки, характерные для демократического и олигархического режимов, в Спарте были совмещены в рамках одной политической системы, гармонически дополняя и уравнивая друг друга. Парадоксальность интерпретируемой таким образом ситуации могла бы быть еще более усилена, если бы автор «Политики» обратил внимание на то, что в известных отношениях как демократические, так и олигархические черты спартанского государственного устройства были доведены здесь до своего крайнего выражения, превышающего обычные греческие стандарты двух этих форм политической организации.

Правда, спартанская демократия, если рассматривать ее как один из вариантов системы полисного самоуправления, производит впечат-

ление скорее недоразвившейся, приостановленной в своем развитии чуть ли не на уровне гомеровской «военной демократии». В своей интерпретации так называемой Большой ретры Аристотель, насколько можно понять по пересказу его комментариев в Плутарховом «Жизнеописании Ликурга» (Лус. 6), пришел к выводу, что апелла практически не участвовала в обсуждении «спущенных сверху» законопроектов, а лишь утверждала или, наоборот, отвергала решения, уже принятые герусией и царями, хотя так называемая поправка Полидора и Феопомпа дает основание современным исследователям того же текста считать, что какая-то форма дискуссии в спартанском народном собрании все же практиковалась, так как иначе было бы непонятно, откуда могли взяться те буквально «кривые (т. е., очевидно, неверные или, может быть, уклончивые) ретры» апеллы, которые цари и геронты имели право отклонить (или, по другой версии перевода, просто распустить народ). И если допустить, что эта поправка действительно обрела силу конституционного акта (в позднейших источниках на этот счет не сохранилось никаких свидетельств), то принцип народного суверенитета, торжественно провозглашенный в основном тексте «Ретры», конечно, был бы сведен к простой фикции. Сам Аристотель, как ни странно, опускает этот весьма важный момент в перечне доводов, выдвигаемых в поддержку олигархической концепции спартанского государственного устройства. Возможно, в его понимании тонкости законодательной процедуры, действовавшей в спартанском народном собрании, не имели принципиального значения. Главным для него было соотношение политических сил, представленных важнейшими государственными магистратурами.

В «Политике» Аристотель дважды обращает внимание читателя на ту огромную, по своей сути близкую к тиранической власть, которая была сосредоточена в руках коллегии эфоров (1265b 41; 1270b 14 сл.). А если учесть, что, по его же словам, избирались эфоры из числа всех граждан, не исключая и самых бедных, что делало их весьма падкими на подкуп (Ibid. 1270b 10 сл.; ср. 1272a 42 — 1272b 2), то, вероятно, не было бы большой ошибки, если бы мы рискнули определить эту магистратуру как своего рода демократическую диктатуру, полномочия которой были ограничены лишь сроком ее избрания на один год и, конечно, ее коллегиальностью. Какова бы ни была его дальнейшая судьба, эфорат, по всей видимости, именно так и был задуман его создателями, которые внедрили его в спартанскую конституционную систему как мощный противовес старым аристократическим магистратурам, т. е. царям и герусии. Могушество эфоров должно было превратить эту коллегию должностных лиц в настолько эффективный орган народовластия (так могло казаться по крайней мере поначалу), что устроители «Ликургова космоса», возможно,

уже не видели особой необходимости в усовершенствовании порядка принятия законов и даже в их письменной фиксации (еще один парадокс политической истории Спарты, как известно, состоял в том, что самое «благозаконное» из всех греческих государств так и не обзавелось настоящим сводом законов). В результате те формы демократического самоуправления гражданской общины, которые начали было развиваться в Спарте, как и повсюду в Греции, были оставлены, так сказать, в полумбриональном состоянии (словосочетание *arrested democracy*, употребленное Ч. Старром в его последней книге о греческом полисе, довольно точно выражает суть того, что здесь произошло), и в то же время наряду с ними продолжали существовать такие реликтовые учреждения, как двойная царская власть и совет старейшин. Очевидно, спартанские законодатели и в самом деле были уверены в том, что эфорат, тесно связанный с хотя и ограниченной в своих правах, но все же представлявшей собой весьма внушительную политическую силу девятитысячной апеллой, мог служить надежной гарантией против превращения царей в тиранов, а геронтов в олигархов (о том, что тиранами или олигархами могут когда-либо стать сами эфоры, они, конечно, и не помышляли).

Именно эфоры были, по всей видимости, главными блюстителями неукоснительной строгости той системы регламентации запретов, которую принято называть «законами Ликурга». Это следует хотя бы из того, что при своем вступлении в должность члены коллегии провозглашали своего рода преторский эдикт, обязательный для всех граждан Спарты: «Брить усы, посещать сисситии и повиноваться законам» (Plut. Cleom. 9). Почти тираническое всевластие эфоров было как бы наглядным выражением той «деспотии закона», которая, по словам Геродота (VII, 104), царила в Спарте в эпоху греко-персидских войн и еще до ее начала.

Одним из основополагающих принципов Ликургова законодательства был, как известно, принцип абсолютного равенства всех граждан полиса в их повседневной жизни. Для тех, кто склонен был видеть в Спарте образец подлинно демократического государства, именно это специфическое равенство спартиатов было главным подтверждением их правоты, как это следует из уже цитированного пассажа Аристотелевой «Политики». Можно спорить относительно реальных масштабов и эффективности уравнительной политики, проводившейся спартанским правительством. Но отрицать реальность самой этой политики, т. е. целой системы административных и идеологических мер, направленных к максимальному сглаживанию социального неравенства в гражданской среде, было бы, конечно, неразумно перед лицом хорошо известных каждому из нас фактов. Нельзя считать просто выдумкой чересчур ре-

тивных лаконофилов ни ту жестокую муштру, которой подвергались спартанские подростки и юноши в агелах, ни тот казарменный образ жизни, который вели уже взрослые спартиаты в сисситиях, ни спартанские железные деньги, ни планомерное и последовательное подавление в сознании граждан собственнических и индивидуалистических инстинктов, ни борьбу с роскошью и распушенностью и т. п. факты, о которых мы узнаем из сочинений Ксенофонта, Платона, Плутарха и других античных авторов. Разумеется, и в самих этих мерах, и в тех надеждах, которые возлагали на них те, кто их изобрел и пытался провести в жизнь, очевидно, рассчитывая с их помощью добиться оздоровления спартанского общества, заключалась изрядная доля реакционной утопической демагогии или популизма. Но демагогия скорее в современном, чем в античном понимании этого слова, т. е. манипуляция сознанием масс, направленная к тому, чтобы выдать желаемое за действительное, вообще является неотъемлемым элементом идеологии греческого полиса. Без нее он просто не мог бы существовать в своем основном качестве союза в теории, но далеко не всегда и не во всем на практике равноправных членов гражданской общины.

Кто бы ни был действительным автором «законов Ликурга» — аристократ или выходец из народа, их антиаристократическая направленность так же, как и заложенный в них мощный заряд коллективистского, подлинно демократического пафоса, едва ли могут вызвать у кого-либо серьезные сомнения. В результате реализации этой широкой программы социальных преобразований жизненный уклад демоса, его привычки и вкусы приобрели в Спарте силу закона. Аристократия, хотя и сохранила, по-видимому, некоторые из своих политических привилегий, была в значительной мере нивелирована и растворена среди массы рядовых граждан. Наряду с мерами, направленными к пресечению демонстративного потребления богатства, жесткому ограничению товарно-денежного обращения и возврату всей спартанской экономики почти на уровень натурального хозяйства гомеровской эпохи, мы видим среди «законов Ликурга» еще одну акцию, безусловно, радикально-демократического характера, каковой может считаться приписываемый спартанскому законодателю всеобщий передел земли и учреждение системы неотчуждаемых гражданских наделов. Несмотря на то, что мы довольно плохо представляем себе, как функционировала эта система (наши основные источники — Аристотель, Полибий и те авторы, у которых черпал свою информацию Плутарх, застали ее уже в состоянии окончательного распада), у нас нет никаких оснований для того, чтобы сомневаться в ее реальном существовании, хотя такие сомнения высказывались неоднократно, начиная по крайней мере с Грота. Не приходится сомневаться

также и в том, что приписываемая Ликургу аграрная реформа была ответом на самые заветные чаяния обездоленного крестьянства, выраженные в знаменитом лозунге $\gamma\eta\varsigma \ \alpha\nu\alpha\delta\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$. При этом спартанский законодатель пошел намного дальше, чем все другие греческие реформаторы самого радикального толка, так как вместе с землей были поделены также и рабы.

Итак, уже в VI в., если не раньше (как известно, датировка «Ликургова законодательства» все еще остается весьма проблематичной) спартанский демос получил все то, о чем даже в V—IV вв. рядовые афинские граждане могли только мечтать на представлениях утопических комедий Аристофана и других драматургов. В Спарте утопия стала жизнью задолго до того, как она была разыграна на афинской сцене. Реальностью стали складчина и общий стол в сисситиях, умеренный, но надежный достаток в домах граждан, их полное освобождение от изнурительного физического труда и любых других забот о своем пропитании и в довершение ко всему этому еще неслыханная в Греции сексуальная свобода.

Таким образом, еще в хронологических рамках архаической эпохи спартанская демократия вырвалась далеко вперед, сумев уже «на старте» успешно решить все те острейшие социальные проблемы, которые другим греческим демократиям еще только предстояло решать и которые по-настоящему так нигде и никогда и не были решены. Прочная консолидация гражданского коллектива полиса, его казавшаяся многим удивительной стабильность и созданный на этой основе огромный военный потенциал — всего этого спартанским законодателям удалось достичь с помощью самых простых средств и в сравнительно короткие исторические сроки.

Нам хорошо известно, однако, какой ценой пришлось расплачиваться спартамцам за эти их достижения. Застывшая на точке замерзания экономика, почти абсолютная изоляция государства от внешнего мира, бесцеремонное вмешательство властей в частную жизнь граждан, подавление личной инициативы во всех ее формах и проявлениях, нивелировка человеческой индивидуальности под тяжелым прессом «Ликургова законодательства» и, наконец, как прямое следствие всего этого беспросветная политическая реакция и страшная культурная отсталость — таковы были те печальные итоги, к которым Спарта пришла в результате совершенного ею «большого скачка». Сама спартанская демократия, сохранив свою внешнюю оболочку и оставаясь для стороннего наблюдателя все той же «общиной равных», в действительности довольно быстро деградировала и превратилась в нечто прямо противоположное демократическому идеалу. Греки по привычке называли это нечто «олигархией», а самые прозорливые из них, например Геродот,

говорили о царящей в Спарте «деспотии закона». Однако наиболее точно отражающей все основные особенности этой специфической формы греческого полиса дефиницией следует признать, безусловно, термин «тоталитарное государство».

Интересно, что «краеугольными камнями» спартанского тоталитаризма стали именно те социальные и политические институты, которые по замыслу их устроителей должны были служить главной опорой демократического строя. Так, эфорат, задуманный как своего рода демократическая диктатура, направленная против таких традиционно аристократических учреждений, как царская власть и совет старейшин, постепенно превратился в диктатуру без демократии, т. е. в чисто авторитарный орган власти, через посредство которого замкнутая правящая элита спартанского общества могла навязывать свою волю всей остальной массе граждан.

Имея в своем распоряжении мощный полицейско-репрессивный аппарат, представленный такими учреждениями, как корпус так называемых всадников, коллегия агатургов, криптии и т. п., эфоры могли успешно противостоять не только царям и геронтам, но в случае необходимости также и народному собранию, хотя формально они все еще считались представителями и избранниками народа. То, что воспринималось со стороны как власть «благих законов», внутри государства оборачивалось почти бесконтрольной властью магистратов, которых спартанцы, по свидетельству Ксенофонта, почитали и боялись, как никакой другой народ в Греции (Resp. Lac. 8).

Уравнительно-коллективистские тенденции, вообще характерные для идеологии и политической практики раннегреческого полиса, в Спарте были доведены до своего логического предела и институированы в систему социальных нормативов, которую нередко называют «казарменным коммунизмом». Как было уже сказано, основное достояние гражданской общины, включающее землю и прикрепленных к ней рабов, было разделено более или менее равными долями между всеми спартиатами. При этом, однако, государственная собственность на землю и рабов не была отменена. Имущественное равенство спартиатов, как было уже замечено, было бы недостижимо без последовательного проведения в жизнь принципа государственной собственности на землю и рабов.

Земельные наделы граждан так же, как и сидевшие на них илоты, не подлежали отчуждению, а их владельцы вынуждены были довольствоваться лишь определенной частью приносимых ими доходов, получая как бы казенный паек за свою воинскую службу наподобие дворцового или храмового персонала в раннединастическом Шумере и других древнейших государствах Передней Азии. Взятые на полное государственное

обеспечение спартиаты и сами стали превращаться в особого рода государственную собственность и в этом смысле становились как бы приложением к своим наделам. Они не сомневались в том, что полис или безличный закон вправе распоряжаться по своему усмотрению всем, что они имеют, и даже самой их жизнью.

Воспетый уже Тиртеем идеал «прекрасной смерти» в бою за отечество прочно укоренился в сознании многих поколений граждан Спарты.

Воспитанные в духе суровой дисциплины и беспрекословного повиновения власть имущим и даже просто старшим по возрасту, они безропотно терпели вмешательство государства в их частные дела и даже в их семейную жизнь, поскольку их жесткая регламентация была изначально предусмотрена и освящена авторитетом самого Ликурга. Таким образом, государство в Спарте как бы ассимилировало, растворило в себе и само общество, и всех составляющих его индивидов, что с полной очевидностью свидетельствует о его тоталитарном характере.

Важнейшими отличительными особенностями этого типа полиса, близко напоминающими хорошо известный каждому «стиль жизни» современных тоталитарных государств, могут считаться также планомерная изоляция Спарты от всего внешнего мира, строгая засекреченность работы важнейших государственных учреждений, массивная обработка общественного сознания через посредство системы *ἄνωγη* и многое другое.

Для обеспечения «чистоты», пожалуй, впервые в истории в таких масштабах осуществленного социального эксперимента необходимо было прежде всего поддерживать в идеологически стерильном состоянии сам гражданский коллектив Спарты, т. е. основной объект этого эксперимента. Для решения этой задачи был пущен в ход широкий арсенал административных и психологических средств.

С одной стороны, с помощью целой системы запретительных мер (ограничений на въезд и выезд, удаления за пределы государства нежелательных чужеземцев, изъятия у граждан иностранной валюты и т. д.) Спарта наглухо изолировала себя от всего остального греческого мира, отгородившись от него своеобразным железным занавесом. С другой стороны, была начата массивная обработка общественного сознания, рассчитанная на то, чтобы сделать его абсолютно невосприимчивым к влиянию чуждой идеологии и морали. Важнейшим государственным институтом, в рамках которого в первую очередь и осуществлялась эта обработка, была, вне всякого сомнения, система гражданского воспитания (знаменитое спартанское *ἄνωγη*). Через ее посредство в сознание подрастающего поколения спартиатов настойчиво внедрялись такие жизненно важные для всей «общины равных» политические и нрав-

ственные принципы, как неукоснительное повиновение законам и представляющим их властям, строжайшее соблюдение государственной тайны (отсюда общеизвестная скрытность спартиатов, выражавшаяся в том, что Фукидид (V, 68, 2) назвал *κρυπτόν τῆς πολιτείας*, т. е. в засекреченности государства) и, наконец, возведенная в ранг политической доктрины ксенофобия. Все это очень близко напоминает хорошо известный каждому «стиль жизни» современных тоталитарных государств.

Итак, сама спартанская форма демократии, по-видимому, уже изначально заключала в себе «семена» будущего тоталитаризма. Попав в весьма благоприятные для их вызревания условия (я имею в виду, в первую очередь, конечно же, ту крайне напряженную, чреватую социальной катастрофой обстановку, которая сложилась в Спарте после окончательного завоевания Мессении), эти «семена» хорошо взошли и принесли «обильный урожай». Поставив перед собой задачу создания максимально сплоченного, не подверженного никакой моральной порче и политическому разброду гражданского коллектива, «отцы-основатели» спартанского государства с самого начала отдали явное предпочтение идее социального равенства, отодвинув на второй план лозунги политического равноправия. Основное внимание они обратили на выравнивание, хотя бы грубо приблизительное, материального положения граждан, а не на обеспечение для них всех равного участия в делах государства и равных возможностей в сфере экономики, как это было сделано несколько позже в Афинах и в некоторых других греческих полисах. В Спарте консолидация гражданской общины была достигнута как раз за счет существенного ограничения политических и экономических прав граждан и грубого подавления их личной свободы. В результате спартанское равенство оказалось равенством без свободы.

Вполне свободной и суверенной здесь была только сама гражданская община во всей ее совокупности, поскольку над ней не было никакого другого властителя: ни греческого тирана, ни чужеземного деспота. Как справедливо заметил в свое время В. Эренберг, «каждый отдельно взятый спартанец считал себя свободным, поскольку он принадлежал к сообществу свободных граждан и солдат. Но здесь не существовало никакой свободы индивида, и свобода в государстве не оставляла места для свободы от государства». Однако даже и равенство, обретенное тяжелой ценой полного самоотречения, спартамцам тоже не удалось сохранить. Развитие так называемой теневой экономики, этого неизбежного спутника почти всех тоталитарных государств, распространение коррупции среди правящей верхушки спартанского общества рано или поздно должны были привести к тому, что одни члены «общины равных» оказались, по выражению Оруэлла, «более равными», чем все остальные.

ЛИТЕРАТУРА

- Adcock F. E.** The Greek and Macedonian Art of War. Los Angeles, 1957.
- Alföldi A.** Die Herrschaft der Reiterai in Griechenland und Rom nach dem Sturz der Könige // Gestalt und Geschichte. Festschrift K. Schefold. Bern, 1967.
- Amandry P.** La mantique apollinienne à Delphes. Essai sur le fonctionnement de l'Oracle. Paris, 1950.
- Anderson J. K.** Military Theory and Practice in Age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles, 1970.
- Andrewes A.** Eunomia // CQ. 1938. 32.
- Andrewes A.** *Probouleusis*. Sparta's contribution to the technique of government // An Inaugural Lecture delivered before the University of Oxford on 25 May 1954. Oxford, 1954.
- Andrewes A.** The Greek Tyrants. London, 1958; 1965.
- Andrewes A.** The government of classical Sparta // Ancient Society and Institutions / Studies pres. to V. Ehrenberg on his 75th Birthday. Oxford, 1966.
- Beattie A. J.** An early Laconian Lex sacra // CQ. 1951. No. S. I.
- Bengtson H.** Griechische Geschichte. München, 1969.
- Berve H.** Sparta. Leipzig, 1937.
- Berve H.** Wesenszüge der griechischen Tyrannis // Historische Zeitschrift. 1954. Bd. 177.
- Bethe E.** Die dorische Knabenliebe // RhM. 1907. Bd. 62.
- Boardman J.** Artemis Orthia and Chronology // BSA. 1963. No. 58.
- Bringmann K.** Die Große Rhetra und die Entstehung des spartanischen Kosmos // Historia. 1975. 24.
- Buchholz H. G., Wiesner J. et al.** Kriegswesen. T. 1. Schutzwaffen und Wehrbauten // Archaeologia Homerica. Bd. I. Kap. E. Göttingen, 1977.
- Busolt G., Swoboda H.** Griechische Staatskunde. Bd. II. München, 1926.
- Cartledge P. A.** A new 5th-century Spartan treaty // LCM. 1976. 1.
- Cartledge P.** Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the Technique of ancient warfare // JHS. 1977. Vol. 97.
- Cartledge P. A.** Sparta and Laconia. A Regional History 1300–362 B. C. London, 1979.
- Cartledge P.** Spartan Wives: Liberation or Licence? // CQ. 1981. Vol. XXXI. No 1.
- Charbonneaux J., Martin R., Villard F.** Das archaische Griechenland, 620–480 v. Chr. München, 1985.
- Chrimes K. M. T.** Ancient Sparta. Manchester, 1949; 1952.

- Clauss M.* Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilization. München, 1983.
- Codino F.* Einführung in Homer. Berlin, 1970.
- Courbin P.* Une tombe géométrique d'Argos // BHC. 1957. T. 81.
- Daybe D.* The Duty of Procreation. Edinburgh, 1977.
- Dawkins R. M. et al.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. London, 1929.
- Den Boer W.* Laconian Studies. Amsterdam, 1954.
- Den Boer W.* Political propaganda in Greek chronology // Historia. 1956. 5.
- Detienne M.* La Phalange: Problèmes et Controverses // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / Ed. par J. P. Vernant et al. Paris, 1985.
- Dickins G.* The Grown of Spartan Policy // JHS. 1912. Vol. XXXII.
- Dover K. J.* Greek Homosexuality. London, 1978.
- Ducrey P.* Guerre et guerriers dans la Grèce antique. Paris, 1985.
- Dunbabin T. J.* The early history of Coninth // JHS. 1948. Vol. 68.
- Dunbabin T. J.* Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. II. Oxford, 1962.
- Ehrenberg V.* Spartiaten und Lakedaimonier // Hermes. 1924. 59, 1.
- Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. München, 1925.
- Ehrenberg V.* Der Gesetzgeber von Sparta // Epitymbion H. Swoboda. Reichenberg, 1927.
- Ehrenberg V.* Sparta // RE. Hbd. VI. 1929.
- Ehrenberg V.* Obai // RE. 1937. Bd. XVII. Spl. 1693–1704.
- Finley M. I.* Sparta: The Use and Abuse of History. N. Y., 1975.
- Finley M. I.* The World of Odysseus. N. Y., 1978.
- Forrest W. G.* The date of the Lykourgan Reform at Sparta // Phoenix. 1963. 17.
- Forrest W. G.* Legislation at Sparta // Phoenix. 1967. 21.
- Forrest W. G.* A History of Sparta. 950–192 B. C. New York, 1969.
- Gianotti G. F.* Note alla rhetra di Licurgo // RFIC. 1971. 99.
- Gilbert G.* Studien zur altspartanischen Geschichte. Göttingen, 1872.
- Gilbert G.* Handbuch der griechischen Staatsalterthumer. I²: Der Staat der Lakedaimonier und der Athener. Leipzig, 1893.
- Glötz G.* La cité grecque. Paris, 1928.
- Gomme A. W.* Historical Commentary on Thucydides. I. Oxford, 1945.
- Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Cambridge, 1973.
- Hammond N. G. L.* The Lycurgean Reform at Sparta // JHS. 1950. 70.
- Hanson V. D.* The Western Way of War Infantry Battle in Classical Greece. London etc., 1989.
- Hasebroeck J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931.
- Hodkinson St.* Inheritance, Marriage and Demography: Perspectives upon the Success and Decline of Classical Sparta // Classical Sparta: Techniques behind her Success / Ed. by A. Powell. London, 1989.
- Holladay A. J.* Spartan Austerity // CQ. 1977. Vol. 27. Pt. 1.
- Hooker J. T.* The Ancient Spartans. London, 1980.

Huxley G. M. Early Sparta. London, 1962.

Jeanmaire H. La Cryptie lacédémonienne // REG. 1913. XXVI.

Jeanmaire H. Couroi et courètes. Lille, 1939.

Jeffery L. H. Archaic Greece: The City-States c. 700 — 500 B. C. New York; London, 1976.

Jones A. H. M. The Lycurgan Rhetra // Ancient Society and Institutions. Studies pres. to V. Ehrenberg. Oxford, 1966.

Jones A. H. M. Sparta. Oxford, 1967.

Kiechle F. Laconien und Sparta. Untersuchungen zur ethnischen Struktur und zur politischen Entwicklung Laconiens und Spartas bis zum Ende der archaischen Zeit. München, 1963.

Kirk G. S. The Iliad: A Commentary, I. Cambridge, 1985.

Lenschau Th. Die Entstehung des spartanischen Staates // Klio. 1937. XXX.

Lévy E. La Grande Rhètra // Ktema. 1977. 2.

Lonis R. Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. Recherches sur les rites, les dieux, l'idéologie de la victoire. Paris, 1979.

Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus // BSA. 1947. No. 42.

Luria S. Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrhunderts // Klio. 1927. XXI. 3/4.

MacDowell D. M. Spartan Law. Edinburgh, 1986.

Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I. Lykurgos von Sparta. Halle, 1892.

Michell H. Sparta. Cambridge, 1952.

Myres J. L. Eunomia // CR. 1947. 61.

Myres J., Gray D. Homer and his critics. London, 1958.

Neumann K. I. Die Entstehung des spartanischen Staates // Historische Zeitschrift, 1906. XCVI.

Nierhaus R. Eine frühgriechische Kampfform // JdI. 1938.

Niese B. Zur Verfassungsgeschichte Lakedämons // Historische Zeitschrift. 1889.

Niese B. Neue Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Lakedämons. Die lakedämonische Periöken // GGN. 1906.

Nilsson M. P. Die Hoplitentaktik und Staatswesen // Klio. 1928. Bd. 22. H. 3.

Nilsson M. P. Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Wege der Forschung / Hrsg. K. Christ. Darmstadt, 1986. Bd. 622: Sparta.

Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971.

Pareti L. Le tribù personali e le tribù locali á Sparta // RAL. 1910. 19.

Pareti L. Storia di Sparta arcaica. I. Firenze, 1920.

Parke H. W. The Delphic Oracle. Oxford, 1939.

Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. I—II. Oxford, 1956.

Pritchett W. K. Ancient Greek Military Practices. Pt. I. Berkeley; Los Angeles; London, 1971.

- Roussel P.** Sparte. Paris, 1960.
- Roux G.** Delphes, son oracle et ses dieux. Paris, 1976.
- Salmon J.** Political hoplites? // JHS. 1977. Vol. 97.
- Scanlon T. F.** Virgineum Gymnasium: Spartan Females and Early Greek Athletics // The Archaeology of the Olympics / Ed. W. J. Raschke. Madison, 1988.
- Schweitzer B.** Die geometrische Kunst Griechenlands. Köln, 1969.
- Sealey R.** The Great Earthquake in Lacedaemon // Historia. 1957. 6.
- Sealey R.** A History of the Greek City States 700–338 B. C. Berkeley; Los Angeles, 1976.
- Singor H. W.** Oorsprong en hetelenis van de Hoplitenphalanx in het archaische Griekenland. Leiden, 1988.
- Snodgrass A.** Early Greek Armour and Weapons from the end of the Bronze Age to 600 B. C. Edinburgh, 1964.
- Snodgrass A.** The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. Vol. 85.
- Snodgrass A.** Arms and Armor of the Greeks. London, 1967; 1999.
- Snodgrass A.** An historical Homeric Society // JHS. 1974. 94.
- Snodgrass A.** Archaic Greece: The Age of Experiment. London, 1980.
- Starr Ch. G.** The Origins of Greek Civilization 1100–650 B. C. New York, 1961.
- Starr C. G.** The Credibility of Early Spartan History // Historia. 1965. No. 14.
- Starr C. G.** The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C. New York, 1977.
- Tigerstedt E. N.** The Legend of Sparta in Classical Antiquity. I. Stockholm, 1965.
- Töpffer J.** Die Gesetzgebung des Lykurgos // Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft. Berlin, 1897.
- Toynbee A. J.** Some Problems of Greek History. Oxford, 1969.
- Treu M.** Schlußsatz der großen Rhetra // Hermes. 1941. 76.
- Vernant J.-P. et al.** Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. Paris, 1985.
- Vian F.** Les origines de Thèbes. Cadmos et les Spartes. Paris, 1963.
- Wace A. J. B.** Lead Figurines // The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta / Eds. R. M. Dawkins et al. London, 1929 (JHS. Suppl. 5).
- Wade-Gery H. T.** The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus, VI. A. Plutarch's Text // CQ. 1943. 37.
- Wade-Gery H. T.** The Spartan Rhetra in Plutarch, Lycurgus, VI. B. The Εὐνοῖα of Tyrtaios; C. What is the Rhetra // CQ. 1944. 38, 1–2; 3–4.
- Wade-Gery H. T.** Essays in Greek History. Oxford, 1958.
- Wade-Gery H. T.** The “Rhianos-Hypothesis” // Ancient Society and Institutions. Studies pres. to V. Ehrenberg. Oxford, 1966.
- Weber C. W.** Die Spartaner. Enthüllung einer Legende. Düsseldorf; Wien, 1977.
- Webster T. B. L.** From Mycenae to Homer. London, 1964.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Lykurgos, Homerische Untersuchungen // Philologische Untersuchungen. Berlin, 1894. 7.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.** Staat und Gesellschaft der Griechen. Berlin; Leipzig, 1910.
- Worley L. J.** Hippeis. The Cavalry of Ancient Greece. San Francisco; Oxford, 1994.

- Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976.
- Андреев Ю. В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ / Под ред. И. М. Дьяконова и др. М., 1982.
- Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
- Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса // Античная Греция / Под ред. Е. С. Голубцовой и др. Т. 1. М., 1983.
- Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4.
- Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.
- Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.
- Зайцев А. И.* Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985.
- Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Яйленко В. П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983.

Дополнительно
рекомендуемая литература

- Андреев Ю. В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008.
- Зайков А. В.* Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013.
- Ксенофонт.* Лакедемонская полития / Пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. Л. Г. Печатновой. СПб., 2014.
- Печатнова Л. Г.* История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001.
- Печатнова Л. Г.* Спартанские цари. М., 2007.
- Печатнова Л. Г.* Спарта: миф и реальность. М., 2013.
- Campbell D. B.* Spartan Warrior, 735–331 B.C. Oxford; Long Island City, 2012 (Osprey Military Warrior Series. 163).
- Cartledge P.* Spartan Reflections. Berkeley, 2001.
- Cartledge P.* Ancient Greece: A History in Eleven Cities. Oxford; New York, 2009.
- Kouroumis S.* Revisiting Mount Taygetos: The Sanctuary of Artemis Limnatis // BSA. 2014. № 109.
- Lazenby J. F.* The Spartan Army. Mechanicsburg, 2012 [originally published: Warminster, 1985].
- Muskett G.* Votive Offerings from the Sanctuary of Artemis Orthia, Sparta, in Liverpool Collection // BSA. 2014. № 109.
- Sekunda N.* The Spartan Army. Oxford, 1999 (Osprey Military Elite Series. 66) [рус. пер.: Секунда Н. Армия Спарты. М., 2004].
- Sparta in Laconia: Proceedings of the 19th British Museum Classical Colloquium held with the British School at Athens and King's and University Colleges, London, 6–8 December 1995 / Ed. by W. G. Cavanagh and S. E. C. Walker. London, 1998 (British School at Athens Studies. 4).
- Spartan Society / Ed. by Th. J. Figueira. Swansea; Oakville, 2004.
- Stibbe C. M.* Das andere Sparta. Mainz am Rhein, 1996 (Kulturgeschichte der antiken Welt. Bd. 65).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории
- AM** — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
- AR** — Archaeological Reports
- BCH** — Bulletin de correspondance hellénique
- BSA** — Annual of the British School Athens
- CIG** — Corpus Inscriptionum Graecarum. 4 Bd., 1828–1877
- CR** — Classical Review
- CQ** — Classical Quarterly
- CVA** — Corpus Vasorum Antiquorum
- Diehl** — Diehl E. Antologia Graeca. I–II. Leipzig, 1923 (1949–1952³)
- Diels** — Diels H. (Hrsg.) Die Fragmente der Vorsokratiker. Vol. I–II. Berlin, 1912
- D–K** — Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. 9th ed. Leipzig, 1960
- Dittenberger** — Dittenberger W. et al. Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. I–IV. 3 ed. Leipzig, 1915–1924.
- FGrH** — Jacoby F. (Hrsg.) Die Fragmente der griechischen Historiker. Bd. I². Leiden, 1957
- FHG** — Müller C. (ed.). Fragmenta historicorum graecorum. I–V. Paris, 1874–1883
- GGN** — Göttingische Gelehrte Nachrichten
- Gigon** — Aristotelis Opera. Vol. III. Librorum deperditorum fragmenta / Ed. O. Gigon, Berolini, 1987
- Historia** — Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte
- IG** — Inscriptiones Graecae. V: Kolbe W. Inscriptiones Laconiae et Messeniae. Berlin, 1913
- JdI** — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
- JHS** — The Journal of Hellenic Studies
- LCM** — Liverpool Classical Monthly
- ÖJ** — Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien
- PLG** — Bergk T. (ed.) Poetae Lyrici Graeci⁴. Leipzig, reprint 1914–1916
- PMG** — Page D. L. (ed.) Poetae melici Graeci. Oxonii, 1962
- RA** — Revue Archéologique
- RAL** — Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell' Accademia Lincei
- RE** — Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–1978
- REG** — Revue des études grecques
- RFIC** — Rivista di filologia e d'istruzione classica
- RhM** — Rheinisches Museum
- Rose** — Rose V. (Hrsg.) Aristoteles Fragmenta. Leipzig; Teubner, 1886
- Tod** — Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. 2nd ed. Vol. 1–2. Oxford, 1969; revised ed., 1988

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Ил. 1.* Еврот близ Спарты. *Weber C. W. Die Spartaner. Enthüllung einer Legende. Düsseldorf; Wien, 1977. Вклейка 40*
- Ил. 2.* Мыс Тенар. *Ducrey P. Guerre et guerriers dans la Grèce antique. Paris, 1985. P. 135. 41*
- Ил. 3.* Изометрическая реконструкция микенской виллы. *Catling H. W. Excavations at the Menelaion, Sparta, 1973–76 // AR. 1976–77. P. 28 . . . 49*
- Ил. 4.* Менелайон. Вид с юга. *Wace A. J. B. et al. The Menelaion // BSA. 1908–1909. Vol. XV. Pl. V 51*
- Ил. 5.* Подпорная стена амиклейского холма, раскопанная в 1925 г. *Stibbe M. Das andere Sparta. Mainz a/Rhein, 1996 // Kulturgeschichte der Antiken Welt. Bd. 65. S. 47. 68*
- Ил. 6.* План холма Амикл (Амиклейона) со строительными остатками — круглым алтарем и «Троном» Аполлона. *Friechter E. Amyklæe // JdI. 1918. Bd. 33. S. 108 69*
- Ил. 7.* «Трон» Аполлона в Амиклах. Аксонометрическая реконструкция по Р. Мартину: гипотеза I и II. *Martin R. Bathyclès de Magnésia et le «Trône» d'Apollon à Amyklæe // RA. 1976. Fasc. 2. Pl. 215, 217 72–73*
- Ил. 8.* Хилон. Ватикан. *Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. 27. 139*
- Ил. 9.* Ликург представляет новорожденного в леске. Гравюра К. Мюллера 1844 г. *Weber C. W. Die Spartaner... Вклейка 148*
- Ил. 10.* Святилище Артемиды Орфии. *Stibbe M. Das andere Sparta... Taf. 1. 2 149*
- Ил. 11.* Виды атлетического многоборья на черно- и краснофигурных греческих вазах. *Gardiner E. N. M. A. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910. Ил. сборная 154–155*
- Ил. 12.* Папирус, найденный в 1855 г. французским исследователем Мариетом, со стихотворением Алкмана. Париж. Национальная библиотека Франции. *Weber C. W. Die Spartaner... Вклейка 177*
- Ил. 13.* Защитное оружие воина: 1 — коринфский шлем; 2 — поножи; 3 — щит с двойной рукоятью у воина на кратере из Викса. Шатильон-сюр-Сен. Музей; 4 — центральная ручка щита; 5 — бронзовая статуэтка полностью вооруженного гоплита в коринфском шлеме. Святилище Додоны. Ок. 500 г. до н. э. *Kunze E., Schleif H. II. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Winter 1937/8. Berlin, 1938. Abb. 50. Taf. 36,*

- 37, 40; Андреев Ю. В. Архаическая Спарта: искусство и политика. СПб., 2008. С. 209–211; *Ducrey P. Guerre...* Р. 213 и обложка 204–207
- Ил. 14.** Ваза Киджи. Протокоринфская полихромная ольпа. Рим. Национальный музей Вилла Джулия. Фрагмент росписи. *Weber C. W. Die Spartaner...* Вклейка; *Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons from the end of the Bronze Age to 600 B. C. Edinburgh, 1964.* 36 217
- Ил. 15.** Группы сражающихся гоплитов. Фрагмент росписи протокоринфского арибалла. Берлин. Государственные музеи. Античное собрание. *Washburn O. Eine protokorinthische Lekythos in Berlin // Jdl. 1909. Bd. XXI. Taf. 2 218–219*
- Ил. 16.** Арибалл Макмиллана. Лондон. Британский музей. Фрагмент росписи. *Smith C. A Protokorinthian Lekythos in the British Museum // JHS. 1890. Vol. XI. Pl. I, II 220*
- Ил. 17.** Сцена убийства Ахилла Парисом (?) на арибалле из Лувра. *Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx with special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus // BSA. 1947. Vol. 42. P. 100. 221*
- Ил. 18.** Сцена убийства Ахилла Парисом (?) на арибалле из Перахоры. *Dunbabin T. Perachora II. Oxford, 1962. Pl. 57 221*
- Ил. 19.** Терракотовая модель дипилонского щита. Конец VIII в. до н. э. *Ducrey P. Guerre... Р. 50. 223*
- Ил. 20.** Воины на фрагменте аттического кратера второй пол. VIII в. до н. э. *Ducrey P. Guerre... Р. 37. 224*
- Ил. 21.** Сцена сражения на аттической геометрической ойнохое. Копенгаген. Национальный музей Дании. *Lorimer H. L. The Hoplite Phalanx... Р. 78 225*
- Ил. 22.** Шествие воинов. Фрагмент аттической вазы. Конец VIII в. до н. э. *Helbig W. Ein homerische Rundschild mit einem Bügel // ÖJ. 1909. Bd. XII. S. 51 226*
- Ил. 23.** Гиметтская амфора. Ок. 680 г. до н. э. Берлин. Государственные музеи. Античное собрание // CVA. Deutschland. Bd. 2. Berlin 1. Taf. 44 233
- Ил. 24.** Гоплит из Додоны в коринфском шлеме. Берлин. Государственные музеи. Античное собрание. *Stibbe M. Das andere Sparta... S. 140. . . . 235*
- Ил. 25.** Сцена сражения на протокоринфском арибалле из Лехайона. Ок. 690–680 гг. до н. э. Коринф. Музей. *Boardman J. Early Greek vase Painting 11th–6th centuries BC. London, 1998. P. 92 236*
- Ил. 26.** Протокоринфский алабастр с изображением гоплитского вооружения. Вторая пол. VII в. до н. э. Коринф. Музей. *Snodgrass A. Early Greek Armour... 33. 237*
- Ил. 27.** Фрагмент пифоса с батальной сценой из Героона Спарты. Спарта. Музей. *Dawkins R. M. et al. The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. London, 1929 (JHS. Supp. 5). Pl. XVI 257*
- Ил. 28.** Свинцовые votivные фигурки гоплитов и лучников из святилища Артемиды Орфии. Спарта. Музей. *Ibid. Pl. 191, 197. 259*

Карты

Карта 1.

Окрестности Спарты. *Prott H. V. Die Ebene von Sparta // AM. 1904.*
Bd. XXIX. Taf. I 42

Карта 2.

Спартанская долина. *Waterhouse H., Simpson R. H. Prehistoric*
Laconia: Part I // BSA. 1960. No. 55. Fig. 1 43

Карта 3.

Лакония Средне-позднээлладского IIIB периодов.
Они же. То же. Part II // BSA. 1961. No. 56. P. 171 47

Карта 4.

Менелайон и его окрестности. *Они же. То же. Part I. Fig. 2* 50

Карта 5.

Лакония протогеометрического и геометрического периодов.
Они же. То же. Part II. P. 172 60

УКАЗАТЕЛИ

Источники

Aelian. Var. Hist. 191	Nic. Dam. 244	Pollux. 189, 190
Antioch. Hist. 80	Ovid. Her. 189	Polyaen. 92
Archil. 239, 240	Paus. 63, 70, 75, 80, 82, 90,	Polyb. 28, 180, 193
Arist.	92, 101, 102, 108, 198,	Propert. 188, 189
Athen. Pol. 244	205, 247, 250, 261	Stob. 123
Fr. 70, 179, 246, 247	Photius. 190	Strab. 24, 62, 81, 82, 101,
Pol. 25, 96, 108, 111,	Phylarch. 159, 171	112, 140, 164, 238
131, 145, 146, 170,	Pind.	Suida 190
179, 182, 183, 185,	Fr. 189	Theocr. Hymn. 189
186, 190, 191, 196,	Isth. 246	Theopomp. Hist. 80
203, 244, 260, 271,	Pyth. 246	Thuc. 21, 23, 67, 82, 96, 106,
273	Plato.	170, 176, 243, 244, 261,
Aristoph.	Epist. 131	266–268, 281
Lys. 198	Laches 201	Tyrt. 90, 91, 101, 103, 252,
Schol. ad. Lys. 267	Leg. 96, 131, 178, 187,	253, 255
Athen. 87, 101, 159, 169–	198	
171, 189, 190, 191, 196	Protagor. 198	Xen.
Callim. Hymn. 189	Plut.	Ages. 196
Callin. fr. 236	Agis 134, 160, 166,	Anab. 156, 252
Critias fr. 191	181, 182, 196	Hell. 124, 160, 193,
Hdt. 65, 70, 89, 91, 96, 102,	Alex. 29	268
125, 141, 168–170, 191,	Cimon. 263	Hier. 270
193, 196, 241, 244, 246,	Cleom. 131, 134, 276	Resp. Lac. 141, 151,
247, 260, 265–268, 276	Inst. Lac. 81, 158, 162	152, 156, 162, 166,
Hellanic. 80	Lyc. 10, 22, 28, 33, 81,	173, 185, 191, 193,
Hesiod.	82, 95, 96, 108, 124,	194, 201, 261, 266,
Fr. 183	127, 131, 144, 150,	279
Op. 242	152, 163, 165, 169,	
Hesych. 102, 190, 267	173, 181, 187, 188,	
Hom. Il. 100, 226–229, 231,	190, 192, 201, 262,	
239, 252–254, 256	275	
Ibykos. Fr. 189	Lys. 190	D–K 191
IG 102, 111	Moral. 196	CIG 102
Isocr. Panath. 77, 269	Pyrrh. 193	FGrH 159, 170, 171, 244
	Sol. 244	FHG 80, 205
		IG 102, 111
		PMG 189

**Указатель античных имен,
исторических
и мифологических**

- Агамемнон 45, 46, 51, 52, 57, 64, 90, 94, 228, 253
Агиады 67, 69, 80, 81, 89–92, 141, 143
Агис (сын Еврисфена, основатель династии Агиадов) 7, 27, 63, 80, 116, 134, 135, 141, 143, 160, 166, 180, 183
Агис II (спартанский царь, командующий спартанской армией при Мантинее, 418 г. до н. э.) 123, 266
Агис IV 166, 181, 186, 196
Алкамен 70, 72, 80
Алкман 101, 156, 176, 288
Амомфарет 265
Анаксандрид 193
Антиох Сиракузский 80
Аполлодор 52, 139
Аполлон 52, 70, 72, 113, 120, 140–143, 169
Арес 239
Аристотель 7, 22, 24–27, 70, 74, 76, 82, 87, 96, 97, 100, 104, 106, 110, 111, 115, 116, 121, 130, 131, 145, 146, 162, 163, 169, 170, 179, 180, 182, 183, 185–188, 191, 196–198, 203, 204, 209, 246, 247, 249, 267, 269, 271, 273–275, 277
Аристофан 188, 189, 198, 267, 268, 278
Аркал 101, 102
Артемиды Орфия 92, 137, 156, 158, 259
— святилище Артемиды Орфии 12, 34, 92, 148, 159, 255, 258, 260, 263
Архелай (Харилай) 68
Архидам 85, 134
Архилох Паросский 239, 240, 249
Архит Тарентский 123, 128
Астероп 131, 135
Афина 32, 53, 89, 90, 105, 109, 112, 113, 115
Афиней 87, 190, 191
Ахилл 219, 227, 234
Аякс Теламонид 228, 255

Бакхиады 244
Батт 105
Брасид 7, 81, 266, 267

Гезихий 267
Гектор 228, 234
Гелланик Лесбосский 80, 142
Геракл 18, 52, 90, 92
Гераклиды 52, 53, 62, 63, 141
— возвращение Гераклидов 14, 39, 53, 55, 62, 80, 117, 180
Гермипп (из Смирны) 191, 196
Геродот 23, 52, 63, 65, 70, 74, 89–92, 95, 96, 100, 102, 114, 123, 125, 130, 132, 133, 138, 141–143, 168–170, 193, 196, 241, 244, 246, 247, 265–268, 270, 276, 278
Гесиод 141, 183, 242
Гиакинф 64, 70, 72
Гомер 48, 49, 57, 70, 72, 107, 115, 118, 140, 141, 203, 206, 227, 228, 230–233, 239, 248, 252

Деметрий Скепсийский 101
Дикеарх Мессенский 169, 171
Диоген Лаэртский 139
Диодор 52, 109, 110, 122
Диоскуры 45, 46, 64, 94, 95
Досиад 153, 170

Евном 143
Еврилеонт 90, 247
Еврипид 20, 187–189
Еврипонт 80, 116, 143
Еврипонтиды 67, 80, 89–92, 108, 141, 143
Еврисфен 53, 63, 116, 141, 142, 246
Елена (Прекрасная) 14, 39, 45, 46, 51, 64, 95, 187

Зевс 32, 45, 53, 99, 105, 109, 112, 113, 116, 136, 140
— Зевс Ликейский 143

Идомей 228
Ион Хиосский 205
Исократ 8, 77, 79, 130, 161, 180, 183, 269
Исхомах 262
Ифигения 92

Кадм 246, 248
Каллин 237, 240
Каллисфен 180, 183

- Кастор 45, 46, 94
 Килон 244
 Кинадон 124, 160
 — заговор Кинадона 79, 124, 130
 Кипсел 244
 Клеарх 190, 252
 Клеомен I 7, 27, 89, 90, 131, 134, 180, 183
 Клеомен III 82, 183
 Клеон 201
 Клитемнестра 45, 46, 64, 95
 Крез 141
 Критий 24, 170, 191, 273
 Ксенофонт 7, 8, 24–26, 28, 34, 78, 79, 97, 112, 114, 115, 123–125, 127, 130, 132, 134, 141, 142, 147, 150–153, 155–157, 160, 162, 163, 166, 168, 169, 171–173, 180, 183, 185, 187, 188, 193, 194, 201, 216, 252, 260, 266–271, 273, 277, 279

 Лабот 141, 143
 Ликург 10, 15, 17, 18, 21, 22, 24–33, 82, 88, 92, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 105, 107, 113–115, 117, 118, 120, 121, 127, 130–132, 134, 138–144, 147, 150, 152, 154, 156, 162, 163, 166, 168, 169, 173, 179, 180–183, 186–188, 190, 192, 196, 247, 261, 266, 270, 272, 273, 275–278, 280
 — предание о Ликурге 27, 142
 Лисандр 7, 24, 115, 135, 159, 190
 Лихас 125

 Мегакл 244
 Менелай 46, 48, 49, 51, 52, 54, 64, 95, 187, 256
 Мерион 228
 Минос 136, 140, 273
 Мирон Приенский 74, 248

 Нестор 48, 54, 203
 Никокл 78
 Одиссей 232
 Орест 45, 52, 64, 90, 92, 125

 Павсаний 52, 67, 69, 70, 72, 74, 75, 80, 82, 90–92, 101, 158, 167, 205, 246–248, 250, 260
 Павсаний (спартанский царь, главнокомандующий спартанской армией при Платеях) 24, 115, 143, 265, 267
 Пиндар 70, 189, 246
 Писистрат 244
 Пифагор 198
 Пифия 105, 108, 112, 113
 Платон 7, 25–27, 29, 79, 87, 96, 97, 112, 131, 133, 145, 162, 163, 168, 178, 180, 183, 187, 197, 198, 273, 277
 Плутарх 8, 18, 19, 26, 28, 29, 33, 34, 75, 76, 80–82, 87, 96–100, 103–108, 109–112, 114, 115, 117, 122, 124, 126, 127, 129, 131, 134–136, 140–142, 144, 147, 150–153, 156–158, 160, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 173, 179–184, 186–196, 246, 262, 277
 Полибий 28, 97, 179, 180, 183, 193, 194, 277
 Полидевк 45, 46, 94
 Полидект 140
 Полидор 70, 72, 75, 76, 90, 98, 107, 108, 110, 111, 113, 120–122, 181, 247, 263, 275
 Поликрат 244
 Посейдон 64
 Прокл 53, 63, 80, 116, 141, 142, 246
 Проперций 188

 Солон 24, 113, 120, 141
 Сос 80
 Страбон 62, 81, 82, 101, 112, 140, 164, 238
 Стрепсиад 262

 Телекл 68, 72
 Терсит 232, 242
 Тимомах 70, 246, 247, 249
 Тиндарей 14, 45, 46, 51, 95
 Тиртей 7, 12, 53, 73–76, 90, 98, 100, 101, 103, 105, 108–118, 120–122, 132, 142, 176, 211, 248, 251–256, 258, 259, 280
 Тисамен 52, 53, 62, 63, 167

 Феаген 244
 Фемистокл 123
 Феопомп (историк) 80, 84, 87
 Феопомп (спартанский царь из Еврипонтидов) 74, 90, 98, 107, 108, 110, 111, 120–122, 131, 132, 247, 275

Фера 246
Фидон 205
Филарх 27, 159, 171, 183
Фукидид 7, 17, 21, 23, 63, 67, 68, 74, 82, 83,
96, 106, 115, 123, 168, 170, 176, 203,
216, 243, 260, 262, 265–268, 273, 281

Харилай 68, 140, 141, 143
Хилон 138, 139

Цицерон 162

Эгей 246
Эгеиды 59, 70, 71, 90, 105, 246–249
Эпаминонд 76, 79, 82
Эпитадей 182, 185, 196
Эфор 24, 52, 62, 63, 71, 72, 76, 79, 80, 112,
115, 123, 125, 129, 140–143, 151, 164,
180, 183, 246

Указатель понятий и терминов

агатурги 100, 103, 125, 130, 172, 279
агела 7, 10, 15, 34, 137, 145–147, 150–154,
158, 159, 161, 162, 165, 166, 168, 173,
176, 189, 192, 262, 277
андрии 86, 146
апетеры 146
аристократия 26, 102, 103, 121, 123, 203,
209, 214, 242, 277
армия, см. тактические единицы
— гоплитская 264
— спартанская 21, 68, 69, 71, 79,
90, 123, 127, 168, 177, 245, 247,
250, 251, 259, 264–270
архагет 105
астеропы 137
афамиоты 86
ахейское войско 228, 232, 233

Беотийский союз 25
бой 10, 12, 20, 74, 79, 124, 127, 128, 156,
215, 216, 227, 228, 230, 232, 239, 240,
242, 245, 252, 256, 260, 280
— ближний бой 12, 212, 233, 238–
240, 249, 256, 258
Большая ретра 10, 15, 95–122, 132, 196,
263, 275

брак 15, 165, 184, 186, 190–194, 196
— брачные отношения 7, 190
вазовая живопись (вазы) 11, 208, 211,
218, 221, 222, 224, 226, 233, 234, 240,
245, 255, 259
— протоаттическая (-ие) 222, 223,
233
— протокоринфская (-ие) 11, 12,
219, 222, 223, 235, 236, 258, 259
военная организация (служба) 7, 10, 80,
122, 165, 168, 191, 211, 213–215, 245,
247, 248, 260, 263, 265, 267, 269
— реформа 209, 210, 247, 249, 258
возрастные классы 127, 128, 130, 137,
149, 159
война 7, 9, 14, 16–19, 21–25, 45, 46, 51,
52, 58, 65, 70, 75, 78–83, 90, 94–96,
125, 129, 167, 168, 177, 182, 185, 187,
201, 203, 212, 213, 224, 232, 240, 248,
250, 258, 262, 267–269, 276
— II Мессенская 12, 53, 74, 76, 81,
96, 100, 103, 121, 138, 250, 251,
255, 256, 258, 263
— I Мессенская 70, 72, 74–77, 80,
90, 96, 108, 131, 132, 133, 181, 202,
247, 248
— Коринфская 268
— Лелантская 238
— Пелопоннесская 17, 19, 21, 23,
81, 83, 182, 201
войско 51, 52, 78, 89, 90, 160, 201, 227,
229, 230, 232, 242, 247, 249, 250, 252,
256, 266, 267, 271
— ахейское 228, 232, 233
— мирмидонское 228, 233
вооружение 32, 53, 55, 203, 208, 211,
216, 221, 224, 232, 233, 245, 252, 254,
258
— защитное 11, 204, 215, 222, 227,
234, 241, 242, 245, 254
— наступательное 215, 222
воспитание (спартанское) 7, 25, 26, 30,
32, 137, 144–147, 151–154, 157–163,
165, 166, 181, 188, 192, 197, 260, 262,
274, 280
всадники 6, 103, 122–125, 127–130, 137,
153, 172, 185, 203, 266, 279
гармоны 79, 161

- гектеморы 83
 геометрический период 49, 205, 223, 224, 231, 259
 — стиль 223, 226
 геронтократия (геронты) 103, 105–111, 119, 123, 127–131, 134, 138, 139, 274–276, 279
 герусия 53, 88, 96, 98, 103, 105, 107–109, 111, 113, 114, 117, 118, 120, 122, 123, 128, 130–132, 134, 138, 139, 141, 275
 гетерии 146, 167
 Гиакинфии (праздник Гиакинфий) 71, 72, 247
 гимнет 12, 253, 254, 256–259
 Гимнопедии (праздник Гимн.) 190
 гинекократия 6, 186, 198
 гинекон 187
 гиппагреты 123, 124, 130
 гомеровский период 35, 67, 129, 242
 — гомеровская поэзия (эпос) 11, 12, 95, 119, 222, 226, 230, 231, 233, 234, 256
 — гомеровские реминисценции 253, 254
 гомосексуальные связи 162–164, 185, 190, 192
 гоплит 10, 11, 12, 35, 39, 122, 161, 185, 195, 202, 204, 208–210, 214–216, 218, 219, 222–224, 229, 233–235, 238, 242–245, 247, 249, 252–256, 258–260, 264, 266, 268
 — гоплитское вооружение 11, 205, 208, 209, 211, 218, 219, 231, 232, 236, 238, 240, 249
 — гоплитская паноπлия 204, 205, 209, 215, 233, 241, 249
 — гоплитская реформа 209, 211
 — гоплитская тактика 209, 211
 — гоплитская фаланга 101, 156, 205, 211, 215, 227, 242, 247, 263
 Гортинские законы 87, 146
 государство (спартанское) 9, 10, 17, 22, 23, 25, 27, 35, 36, 39, 40, 44, 48, 53, 54, 75, 78, 79, 81–83, 86, 88, 92, 94, 95, 98, 104, 114, 115, 123, 125, 128, 130–133, 135, 138, 139, 158, 172, 177, 179, 180, 181, 184, 186, 190, 193–195, 197, 245, 249, 250, 260, 270, 271, 281
 гражданин 151, 161, 165, 177, 188, 196, 260
 — гражданское ополчение 79, 245, 259
 — гражданское полноправие 165
 демократия 14, 19, 23, 120, 123, 128, 203, 209, 242, 272–275, 278, 279, 281
 демос (спарт.) 77, 98, 99, 106–108, 111, 113, 118, 120, 121, 204, 209, 214, 241, 243, 244, 277, 278
 диаκрии 244
 диархия 15, 89
 диойкизм 85
 доκимасия 165
 дуальная организация 93–95, 269
 евномия (благозаконие) 10, 95, 98, 108, 109, 111, 114, 116, 120–122, 132, 273
 законы Ликурга (Ликургово законодательство) 6, 7, 9, 10, 15, 23, 26, 28, 96, 103, 112, 140, 142, 177, 261, 263, 270, 276–278
 землевладение (землепользование) 72, 179, 180, 195, 196
 — земельная реформа 259
 — земельный надел 165, 179, 183, 261, 279
 — система землепользования 76, 182, 183
 ила 147, 150, 151, 189
 илотия 32, 80–84, 87
 илоты (гелоты) 25, 30, 31, 53, 63, 72, 76, 79, 80–87, 95, 96, 125–127, 134, 160, 161, 168–170, 184, 197, 259, 260, 262, 263, 266, 267, 269, 279
 имущественный ценз 242
 инициации 93, 126, 137, 144, 157, 164
 ирены 150, 151, 158, 165
 какономия (плохие законы) 10, 95
 календарь 137
 клароты 86, 87
 κлер(ы) 81, 85–87, 182, 195
 колония (колонизация) 69, 75, 76, 77, 117, 133, 241, 246
 кома 67, 72, 102, 132, 166, 268

- конституция 23, 28, 95, 103, 113, 114, 117–120, 123, 128, 141, 210, 263, 271, 273, 274
- корпорации (корпоративные сообщества) 127, 129, 130, 137, 145, 146, 165–168, 171–173, 210, 248, 270
- космос (спартанский) 22, 26, 138, 139, 193, 264, 273, 275
- крестьянство 84, 208, 209, 211, 241, 243, 244, 261, 278
- криптии 82, 83, 96, 124–127, 130, 134, 137, 153, 158, 173, 262, 279
- культурный переворот VI в. 10
- лакедемонская федерация (союз) 15, 73, 77, 85
- лаконофил 19, 20, 25, 162, 176, 186, 187, 272, 273, 277
- лаконофоб 186, 189
- литургии 175, 270
- лох 68, 101, 265–271
— Питанский 265, 268
- лохаг 266
- лучник 219, 235, 244, 256, 259, 260, 264
- Мессенские войны, см. война**
- микенская эпоха 46, 49, 54, 58, 64, 94, 208, 211, 227, 233
- мноиты (мноя) 86, 87
- мора 266–268, 270, 271
- мореплавание 241, 244
- мофаки 159, 160
- мужские союзы 5, 6, 137, 166, 168, 172, 174, 248, 270
- надел (земельный) 86, 165, 179–186, 194–196, 261, 262, 277, 279, 280
- наемник 241, 244
- народное собрание 53, 88, 95, 98, 100, 105–107, 111, 117, 119, 122, 134, 214, 275, 279
- невеста 164, 191, 192
- неодамоды 81, 160, 266, 267
- Никиев мир 81
- номофилаки 159
- оба (ова) 72, 99, 100–104, 109, 113, 114, 117, 120, 132, 151, 268
- обряд (-ы) 93–95, 103, 137, 144, 156, 188
— обрядовый трансвестизм 192
— посвятительные 128, 137, 144, 157, 164, 197
- община 7, 10, 15, 35, 59, 65, 66, 72, 73, 76–79, 82, 86, 89, 91–93, 98, 104, 126, 128, 137, 174, 243
— гражданская (полисная) 7, 10, 15, 78, 145, 146, 151, 157, 166, 167, 174–177, 184, 185, 213, 245, 264, 270, 276, 277, 279, 281
— территориально-родовая 66
- обычай (-и) 24, 25, 28, 29, 32, 34, 36, 61, 82, 92, 126, 135, 136, 138, 141, 147, 157, 163, 164, 166, 172, 186, 190–192, 213
— брачный обычай 25, 192, 194
— древние обычаи 33, 67, 126, 127, 164, 173, 193, 197
— обмена женами 25, 34, 194
— полиандрии 185, 194
— умыкания мальчиков 164
- олигархи 20, 24, 77, 170, 276
- оракул 52, 92, 98, 111–113, 115, 135
Дельфийский оракул 52, 116, 120, 142
- Панэллинская лига** 202
- парфении 87
- педоном 124, 150, 151
- Пелопоннесский союз 78, 85, 201
- пенесты 80
- пентекоста 266, 267
- пентекостер 266
- периеки 40, 48, 53, 63, 73, 76–80, 95, 125, 146, 160, 161, 163, 166, 168, 177, 180, 181, 183, 259, 267–269
— периекские общины 73, 77–79
— периекский полис 68, 76, 77–79, 133, 185, 260
- пехота 203, 240, 266
— легковооруженная 213, 256
— тяжеловооруженная 12, 15, 16, 201, 203, 215, 218, 243, 244
- пехотинец 10, 11, 211, 221, 241, 255
- пиратство 241
- племя Мандинго 172

- погребение (типы погребения) 56, 58, 61, 211
 — трупосожжение 61
 — ящичные могилы 61
- полемарх 244, 266
- полис 5, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 18, 19, 21, 26–29, 31, 32, 35, 59, 66, 67, 73, 76–81, 85, 86, 91, 95, 96, 98, 100, 104, 119, 130, 133, 145, 146, 167, 172, 174–177, 179, 180, 185, 188, 197, 204, 209–215, 238–243, 245, 259, 260, 262–264, 271, 276–281
 — античный 35, 174, 177
 — периекский, см. периеки
- праздник (празднества), см. Гиакинфии
 — Карней 71, 101, 103, 104, 120, 263
- пращники 244, 253, 259
- протогеометрический период 59–61
- рабство 32, 68, 81–83
- реформы (Ликурга), см. законы Ликурга 9
- Римская республика 30, 129, 272
- род 71, 81, 89–91, 143, 164, 174, 209, 210, 232, 244, 246
- семья 15, 81, 86, 101, 129, 179, 184, 186, 193–197
- симмахия 78
- симполития 67
- синойкизм 67, 85, 91, 98, 99, 104
- сисситии (-я) 7, 10, 15, 26, 127, 141, 145, 146, 153, 162, 165–174, 177, 186, 192, 195, 247, 266, 270, 274, 276–278
 — царская 169
- скириты 68, 266, 268
- совет старейшин, см. герусия 88, 117, 129, 276, 279
- спартанское равенство 15, 25, 30, 31, 161, 176, 192, 281
- спартиаты 7, 20, 24, 29–31, 33–35, 39, 48, 53, 63, 76, 77, 79, 81, 83–85, 100, 101, 127, 134, 145, 146, 153, 156–162, 164, 165, 168–171, 173, 174, 176, 177, 179–186, 190, 192–197, 260, 262, 267–270, 276, 277, 279–281
- субмикенский период 59–61
- тайные общества (союзы) 172, 174
- тактика 10, 11, 12, 202, 204, 205, 208, 211, 214, 215, 219, 222, 234, 237, 238, 243, 247, 250, 254, 258, 259, 262, 264
 — ближнего боя 240, 249
 — гомеровская массового сражения 211, 263
 — поединков 239, 240
 — сражения в сомкнутом строю 11, 202, 209, 212, 213, 236, 242
 — сухопутного боя 242
- тактическая организация спартанской армии (тактические единицы) 12, 215, 245, 257, 258
 — см. сисситии 141
 — триакады 141, 247, 266
 — эномотии 141, 247, 266, 267, 269
- темен 79
- территориальный округ 100, 104, 151, 166, 268
- тиран 18, 23, 30, 175, 205, 209–211, 243, 244, 276, 281
- тирания 96, 119, 131, 209, 210, 243, 244
 — Старшая 243
- трапеца 7, 26, 145, 153, 165, 167–171, 173
- фаланга 6, 10, 11, 12, 15, 16, 79, 103, 114, 121, 127, 156, 163, 165, 168, 201, 202, 204, 205, 207–216, 218, 219, 221, 223, 227–234, 236–240, 242–245, 247–258, 260, 262–264
 — глубина построения 12
 — интервалы 11, 12, 229, 242, 255, 257
- фидитии 137, 145, 165, 166, 169, 270
- фила (Гиллеев, Диманов, Памфилов) 70, 90, 91, 99, 100, 101, 103, 104, 109, 113, 114, 117, 145, 166, 181, 183, 246–248, 270
- филобасилей 90
- фратрия (род) 70, 90, 93, 94, 100, 101, 103, 104, 145, 165, 183, 246
- царь, см. диархия 7, 10, 14, 22, 24, 27, 45, 46, 51, 52, 63, 67, 68, 75, 76, 79,

81, 89–91, 94, 95, 98, 99, 105–107, 109, 110, 113, 116, 119, 123, 128, 129, 131, 132, 134–136, 138, 139, 141–143, 169, 170, 186, 188, 196, 275, 276, 279

— царская власть 15, 22, 32, 53, 88, 89, 91, 92, 94, 122, 131, 132, 136, 138, 140, 276, 279

— царская династия 88, 90, 91, 246, 247

шаман 93, 129

экзогамия 93

эмбатерии 74, 251

эномотарх 266

эфебы 34, 92, 93, 137, 147, 149, 153, 156, 158, 159

эфорат 22, 32, 88, 95, 96, 107, 122, 123, 130–133, 135–139, 141, 275, 276, 279

эфоры 10, 15, 22, 77–79, 82, 83, 103, 108, 123, 124, 130–139, 152, 161, 163, 168, 182, 186, 270, 271, 275, 276, 279

— коллегия эфоров 130, 132, 133, 135, 136, 275

Предметный указатель

алабастр 236

арибалл 11

— арибалл Макмиллана 218

— из Берлинского музея 216, 218

— из Лувра 221

— из Перахоры 219, 221, 222

бронза 62, 227, 241

— бронзовая паноупия 231

— бронзовые доспехи 71, 227, 231, 247

ваза Киджи 11, 12, 216, 218, 219, 222, 229, 234, 236, 238, 242, 258

гиметтская амфора 233

железо 5, 53, 55, 56, 61, 241

защитное вооружение

— двухстворчатый бронзовый панцирь 204

— поножи 204, 222, 233, 255

— шлем 204, 208, 219, 222, 224, 228, 231, 253

— щит с двойной рукоятью 204, 211

керамика 49, 58, 59, 61

— лепная 61

— протогеометрическая 61

— субмикенская 64

копья 11, 12, 53, 74, 188, 216, 219, 222, 224, 228, 229, 234–240, 242, 249, 253, 254, 258, 259

коринфский шлем 204, 216, 233, 234

лук 61, 136, 239, 244, 256, 259

медь 241

наконечники

— копий 53, 241

— стрел 55, 241

наступательное оружие

— дротики 11, 235–239, 242, 249, 253, 256, 259

— копье(-я) 11, 12, 53, 74, 188, 216, 219, 222, 224, 228, 229, 234–240, 242, 249, 253, 254, 258

— меч 56, 126, 222, 224, 229, 233, 239, 253

— стрелы 55, 242, 253, 254

олово 241

ольпа, см. ваза Киджи 11

оружие

— ближнего боя и дальнего боя 12, 238, 256

— метательное 11, 12, 234, 237–239, 241, 249, 254, 256

фибулы 48, 61

щит

— дипилонский 219, 222, 224

— круглый 39, 204, 211, 216, 219, 222, 224, 231

Этно-географический указатель

- Австралия 34
 Азина 77
 Азия (юго-вост.) 35
 — Малая Азия 44, 56, 74
 Акрии 78
 албанцы 62
 Америка 34, 83, 93
 — Северная Америка 93, 128, 129, 172
 Амиклы 63, 64, 66, 69–71, 101–103
 Амфиполь 201
 Арголида 46, 53, 54, 59, 61, 62, 67, 77, 78, 245, 250
 Аргос
 — город 59, 230
 — дорийское государство 52, 68, 71, 73, 75–77, 130, 192, 201, 202, 205, 208, 231, 245, 250, 258
 Аркадия 41, 52, 62, 63, 67, 68, 76, 125, 143
 Аттика 54, 59, 201, 244, 245
 Афины 14, 19, 20, 21, 23, 24, 55, 57, 58, 61, 74, 83, 89, 90, 100, 150, 191, 196, 210, 231, 243, 245, 281
 Африка 34, 35, 157, 172, 174, 189, 201
 — Восточная Африка 128, 189
 — Центральная Африка 172
 Ахайя 54, 64
 ахейцы 45, 53, 55, 62, 64, 65, 80, 84, 90, 231
- Бабика и Кнакион 106, 113, 115, 117
 Беотия 54, 59, 65, 70
- валахи 62
- Гелос 63, 70–72, 80, 81, 83, 85
 Гераклея 133
 Геронтры 69, 71, 73, 76
 Гисии 250
 Гифей 78
 Гортина 195
 Греция 5, 6, 8, 9, 14–19, 21, 23–25, 27, 28, 31, 36, 41, 46, 52, 55–59, 61, 62, 75, 94, 97, 129, 133, 139, 142, 143, 170, 171, 175, 185, 196, 201–203, 209, 211, 213, 215, 227, 232, 233, 239, 241, 245, 248, 260, 262, 263, 273, 276, 278, 279
 — Средняя Греция 52, 54, 57–59, 204
 — Южная Греция 59, 61, 130
- Дельфы 112–114, 116, 134, 140, 141
 додорийское население 64
 дорийско-ахейское население 77
 дорийцы 15, 31, 35, 36, 45, 49, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 61–63, 65, 77, 83, 84–86, 89, 94–96, 98, 130, 143, 164, 183
 — дорийские общины 15, 65, 66
 — дорийские поселения 64, 76, 246
 — дорийское переселение («завоевание») 15, 54, 62, 80, 83, 133
 Дрерос 97, 120
- Еврот 17, 36, 40, 41, 44, 45, 48, 59, 63, 64, 66, 68, 70, 72, 84, 91, 153
 Египет 140, 141
- зулусы 189
- индейские племена Сев. Америки 93
 Иолк 59
 Иран 171
 Италия 44, 71, 73, 76, 94
 Ифома 248
- йорубы (государство йорубов) 172
- Калаврия (Калаврийская амфикифия) 78
 Каллиста, см. Фера, о-в 246
 Камерун 172
 Карист 68
 Киносура 64, 66, 91, 92, 103, 268
 Кинурия 62, 67, 68, 70–73, 103, 250
 Кипр (Керинья, Лакедемон, Лапаф) 18, 20, 27, 33, 39, 45, 46, 48, 52, 64, 78, 79, 89, 95, 196, 246
 Кирена 133

- Коринф 19, 59, 75, 76, 130, 202, 208, 219, 244, 245
Крит 5, 6, 26, 32, 44, 86, 87, 111, 120, 129, 130, 136, 140–142, 146, 151, 153, 157, 164, 169, 170, 173, 175, 204, 231, 271
— критские могилы 233
— критяне 228
Лакония (Лакедемон) 15, 39, 41, 42, 44, 46, 48, 49, 52–54, 59, 61–73, 75–80, 83–86, 89, 94, 95, 121, 133, 136, 183, 184, 245, 246, 249, 250
Левктры 201
Лелантская равнина 239
Лемнос 65
Лепрея 81
Лимны 64, 66, 91, 92, 101, 103, 268
Малея 41, 44, 63, 70–73
Мантинея 85, 123, 266–268
масаи 189
Меланезия 34, 93, 171, 172
Месоа 64, 66, 91, 101–103, 268
Мессения 15, 39, 52–54, 59, 65, 66, 71–77, 79, 80, 84, 87, 121, 125, 133, 139, 183, 184, 246, 248, 250, 251, 259, 281
мессенцы 74–76, 80, 247, 248, 251
Мефона 77
Микены 46, 52, 54–58
— микенская культура 56, 59, 64
— микенская цитадель 53, 54, 56, 57, 59
— микенское государство 54, 57, 58
минии 65, 70, 91
минойцы 86
Навплий 77
Олимпия 135, 208, 234
Орхомен 65
Парагвай 171
Парнон 40, 48, 62, 72
Патры 64
пеласги 65
Пеллена 68
Перахора 219, 221, 222
Питана 66, 101, 103
Платей 17, 19, 201, 202, 251, 265, 267
Пресос 231
Рим 6, 28, 94, 115, 129, 133, 161, 187, 209
римляне 28, 34, 73, 89
Саламин 123
Самос 76, 231, 244
Селласия 68
Сибирь 93
Сикион 75, 202, 208
Скиритида 62, 67, 68, 71, 73
скириты 68, 266, 268
Сфактерия 170, 185, 249, 268
Сьерра-Леоне 172
Таврида 92
Тайгет 40, 44, 48, 63, 65, 72, 73
Тарент 76, 133, 190
Тенар 41, 63, 64, 71, 73
Терапны 48, 54, 64
троянцы 45, 51, 227, 229
Фарис 66, 69
Фасос 231
Фера, о-в 65, 105, 133
Фермопилы 7, 17, 30, 123, 163, 202, 251
фессалийцы 80
Фивы (Беот.) 70, 246, 248
Фиреатида, см. Кинурия 250
Фирея 77
Фракия 266
Халкида 238
Хиос 140, 141
Эвбея 239, 245, 249
Эгис 68, 71, 73
Эгитида 67, 68, 71, 73
Элида 81
Эон 68
Эретрия 238

SUMMARY

The Spartan Experiment: Society and Army of Sparta

by Yuriy V. Andreev

The monograph deals with key problems of the history of Sparta in the most ancient times of its existence. Although the Spartan themes always were and continued to be very popular in foreign scholarly literature, in Russian historiography they have been worked out to a lesser degree. The author of this book, the outstanding Russian expert in Classical studies Yu. V. Andreev (1937–1998), was a pioneer of domestic studies in the field of Spartan history and culture. He wrote a number of articles concerning this topic and one of just a few Russian-language monographs about Sparta (*Archaic Sparta: Art and Politics*. St. Petersburg, 2008). In Part I («The formation of the Spartan state») of the present work considered are the factors that had led to the formation of this so specific and enigmatic Greek polis. Besides, examined in detail are the state system of Sparta and its legislative foundation, as well as peculiarities of the civil community structure. In particular, special attention is paid to the interpretation of the text of the Great Rhetra — a kind of the archaic Spartan «constitution» — as it is in Plutarch's biography of the legendary Spartan law-giver, Lycurgus (ch. VI). The Rhetra, which granted broader authority to the Spartan damos (the common citizens) in the case of decision-making at the people's assembly meetings, seems to have come to light ca. 750 B.C. This important reform can be regarded as one of the first major achievements of Greek democracy. In addition, in Part I studied are paramount institutions of the polis authority (kings and ephors), various structures of the Spartan community (agelas and syssitia), forms of ownership, and the status of women, family and marriage in the Spartan society.

In Part II («The Spartan phalanx: its origin and role in the development of the Spartan society») analyzed is all the range of issues related to the organization and functioning of the army that was not only the strongest one in ancient Greece, but also the most important implement of the Spartan governing body to realize its goals in both foreign and internal policies. The archaeological material uncovered in the sanctuary of Artemis Orthia gives grounds to suppose that the formation of the hoplite phalanx in its classical version had to be completed in Sparta in the 6th century B.C. (perhaps within its first half). The example of Archaic-age Sparta demonstrates very clearly that a correlation of two processes — the formation of the polis and the development of the phalanx — was substantially mutual. The hoplite army with its particular principles of strategy and tactics was able to come into being solely under conditions of the polis state. But in the course of its development process such an army had to become a considerable political factor exerting a mighty backward influence on the polis «maternal womb» that had given birth to it. In other words, the Spartan order (kosmos) may be equally evaluated as the main precondition for the origination of the phalanx and as its product.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. П. Никонов, А. А. Сеницын. Предисловие</i>	5
<i>Ю. В. Виноградов. О книге Ю. В. Андреева «Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты»</i>	14
Введение	17

Часть I

СТАНОВЛЕНИЕ СПАРТАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1. Древнейшая Спарта. От похищения Елены Прекрасной до возвращения Гераклидов	39
Глава 2. Объединение Лаконии и Мессении под властью Спарты	66
Глава 3. Государственный строй древнейшей Спарты	88
1. Вопрос о происхождении спартанской диархии	88
2. «Конституция» архаической Спарты (Интерпретация «Большой ретры» в Plut. Lys. VI)	95
3. Другие элементы государственного устройства древнейшей Спарты. Всадники и эфорат	122
Глава 4. Гражданская община Спарты	145
1. Агелы и сисситии	145
2. Формы собственности	176
3. Положение женщины, семья и брак в спартанском обществе	186

Часть II

СПАРТАНСКАЯ ФАЛАНГА: ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СПАРТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 1. Некоторые общие замечания по проблеме происхождения греческой фаланги.	203
Глава 2. Зарождение фаланги в архаической Спарте	245
Глава 3. Заметки по истории спартанской военной организации в V—IV вв. до н. э.	265
Заключение. Спартанский эксперимент: «Община равных» или тоталитарное государство?	272
Литература	282
Список сокращений	287
Список иллюстраций (Сост. Л. В. Шадричева)	288
Указатели: Источники (291); Указатель античных имен, исторических и мифологических (292); Указатель понятий и терминов (294); Предметный указатель (298); Этно-географический указатель (299) (Сост. Л. В. Шадричева)	291
Summary	301